

Борис Николаевский • ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ •

Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО
ПРЕДАТЕЛЯ

Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ

ТЕРРОРИСТЫ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПОЛИЦИЯ

Москва
«Высшая школа» 1991

ББК 63.3(2)
Н63

Рецензент:

д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. Ин-та истории СССР
АН СССР *Н. М. Пирумова*

Текст печатается по изданию: *Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция.* — N.-Y.: Russica Publishers, Inc., 1980

Николаевский Б. Н.

Н63 История одного предателя: Науч.-попул./Вступ. ст., коммент. В. М. Шевырина. — М.: Высш. шк., 1991. — 368 с.

ISBN 5-06-002482-2

В книге рассказывается о «великом провокаторе» XX в. — Азефе, деятельность которого стала классическим примером политической провокации. Е. Ф. Азеф более 15 лет был тайным полицейским агентом и в то же время свыше 5 лет руководил Боевой организацией эсеров. Книга (впервые опубликована за рубежом в 1932 г. и неоднократно переиздавалась там) написана в увлекательной форме и содержит малоизвестные у нас факты о политической жизни России начала XX в., в ней действуют реальные исторические лица — Николай II, С. Ю. Витте, В. К. Плеве, П. А. Столыпин, С. В. Зубатов, Б. В. Савинков, В. М. Чернов и др.

Автор книги — Б. И. Николаевский (после Октябрьской революции эмигрант) — один из наиболее авторитетных за рубежом специалистов по истории России.

Н $\frac{050300000-267}{001(01)-91}$ КБ-39-3-90

ББК 63.3(2)

9(С)

ISBN 5-06-002482-2 © В. М. Шевырин, вступительная статья, комментарии, 1991

© А. А. Гейфман, приложение, 1991

Б. И. Николаевский и «герой» его книги

Наверное, каждый, кому попадет на глаза эта книга, захочет взять ее в руки, полистать: интригует уже ее название. А дальше от нее не оторваться — так захватывает этот, в сущности, политический детектив, поистине фантазмагорическая биография ее «героя» — Е. Азефа, само имя которого стало классическим примером и синонимом провокации.

Многие годы он одновременно был агентом царской полиции и руководителем крупнейшей в мире террористической организации (Боевой организации эсеров), на счету которой убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича и ряд других акций, имевших большой резонанс далеко за пределами Российской империи.

Вызывает удивление продолжительность провокааторской деятельности Азефа уже потому, что у многих людей при первом взгляде на него являлась мысль: «Это — провокатор!» По словам финского социалиста К. Циллиакуса, когда Азеф приехал в Финляндию (1904), он произвел на него отвратительное, отталкивающее впечатление: круглый, шарообразный череп, выдающиеся скулы, плоский нос, невообразимо грубые губы, которых не могли прикрыть скудно взращенные усы, мясистые щеки, расширяющееся от нижней части лба лицо — все это не располагало в пользу «таинственного» незнакомца Ивана Николаевича (Азефа. — *В. Ш.*). Те, кто снабдил Азефа рекомендательным письмом, очевидно, имели в виду возможность неблагоприятного личного впечатления. По крайней мере, в письме писалось: «Не цени собаку по ее шерсти», — и тут же Азеф рекомендовался как «выдающийся член партии». Впоследствии член ЦК партии социалистов-революционеров, ее теоретик

В. М. Чернов не отрицал, что Азеф производил на многих иногда тяжелое впечатление¹.

Жена писателя И. А. Бунина В. Н. Муромцева-Бунина точно подметила: «Люди подполья определяют свое отношение к товарищам по их высказываниям и поступкам и не чувствуют фальши в их проповедях и действиях».

Нам рассказывали, что когда однажды Азеф пришел в семью известного революционера, то нянька доложила: «Барыня, к вам провокатор пришел!» — чем и вызвала общий смех. А у нее было, конечно, художественное восприятие, какое нередко встречается в народе, и она сразу почувствовала, что этот Иван Николаевич дурной человек, а так как среди революционеров самым дурным считается провокатор, то она его так и определила»².

В 1909 г. весь мир был потрясен сенсацией: Азеф — провокатор. Уличил его «в самом злостном провокаторстве, небывалом в летописях русского освободительного движения»³ известный «охотник» за провокаторами в России В. Л. Бурцев. Он полагался не на «художественное восприятие», а на факты предательства Азефа. Но и в этом случае, как то бывало не раз, Азеф рассчитывал выкрутиться. Он надеялся, что В. Л. Бурцеву никто не поверит и «он останется единственным маниаком»⁴. И, возможно, Азеф еще долго не был бы раскрыт, если бы от него не отступился его бывший шеф — директор Департамента полиции А. А. Лопухин.

С тех пор феномен Азефа — в поле зрения многих публицистов и исследователей. Естественно, что пальма первенства здесь долго принадлежала отечественным специалистам. Но с конца 20-х годов тема провокации, в том числе «дело Азефа», как, впрочем, и многое другое в истории России, становится своего рода «табу» для ученых.

Неудивительно, что книга, автор которой с поразительной точностью воспроизвел извилистый и темный жизненный путь Азефа, появилась в 1932 г. за рубежом. Написана она в научно-популярном жанре, увлекательно и ярко. Советским читателям книга практически не

¹ См.: *Бурцев В. В погоне за провокаторами*. М., 1989. С. 136.

² *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. М., 1989. С. 96.

³ ЦГАОР СССР, ф. 5802, оп. 2, д. 271.

⁴ *Бурцев В. В погоне за провокаторами*. С. 128.

известна, и если бы не перестройка, с ее новым мышлением, она едва ли оказалась бы сейчас перед вами.

Дело в том, что трагедия репрессий в 30-е годы рикошетом ударила и по Б. И. Николаевскому (1887—1966): в 1932 г. он был лишен советского гражданства. Но автора книги «добивали» уже морально — «достать» его сталинские «органы» не могли, поскольку он уже 10 лет жил за границей, куда был выслан после года «отсидки» в Бутырской тюрьме: он являлся членом ЦК меньшевистской партии и открыто протестовал против жестокого подавления Тамбовского и Кронштадтского восстаний (1920, 1921).

Б. И. Николаевский прожил удивительно интересную и яркую жизнь; он знал многих выдающихся людей своего времени, сам оставил заметный след в истории нашей страны. Родился он в уральской глуши в семье священника. Рано, уже в гимназические годы, Борис Николаевский вступил в революционное движение, стал социал-демократом, видным меньшевиком, разделявшим, однако, ряд важных положений большевиков (их подход к решению аграрного и национального вопросов и др.). Активно участвовал в революции 1905—1907 гг., десять лет провел в царской тюрьме и в ссылках. Любопытный штрих: одна из его встреч со Сталиным произошла как раз в тюрьме (пересыльной), где Иосиф Джугашвили попросил у Б. И. Николаевского чайник, и тот великодушно презентовал будущему диктатору столь и самому нужную вещь. Впрочем, Б. И. Николаевский никогда не жалел «кипятка» для И. В., который, вероятно, очень «обжигался», когда читал критические статьи Б. И. Николаевского в «Социалистическом вестнике» о тоталитарном режиме Сталина. Но это было уже в 30-е годы, а в 1917 г. они оба вошли в состав ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

В годы гражданской войны Б. И. Николаевский призывал меньшевиков к совместной с большевиками борьбе против Колчака. В это же время он всерьез занимался изучением отечественной истории, преимущественно революционного прошлого России.

История интересовала его еще со школьной поры. Но только с 1917 г., со времени работы в исторической комиссии, возглавляемой П. Е. Щеголевым (Б. И. Николаевский входил в нее в качестве представителя от ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов), в нем

блистательно проявилась «божья искра» — талант ученого-историка, организатора науки. С присущей ему энергией он взялся за налаживание архивного дела в стране, за исследование российского освободительного движения. В его научной работе счастливо сочетались публицистический дар (он блестяще владел пером уже в молодые годы), призвание историка, организаторские способности и опыт революционной, политической деятельности. Этот «сплав» сказался и на выборе тем, и их глубокой разработке, и в прекрасном литературном оформлении его научных изысканий.

В 1922 г., оказавшись не по своей воле за рубежом, Б. И. Николаевский работает в сфере исторической науки, часто выступая с публикациями на страницах советских исторических журналов. Кроме того, он явился одним из основателей в Берлине журнала «Летопись революции» и одноименной издательской серии мемуаров. В 1924 г. он становится официальным представителем Института К. Маркса и Ф. Энгельса в Берлине и неутомимо собирает для этого института документы по истории международного рабочего движения, разъезжая с этой целью по странам Европы. Так он работал вплоть до 1931 г. — до ареста Д. Б. Рязанова — директора Института Маркса и Энгельса и слияния этого учреждения с Институтом Ленина.

Когда тень фашизма пала на Германию, Б. И. Николаевский вывез, спасая от гитлеровцев, ценный архив Германской социал-демократической партии в Голландию, в Международный институт социальной истории в Амстердаме. Сам он стал директором крупнейшего отделения этого института в Париже.

Здесь, в столице Франции, ему было суждено стать, вероятно, последним интимным собеседником Н. И. Бухарина, который вел с ним откровенные разговоры на политические темы (о внутривнутрипартийных отношениях, о закулисной стороне деятельности Сталина, о начавшем набирать обороты маховике массовых репрессий и др.). Для таких бесед Н. И. Бухарин выбрал Б. И. Николаевского, видимо, потому, что он был марксистский историк, известный архивист и к тому же родственник А. И. Рыкова — сестра А. И. Рыкова была замужем за братом Б. И. Николаевского Владимиром. (Позже и А. И. Рыков, и В. И. Николаевский пали жертвами сталинского геноцида.) Итогом этих бесед явилось опубли-

кованное Б. И. Николаевским знаменитое «Письмо старого большевика».

Б. И. Николаевский и до встречи с Бухариным, а после нее особенно, следил за событиями в СССР (ему до конца жизни был свойствен неистощимый интерес ко всему, что происходило на родине), давал им оценку в своих многочисленных статьях. Он оказался одним из первых, кто подверг тщательному анализу феномен сталинизма, резко осудил насильственную коллективизацию, сталинские репрессии, выступал за демократическое решение встававших перед страной проблем. И за границей он не прекращал борьбы за демократию, за права человека. С этой целью он и основал «Лигу борьбы за народные свободы».

Б. И. Николаевский ненавидел фашизм и как мог боролся с ним. У гитлеровцев были с Николаевским особые счеты, и не только потому, что буквально из-под самого носа у них он вывез архив Германской социал-демократической партии, но и потому, что в 1934—1935 гг. не оставил камня на камне в своей критике «Протоколов сионских мудрецов», со всей очевидностью доказав, что эти протоколы — фальшивка, используемая фашистами для преследования евреев. Когда гитлеровцы вошли в Париж, они бросились искать Б. И. Николаевского: шла настоящая охота на него. Но «коричневые» остались ни с чем: Николаевскому удалось выехать в США и спасти наиболее ценное из архивной коллекции документов.

С тех пор и до самой своей смерти (в 1966 г.) он жил и работал в этой стране. Его творческое наследие огромно. Оно включает, если судить по списку, составленному А. М. Бургиной — вдовой Б. И. Николаевского, более 500 работ. Среди них монографии, статьи, сборники документов, опубликованные более чем на 10 языках мира.

Б. И. Николаевский имел высокую научную репутацию. «Мы все его ученики», — писал за год до его смерти известный американский историк Л. Фишер. Эту же мысль подчеркнул в 1966 г. и современный политолог Р. Такер, когда отмечал, что для многих англо-американских ученых «Николаевский был и остается в полном смысле слова наставником», а его труды являются для них своего рода эталоном научного исследования. Маститый американский историк Дж. Кеннан писал, что

благодаря Б. И. Николаевскому интерес к русской истории в США значительно возрос, а исследования специалистов стали глубже и серьезнее. В 1972 г. в США в честь Б. И. Николаевского был издан сборник статей известных ученых. Зарубежные специалисты единодушно свидетельствуют о его «энциклопедических знаниях» и исключительно глубоком «понимании событий в России», об уникальном даре архивиста, благодаря которому «только он мог» решить «безнадежные исторические загадки».

Б. И. Николаевский хорошо понимал значение документов минувших десятилетий для изучения истории России и неустанно собирал их. В Гуверовском институте в Стэнфорде хранится поистине уникальное собрание таких исторических материалов — коллекция Б. И. Николаевского (более 250 фондов).

Первой его книгой было исследование об Азефе, без чего, считал Николаевский, нельзя «понять много в истории первой русской революции — революции 1905 и последующих годов». Это мнение авторитетно не только потому, что принадлежит специалисту высокого класса, но и активному участнику этой революции. Б. И. Николаевский сделал «героем» своей книги Азефа главным образом потому, что провокация сложилась в царской России «в стройную законченную систему», давшую миру «дело Азефа», которому суждено было войти в историю «в качестве классического примера провокации вообще».

Б. И. Николаевский здесь абсолютно прав. В 1909 г., когда запрос об Азефе обсуждался (по горячим следам событий!) в Государственной думе, с ее трибуны часто звучали речи, смысл которых четко выразил один из депутатов — профессор О. Я. Пергамент: «Нет ни одного уголовного процесса на политической почве, в котором не присутствовал бы и не играл бы своей роли провокатор... Провокация Азефа отличается от других только тем, что она более красочна и по составу убивающих, и по составу лиц убиваемых. Но она решительно по принципу ничем не отличается от всех обыкновенных политических провокаций, которые есть альфа и омега нашего политического управления»⁵.

⁵ *Мякотин В.* Революция и провокация/Русское богатство. СПб., 1909. № 3. С. 174.

По неполным подсчетам, в различных политических партиях и организациях имелось около 6,5 тыс. провокаторов и других работников политического сыска самодержавия⁶. В революционных партиях создавались специальные комиссии по борьбе с провокацией, и эта борьба была одной из важнейших составных частей нелегальной партийной работы.

«Взяться» за описание жизни Азефа побудила Б. И. Николаевского работа в комиссии П. Е. Щеголева над архивными материалами Департамента полиции. Не исключено, что на выбор темы повлиял и сам П. Е. Щеголев, уделявший много внимания изучению дела Азефа и даже написавший в соавторстве с А. Н. Толстым пьесу «Азеф». Б. И. Николаевский работал над своей книгой несколько лет, о чем свидетельствуют уже тот «подготовительный материал», который был напечатан в виде статей и публикаций в ряде журналов, и брошюра «Конец Азефа», изданная в Ленинграде в 1926 г. Любопытно, что эту книгу читал в рукописи (1925) М. Горький, который хорошо знал Б. И. Николаевского: их связывала совместная литературно-издательская деятельность.

М. Горький в связи с чтением рукописи «Конец Азефа» отмечал: «Это совершенно ужасающая история... ошеломлен ею до отупения и, точно на кол посажен, все эти дни думаю о «великом провокаторе»...»⁷ Как сообщает советский ученый И. С. Зильберштейн, Горький написал предисловие к этой брошюре, которое не было, однако, напечатано, так как автор брошюры «политически разошелся с Горьким» (хранится в Гуверовском институте: Стэнфордский университет, США)⁸. Горький вновь в 1925 г. переживал то, что так поразило его в 1909 г. Получив сообщение от Е. П. Пешковой о том, что Азеф — предатель, Горький 15 января 1909 г. отвечал ей: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами... впечатление оглушающее. Что же делать с такими людьми? Ведь они гаже палачей». Горький просил Пешкову присылать «все данные по делу прово-

⁶ См.: Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М., 1990. С. 7.

⁷ Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 860.

⁸ Там же.

катора, как только они появятся». Сохранилось свидетельство Е. П. Пешковой о том, что М. Горький после разоблачения Азефа собирал материалы для задуманной им книги «Провокатор»⁹.

Б. И. Николаевский начал работу над «азефовской» темой позже М. Горького, но не оставил ее на полдороге, а корпел над ней постоянно и многие годы. Он изучил литературу и документы об Азефе, встречался с людьми, лично знавшими провокатора, осмысливал провокацию как явление. Осенью 1931 г. «История одного предателя» была закончена.

Даже спустя многие десятилетия после первой публикации книги она ценится за рубежом достаточно высоко: переиздается (последнее издание — 1980 г.), аттестуется как «классическое» исследование, как лучшая из когда-либо написанных работ об Азефе. И это не преувеличение. В основе ее ценные архивные документы, записи бесед с участниками событий, их мемуары и т. п. — все это органически вплетено в ткань произведения и создает поистине стереоскопическое, объемное видение зловещей фигуры Азефа, а с ним и очертания всего гигантского айсберга провокации в России.

Такого впечатления не портят отдельные лакуны в изложении биографии Азефа. Это относится, например, к его деятельности в 1905 г., когда он надолго исчез из поля зрения Департамента полиции, его «деятельному участию в обсуждении планов Московского, Выборгского (Свеаборгского. — В. Ш.) и Кронштадтского восстаний»¹⁰.

Книга необычайно «населена». История приобретает в ней живой, конкретный облик. Перед читателем проходит целая галерея асов и высших чинов политического сыска романовской России, вся полицейско-бюрократическая рать: С. В. Зубатов, А. А. Лопухин, П. И. Рачковский, А. В. Герасимов и другие, показываются их ведомственные интриги, приемы и методы работы.

«Освещены» и высшие коридоры власти, вершители судеб страны: Николай II, С. Ю. Витте, В. К. Плеве, П. А. Столыпин, сделавшие крупную ставку в борьбе с революцией на Департамент полиции, на его тайных агентов.

⁹ См.: Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 845

¹⁰ЦГАОР СССР, ф. 5802, оп. 2, д. 271, л. 24.

Ярко и порой в необычном «повороте» выполнены портреты террористов, видных эсеров: Г. А. Гершуни, Б. В. Савинкова, В. М. Чернова, М. Р. Гоца, М. А. Нансона и многих других...

Вместе с тем при изображении некоторых персонажей Б. И. Николаевскому не хватает документальности, четкости. Так, целую главу он посвящает «измене Гапона». Но «дело Гапона» в книге высвечивается, по сути, одним «лучом» — мемуарами П. М. Рутенберга, в то время как уже в 20-х годах отмечалось (Л. Гуревич, Л. Дейчем и рядом других авторов), что эти воспоминания из-за их субъективности следует воспринимать весьма критически. В современной историографии приводятся аргументы против традиционного представления о Гапоне как «provокаторе», в несколько ином ракурсе освещаются также личность С. В. Зубатова и его политическая деятельность, особенно его курс в рабочем вопросе.

Спорна оценка Б. И. Николаевского мотивов, которыми руководствовался А. А. Лопухин, «отдавая» Азефа В. Л. Бурцеву. Представляется, что главную причину своего отношения к Азефу А. А. Лопухин назвал в разговоре с начальником петербургской охраны А. В. Герасимовым: «Вся жизнь этого человека — сплошные ложь и предательство. Революционеров Азеф предавал нам, а нас — революционерам. Пора уже положить конец этой преступной двойной игре»¹¹.

Среди всего этого сонма портретов представителей противоборствовавших сторон центральный портрет — Азефа. Его биография без такого «блестящего» окружения была бы не столь впечатляющей, хотя он и не принадлежал ни к одной из этих сторон. Азеф был хамелеоном, инстинкт самосохранения которого был равен его безмерному страху перед грядущим возмездием за двойное предательство, но он продолжал работать (корысть, жажда «роскошной» жизни, азарт «великого провокатора»?).

«Великим» Азефа называли многие историки и публицисты до Б. И. Николаевского. В 1923 г. была даже издана книга, которая так и называлась: «Великий провокатор» (Лучинская А. В. Великий провокатор. М., Пг., 1923). Порой современники усматривали в Азефе и «ве-

¹¹ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 133—134.

личайшего провокатора». Казалось, эту оценку должен был бы учитывать и Б. И. Николаевский. Он ее и учитывал, но не разделял. Ведь и сторонники «версии» о «великом провокаторстве» Азефа отнюдь не витали в высоких эмпиреях, а тоже «пили из реки по имени факт». Известно, например, что прекрасные характеристики давали Азефу руководители столь разных, диаметрально противоположных ведомств, как, например, Департамента полиции и Боевой организации эсеров, ЦК ПСР.

Полицейский генерал А. В. Герасимов писал, что «именно Азеф дал мне настоящее знание революционного подполья... Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора огромны»¹². За эти «заслуги» он «положил» Азефу беспрецедентный в анналах российской полиции оклад — 1000 рублей в месяц. Для сравнения: царский министр получал 600 рублей. А. В. Герасимов считал Азефа своим «лучшим сотрудником» и берег его, как зеницу ока. Боялся потерять Азефа как сексота и начальник заграничной агентуры Департамента полиции в 1902—1905 гг. Л. А. Ратаев. Брал Азефа под защиту и председатель Совета министров П. А. Столыпин.

И у другой стороны, у эсеров, авторитет Азефа был столь же высок и столь же непоколебим. Так, например, в 1908 г., когда в погоне за провокаторами их «гроза» В. Л. Бурцев настиг Азефа, обвинил его перед руководителями партии в предательстве, то почти все они, в сущности, солидаризировались с мнением Б. В. Савинкова об Азефе: «Я знал Азефа за человека большой воли, сильного практического ума и крупного организаторского таланта. Я видел его на работе. Я видел его неуклонную последовательность в революционном действии, его преданность революции, его спокойное мужество террориста, наконец, его тщательно скрываемую нежность к семье. В моих глазах он был даровитым и опытным революционером и твердым и решительным человеком. Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с ним. Так думали люди, по характеру и темпераменту. очень разные, доверчивые и скептики, старые революционеры и юноши»¹³.

В. Л. Бурцев приводит в своих воспоминаниях филипп-

¹² Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 144, 142.

¹³ Савинков Борис. Избранное. М., 1990. С. 270.

пику Б. В. Савинкова в защиту Азефа и свой ответ на нее: «Я обращаюсь к вам, Владимир Львович, как к историку русского освободительного движения, и прошу вас после всего, что вам мы рассказали здесь о деятельности Азефа, сказать нам совершенно откровенно, есть ли в истории русского освободительного движения, где были Гершуни, Желябовы, Сазоновы (правильно — Сононов. — В. Ш.), и в освободительном движении других стран более блестящее имя, чем имя Азефа?»

«Нет, — отвечал я. — Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, как Азефа. Его имя и его деятельность более блестящи, чем имена и деятельность Желябова, Сазонова, Гершуни, но только... под одним условием, если он — честный революционер. Но я убежден, что он — провокатор, агент полиции и величайший негодяй!»¹⁴

И даже тогда, когда судебно-следственная комиссия ЦК партии, созданная по делу Азефа, обнародовала факты, доказывавшие его предательство, многие эсеры не могли поверить в измену своего кумира: так высоко он стоял — и в такую бездну пал.

Для В. Л. Бурцева это дело было настолько большим и крепким «орешком», что сама его жизнь висела на волоске: если бы он не сумел доказать факта провокации, то пустил бы себе пулю в лоб.

Б. И. Николаевский и начинает книгу с драматического эпизода, оказавшегося роковым для двойной игры Азефа: с мощной, психологически хорошо подготовленной «атаки» Бурцева в купе поезда на А. А. Лопухина, признавшего в ходе многочасового разговора факт работы Азефа в качестве тайного полицейского агента. Бурцев, хотя гордился этой победой, но и жестоко страдал: слишком велики были издержки разоблачения предателя для партии эсеров, впавшей в депрессивно-шоковое состояние. Начав биографию Азефа как бы с конца, Б. И. Николаевский, таким образом, отдает дань мужеству Бурцева, доведшего дело до завершения, и в то же время разворачивает необыкновенно острый сюжет, заинтересовывая читателя, с тем чтобы в последующих главах раскрыть жизнь Азефа — этого двуликого Януса — во всех ее ипостасях: с самого его рождения и до последнего пристанища на берлинском кладбище.

¹⁴ Бурцев В. В погоне за провокаторами. С. 144.

Автор книги не находит в Азефе ничего, что говорило бы о нем как о крупной или сколько-нибудь значительной личности. Не был он «великим» и как провокатор. Геростратовски известный в таком амплуа Азеф, по мнению Б. И. Николаевского, явно не тянет в «гении» провокации. Его «успехи» — быстрое продвижение по служебной лестнице в Департаменте полиции, с одной стороны, и удачи Боевой организации в проведении ряда террористических актов против высших царских сановников — с другой, во многом были обусловлены внешними обстоятельствами, порой совершенно не зависящими от него. Кроме того, считал Б. И. Николаевский, Азеф был лишь практиком террора, а его теоретиком и стратегом — М. Р. Гоц. Многие конкретные предложения шли «снизу» — от боевиков. Азеф «умело» разрабатывал и «оформлял» этот «сырой материал». Но и в самой организации террористических актов, чем непосредственно занимался и чем прославился Азеф, было множество всяких «накладок» и срывов. Нередко только чрезмерное доверие полиции к Азефу, некомпетентность и халатность ряда ее руководителей спасали «дело» от неминуемого провала. Удачные же покушения шли Азефу в революционный «зачет» и вознесли его авторитет в партии на высочайший пьедестал, на котором он был выше всякой критики и подозрений. Б. И. Николаевский пишет о легенде, сложившейся в среде эсеров об Азефе, которые считали его чуть ли не боевиком-суперменом. Впервые в своей книге автор последовательно, на обширном материале развенчивает эту легенду.

Констатируя, что «король-то голый», Б. И. Николаевский, думается, несколько преуменьшил организаторские способности Азефа, его деловые качества и поразительную изворотливость, благодаря которой он выходил из, казалось бы, безнадежных, тупиковых ситуаций. В книге живописно изображается, как Азеф обводил вокруг пальца А. А. Лопухина, Л. А. Ратаева и некоторых других иерархов Департамента полиции. Но если Азеф был, по мнению Б. И. Николаевского, человеком ординарных способностей, то те, кого он дурачил, и во все уж кажутся порой простофилями, хотя в действительности они никогда таковыми не являлись. Несомненно, что главная причина удач Азефа в том, что сама полиция была без него как без рук. И вот это Николаевский описывает превосходно. Но ведь и сам Азеф сде-

лал немало для того, чтобы он стал необходим и обер-сыщикам, и эсеровскому ЦК. Конечно, на многое в деятельности Азефа полиция сознательно закрывала глаза из-за боязни, что в случае его разоблачения в ее недрах откроется грандиозная «панама» — всплывет вся грязь провокации. Однако не этим страхом, а «полезностью» для нее агента определялось ее отношение к нему. Политическому сыску необходима была информация Азефа — нередко туманная, с очевидными купюрами и недомолвками, она все-таки наиболее полно, «изнутри» освещала состояние «боевого» дела. Более того, чтобы иметь хорошего осведомителя в революционном стане, полиция или стимулировала его революционную карьеру, или по крайней мере старалась не мешать ей. Подоплеку всей политики Департамента полиции в отношении провокаторов и провокации четко выразил бывший директор этого учреждения М. И. Трусевич: «Если бы какому-нибудь строю пришлось отстаивать свое существование, он не может без этого обойтись»¹⁵. Очевидно, что и самодержавие не могло «без этого обойтись». Всякий успех в борьбе с революционерами щедро вознаграждался чинами, деньгами, орденами. Погоня за ними подхлестывала работу провокаторов.

П. А. Столыпин, насаждавший и защищавший провокацию (и в лице Азефа), сам стал ее жертвой. Элементы азефовщины ясно просматриваются и в деле Д. Богрова, убийцы П. А. Столыпина. Не случайно тот же М. И. Трусевич говорил, что он, как директор Департамента полиции, мог бы ничего не знать, если бы А. В. Герасимов с Азефом «устроил что-нибудь тайное», например террористическое покушение¹⁶. Был прав депутат Государственной думы Н. Н. Львов, когда говорил, что в российской действительности есть почва для взращивания провокации¹⁷. В России создан поистине заколдованный круг: правящие верхи, стремясь одолеть «кромолу» и сохранить существующий строй, санкционировали провокацию. Но катастрофические провалы в системе провокации еще более ослабляли режим, который вновь и вновь хватался за нее как за последнее средство, как за некую панацею от исторической обреченности.

В такой атмосфере и расцвел специфический талант

¹⁵ Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 214.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102 ОО, оп. 316, 1909, д. 155, ч. I, л. 126.

Азефа. Разумеется, он в полной мере использовал возможности, «представляемые» и эсеровской стороной. Конспиративность и железная дисциплина, существовавшие в Боевой организации, бесконтрольность Азефа как ее руководителя, наличие у нее огромных финансовых средств — все это облегчало его деятельность.

Взятые в совокупности все эти обстоятельства и качества Азефа дали ему возможность многие годы играть на двух сценах сразу — совмещать высокие «посты» и в Боевой организации, и в охране.

Б. И. Николаевский считал внутренним побудительным стимулом, изначально присущим всем поступкам Азефа, алчность, выгоду, сребролюбие. И в этом Николаевский был совершенно прав. Так, В. Л. Бурцев писал, что, предавая революционеров, Азеф «преследовал всегда главным образом свои личные цели и прежде всего свои материальные выгоды»¹⁸. Даже находясь «под колпаком» у В. Л. Бурцева, Азеф старался ухватить все, что мог. Как свидетельствует тонкий знаток секретов и всех нюансов работы охраны Л. П. Меньщиков, А. В. Герасимов обещал Азефу, «если он предупредит покушение на государя, пожизненную пенсию в 5000 руб. Азеф, конечно, «постарался» и возникло дело о замышлении на священную особу...»¹⁹.

Но сам Азеф отвергал этот приписываемый ему порок. В апреле 1909 г. он писал своей жене (Л. Г. Менкиной): «...весь мир меня подлецом считает... В глазах всего мира — я какой-то изверг, вероятно человек холодный и действовавший только с расчетом. На самом же деле, мне кажется, нет более мягких людей, чем я... Также, вероятно, меня считают теперь человеком сребролюбивым, но меньше всего меня когда-либо интересовали деньги и никогда не придавал им никакого значения. Во всяком случае всегда был далек от того, что называется сребролюбивый. В глазах всех, вероятно, теперь я человек, насмехавшийся над революцией и враг ее — мне кажется, что никто или очень мало людей жило так революцией или радовались ее успехам, чем я... Ничего подлого в моей жизни не было... я все время действовал как революционер и только как революционер, — с собою, своими интересами никогда не считался... все, что мною

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5802, оп. 2, д. 271, л. 24.

¹⁹ Там же, ф. 1723, оп. 1, д. 379, л. 11.

сделано, сделано с радостью революционера...»²⁰ Через два месяца в письме к ней же Азеф повторил: «...я не подлец». Скорее всего, он писал так кривя душой, чтобы оправдаться перед своей женой, а через нее и перед партией эсеров.

Но жена отреклась от него. А Б. В. Савинков, главный защитник Азефа до его разоблачения, «прозрев», говорил В. Л. Бурцеву: «в искренность его я не верю»²¹.

Эсеры были потрясены, узнав о предательстве Азефа. И он сам накануне разоблачения хорошо представлял себе, что может явиться результатом такого потрясения. «Азеф был совсем подавлен и разбит. Он помнил судьбу Татарова и Гапона (убитых эсерами. — В. Ш.) и сейчас готов был на все, согласен был уехать на край света и вести жизнь Робинзона, лишь бы только спасти жизнь. Сидя в кресле, этот большой, толстый мужчина вдруг расплакался. «Все кончено, — всхлипывая, причитал он. — Мне уже нельзя помочь. Всю жизнь я прожил в вечной опасности, под постоянной угрозой... И вот теперь, когда я сам решил покончить со всей этой проклятой игрой, — теперь меня убьют»²². Эта омерзительная сцена разыгралась на конспиративной квартире начальника Петербургской охраны А. В. Герасимова, к которому Азеф пришел, почувствовав, что его «игра» окончена, что его ждет обычная участь всех предателей.

Но порой в «игре» Азефа «выгода» и «чувство», как считал Б. И. Николаевский, шли в одном направлении. Так было, например, при организации покушения на В. К. Плеве — тогда Азеф негодовал по поводу кишиневского погрома. Еврейские погромы были обычной практикой черносотенцев. Департамент полиции поощрял «охотнорядцев» к этому уголовно-политическому бесовству. Неудивительно, что вследствие погромов и дискриминации (черта оседлости и др.), наряду с общим гнетом самодержавия, в ряды революционеров вступали и многие евреи. Они играли выдающуюся роль в революционных партиях, самоотверженно служили делу революции. Азеф — одно из редких исключений из этого правила. Но несомненно, что и он искренне возмущался политикой В. К. Плеве, поощрявшего погромщиков.

Для Азефа необходимость «устранения» В. К. Плеве

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5802, оп. 2, д. 271, л. 41—46.

²¹ Там же, л. 47.

²² Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 132.

помимо всяких иных причин (выполнить решение партии, поддержать престиж Боевой организации, рассеять подозрения на собственный счет и др.) в какой-то мере определялась и этим его возмущением и его, в некотором смысле, либеральными воззрениями — Плеве стоял на пути реформ.

Азеф, как назвал его Николаевский, был «либералом с террором». И это действительно так. А. В. Герасимов, например, свидетельствует: «По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком — не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных революционных методах действия. Вначале я этим его заявлениям не вполне доверял. Но затем убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой постепенностью. Почти с восхищением он относился к аграрному законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии крестьян-собственников»²³.

Но факт остается фактом: Азеф был провокатором. Еще в 1917 г. были опубликованы его письма — донесения начальнику заграничной агентуры Департамента полиции Л. А. Ратаеву, которые пестрят именами, явками, фактами. Но многое, судя по другим источникам, он не называл, так как был осторожен и всегда оставлял себе «свободу маневра» или лазейку.

Провокатором Азеф стал по доброй воле, причем в этом деле несомненно доминировали его меркантильные интересы. Никаких нравственных барьеров у него здесь не было: эту «химеру» заменил ему чистоган. Лицемерие и фальшь пропитали все его существо. И без этих качеств он вряд ли бы состоялся как «великий провокатор». «Великим» он стал потому, что был непосредственно причастен к «покушениям века», являлся крупной фигурой в революционном лагере и в то же время был на коротке со всеми руководителями царской полиции, а все это давало возможность преуспеть в выбранной им сфере деятельности.

Азеф в целом, независимо от его субъективных устремлений, сыграл двойственную роль в революционном движении, как, собственно, и все «выдающиеся» прово-

²³ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 144.

каторы, например Р. В. Малиновский. С одной стороны, Азеф выдал многих революционеров, но — с другой, организовал или участвовал в подготовке более чем 30 террористических актов, наложивших свой отпечаток на революционное движение начала XX в. Здесь не следует сбрасывать со счетов следующее: революционное движение 1901—1904 гг. породило террор, террор углубил революционную ситуацию и стал одним из очевидных ее проявлений. В эти годы некоторые левые порицали террор как средство, отвлекающее массы от революционной борьбы. Однако террор был объективным результатом политического и социально-экономического состояния страны, отражением глубокого недовольства в обществе самодержавным строем, о чем свидетельствовал уже тот взрыв ликования, который всколыхнул все слои русского общества при известии о гибели апостола самодержавия В. К. Плеве.

В годы революции террор принял широкий размах. Его применяли как революционные, так и реакционные партии. Страна жила в кровавой атмосфере классовой борьбы. Но и в эти годы индивидуальный террор «не умер», как считает Б. И. Николаевский, а «потерялся» на фоне массового террора, стал, по сути, его частицей. Это подтверждает и само содержание книги Б. И. Николаевского, ее фактический материал. Конечно, он никогда уже не поднимался до той высоты, которой достиг накануне и в начале революции 1905 г., когда Россия только просыпалась от политической летаргии. Он внес свою лепту в это пробуждение. И романтически чистым был тогда порыв Каляевых и Созоновых принести себя в жертву во имя грядущей свободы. К ним грязь азефовщины не пристала. В том, что революция 1905 г. «проломила брешь в самодержавии», была и частичка их усилий.

В ходе революции рождались и отцветали политические иллюзии; шла активная поляризация политических сил. В это время отношение эсеров к террору не было однозначным: они то приостанавливали деятельность Боевой организации, то вновь «бросали ее в дело».

После революции серьезный удар по Боевой организации, по партии эсеров нанесло «дело Азефа». Подозрения и недоверие проникли во все звенья ее работы. В. М. Чернов, вспоминая впоследствии об этом, говорил

об азефовщине как о «катастрофе» для партии²⁴. Она долгое время не могла прийти в себя. И лишь в Февральскую революцию ее авторитет начинает быстро расти.

Но — это уже вне хронологических границ исследования Б. И. Николаевского. В его книге и без того достаточно материала и идей, которые бесспорно привле-

²⁴ Этот факт, однако, не означает, что Азеф не был провокатором и двойным агентом и что он «работал» прежде всего не на себя, а на полицию. Между тем в статье А. Гейфман (см. Приложение в конце книги) дана именно такая интерпретация деятельности Азефа. Несомненно, ученый вправе иметь свою точку зрения на то или иное историческое событие. Статья А. Гейфман безусловно полезна, но толкование деятельности Азефа Николаевским представляется более убедительным.

На наш взгляд, о провокационной роли Азефа и его двойной игре свидетельствует уже его отношение к своему «шефу» — П. И. Рачковскому, которого Азеф замыслил убить и разработал детальный план этого убийства. Азеф думал даже взорвать здание Петербургской охранки. Разумеется, обо всем этом он не сообщал в полицию. Впрочем, и А. Гейфман признает тот факт, что Азеф надолго (на многие месяцы) выходил из-под контроля полиции. Не сообщил Азеф своему начальнику (А. В. Герасимову) и о готовившемся покушении (на крейсере «Рюрик») на царя. Азефу, вероятно, не доверяли в полной мере ни П. И. Рачковский (он, по сути, отказался от этого агента), ни А. В. Герасимов, что иногда проскальзывает даже в воспоминаниях последнего, хотя в них дана в целом апологетическая оценка деятельности Азефа. И, видимо, Азеф не просто вводил в заблуждение эсеров, когда в 1912 г. предложил им начать суд над ним, рассчитывая, вероятно, оправдаться перед партией: он был главой ее Боевой организации, создавал ее «ансамбль» и часто «дирижировал» им. И до этого момента он выказывал себя столь ярким сторонником террора, что стал преемником Г. А. Гершуни. Позиция же его в деле роспуска БО во многом определялась учетом мнений в партии, в которой на различных этапах революции 1905—1907 гг. были сильны тенденции прекращения деятельности БО. Однако обо всем этом в статье А. Гейфман не говорится.

Трудно согласиться и с ее трактовкой «выдачи» Азефа А. А. Лопухиным как следствия шантажа и прежде всего похищения дочери. Дело даже не только в том, что совершенно не совпадает «хронология» (разговор В. Л. Бурцева с А. А. Лопухиным состоялся в поезде в начале сентября 1908 г., а похищение дочери последнего — годом раньше), сколько в том, что Лопухин по сути своей не был полицейским. На посту директора Департамента полиции он оказался в общем-то случайно. По своим политическим взглядам Лопухин был скорее либералом. Он сделал все, чтобы прекратить печатание погромных листовок полицией; заявил о себе как либерал, будучи эстляндским губернатором, и т. д.

В целом же статья А. Гейфман, способствующей более полному выявлению взглядов ученых на довольно-таки запутанное и темное «дело Азефа», все же не всегда хватает источниковой основы и убедительности, которые до конца оправдали бы переосмысление оценки Николаевского деятельности Азефа.

кут внимание советского читателя, что так важно сейчас, в пору переоценки многих аспектов нашей истории. Издание книги возвращает из забвения важную страницу прошлого страны и имя Б. И. Николаевского — одного из крупнейших исследователей отечественной истории.

В. М. Шевырин, кандидат исторических наук

От автора

Провокация как метод борьбы с революционным движением в странах без политических свобод или со свободами весьма ограниченными не принадлежит к числу особенностей специально русской истории. Италия эпохи австрийского владычества, Франция времен Луи-Филиппа и Наполеона III, даже Пруссия в царствование Фридриха-Вильгельма IV знали применение провокации в значительно более широких размерах, чем современная им Россия. Весьма широко применялась она в разных странах и в отдельные другие периоды. Но в то время, как повсюду в этих других странах она применялась именно только отдельными периодами, а потому не могла создать прочной традиции, — в России непрерывная и все более ожесточавшаяся борьба правительства в течение целого столетия против нараставшего революционного движения привела к тому, что провокация сложилась здесь в стройную законченную систему, над «научной» разработкой которой бились «лучшие головы» полицейского сыска. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно Россия дала миру и тот конкретный пример провокации, которому суждено войти в историю в качестве *классического* примера провокации вообще.

Таким примером бесспорно является история Азефа. Человек, свыше 15 лет состоявший на службе в качестве тайного полицейского агента для борьбы с революционным движением и в то же время в течение свыше пяти лет бывший главою террористической организации — самой крупной и по своим размерам, и по размаху ее деятельности, какую только знает мировая история; человек, предавший в руки полиции многие и многие сотни революционеров и в то же время организовавший ряд террористических актов, успешное проведение которых остановило на себе внимание всего мира; организатор убийств министра внутренних дел Плеве¹, вел. кн. Сер-

гея Александровича ² и ряда других представителей власти; организатор покушения против царя, покушения, которое не было выполнено отнюдь не по недостатку «доброто» желанія у его главнаго организатора, — Азеф является поистине еще непревзойденным примером того, до чего может довести последовательное применение провокации как системы.

Действуя в двух мирах — в мире тайной политической полиции, с одной стороны, и в мире революционной террористической организации — с другой, Азеф никогда не сливал себя целиком ни с одним из них, а все время преследовал свои собственные цели и соответственно с этим предавал то революционеров полиции, то полицию революционерам. В обоих этих мирах его деятельность оставила заметный след. Азеф, конечно, не покрывал своей тенью всей деятельности ни Боевой организации партии социалистов-революционеров ³, бессменным руководителем которой он так долго состоял ⁴, ни политической полиции, главной надеждой которой для борьбы с указанной организацией его так долго считали. Особенно в истории Боевой организации важно уметь отделить саму эту организацию, ее действительные задачи и всех остальных ее деятелей от личности того, кого они считали своим вождем. И тем не менее роль Азефа в обоих этих мирах была настолько значительна, что не поняв ее, не проследив ее во всех ее деталях, историк не сможет понять многого в истории первой русской революции — революции 1905 и последующих годов.

Именно это делает биографию Азефа интересной в глазах историка — как бы отрицательно он ни относился к Азефу как типу. Дать такую биографию на основе по возможности точно проверенных данных, нарисовать исторически верную картину его деятельности в обоих указанных мирах — в мире революционном и в мире полицейском — и является задачей настоящей книги.

При составлении ее автор кроме обширной печатной литературы, особенно широко разросшейся в течение послереволюционных лет, имел возможность в той или иной мере использовать многие неизвестные еще в печати материалы, как документального, так и мемуарного характера. Из числа первых прежде всего необходимо указать на архивные дела об Азефе:

Дела Департамента полиции по сношениям с Азефом за время с 1893 по 1902 гг.

Дела того же Департамента полиции от 1909—10 гг. по подготовке материалов для правительственного ответа в Госуд. думе на запросы об Азефе.

Дело служебного следователя, производившего дознание по делам Лопухина.

Дело того следователя Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством в 1917 г., который производил специальное следствие об Азефе.

Все эти документы, исключительно важные для истории деятельности Азефа, в литературе до сих пор почти совершенно не использованы (ссылки на них имеются только в статье М. А. Алданова). Автору настоящей книги они были доступны в копиях, снятых в свое время проф. В. К. Агафоновым, историком деятельности русской полиции за границей. За сообщение этих копий, без которых было бы совершенно невозможно освещение ряда затронутых в книге моментов, я приношу мою глубокую благодарность В. К. Агафонову и С. Г. Сватикову.

Из неизвестных в печати материалов мемуарного характера мною в той или иной мере использованы устные или письменные сообщения целого ряда лиц, по тем или иным причинам входивших в соприкосновение с Азефом, а именно А. А. Аргунова, В. Л. Бурцева, Р. Д. и В. А. Бухгольца, инж. Зауера, В. М. Зензинова, Ф. Курского-Блюмина, Е. Е. Лазарева, В. И. Лебедева, быв. московского раввина Мазе, И. И. Мейснера, П. Н. Милюкова, О. С. Минора, С. П. Постникова, В. В. Сухомлина, В. М. Чернова и мн. др.

Особняком среди материалов этой группы необходимо поставить сообщения А. В. Герасимова⁵, быв. начальника Охранного отделения в Петербурге в 1905—09 гг. и полицейского руководителя Азефа за время с апреля 1906 г. по момент его разоблачения. Он не только представил мне возможность ознакомиться с рядом глав его неизданных воспоминаний, но и в многократных устных беседах никогда не отказывался давать справки по тем вопросам, которые вставали в процессе проработки материалов. Именно эти сообщения легли в основу всех тех разделов книги, которые говорят об отношениях Азефа с полицией в 1906—08 гг.

Для последнего периода жизни Азефа, после его ра-

зоблачения, я имел возможность пользоваться документами, которые сохранились у г-жи N: письмами к ней Азефа и ее письмами к последнему, ее письмами к матери, тетрадами с тюремными заметками Азефа и пр. (более подробно эти материалы мною использованы в особой брошюре: «Конец Азефа»). Кроме того, из другого источника я получил возможность ознакомиться с частью того архива Азефа, который он захватил с собою при бегстве из Парижа в январе 1909 г.

Поскольку существовала возможность, свидетельские показания — источник, как известно, всегда крайне субъективный — подверглись взаимному контролю. Но для ряда случаев такого рода контроль по самому характеру этих материалов был невозможен — ввиду отсутствия других лиц, посвященных в те или иные стороны деятельности Азефа. Во всяком случае все такого рода сообщения в книге приведены с указанием на источник. Едва ли нужно оговаривать, что такого рода указания всегда относятся только к *фактической стороне* сообщения: ответственность за *оценки и выводы*, конечно, лежит целиком на авторе книги.

Всем лицам, оказавшим мне любезное содействие в работе, я приношу мою глубокую благодарность.

При составлении книги автор принужден был иметь в виду главным образом не русскую читательскую аудиторию. Это не могло не отразиться на характере изложения. В частности, все даты в книге даны по *новому стилю* — это необходимо иметь в виду при чтении.

Берлин, 15-го октября 1931 г.

Глава I

Разговор в поезде

Восточный экспресс едва успел отойти от кельнского вокзала, как в купе, где сидел бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин¹, вошел неожиданный гость — В. Л. Бурцев².

Они уже были знакомы друг с другом: в качестве редактора исторического журнала «Былое», выходившего в Петербурге в 1906—07 гг., Бурцев несколько раз обращался к Лопухину с предложением написать для этого журнала свои воспоминания. Лопухин эти предложения отклонял, так как не хотел становиться на путь разоблачения тех секретов, которые ему были известны по его прежней службе.

А Бурцева теперь интересовали именно эти разоблачения. Он был пионером в деле изучения истории русского революционного движения, начав работу в этой области тогда, когда она еще не привлекала почти ничего внимания. Но историей он и раньше интересовался не для нее самой, не для чистой науки. Революционер и публицист в нем всегда преобладал над историком-исследователем, и к изучению прошлого он всегда подходил с желанием прежде всего извлечь из этого прошлого полезные уроки для политической борьбы текущего дня. В период после революции 1905 г. он сосредоточил свое внимание на раскрытии секретов русской политической полиции, и в особенности на разоблачении тех агентов последней, которые проникают в ряды революционных организаций для того, чтобы предавать тайны последних. В целях получения нужных материалов он завязал ряд знакомств с полицейскими чиновниками и через них получил много ценных и важных сведений, среди которых наибольшее значение имело указание на существование предателя в самом центре партии социалистов-революционеров. Фамилия этого предателя ему не была названа, — его информаторы сами ее не знали, — но бы-

ло известно, что предатель стоит очень близко к Боевой организации партии, выдал целый ряд террористических предприятий последней и в полицейских кругах известен под псевдонимом «Раскин». Целый ряд мелких деталей, сообщенных Бурцеву, мог служить руководящей нитью при поисках. Бурцев принялся за них, — и неожиданно для самого себя пришел к выводу, что таковым предателем является не кто иной, как главный руководитель Боевой организации и давнишний член Центрального комитета партии социалистов-революционеров Е. Ф. Азеф.

С этого момента Бурцев начал борьбу за разоблачение Азефа.

Эта борьба была нелегка. Все деятели центральных учреждений партии и в особенности все руководители Боевой организации, в течение ряда лет работавшие рука об руку с Азефом, не хотели и слушать доводов Бурцева. Они лучше других знали роль Азефа в жизни этих организаций; знали, как много Азеф при желании мог бы выдать полиции, но что им выдано не было. И Бурцев с его доказательствами, в значительной своей части почерпнутыми из полицейских источников, казался им смешным и вредным маньяком, которого использует полиция для внесения разложения в революционную среду путем дискредитирования виднейшего и опаснейшего для нее террориста. Бурцева пытались уговаривать, советовали прекратить начатую кампанию; ему делали предупреждения, почти грозили. Ничто не помогало. С упорством фанатика, убежденного в своей правоте, он был готов идти до конца, хотя бы один против всех.

Тогда его привлекли к суду. Вопрос стоял в высшей степени остро: если его осудят, он будет морально дискредитирован на всю жизнь. Это будет хуже, чем смерть физическая. Впрочем, и смерть физическая не замедлила бы последовать за смертью моральной: Бурцев для себя решил не пережить последней. А возможность такого осуждения была вполне реальной. В подобных делах *документальных* доказательств почти никогда не удается получить. Все строится на косвенных уликах. Но при том доверии, какое питали к Азефу его коллеги по партии, косвенным уликам веры никто давать не хотел. И Бурцев метался в поисках за новыми, более вескими, более убедительными доказательствами измены Азефа.

Эти доказательства и должен был дать Лопухин, ко-

торый по своему прежнему служебному положению не мог не быть совершенно точно осведомлен о роли Азефа. Вся задача состояла в том, чтобы вовлечь его в разговор и заставить говорить правду.

Встреча в поезде была Бурцевым заранее подготовлена, но ей был придан характер неожиданной. Беседа началась — как и раньше в Петербурге — с нейтральных историко-литературных тем. В это время Бурцев перенес издание своего исторического журнала в Париж и предполагал теперь вполне свободно писать обо всем, касаться чего в Петербурге не позволяла цензура. Он был полон планов и надежд и много говорил о них Лопухину. А от этих общих тем только естественным вышел переход к тому, что сейчас специально интересовало Бурцева, — к теме об Азефе. Перечисляя материал, который находится в портфеле редакции, он сообщил, что в ближайшей книжке будут напечатаны разоблачения относительно деятельности одного весьма важного агента полиции, который был руководителем Боевой организации социалистов-революционеров. «Лопухин, — вспоминает Бурцев, — сначала как будто не обратил внимания на эти мои слова... Но я почувствовал, что он насторожился, ушел в себя, точно стал ждать с моей стороны нескромных вопросов».

Он был прав: «нескромные» вопросы не замедлили последовать. Бурцев поставил вопрос прямо.

— Позвольте мне, Алексей Александрович, — обратился он с просьбой, — рассказать вам все, что я знаю об этом агенте-провокаторе, об его деятельности как среди революционеров, так и среди охранников. Я приведу доказательства его двойной роли. Я назову его охранные клички в революционной среде и его настоящую фамилию. Я знаю о нем все. Я долго и упорно работал над его разоблачением и могу с уверенностью сказать: я с ним уже покончил. Он окончательно разоблачен мною. Мне остается только сломить упорство его товарищей, но это дело короткого времени.

Лопухин отозвался очень сдержанно, но не без любопытства:

— Пожалуйста, Владимир Львович, я вас слушаю. И Бурцев начал свой рассказ.

Он не называл настоящей фамилии Азефа, а только тот псевдоним последнего, под которым он был известен в полицейском мире: «Раскин». Но Лопухин с пер-

вых же слов понял, о ком шла речь. В одной своей части рассказ Бурцева скрещивался с тем, что Лопухин знал по своей прежней службе, и последнего поразила точность собранных Бурцевым данных. «Больше всего, — рассказывал он позднее судебному следователю, — меня поразило то, что Бурцев знает об условных на официальном полицейском языке кличках Азефа как агента, о месте его свиданий в Петербурге с чинами политической полиции... Все это было совершенно верно». И эта точность одной части рассказа Бурцева, которую Лопухин мог проконтролировать, неизбежно должна была внушать Лопухину полное доверие к другой, к той, в которой Бурцев говорил о таинственном «Раскине», как его видели революционеры; о роли последнего в революционном лагере — в Центральном комитете и в Боевой организации.

Лопухин был уже не молод — ему было около 45 лет. На своем веку он успел многое повидать, еще большее слышал, и ему, наверное, казалось, что уже ничто не сможет его поразить. Но то, что теперь рассказывал Бурцев, поражало и бередило старые больные раны. Бурцев и не подозревал, какое значение его рассказ получал в том освещении, которое ему давала память его слушателя!

Перед Лопухиным вставала вся его жизнь, все честолюбивые надежды прошлого и вся горечь обид настоящего.

Он был старшим сыном в старинной дворянской семье — одной из наиболее старых коренных русских фамилий: Лопухины свой род вели от полулегендарного касожского князя Редеди; фамилию Лопухиных носила царица Евдокия, жена Петра Великого, — последняя русская царица из коренной русской семьи. Как и все такие семьи, Лопухины не могли похвастаться особенными богатствами. Но и к «оскудевшим» их причислить было трудно: А. А. Лопухин получил по наследству свыше 1000 десятин в Орловской и Смоленской губерниях. Не принадлежали к «оскудевшим» Лопухины и по способностям, по уму, по воле к житейской борьбе. Все они были наделены большой долей честолюбия, в особенности Алексей Александрович. В 22 года окончив Московский университет, он с 1886 г. был зачислен на службу по ведомству Министерства юстиции и затем быстро зашагал вверх по служебной лестнице.

По своим университетским и личным связям Лопухин

был близок к умеренно-либеральным кругам родовитой дворянской молодежи, симпатизировал их политической программе, с рядом из них был лично дружен (особенно с проф. кн. С. Н. Трубецким). Но эти либеральные симпатии отнюдь не мешали Лопухину свою карьеру делать главным образом на политических делах, наблюдать за производством которых ему приходилось в качестве представителя прокурорского надзора. Впервые на эту работу он был назначен в Москве, в середине 1890-х гг., причем на него было возложено дело контроля действий Московского охранного отделения. Обычно между начальством последних и прокуратурою шла межведомственная борьба: прокуратура в той или иной степени противодействовала попыткам охранных отделений расширить пределы своих прав. На этот раз начальник Московского охранного отделения, знаменитый Зубатов³, о котором речь еще будет впереди, пошел иным путем. Вместо скрытой оппозиции и попыток не допустить его к ознакомлению с методами работы политического сыска, Лопухин встретил со стороны Зубатова полную готовность посвятить его во все тайны работы Отделения, в методы борьбы с революционными организациями и т. д. В то время Зубатов носился с планами создания легальных рабочих организаций под контролем полиции, и ему удавалось привлекать на сторону этих своих планов профессоров и других общественных деятелей. Тем легче привлек он на свою сторону и молодого прокурор-карьериста. Лопухин ознакомился даже с делом постановки секретной агентуры — по некоторым сведениям, он побывал и на конспиративных квартирах, на которых происходили свидания Зубатова с секретными сотрудниками, — и стал горячим поклонником Зубатова.

Подобный полицейский уклон интересов молодого либерального прокурора predetermined его дальнейшую карьеру. Поворотным пунктом в ней был май 1902 г. В это время Лопухин был уже прокурором Харьковской судебной палаты. Только что назначенный новый министр внутренних дел В. К. Плеве приехал в Харьков для того, чтобы на месте ознакомиться с размерами и характером незадолго перед тем прошедшей по югу России волны крестьянских волнений: тогда они были еще новостью, первыми провозвестниками идущей бури аграрной революции. С Лопухиным Плеве встречался и раньше — у общих знакомых в Петербурге. В Харько-

ве Плеве просил Лопухина сделать ему доклад о причинах крестьянских волнений, настаивая на том, чтобы тот вполне откровенно высказал свое мнение. «Мое мнение, — рассказывал позднее об этой беседе Лопухин, — сводилось к тому, что пережитые Полтавской и Харьковской губерниями погромы помещичьих усадеб нельзя было рассматривать как явления случайные, что они представляются естественными результатами общих условий русской жизни: невежества крестьянского населения, страшного его обнищания, индифферентизма властей к духовным и материальным его интересам и, наконец, назойливой опеки администрации над народом, поставленной взамен охраны его интересов законом». Плеве, по рассказу Лопухина, согласился с этими мыслями и сообщил, что он и сам признает необходимость реформ, вплоть до введения в России суррогата конституции — в форме привлечения представителей общественных организаций в состав Государственного совета. Только эти реформы, по мнению Плеве, могли спасти Россию от революции, опасность которой ему казалась надвинувшейся вплотную. Лопухин не рассказывает о другой части своих бесед с Плеве — той, в которой речь шла о борьбе с революцией путем репрессий. Такой борьбе Плеве и Лопухин придавали первостепенное значение. Лопухин наметил целый план работ в этом направлении — в духе политики Зубатова — и нашел в Плеве горячего сторонника этой программы. Именно поэтому результатом бесед было предложение Лопухину поста директора Департамента полиции: он должен был во всероссийском масштабе руководить теми опытами, которые до сих пор Зубатов проделывал только в Москве.

Для Лопухина в этом предложении многое было весьма заманчивым: в 38 лет он становился руководителем одного из важнейших в империи учреждений и вплотную подходил к самым вершинам правительственной власти. С точки зрения карьеры перед Лопухиным открывались, казалось, самые заманчивые перспективы: из директоров Департамента полиции прямой путь вел к посту министра внутренних дел. И молодой либеральный прокурор, в поведении которого честолюбие играло определяющую роль, принял предложение перейти из ведомства юстиции в ведомство полиции.

В действительности все вышло совсем иным. О далеко идущих реформах по-серьезному вопрос вообще не

вставал. Правда, по свидетельству Лопухина, Плеве вы-
требовал из архива все те проекты преобразования Го-
сударственного совета, целый ряд которых был состав-
лен в царствование Александра II, но последствий это
никаких не имело. Плеве рассказывал Лопухину, что он
ставил вопрос о соответствующих реформах перед царем,
но наткнулся на решительное сопротивление. Можно да-
же сомневаться, делал ли он это в действительности: ни-
каких сообщений об этом в архивах до сих пор не найде-
но, а по своему существу подобная реформа настолько
противоречила бы всему курсу политики Плеве, всем его
тогдашним заявлениям, что возможность ее кажется
больше чем сомнительной.

Ничего не вышло и из других задуманных реформ —
даже из реформы полиции: проект последней был разра-
ботан Лопухиным, но, меланхолично прибавляет послед-
ний, «как и все тогдашние проекты Плеве, дальше его
кабинета не пошел».

Чем труднее подвигалось дело реформ, тем большее
значение приобретали чисто полицейские вопросы. Здесь
Плеве был, как у себя дома, и программа Лопухина бы-
ла осуществлена полностью. Весь руководящий персо-
нал Департамента полиции был радикально обновлен,
и Департамент был окончательно превращен во «всерос-
сийскую охранку». Непосредственным руководителем
всего розыска был назначен Зубатов. Основная ставка
была сделана на развитие секретной агентуры внутри
революционных организаций. Для этой цели не скупи-
лись перед затратами. В течение каких-нибудь 2—2,5 лет
был истощен весь запасный капитал Департамента, до-
ходивший до 5 млн. рублей и накопленный в течение
больше чем десятилетия сравнительного затишья в стра-
не.

Главный надзор за всем делом находился в руках Ло-
пухина, который с любопытством неопита сам входил во
все детали. Хорошего сыщика из него не вышло: он все
же был слишком по-аристократически брезглив для по-
добной грязной работы. Но в то же время он был в до-
статочной мере карьеристом, чтобы запачкать себя в той
грязи, которая его окружала. Либерал, сам мечтавший
о конституции, он руководил разгромами либеральных
земств и подписывал доклады о высылке в Сибирь ряда
умеренных либералов, виновных только в подобных же
мечтах о конституции. Культурный, европейски образо-

ванный человек, он поставил свою подпись под той анти-семитской кампанией, которую вел в его время Департамент полиции. Если даже не доверять рассказам о том, будто он считал антиеврейские погромы «полезным кровопусканием»*, то во всяком случае несомненным остается один факт: в личном объяснении с представителем союза писателей Н. Ф. Анненским по поводу погрома в Кишиневе Лопухин взял под свою защиту идейного вдохновителя этого погрома черносотенного писателя Крушевана, назвав его одним из немногих русских писателей, которые «не подкуплены евреями». Только в интимных письмах к своему другу, С. Н. Трубецкому, Лопухин позволял себе высказывать либеральные мысли — после смерти Плеве он, глава всей полиции империи, не без удивления узнал, что за этой его перепиской велось самое тщательное полицейское наблюдение, доклады о результатах которого сообщали непосредственно министру... Открыто же Лопухин солидаризировался со всем, что делал Плеве, выступая старательным и послушным исполнителем наиболее реакционных распоряжений последнего. Плеве знал, что делал, когда брал молодого либерального карьериста в свои ближайшие помощники: у подобных людей интересы карьеры всегда берут верх над всеми иными соображениями.

Свой штампель Лопухин поставил и на работе Департамента по насаждению провокации, работе, которая особенно пышным цветом начала распускаться именно в эти годы. В частности, именно он во многом содействовал карьере Азефа, хотя уже в то время понимал, что работа последнего переходит грань допустимого даже с точки зрения весьма растяжимой полицейской морали. Именно он, с прямого одобрения Плеве, еще осенью 1902 г. разрешил Азефу войти в Боевую организацию.

Конечно, при этом и он, и Плеве, были уверены, что они будут держать в своих руках Азефа, а через него и всю Боевую организацию. И вот теперь, через шесть

* В свое время в прессу проник рассказ, будто подобный отзыв о погроме 1903 г. в Кишиневе был сделан Лопухиным в разговоре с жанд. генералом Новицким, причем делались ссылки на устные рассказы последнего; теперь воспоминания Новицкого опубликованы; в них соответствующего места не имеется, но зато содержится категорическое утверждение, что Лопухин о предстоящем в Кишиневе погроме был заблаговременно предупрежден и не принял никаких мер для его предотвращения.

лет, на перегоне между Кельном и Берлином из рассказа Бурцева Лопухин узнавал, каковы были действительные результаты их старого решения: указанный их агент — этот «Раскин» рассказа Бурцева — не просто вошел в состав этой Организации — после ареста Гершуни он стал ее главным руководителем и подготовил все ее выступления, в частности, он непосредственно руководил организацией убийства Плеве...

Смерть последнего была первым жестоким ударом для служебной карьеры Лопухина: Плеве был его главной опорой, главным покровителем. В конечном итоге с момента смерти Плеве на всех честолюбивых планах Лопухина был поставлен крест. Если бы Плеве остался жить, все могло бы пойти по-иному... И вот теперь выяснилось, что эта смерть была подготовлена не кем иным, как его, Лопухина, агентом — тем, на вступление кого в ряды террористов и Плеве, и он, Лопухин, дали свое согласие. Неужели все это было правдой?

До сих пор Лопухин спокойно слушал рассказ своего собеседника, хотя и было заметно, что интерес его постепенно возрастает. Худощавый, подвижный, типичный русский «нигилист» старого времени и по одежде, и по замашкам, Бурцев сильно волновался. Он жестикулировал, привскакивая на вагонном диванчике, сам перебивал себя, повторялся, вновь и вновь возвращаясь к тем эпизодам, которые ему казались наиболее значительными, — и все время с жадным вопросом в глазах смотрел на Лопухина, стараясь уловить оттенки его настроений. Но это лицо ни о чем, кроме растущего интереса к рассказу, не говорило. Человек, умевший хорошо владеть собою, и к тому же большой барин, Лопухин сидел, не проронив ни одного слова, почти не двигаясь, и только испытующе всматривался в собеседника своими немного раскосыми — старая примесь монгольской крови! — глазами. Но когда Бурцев дошел до рассказа об убийстве Плеве, хладнокровие изменило Лопухину. «С крайним изумлением, как о чем-то совершенно недопустимом, — вспоминает Бурцев, — он спросил меня:

— И вы уверены, что этот агент знал о приготовлениях к убийству Плеве?»

«Не только знал, — отвечал Бурцев, — но и был главным организатором этого убийства». И подробно со всеми деталями стал рассказывать закулисную историю подготовки этого убийства.

В этом рассказе все было точно, ясно, полно таких деталей, которые внушили доверие, — и все же мысль с трудом мирилась с тем, что воспринимали уши.

После смерти Плеве для Лопухина наступили тяжелые времена. Новый министр внутренних дел кн. Святополк-Мирский⁴ к нему относился очень хорошо, но этот министр сам был непрочен на своем посту, против него велись подкопы со стороны придворной реакционной партии, причем большую роль в нападках играли указания на недочеты в деятельности Департамента полиции. Закулисную интригу плел Рачковский⁵ — видный деятель полицейского сыска, имевший влиятельные связи при царском дворе. За два года перед тем Плеве грубо выбросил его со службы, презрев все его прежние заслуги, — и Лопухин тогда со своей стороны посыпал солью свежую рану. При жизни Плеве Рачковский был бессилен, хотя и вел различные подкопы. Теперь пришла его очередь платить за старые обиды. Технику полицейского дела Рачковский знал лучше Лопухина — и его удары попадали метко, били больно. Исход борьбы был решен убийством вел. кн. Сергея Александровича — дяди и влиятельнейшего советника царя. После получения телеграмм об этом убийстве в Департамент примчался петербургский генерал-губернатор Трепов⁶ — тогдашний фаворит царя, находившийся в то время под влиянием Рачковского. Без доклада ворвался он в кабинет директора и, бросив в лицо растерянному Лопухину всего одно только слово «убийца!», так же молча удалился. В тот же день по докладу Трепова Рачковский был назначен верховным комиссаром над политической полицией Петербурга, а царь во время ближайшего доклада министра внутренних дел резко выразил свое недовольство работою Департамента полиции. Лопухину ничего не оставалось, как уходить в отставку. Все надежды на карьеру разлетались в прах...

И вот теперь из дальнейших рассказов Бурцева Лопухин узнавал, что и этот последний удар был нанесен ему все тем же «Раскиным»: это он разработал план покушения на вел. кн. Сергея, это он снарядил в путь отряд террористов, это он вложил бомбу в руки того, кто потом убил... И опять не хотелось верить в правильность рассказа, но не верить было нельзя: указания были точны, ссылки на живых людей внушали доверие.

Бурцев продолжал свой рассказ, перейдя к поздней-

шим периодам деятельности таинственного «Раскина». Последний вскоре изменил свое поведение, и с этого момента как будто злой рок навис над всеми предприятиями Боевой организации. Ни одно покушение не стало больше удаваться. Даже наиболее тонко задуманные планы, даже наиболее хорошо законспирированные группы проваливались, людей арестовывали или они были вынуждаемы бежать, не доведя до конца начатых дел.

Все это менее интересовало Лопухина. Симпатий к революционерам он не питал. В свое время он сам без всяких колебаний их и в тюрьмы сажал, и на казнь посылал. Ведь и «Раскину» он именно для того деньги платил, чтобы тот выдавал революционеров, и если бы этот «Раскин» в свое время «честно» ему, Лопухину, служил, то рассказы Бурцева никакого возмущения в Лопухине не вызвали бы. Но теперь, когда он узнал, что этот «Раскин» обманывал и предавал не одних только революционеров, но и тех, кто ему за предательство деньги платил, обманутый «Раскиным» Лопухин начинал почти сочувствовать даже преданным «Раскиным» революционерам. Он всегда не любил этого «Раскина»: не мог преодолеть барского чувства брезгливости — пережитка той эпохи, когда складывалась поговорка о том, что «предателям платят, но их не уважают». Теперь к брезгливости прибавлялось раздражение обманутого человека. Как можно было дать так глупо себя обмануть? И кому? Человеку, которого презирал, которому никогда по-настоящему не верил, относительно которого всегда знал, что он способен на предательство из-за денег. Вспоминалось, что и раньше целый ряд моментов в поведении «Раскина» наводил на сомнения, заставлял думать, что он говорит не все, что знает. Особенно ясно это было видно из некоторых его докладов от зимы 1904—05 гг., из которых следовало, что «Раскин» играл в партии значительно более крупную роль, чем он это обычно признавал. Ведь и тогда Лопухину приходила мысль, не следует ли вызвать «Раскина» для объяснений? Не будет ли правильнее положить конец той игре, которая начата по требованию Плеве? Решимости поднять это дело тогда не нашлось: при всех своих недостатках «Раскин» все же был очень полезен, расход на уплату ему жалования с полицейской точки зрения во всяком случае покрывался с лихвой... И несмотря на все свои сомнения,

несмотря на понимание опасности игры, Лопухин тогда старательно закрывал глаза на поведение своего сотрудника.

А теперь, в дополнение ко всему, вставал и еще один вопрос: на свой ли только риск действовал «Раскин», ведя такую смелую игру? Лопухин помнил отзывы о «Раскине» хорошо его знавшего Зубатова: последний всегда подчеркивал, что «Раскин» человек в высшей степени осторожный, почти трусливый. Разве мог этот трус самостоятельно вести столь смелую игру? Не скрывался ли за его спиной кто-то значительно более сильный и влиятельный, преследовавший свои далеко идущие цели, в руках которого «Раскин» был только пешкой?

Чем больше Лопухин думал над этим вопросом, тем определеннее он склонялся к положительному ответу.

За годы своего пребывания на посту директора Департамента полиции он имел возможность заглянуть в наиболее прикровенные тайники той кухни взаимных интриг и подсиживаний, которая скрывается в непосредственной близости от самых вершин правительственной власти, — и знал, что во время ведущейся там ожесточенной борьбы люди способны не останавливаться буквально ни перед чем. Это была не простая догадка, не произвольное предположение. Лопухин *знал* факты, которые подтверждали эту его оценку. К нему самому не кто иной, как председатель Комитета министров Российской империи С. Ю. Витте⁷ — тогда еще не «граф» — обращался с предложением, в возможность которого Лопухин никогда бы не поверил, если бы не слышал его непосредственно из уст самого Витте. Этот последний перед тем только что потерпел жестокое поражение в своей борьбе против Плеве и был раздражен против царя, который, по своей обычной манере, в последний момент предал его, нарушив все прежние обещания. Ряд обстоятельств давал Витте основание предполагать, что Лопухин будет на его стороне, и в интимной беседе с ним, глаз на глаз, Витте развил план не чего иного, как цареубийства, совершаемого Департаментом полиции через посредство революционных организаций: Витте доказывал, что Лопухин, как директор Департамента и руководитель полицейского сыска во всей империи, имеющий в своем распоряжении полицейских агентов, входящих в состав террористических групп, может через

этих агентов внушить революционерам мысль о необходимости царубийства и при этом так повести полицейское наблюдение, что покушение приведет к успешному результату. Все останется совершенно скрытым, надо только действовать умно и осторожно. Когда же Николай перестанет существовать, на трон взойдет его брат, Михаил, который целиком находится под влиянием Витте. Власть последнего станет огромной, — и услуга Лопухина, конечно, будет щедро вознаграждена*.

Лопухин не рискнул вступить на тот путь, на который его звал Витте. Но теперь, когда он слушал рассказы о террористических покушениях, организованных агентами полиции, он не мог не вспомнить про свою старую беседу с Витте: не имеет ли он дело со случаем применения тех средств борьбы за власть, которые в свое время ему рекомендовал Витте? Не пользовался ли «Раскиным» кто-то другой, делая свою карьеру теми средствами, на применение которых в свое время у него, Лопухина, не хватило ни дерзости, ни беззащитности?

Чем больше Лопухин думал над этим вопросом, тем правдоподобнее казалась ему эта догадка. Он начинал даже думать, что угадывает и тайного вдохновителя «Раскина»: им мог быть, по мнению Лопухина, только один Рачковский.

Этого последнего Лопухин знал как человека, способного буквально на все. Разве не он организовал «анархистский» взрыв храма в Льеже? Лопухин имел в своих руках документальные тому доказательства: показания непосредственного организатора взрыва — агента Рачковского, некоего Яголковского, который откровенно рассказал обо всем этом предприятии прокурору петербургской судебной палаты, после того как, арестованный в Бельгии, он был выдан русским властям. Знал Лопухин и о том, что Рачковский был связан тайными нитями с Витте: у Лопухина имелись доказательства того, что кража у проф. Циона — противника фи-

* Об этой беседе с Витте Лопухин рассказал в своем «Отрывке из воспоминаний» (Москва, Гос. изд., 1923 г.). Так как борьбу против Плеве Витте вел, опираясь, между прочим, на поддержку ближайшего помощника Лопухина и непосредственного руководителя всех агентов Департамента С. В. Зубатова, то вполне закономерен вопрос: не явился ли разговор Витте с Лопухиным продолжением разговоров на эту тему между Витте и Зубатовым? ⁸

нансовых мероприятий Витте — пакета с неприятными для Витте документами была организована по просьбе последнего именно Рачковским. Рачковский и сам был зол и на Плеве, и на Лопухина, и покушения, организованные «Раскиным», несомненно принесли ему пользу: они расчистили ему путь для возвращения к власти в Департаменте полиции. Взглянув на вещи под этим углом, Лопухин находил объяснение и перемене в поведении «Раскина»: организуемые последним террористические предприятия перестали приводить к успешным результатам немедленно после того, как Лопухин был убран из Департамента, и к руководству полицейским розыском был привлечен Рачковский. Организовывать удачные покушения во вред самому себе последний, конечно, не мог хотеть. Эта же догадка давала, наконец, объяснение и привязанности Витте к Рачковскому, которая выявилась зимой 1905—06 гг. и причины которой для Лопухина до этого времени были не вполне ясны. В этот период, когда Витте вновь пришел к власти, Лопухин сделал попытку свести свои старые счеты с Рачковским. Через своих бывших сослуживцев по Департаменту он получил данные об организации Рачковским и его ближайшими подручными в помещении Департамента полиции тайной типографии, в которой они печатали прокламации с призывами к антиеврейским погромам. Собранный материал был убийственен: он доказывал, что черносотенные погромы конца 1905 г. были непосредственно организованы Департаментом. Лопухин довел этот материал до сведения Витте. Сомневаться в точности представленных ему данных Витте не мог; на удалении Рачковского настаивал целый ряд членов кабинета министров; политически Рачковский для Витте был вреден, и тем не менее Рачковский остался на своем посту.

Все это, вместе взятое, складывалось в цельную картину, и Лопухин едва ли не до конца своей жизни был уверен в том, что «Раскин» действовал под руководством Рачковского. В таких условиях разоблачение «Раскина» в представлении Лопухина начинало сливаться с разоблачением Рачковского, с разоблачением всей той клики темных дельцов, с которыми был связан последний.⁹ Лопухин был достаточно умен, чтобы понимать, что ему лично это разоблачение теперь уже не поможет. Все пути к продолжению бюрократической

карьеру ему уже были отрезаны. Но моральное удовлетворение разоблачение ему дало бы: оно подводило итог всей его долгой борьбе против Рачковского.

Тем временем Бурцев заканчивал свой рассказ. Точного представления о действительных причинах поведения «Раскина» у него еще не было. Но он отчетливо понимал, что оно преступно, с какой бы точки зрения к нему ни подойти, и употреблял все усилия, чтобы преодолеть колебания Лопухина, чтобы внушить ему сознание необходимости помочь делу разоблачения. Он говорил, что этот «Раскин» еще и теперь продолжает вести свою двойную игру, одной рукой организуя покушения, другой — предавая действующих под его руководством террористов. Совсем недавно, как узнал Бурцев вполне доверительно из совершенно надежного источника, «Раскин» организовал покушение на самого царя. Если это покушение и не состоится, то во всяком случае по причинам, ничего общего с «доброй волей» «Раскина» не имеющим. Нет никакого сомнения, что эту свою двойную игру «Раскин» будет вести и дальше, если только он не будет разоблачен, — и Бурцев говорил, что все будущие жертвы террора, все последующие казни выданных «Раскиным» террористов лягут на его, Лопухина, совесть, если он теперь прикроет своего бывшего агента и не скажет всей о нем правды.

«Вы, будучи директором Департамента, — кончал Бурцев, — не могли не знать этого провокатора. Как видите, я его теперь окончательно разоблачил, и я еще раз хочу попросить вас, Алексей Александрович, позволить мне сказать вам, кто скрывается под псевдонимом «Раскина». Вам останется только сказать, прав я или нет!»

Только теперь Лопухин решился:

— Никакого «Раскина» я не знаю, — заявил он, — но инженера Евно Азефа я видел несколько раз.

Так впервые за время этой длинной беседы было названо это имя...

«Конечно, — вспоминает Бурцев, — для меня менее, чем когда-либо, эта фамилия была новостью. Более года она буквально ежеминутно была у меня в голове. Но то, что я ее услышал из уст Лопухина, меня поразило, как громовой удар...» Заявление Лопухина действительно имело решающее значение для дела: именно оно разоблачило Азефа...

Разговор продолжался еще долго, до самого Берлина. Теперь говорил больше Лопухин. Сделав первый шаг, он начал делиться и своими соображениями о действительных мотивах поведения Азефа. Именно он во время этой беседы первый выдвинул и обстоятельно мотивировал теорию о Рачковском как закулисном вдохновителе Азефа в дни убийства Плеве и вел. кн. Сергея. Это объяснение наложило свой прочный след на всю позднейшую литературу об Азефе, но оно ни в коей мере не соответствует действительности. Действительные мотивы поведения Азефа были совсем иные и выяснению их версия Лопухина ни в какой мере не помогала. И только теперь, спустя почти четверть века после той беседы между Кельном и Берлином, когда нам стали доступны почти все документы секретных архивов и еще многие другие важные материалы, явилась возможность дать правильные ответы на все вопросы, которые встают в связи с делом Азефа...

Глава II

На заре «туманной юности»...

Евно Азеф родился в 1869 г. в местечке Лысково Гродненской губернии, в семье очень бедного портного Фишеля Азефа. Семья была большая: три сына и четыре дочери. Евно был вторым. Жить было тяжело: нищета кругом была отчаянная, к каждому куску тянулось слишком много ртов. Кто мог, стремился вырваться из той «черты оседлости», которая тогда была установлена правительством для евреев. Когда молодому Азефу было пять лет, в погоне за лучшей жизнью выбрался из «черты» и его отец. Семья поселилась в Ростове-на-Дону — в те годы быстро разраставшемся торгово-промышленном центре юго-востока России. В богатый хлебом и углем район отовсюду стекались предприимчивые люди: съезжались купцы, налаживались предприятия, тысячами подходили рабочие. Капиталы создавались быстро и легко — надо было только уметь быть оборотистым и беззастенчивым в выборе путей и средств. Азеф-отец был сделан, по-видимому, из неподходящего теста. Правда, он тоже занялся торговлей — завел лавку с красным товаром, но капиталов не нажил.

«Люди вообще бедные», — давала местная полиция справку о семье Азефов почти через два десятилетия после их переселения в Ростов. Но во всяком случае на одного из сыновей — на Евно Азефа — эта ростовская атмосфера погони за легкой и скорой наживой наложила свою неизгладимую печать. Любовь к деньгам и беззастенчивость в выборе средств для получения их стали ему присущи с ранних лет.

С трудом, выбиваясь из последних сил, Азеф-отец давал своим детям возможность учиться: сыновей он провел через гимназию, которую Евно окончил около 1890 г. На дальнейшее средств не было. Несколько лет Евно Азеф перебивался мелкими заработками, перепробовав ряд профессий: давал уроки, был репортером маленькой местной газетки — «Донская пчела», служил писцом в какой-то конторе; наконец, пристроился по коммерческой части: стал мелким коммивояжером. Конечно, все это не могло удовлетворять, тем более, что о существовании иной, лучшей жизни молодой Азеф знал не только по долетавшему до него шуму большого города: еще из гимназии он начал вести знакомства с революционно настроенною молодежью и посещал кружки.

В начале 1892 г. на него пало подозрение в распространении одной революционной прокламации. На очереди стоял вопрос об его аресте. Он, по-видимому, догадывался об этом: ряд знакомых уже был арестован. Похоже, что угроза ареста была последним толчком, заставившим его уехать за границу, куда его и без того тянула жажда ученья, без которого, как он видел, невозможно было выбиться к лучшей жизни. Препятствием было отсутствие денег, но Азеф перешагнул через него: щепетильностью в отношении к чужим деньгам он никогда не отличался — мелочами это сказывалось еще в годы гимназии. Теперь он только сделал шаг к более крупному: в качестве комиссионера он взял у какого-то мариупольского купца партию масла для продажи, выручил за нее 800 рублей и уехал с ними весной 1892 г. в Германию, в Карлсруэ, где поступил в политехникум.

В Карлсруэ уже тогда существовала небольшая колония русской учащейся молодежи. Среди них был ряд знакомых Азефа по Ростову. Азеф вошел в их среду. Поселился на одной квартире со студентом-ростовцем Козиным — на четвертом этаже в доме № 30 по Вердер-

штрассе. Вошел в русский социал-демократический кружок. Старательно изучал электротехнику. Но очень скоро встал вопрос материальный. 800 рублей по тем временам были большими деньгами, но надолго их хватить не могло, тем более, что, по некоторым указаниям, они не все остались в руках Азефа. Возможность заработка была невелика. На помощь от родных надеяться не приходилось. Азеф бедствовал, производя на встречах впечатление человека «буквально терпящего голод и холод». Долго так существовать он не мог — и он еще раз с большой легкостью «перешагнул» через еще одно препятствие морального порядка: начал поторговывать теми секретами о революционной деятельности своих товарищей, которые ему были известны. Секреты эти были невелики, но ведь времена тогда были вообще глухие, крупных революционных событий совсем не было, и Азеф не без основания надеялся, что сообщаемые им мелочи заинтересуют полицию.

4 апреля 1893 г. он написал свое первое письмо в Департамент полиции. Это письмо носило характер предварительного прощупывания почвы. «Сим имею честь заявить Вашему высокопревосходительству, — писал он, — что здесь месяца два назад образовался кружок лиц-революционеров, задающихся целью», и т. д. Далее назывался ряд имен, приводились некоторые факты, которые должны были показать, что автор письма может быть полезен в деле осведомления как о революционных настроениях русского студенчества за границей, так и о пропаганде в Ростове. Никаких конкретных предложений относительно будущего в письме не имелось. Автор просил только в случае, если его сведения окажутся полезными, уведомить его заказным письмом по условному адресу: настоящей своей фамилии он не называл. Процедура приглашения нового агента на службу Департамента была в то время очень сложной. Письмо Азефа было доложено вице-директору Департамента, от него перешло к заведующему соответствующим делопроизводством. На оригинале письма сохранился ряд пометок: о нем совещались, собирали справки. Только 16 мая собрались ответить. Ответ выдержан в стиле коммерсанта, который не прочь пойти на предлагаемую сделку, но в то же время боится выдать, что она его сильно интересует: «О кружке в Карлсруэ, — писал Департамент, — нам известно (на самом деле о

нем почти ничего известно не было), и большого интереса он для нас не представляет; поэтому особенно дорожиться вам не приходится, но все же платить мы готовы, только прежде всего «назовите себя», так как мы — люди с твердыми принципами и «с неизвестными людьми мы сношений не ведем».

Азеф ответил быстро и цену запросил совсем «божескую»: за все про все 50 рублей в месяц, но имя назвать все еще колебался. У него мелькало опасение, не перехватываются ли его письма революционерами, а потому он боялся, что его секрет будет разоблачен без какой-либо реальной для него выгоды.

Но его попытка «темнить» в игре с Департаментом уже потерпела крушение, и виновен в этом был он сам: по молодости и неопытности Азеф сам дал Департаменту нить для установления его личности. Одновременно с предложением в Департамент почти аналогичное письмо он послал в жандармское управление родного Ростова, а там установить имя автора не представляло труда: имена ростовцев, живших в Карлсруэ, были известны; число их было весьма ограничено, и выяснить, кому именно принадлежит почерк, которым написано письмо из Карлсруэ, было легче легкого. В результате к тому времени, когда второе письмо Азефа пришло в Департамент, там имелись соответствующие справки из Ростова и его «самоличность» уже была установлена. Сведения ростовской полиции о личных свойствах Азефа вполне удовлетворяли тем требованиям, которые Департамент предъявлял к своим агентам. «Евно Азеф, — писали оттуда, — человек неглупый, весьма пронырливый и имеющий обширные связи между проживающей за границей еврейской молодежью, а потому и в качестве агента может приносить существенную пользу и надо ожидать, что, по своему корыстолюбию и современной нужде, он будет очень дорожить своей обязанностью».

Столь высокие нравственные достоинства Азефа заставили Департамент поторопиться с вырешением вопроса о нем. Через несколько дней, после получения его второго письма, в спешном порядке был составлен особый доклад о нем с указанием, что Азеф может принести «значительную пользу» и что цена, им требуемая, совсем невысока. 10 июня 1893 г. на этом докладе то-

варищем министра внутренних дел была положена резолюция: «Согласен».

Жизненный путь Азефа был предначертан...

Первое жалование из Департамента Азефом было получено за июнь 1893 г. Оно, конечно, выправило материальное положение Азефа, но пользоваться им приходилось с осторожностью, так как иначе возникли бы подозрения у товарищей, хорошо осведомленных относительно местных возможностей заработка и о материальном положении родных Азефа. Поэтому еще довольно долго Азеф выдерживал линию почти голодающего студента и строчил прошение за прошением во все, какие только можно, благотворительные организации, преимущественно еврейские, рассказывая о своем тяжелом материальном положении и прося о помощи. Эти прошения он показывал товарищам под предлогом необходимости исправлять его плохой немецкий язык. Таким образом создавалась легенда об источниках существования Азефа, а иногда и добавочный доход в его бюджете. Только много позднее Азеф перестал скрывать, что его материальные дела явно выправились.

Более быстро перемена в «бытии» Азефа вызвала изменение в его политической идеологии. В течение первых месяцев своего пребывания за границей он высказывался в весьма умеренном духе, выступал противником крайних методов революционной борьбы и в маленьком карлсруйском кружке примыкал к марксистам. Став агентом-осведомителем Департамента, он быстро передвинулся «влево» и уже в 1894—95 гг. приобрел себе репутацию последовательного сторонника террористических методов борьбы. В студенческих кружках он постепенно создает себе заметное положение. Говорить на собраниях он не любит — он не «теоретик», а «практик». Но за налаживание различных технических дел берется охотно. Умело расширяет круг знакомств. Совершает ряд поездок в соседние города Германии и Швейцарии, посещает интересные собрания и рефераты. Уже в августе 1893 г. он едет в Цюрих и в качестве посетителя присутствует не только на открыто происходивших собраниях международного социалистического конгресса, но и на собраниях русских учащихся и эмигрантов. В следующем 1894 г. он посещает Берн, где заводит сыгравшее в его карьере чрезвычайно важную роль знакомство с супругами Житловскими — основа-

телями «Союза русских социалистов-революционеров за границей». Этот Союз был невелик и невлиятелен. Тем старательнее основатели его искали адептов. Азеф верно понял, что это может стать для него не лишенным выгоды, и примкнул к Союзу, который позже открыл ему дорогу в ряды основателей партии социалистов-революционеров.

В том же Берне и приблизительно в то же время Азеф свел и другое знакомство, сыгравшее большую роль в его жизни: там он встретился со своей будущей женой — тогда студенткой Бернского университета. Она была искренней и убежденной революционеркой и с большими энергией и самоотверженностью пробивала свою дорогу в жизни. Азеф казался ей человеком, ставящим те же цели и идущим теми же путями, что и она... Об его сношениях с полицией она, конечно, и не подозревала¹.

Нельзя сказать, что путь Азефа был усеян только розами. Он был человек осторожный и осмотрительный. Тем не менее уже тогда вокруг его имени стали ходить неприятные слухи. К нему и в Ростове далеко не все относились с полным доверием: как человек, он не принадлежал к числу хороших, надежных друзей; любил зло подтрунивать над недостатками, был злопамятен и мстителен. Многие его уже тогда считали человеком, способным на все, если это ему выгодно. И в самой его внешности многое не располагало к доверию. Некрасивый, рыхлый и грузный, с одутловатым желтым лицом, с большими торчащими ушами, с низким, кверху суженным лбом, с жирными губами и расплюснутым носом, он многих от себя отталкивал чисто физически, и это подготовляло почву подозрительного к нему отношения.

Плохо говорить о нем начали уже вскоре после его первых докладов в Департамент. Тогда из Ростова написали в Карлсруэ, что последние аресты там были произведены по сообщениям, полученным жандармами из-за границы. Подозрение пало на Азефа, и коллега последнего по студенческому кружку в Карлсруэ, одесит Петерс (имя его встречается и в докладах Азефа), позднее заявил в печати, что в их кружке после этого случая Азефу определенно не доверяли. Но как это нередко бывало, расследованием слухов никто по-серьезному не занялся, обвинение не было оформлено, и дальше разговоров в кружке дело не пошло. А потом члены

первоначального кружка, хорошо осведомленные о деталях этого инцидента, окончили учебу и разъехались в разные стороны. Приезжавшая молодежь ничего не знала, а потому когда по прошествии нескольких лет один из студентов, некто Коробочкин, откуда-то знавший о старых обвинениях, публично назвал Азефа шпионом, то общее сочувствие присутствовавших оказалось на стороне «невинно оскорбленного» Азефа, и Коробочкин, который ничем не мог подтвердить свое обвинение, был исключен из кружка как клеветник.

К концу своего ученья Азеф имел уже вполне прочное положение в русских студенческих кругах и пользовался общим уважением. В эти годы он — владелец «хорошо подобранной» библиотеки нелегальных изданий, пользоваться которыми он позволял студенческой молодежи за небольшую плату. Ему чаще всего поручалось председательствование на студенческих сходках. По взглядам он — «убежденный» социалист-революционер, сторонник террора, и Бурцев вспоминает, что когда он издал первый номер своего «Народовольца» с призывом к убийству царя, то *единственный* сочувственный отклик, который он получил из читательской среды, было письмо Азефа. От публичных выступлений Азеф уклонялся, он на всю жизнь хорошо усвоил истину о «молчании-золоте». Тем авторитетнее звучали те немногие слова, которые он находил полезным произносить. Сохранились некоторые письма от тех лет, в которых зафиксированы впечатления молодежи от тогдашних выступлений Азефа: в них о последнем говорят как о «светлой личности», которая выделяется из студенческой среды своей преданностью революции и своим идеализмом. Говорил он, очевидно, в том же самом духе, в каком писал постоянно письма своей жене: эти письма, как свидетельствует человек, их читавший, «полны... глубокой грусти «народного печальника» и одновременно порывов борца, проникнутого пламенным идеализмом».

Вполне довольно Азефом было и полицейское начальство. Свои доклады туда он слал аккуратно, сообщая целый ряд интересных для полиции сведений о деятельности заграничных революционных кружков и об их сношениях с единомышленниками в России. За этот материал ему платили регулярно по 50 рублей в месяц; так же регулярно к Новому году приходили и наград-

ные в размере месячного оклада. В 1899 г. в награду за обилие ценных сообщений оклад был повышен сразу до 100 рублей и кроме наградных к Новому году были выданы наградные еще и к Пасхе.

В 1899 г. он получил диплом инженера-электротехника в Дармштадте, куда он перевелся из Карлсруэ, чтобы лучше изучить свою специальность. Одно время он, по-видимому, носился с планом обосноваться за границей и даже нашел место инженера у фирмы Шуккерта в Нюрнберге. Но его охранное начальство имело на него совсем другие виды: революционная волна быстро нарастала, и на «пронырливых» и «корыстолюбивых» агентов был большой спрос. Азефу предложили поехать в Москву, обещав и содействие в получении места по инженерной специальности, и прибавку жалованья по специальности другой, основной. Уклоняться от такой заманчивой карьеры у Азефа, естественно, не было оснований.

Осенью 1899 г. он выехал в Россию, снабженный самыми лучшими и разнообразными рекомендациями: Житловские тепло рекомендовали его своим друзьям-единомышленникам в Москве, а Департамент полиции не менее тепло поручил его заботливому вниманию Зубатова, знаменитого в те годы начальника Охранного отделения в Москве.

Глава III

На пути к большому плаванию

В Москве Азеф быстро завязал сношения с руководителями здешнего «Союза социалистов-революционеров», который в то время был одной из самых влиятельных организаций представителей этого течения.

Первая встреча Азефа произошла на вечеринке у писательницы Е. А. Немчиновой. У нее время от времени устраивались такие вечеринки, на которые сходились представители различных оттенков революционной интеллигенции и велись разговоры на различные темы. Как обычно, и на этот раз было шумно и дымно от обилия выкуренных папирос. Спор шел о мировоззрении Михайловского — властителя дум тогдашних народников. Говорили все знакомые люди — обычные посетители этих

вечеринок друг к другу уже успели присмотреться. Тем сильнее всех заинтересовало выступление новичка — человека толстого, с неинтеллигентным, скуластым лицом, который, волнуясь, защищал Михайловского от критических нападков со стороны марксистов. В особенности ценной у Михайловского он считал его теорию «борьбы за индивидуальность». «Речь продолжалась довольно долго, — рассказывает свидетель-мемуарист, — и произвела на окружающих впечатление своей искренностью и знанием предмета».

Этим оратором был Азеф.

Через несколько дней после этой вечеринки руководители московского Союза смогли и лично познакомиться с Азефом: он явился на квартиру к основателю и главному руководителю Союза — к А. А. Аргунову¹, причем выяснилось, что Азеф является тем самым лицом, о предстоящем приезде которого Аргунов уже получил уведомление из-за границы от Житловского. Так как Азефа в дополнение ко всему лично знал другой член Союза — Чепик, познакомившийся с ним в прошлом году за границей, то вполне естественно, что к Азефу с самого начала отнеслись с полным доверием.

Но, конечно, еще раньше своего визита к руководителям Союза Азеф свел знакомство со своим новым начальником по линии политической полиции — с С. В. Зубатовым. Этот последний был, несомненно, самой крупной фигурой среди тех, кому царское правительство за последние десятилетия своего существования поручало дело борьбы с революционным движением. Большую роль сыграл он в жизни Азефа.

Человек среднего роста и «средней» же, ничем не выделявшейся внешности, с гладкими, зачесанными назад каштановыми волосами, с небольшой бородкой, всегда в дымчатых очках, «типичный русский интеллигент» и по привычкам, и по манерам, Зубатов был чужим человеком в мире «голубых» генералов и статских советников жандармского ведомства. В молодости, в бытность свою учеником одной из московских гимназий, он был связан с революционными кружками середины 1880-х гг., но очень скоро «образумился» и, войдя в сношения с Охранным отделением, начал, употребляя его собственное позднее выражение, подводить контр-конспирацию под конспирацию революционеров, т. е., говоря проще и проще, стал тайным агентом полиции. По его доносам был

произведен ряд арестов. Роль его раскрыта была довольно скоро, тогда он открыто поступил на службу в Охранное отделение. В деле полицейского розыска тогда царяла полная рутина: малограмотные и малоинтересующиеся своим делом чиновники работали по методам, которые они усвоили от своих предшественников. Способный, быстро схватывающий существо вопросов и быстро ориентирующийся в запутанной обстановке, владеющий пером и даром убеждающей речи, хороший организатор, а главное — человек, интересующийся делом полицейского сыска и любящий его, Зубатов быстро выдвинулся из среды окружавших его бездарностей. Меньше чем через десять лет он стал начальником Московского охранного отделения, в руках которого было сосредоточено дело политического розыска в доброй половине империи. Энергично и смело он проводит ряд реформ технического характера: вводит фотографирование всех арестуемых, применяет дактилоскопию, разрабатывает и систематизирует дело наружного наблюдения, впервые в России создавая кадры хороших филеров. Он был тем, кто первый поднял в России технику полицейского сыска до того уровня, который был им достигнут в Западной Европе. Для русской политической полиции эти годы были годами настоящей «охранной реформации».

Но планы Зубатова шли значительно дальше, чем простое «уловление» революционеров. В годы, когда началось массовое рабочее движение, он вопрос о борьбе с революцией поставил как вопрос политический. Основную опасность для самодержавия, поклонником которого он был, он видел в том, что революционерам удастся привлечь на свою сторону широкие рабочие массы. Поскольку движение стало массовым, победить его одними мерами репрессий ему казалось невозможным. Стратегическая задача правительства в борьбе с революционным движением, по его мнению, должна была состоять в разделении сил противника — во внесении раскола между революционной интеллигенцией, ставящей политические цели республиканского характера, и рабочими массами, идущими вместе с революционерами только потому, что последние содействуют их борьбе за улучшение материального положения. Соответственно этой оценке положения проводимая им политика была двусторонняя: с одной стороны, он выступал в качестве сторонника развития законодательства об охране труда, нередко поддерживая

рабочих в их конфликтах с предпринимателями, если эти конфликты носили чисто экономический характер, и добивался разрешения рабочим создавать под покровительством полиции легальные общества для защиты своих чисто экономических интересов. И в то же время, с другой стороны, он был рад нарастанию крайних революционных настроений в среде интеллигенции и даже, поскольку мог, содействовал развитию подобных настроений. «Мы вызовем вас на террор, — хвастливо заявлял он в минуты откровенности, — и раздавим»². Этот план отличался полным непониманием механики социальных процессов, но он был очень смел — в этом ему отказать нельзя: честолюбивый и властный, полный далеко идущих планов, Зубатов был крайне самонадеян, любил играть с огнем и очень скоро проиграл в этой игре.

В соответствии с этими задачами Зубатов большое внимание обращал на дело развития своей «внутренней агентуры» в революционных организациях. Эта область полицейской работы была его любимой областью. Позднее, находясь уже на покое, он говорил, что «агентурный вопрос» — это «святая святых» его воспоминаний. «Для меня, — заявлял он, — сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание». Он умел завербовывать подобных «агентов», умел и руководить ими, охранять от «провалов», научать искусству пролезания на высшие ступени революционной иерархии.

Своим помощникам — молодым жандармским офицерам и охранным чиновникам, которых он припускал к делу сношения с секретными агентами, Зубатов внушал такое же отношение к этим последним. «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный шаг и вы ее опозорите», — так наставлял Зубатов жандармскую молодежь.

Из всех «любимых женщин» этого своеобразного «возлюбленного» прибывший из-за границы Азеф быстро стал наиболее «любимой». Увы, именно на нем-то и пришлось Зубатову убедиться, как рискованно полагаться на «сердце красавицы», даже если она приписана к Охранному отделению. Позднее, после разоблачения Азефа, Зубатов в частном письме дал верную его характеристику. «Азеф, — писал он, — был натура... чисто аферическая... на все смотрящий с точки зрения выгоды, занимающийся революцией только из-за ее доходности и службой

правительству не по убеждениям, а только из-за выгоды». Но это понимание, как горькое похмелье, пришло только много позднее. В те же годы, к которым относится рассказ, Зубатов, зная превосходно «корыстолюбие» своего «пронырливого» агента, заботливо наставлял его в тайнах охранной премудрости и бережно проталкивал к самым центрам революционных организаций. Учеником Азеф был весьма способным, и руководимая столь опытным кормчим ладья плыла по течению без толчков и без аварий.

Несомненно не без помощи Зубатова Азеф нашел хорошее место по своей специальности как инженер — в московской конторе Всеобщей электрической компании. Стал членом «Общества вспомоществования лицам интеллигентных профессий», в состав которого тогда входил весь цвет московской интеллигенции. Стал сотрудником журнала этого общества. Завел широкие знакомства и бывал на различных вечеринках, собраниях, банкетах, которые тогда время от времени удавалось устраивать.

В своих докладах Зубатову Азеф подробно рассказывал обо всем, что узнавал интересного из жизни революционного мира. В этих вопросах он был совершенно «беспартийным»: от него Зубатов получал ряд сведений о руководителях тогдашнего московского комитета социал-демократов, о виленской типографии издательской группы «Социал-демократическая библиотека» и т. д. Но основное его внимание, конечно, обращено на московский «Союз социалистов-революционеров». Этот Союз в то время быстро развивал свою деятельность и приступил к изданию своего органа — журнала «Революционная Россия»³, который вскоре стал центральным органом всей партии социалистов-революционеров. Типографию устроили в Финляндии, около ст. Тали, в имении одной помещицы, сочувствовавшей взглядам партии. К редактированию органа были привлечены два крупных писателя народнического направления — В. А. Мякотин⁴ и А. В. Пешехонов⁵. Первый номер напечатан был в январе 1901 г., но помечен он декабрем 1900-го, так как печатание несколько запоздало. За ним вскоре последовал второй. Оба они были довольно широко распространены по России. Интерес к ним среди народнически настроенной интеллигенции возрастал.

Параллельно с этим рос интерес к данной группе и у Зубатова.

Состав Союза теперь он знал, и произвести аресты его главных деятелей ему не представляло труда. Но у него были более далеко идущие планы. Производить аресты отдельных лиц он вообще не любил. Обычно он давал организации время «назреть», подробно выяснял все ее разветвления и затем производил большие аресты, тщательно при этом заботясь о том, чтобы его «агент» при этом не был «провален», а, наоборот, имел бы возможность продвинуться вверх по лестнице революционной иерархии. Лучше оставить на свободе нескольких явных революционеров, чем провалить одного полезного агента, — таков был основной принцип Зубатова во время подобных арестов.

Руководимый Зубатовым Азеф в своих сношениях с руководителями Союза держался умно и осторожно. Он объявил себя «сочувствующим» и ни в какой мере не навязывал своего знакомства, никогда ни о чем не спрашивал, не проявлял подозрительного любопытства. В общих разговорах он не скрывал, что скептически смотрит на возможность создания крупных организаций и особенно прочной постановки революционной издательской деятельности внутри России: полицейские репрессии, по его мнению, слишком сильны. Гораздо более разумно такого рода издательские предприятия ставить за границей; что он с самого начала советовал и в отношении органа Союза. Он признавал только один метод борьбы — террор. В то время, как москвичи, будучи террористами в теории, на практике никаких шагов в этом направлении не делали, считая, что это дело будущего, Азеф все время выставлял себя сторонником немедленного перехода к террористической борьбе. Всякая другая форма революционной деятельности ему казалась «пустяками». «Главное ведь террор!» — заявлял он. И когда весной 1901 г. прозвучал выстрел Карповича⁶, Азеф радостно заявил: «Ну, кажется, террор начался!» Выступая с такими заявлениями, Азеф продолжал ту линию, которую он начал еще за границей. Но теперь она была не его только личной линией: за ним, несомненно, стоял Зубатов.

Но расценивая очень невысоко значение всей нетеррористической деятельности революционеров, Азеф тем не менее никогда не отказывал в своей помощи, если за нею обращались. Когда, например, Аргунову понадобился для типографии «тяжелый, но негромоздкий» вал, то

Азеф охотно взялся таковой доставить: у него якобы был хороший знакомый, инженер на заводе, который готов вал изготовить. Мало-помалу он закрепил за собою свое положение человека осторожного и осмотрительного, но не трусливого, который может быть полезным советником во всех практических вопросах, — и к нему все чаще и чаще стали обращаться за советами. О том, что «тяжелый, но негромоздкий» вал был изготовлен при помощи Охранного отделения и послужил одной из главных нитей, по которой было выяснено местонахождение типографии Союза, известно стало только позднее...

Арестовывать типографию в Финляндии Зубатов по ряду соображений не считал удобным. Поэтому решено было «спугнуть» революционеров и заставить их перенести типографию в другое место. За выезжавшими в Финляндию революционерами началась настойчивая слежка. Сыщики, что говорится, «висели на пятках». Создавалась уверенность, что не сегодня-завтра будет произведен арест, и типографию было решено перенести в другое место. Такое нашлось в Сибири. Брат жены Аргунова, врач Павлов, там получил место заведующего переселенческим пунктом в Томске. «Пункт» этот помещался за городом, в уединенном месте, в лесу. Штат служащих был подобран сплошь из революционеров. Более удобного места для типографии, казалось, нельзя было и придумать. С большими предосторожностями и по частям перевезли туда типографию. Чтобы не завести в Томск слежку, пробиравшиеся туда работники предварительно плутали по всей России. С. Н. Барыков, например, из Москвы в Томск ехал через Тифлис. Но это не спасло: за ним были отправлены лучшие филеры, которые проследили его вплоть до Томска. Впрочем, о пребывании там типографии Зубатов узнал и более прямым путем: адрес для особенно конспиративной переписки типографии с Москвою достать попросили Азефа.

В сентябре 1901 г. типография устроилась на новом месте и приступила к работе над третьим номером «Революционной России». Подробно взвесив с Азефом обстановку, Зубатов пришел к выводу, что теперь арест типографии не будет грозить никакими неприятностями для его агента. Для ареста и следствия был послан из Москвы специальный уполномоченный, жандармский офицер А. И. Спиридович⁷. Правда, его приезда не дождалось: филеры сообщили из Томска, что, судя по внешним при-

знакам, в типографии новый номер уже печатается и скоро будет выпущен в свет, а потому Зубатов распорядился произвести ликвидацию немедленно силами томской полиции. Но все расследование провел Спиридович, ловко скрывший от арестованных степень осведомленности властей. На Азефа не пало и тени подозрения. Наоборот, именно в это время его положение в революционной среде упрочилось.

После томского разгрома московские руководители Союза не сомневались, что их очередь придет очень скоро. Боязни за себя не было: к аресту психологически они давно уже были готовы. Мысль была занята одним: надо спасти те остатки организации, которые еще можно было спасти, — надо передать все связи такому человеку, который еще не скомпрометирован и который поэтому не будет арестован. Таким спасителем оказался Азеф, в эти дни особенно сблизившийся с Аргуновым. «Азеф, — вспоминает последний, — принял горячее участие в нашем горе. Оно стало как бы его горем. В нем произошла перемена. Из пассивного соучастника он превратился в активного члена нашего Союза. Торжественного вступления в Союз не было: сделалось это как то само собою». В начале встречаться приходилось с большими предосторожностями. Аргунов рассказывает про одно свидание в Сандуновских банях: дела обсуждали голыми. Потом встречаться стало легче: когда выяснилось, что своим преемником Аргунов намечает Азефа, Зубатов распорядился снять наблюдение, и филеры уже не ходили по пятам. Азеф еще раньше рассказывал Аргунову, что «по своим делам» он в этом году должен будет ехать за границу, — это был план Департамента полиции, решившего, что за границей Азеф будет более полезен. Теперь эта поездка оказалась как нельзя более своевременной! Азеф предложил Аргунову свои услуги для устройства за границей всех нужных дел. Уговаривал он уехать туда же и Аргунова, но жизнь эмигранта того не прельщала. Зато другой член Союза, Мария Селюк, решила последовать совету Азефа. Были приняты услуги и последнего. «Азефу мы поручили все, как умирающий на смертном одре, — продолжает свой рассказ Аргунов. — Мы рассказали ему все наши пароли, все без исключения связи (литературные и организационные), всех людей, все фамилии и адреса, и отрекомендовали его заочно своим близким. За границей он должен был явиться

с полной доверенностью от нас, как представитель Союза, рядом с Селюк. Чувство к нему было товарищеское, пожалуй, даже чувство дружбы. За эти дни несчастья его активное вмешательство сдружило нас».

Успех игры Зубатова был полный. Все связи Союза были в его руках. Он мог произвести по ним ликвидацию групп социалистов-революционеров во всей России. Но это не входило в его планы. Он хотел продолжать игру и продвинуть Азефа к самому центру всероссийской организации. Для этого Азеф должен был ехать за границу и принять участие в переговорах об объединении всех народнических групп России.

Фонды Азефа быстро росли, одновременно рос и оклад его жалованья: с января 1900 г. он получал по 150 руб., а после томских арестов и в связи с его командировкой за границу оклад был повышен сразу до 500 руб. в месяц. Цифра дотоле небывалая.

В конце ноября 1901 г. Азеф выехал вместе с семьей за границу. Незадолго до него выехала и Селюк. Роль ее Охранному отделению была хорошо известна, но Зубатов ее решил не трогать, так как она могла быть полезной Азефу. Так и случилось в действительности — и Азеф потом в письмах из-за границы подчеркивал, что этот расчет был очень верен: вместе с Селюк Азефу на первых шагах было легче выступать представителем московского Союза.

С арестом Аргунова полиция временила до отъезда Азефа. Только недели через две после этого он был арестован: после двух с половиной лет тюрьмы он пошел в ссылку, откуда только в 1905 г. ему удалось бежать.

Глава IV

Основание партии социалистов-революционеров

Самым важным из поручений, которые Аргунов, «как умирающий на смертном одре», дал Азефу, было поручение довести до конца переговоры по объединению разрозненных народнических групп в одну большую «партию социалистов-революционеров». Почва для такого объединения уже была подготовлена, и сами переговоры были начаты еще до ареста томской типографии. Издан-

ные Аргуновым два номера «Революционной России» всеми народниками были встречены с большим сочувствием и внушали доверие к инициаторам переговоров. Принципиальное согласие от крупнейших народнических групп уже имелось. Наиболее трудная часть работы была сделана. На долю ехавшего за границу Азефа падала лишь наиболее легкая и в то же время наиболее выигрышная часть работы: формальное завершение объединения, переговоры с единомышленниками в эмиграции и постановка дальнейшего издания «Революционной России» за границей — на этот раз уже в качестве органа новой партии.

Кроме представителей московской организации, Азефа и М. Селюк, для выполнения этой работы за границу приехал Г. А. Гершуни¹ в качестве представителя организаций Юга и Северо-Западного края. Друг с другом они сговорились быстро, и во всех дальнейших переговорах, вести которые им пришлось в Берлине, Берне и Париже, выступали солидарно, как одно целое. В течение каких-нибудь двух месяцев переговоры были доведены до успешного конца. Было достигнуто соглашение по всем вопросам программы и тактики — в тех пределах, в которых они тогда вставали. Роль общепартийного центра временно (вплоть до съезда) была возложена на саратовскую группу, руководящую роль в которой играли Е. К. Брешковская², Ракитниковы и др. «Революционную Россию» решено было издавать в Швейцарии, причем редакция ее была составлена из М. Р. Гоца³ и В. М. Чернова⁴.

Руководящее политическое ядро новой партии складывалось из М. Р. Гоца, Г. А. Гершуни и В. М. Чернова. Это были люди различных складов, но они хорошо дополняли друг друга.

В. М. Чернов с самого начала стал главной литературно-теоретической силой молодой партии. Совсем еще молодой (в то время ему не было и тридцати лет), он еще до вступления в редакцию «Революционной России» выдвинулся рядом статей в легальной и нелегальной печати, характерной индивидуальной черточкой которых было стремление подвести новый идеологический фундамент под старое народническое мировоззрение, используя для этого работу теоретической мысли западноевропейского социализма, главным образом так называемого ревизионистского лагеря. Эту индивидуальную осо-

бенность он внес и в «Революционную Россию» — и пронес через всю эпоху ее существования, наложив ее как слабыми, так и сильными сторонами неизгладимую печать на всю программу партии социалистов-революционеров.

Функции главного организатора-практика молодой партии легли на плечи Г. А. Гершуни. До самого ареста в мае 1903 г. он находился в непрерывных разъездах по России, деля эту свою работу с Е. К. Брешковской. Между ними существовало своего рода разделение труда: по словам Сераф. Клитчоглу, Е. К. Брешковская в то время, «как святой дух революции», носилась по стране, повсюду поднимая революционное настроение молодежи и вербуя прозелитов партии. Гершуни же обычно ездил за нею следом и оформлял поднятое ею движение, организационно закрепляя его за партией социалистов-революционеров.

В свое отношение к старому режиму он вносил и личный элемент: совсем еще юным и политически неустановившимся, он попал в тюрьму, в руки к Зубатову, и на собственном опыте ознакомился с приемами, к которым прибегал последний, чтобы опустошить души противников абсолютизма, чтобы сгибать их волю. Согнулся тогда и Гершуни: он написал для Зубатова «покаяние» в своих «заблуждениях». Ничьих имен он при этом не назвал, никого в руки полиции не предал: все эти документы теперь найдены и опубликованы. Но путь, на который он при этом вступил, конечно, не принадлежал к числу приемлемых с точки зрения последовательного революционера. Гершуни это знал лучше других — и в его отношении к старому строю вплетался элемент личной ненависти. Именно этот субъективный оттенок сделал Гершуни особо страстным апостолом-пропагандистом возрождения террористической борьбы.

Энтузиаст, весь отдавшийся одной думе, Гершуни обладал необычайною силою воздействия на тех, с кем ему приходилось сталкиваться. На взгляд постороннего наблюдателя-скептика, в свое поведение он нередко вносил элемент театральности. Достаточно напомнить про жест, который он сделал, когда после ареста в Киеве его заковывали в цепи: он нагнулся и молча поцеловал железо кандалов. Более искусственный, более деланно-театральный жест, кажется, трудно и придумать. И тем не менее он произвел незабываемое впечатление на тех, кто его видел, а эти видевшие — тюремщики и жандармы —

по роду своей профессии не принадлежали к разряду людей особенно впечатлительных: неподдельная внутренняя страсть заставляла забывать о том, что в каждом другом должно было казаться надуманной позой. Естественно, что во много раз более неотразимым было влияние Гершуни на молодежь: во многих ее представителях именно он разбудил будущих террористов.

Менее заметной для внешнего мира, но еще более значительной для судеб молодой партии была роль М. Р. Гоца. В названной руководящей «тройке» он был старшим по возрасту и еще более — по жизненному опыту. Сын московского миллионера, в середине восьмидесятых годов он вошел в революционный кружок, был арестован и сослан в Сибирь, где в 1889 г. принял участие в протесте якутских ссыльных против тех тяжелых условий, которые создавала для ссыльных администрация. Против протестантов были применены суровые меры. Несколько человек было убито, остальные избиты и преданы суду, который закончился казнью троих и ссылкой на каторжные работы еще 20 человек. М. Р. Гоц был в числе последних. Только в 1899 г. он вышел на свободу и смог вскоре выехать за границу, куда его, помимо всего прочего, толкала необходимость лечиться: во время якутского избиения приклад солдатской винтовки пришелся по становому хребту, результатом чего были никогда не прекращавшиеся загадочные боли. Только в 1904 г. была выяснена их причина: разраставшаяся опухоль давила на спинной мозг, вызывая нестерпимые боли и приводя к параличу конечностей. Устранить опухоль можно было только оперативным путем, причем было известно, что эта операция имеет много шансов стать смертельной. Гоц пошел на нее — и в 1906 г. умер под ножом хирурга.

Но это относится уже к более позднему времени. В 1901—02 гг. Гоц, хотя и прихвлярававший, был еще полон энергии и сил. Особого литературного таланта у него не было, но писать он умел просто и ясно, четко выделяя свои основные мысли. Читатель его статей всегда знал, чего хочет их автор. Это умение выделять основную мысль Гоц внес и в политически-организационную работу новой партии. Он с самого начала стал ее руководящим политиком и организатором. Этому делу он отдал всю свою неисчерпаемую умственную энергию, и его роль в *политическом* редактировании была огром-

на. Наряду с этим он стал центральной фигурой в партии, к которой обращались по всем руководящим делам организационного порядка.

В тесных отношениях с этой руководящей «тройкой» был Азеф, который с самого начала выделился трезвым практицизмом суждений и умением предусматривать все детали намечаемых предприятий. Это особенно сближало его с Гершуни. По свидетельству Чернова, уже в этот период Гершуни был так близок с Азефом, что вместе с ним проявлял и расшифровывал приходившие из России письма с секретными сообщениями о делах организационного характера. Для Азефа эта близость была особенно интересна, так как именно Гершуни был инициатором постановки вопроса о применении террора. Разговоры на эту тему велись в очень узком кругу: кроме указанных четырех человек в них едва ли кто-нибудь был посвящен. В принципе возражений против террора не встретилось, но открыто с пропагандой этого метода борьбы выступить было решено только после того, как какая-нибудь инициативная группа совершит террористический акт центрального значения. Партия, как было условлено, согласится признать этот акт своим и даст указанной инициативной группе права партийной боевой организации. Гершуни заявлял, что он берет на себя эту задачу, и не скрывал, что первый удар, для которого, по его словам, уже имелись добровольцы, будет направлен против министра внутр. дел Сипягина⁵. Почти несомненно, что в этих пределах о готовящемся покушении был осведомлен и Азеф: план в деталях никому не мог быть известен, так как он был во многом сымпровизирован позднее Гершуни на месте.

В Департамент полиции за эти месяцы Азеф писал довольно часто и подробно. В его письмах звучали нотки полного удовлетворения лазутчика, пробравшегося в самый центр вражеского стана: «В Берлине и Париже я попал в центр». Особенно подробно доносил он про Гершуни, вполне определенно подчеркивая его руководящую роль во всех заграничных переговорах и в предприятиях новосозданной партии вообще. Когда в конце января 1902 г. Гершуни собирался в Россию для объезда местных групп и осведомления их о состоявшемся объединении, Азеф сообщил Департаменту и точную дату его выезда из Берлина, и намеченный маршрут поездки. Но все эти свои сообщения Азеф сопровождал настоя-

тельной просьбой не арестовывать Гершуни. «Брать его, — писал Азеф, — ни под каким видом не следует пока. Имейте это в виду». «Но из глаз его не упустим», — самодовольно прибавлял Азеф в конце своего донесения. Департамент полиции таким образом имел полную возможность арестовать Гершуни, но он согласился с доводами Азефа. «Гершуни, — самоуверенно писали из Департамента к Зубатову, — теперь от нас никуда не уйдет, так как стоит непосредственно близко к агентурному источнику и немедленный арест его, оставив нас в темноте, пользы принесет мало, а агентуру может скомпрометировать». Поэтому решено было дать возможность Гершуни совершить свою, «очень интересную», как подчеркивал Департамент, поездку по России, чтобы выяснить, с кем именно он будет встречаться, и иметь возможность произвести позднее массовые аресты повсюду.

План этот был далеко не плох, но расчет был сделан, так сказать, без хозяина: опытный конспиратор, Гершуни легко заметил слежку и быстро от нее отделался. Никаких его свиданий полиция проследить не смогла, и за ее излишнюю самонадеянность заплатил головой министр внутренних дел Сипягин.

Немедленно по приезде в Россию Гершуни сосредоточил свое внимание на подготовке покушения против этого последнего. Добровольцем, который вызвался на это дело, был молодой киевский студент Ст. В. Балмашев⁶. Непосредственная подготовка к покушению была проведена Гершуни совместно с П. П. Крафтом и М. М. Мельниковым, которые входили в состав саратовского центра партии социалистов-революционеров. По плану Балмашев, если бы ему не удалось стрелять в Сипягина, должен был бы сделать попытку убить обер-прокурора синода К. П. Победоносцева⁷, одного из вдохновителей крайней реакции в России. Все приготовления велись в Финляндии; оттуда 15 апреля 1902 г. выехал Балмашев, переодетый в форму адъютанта. В последнюю минуту покушение едва не расстроилось: только в вагоне «офицер» заметил, что он забыл в гостинице такую необходимую часть военного туалета, как сабля. Пришлось по дороге купить новую. К министру он приехал немного ранее назначенного для приема часа с таким расчетом, чтобы встретить его в вестибюле. Расчет был точен: «адъютанта вел. кн. Сергея», как себя назвал Балмашев, впустили в приемную, и когда появился ми-

нистр, несколько удивленный, зачем к нему приехал специальный посланец великого князя, Балмашев вручил ему в запечатанном пакете приговор Боевой организации и двумя выстрелами из револьвера убил его наповал.

Это было первое выступление Боевой организации. Балмашев за него заплатил своей жизнью: военный суд приговорил его к смертной казни, которая и была приведена в исполнение. 16 мая он был повешен в Шлиссельбурге.

В течение нескольких дней после покушения Гершуни оставался в Петербурге. Он предполагал за первым ударом нанести второй и третий: во время похорон Сипягина офицер-террорист Григорьев должен был убить Победоносцева, а невеста этого офицера, Юрковская, во время имеющей возникнуть суматохи должна была совершить покушение на петербургского генерал-губернатора Клейгельса, отличившегося жестокостью расправ со студентами-демонстрантами. Эти покушения расстроились, так как Победоносцев предусмотрительно не поехал на похороны. Только после этого Гершуни благополучно выехал из Петербурга. Полиция на его след напасть не смогла, хотя о пребывании его в столице ей было известно и о причастности его к покушению она догадывалась.

Убийство Сипягина произвело огромное впечатление в стране. Особенный подъем испытывали, естественно, социалисты-революционеры, которые вводили теперь террор в арсенал средств революционной борьбы, и в первую очередь Гершуни. Об его тогдашних настроениях рассказал С. Слетов⁸ — товарищ Гершуни по партии, в те дни случайно с ним встретившийся на железнодорожной станции: «Он бодр и жизнерадостен. Весь дышит первым и крупным успехом. В начале было дело, — цитирует он. — Гордиев узел разрублен. Террор доказан. Он начат. Все споры излишни». Начался новый решающий период борьбы, когда надо уметь все поставить на карту, не считаясь с тем, что это вызовет жесточайшие репрессии. «Пора выступать молодежи. Пусть грешит против конспирации. Время не ждет. Дана команда: все наверх».

Он был прав: убийство Сипягина действительно открывало новую главу в истории борьбы с русским абсолютизмом — главу о борьбе террористической. Именно с этого момента ведет свое существование Боевая ор-

ганизация партии социалистов-революционеров. Ресурсы, которыми она в этот момент располагала, были очень и очень невелики: когда Гершуни захотел откликнуться прокламацией на догнавшее его в Киеве известие о казни Балмашева, сделать этого он не смог, так как в Киеве у социалистов-революционеров не было типографии. Пришлось довольствоваться суррогатом: перепечатать на гектографе старое стихотворение поэта-революционера Ленцевича, причем и писать текст, и варить гектографскую массу пришлось самому руководителю Боевой организации. Но все эти недочеты организационного порядка с избытком искупались благоприятным настроением, которое царило повсюду. С трудом разбираемые слова плохо отпечатанного стихотворения попадали в исключительно благоприятную аудиторию:

Ночью товарищ погиб, —
Жить ему стало невмочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.

С другом надежным сойдись,
Острый клинок отточь,
Нужно не плакать, а мстить, —
Мстить за погибших в ночи.

В желающих «мстить» недостатка не было: на смену каждому павшему подходили десятки, сотни новых добровольцев.

Глава V

Азеф и Боевая организация при Гершуни

Все это время Азеф жил в Берлине, объясняя свое пребывание здесь служебной командировкой от Всеобщей компании электричества, которая предполагает дать ему более крупный пост и теперь отправила его в Берлин для усовершенствования по специальности. Это объяснение, конечно, не соответствовало действительности. Командировку в Берлин он имел только от Департамента полиции — на берлинских же заводах, как это видно из документов, он работал бесплатно, для того чтобы иметь возможность маскировать этой работой действительные причины своего пребывания в Берлине.

С внешней стороны для полиции Азеф в это время

работал с большим старанием. Его письма в Департамент полны имен и фактов. Выдерживал он их в стиле человека, целиком сливающего себя с делом розыска. Себя и полицию он часто объединял в одно общее местоимение «мы»: «мой приезд туда много даст нам во всех отношениях», «поездка моя в Париж и Швейцарию была очень полезна для нас». Временами у него прорывалось даже что-то похожее на настроения соревнования с революционерами. Так, сообщая подробности относительно организованного Гершуни транспорта заграничных изданий и давая указания, как будет лучше этот транспорт арестовать, Азеф прибавляет: «А то уж больно хвалится Гершуни, что замечательный он путь устроил».

Но это — только внешняя сторона. Б действительно именно с этого времени он начинает вести двойную игру, утаивая от Департамента целый ряд весьма важных для последнего сведений: сопоставляя его доклады в Департамент — для этого времени они сохранились полностью — с тем, что известно об Азефе по рассказам из революционного лагеря, можно совершенно точно установить, что Азеф в этот период систематически скрывал от полиции все, относившееся до боевой деятельности Гершуни. Он, прежде всего, в своих докладах умалчивал о том, как ставился вопрос о терроре во время переговоров относительно объединения. Как сказано выше, об этом тогда говорилось подробно, а В. М. Чернов, единственный из оставшихся в живых участников тогдашних совещаний, считает даже, что Азеф не мог не знать и конкретных планов Гершуни — его намерения направить первый удар против Сипягина. Обо всем этом в докладах Азефа нет и звука.

С еще большей определенностью эта тактика умалчений выступает после убийства Сипягина. По собственному признанию Азефа, о роли Гершуни в этом деле он узнал от Гоца «уже через несколько дней» после выступления Балмашева. Так как известно, что Гоц был в Берлине и останавливался на квартире Азефа 17—18 апреля 1902 г., то нет никакого сомнения, что признание Азефа относится именно к этим дням. А между тем в течение последующих пяти недель, т. е. в течение всего того времени, пока Гершуни оставался в пределах России, Азеф в своих докладах Департаменту пытался убедить последний в непричастности Гершуни к этому делу: он настаивал, что Гершуни слишком увлечен работой по

созданию партии, чтобы пускаться в авантюры с террором, и высказывал уверенность, что покушение организовано какой-то самостоятельной террористической группой, которая не связана с эмиграцией. И только в конце мая, когда Гершуни уже выбрался за границу, Азеф начал осторожно готовить Департамент к своему сообщению о причастности Гершуни к Боевой организации. Он создает особую версию о том, при каких условиях ему удалось об этом узнать: как он предложил Гоцу 500 руб. на нужды Боевой организации и как в ответ на это Гоц предложил ему эти деньги передать непосредственно Гершуни, который должен приехать со дня на день. И только затем последовал рассказ о свидании с Гершуни, из которого Азеф якобы совершенно точно узнал о роли Гершуни в Боевой организации.

Один из полицейских мемуаристов Л. А. Ратаев¹, в течение ряда лет руководивший полицейской работой Азефа, подводя позднее итоги своим сношениям с последним, приходит к выводу, что причиной «измены» Азефа — старого и преданного полицейского агента — было его знакомство с Гершуни: последний, по мнению Ратаева, обладал способностью увлекать и почти гипнотизировать людей; под такое-то его гипнотическое влияние подпал и Азеф. Едва ли это объяснение верно. Из позднейших признаний Азефа мы знаем, что он соглашался предать Гершуни, но только не сошелся относительно платы: обстоятельство, которое невозможно согласовать с версией о гипнотическом влиянии. Дело обстояло проще: в то время на дружбе с Гершуни держалось все положение Азефа в партии. Ему верили остальные потому, что знали о доверии к нему Гершуни. Арест Гершуни легко мог вызвать подозрения против Азефа, а такие подозрения, если даже не говорить об опасности для жизни, неизбежно влекли за собой потерю исключительно легкого и хорошего заработка. Едва ли можно сомневаться, что... по этим соображениям Азеф берег тогда Гершуни.

Встречи последнего с Азефом состоялись в первой половине июня в Швейцарии. Гершуни был увлечен успехом и полон самых смелых планов. Он намечал покушения против нового министра внутренних дел Плеве, харьковского губернатора Оболенского, который только что подавил крестьянские волнения, применив при этом массовые порки, а также против Зубатова. К участию в обсуждении всех этих проектов он привлек Гоца и Азефа.

Последнего он вообще настойчиво втягивал в работу Боевой организации и в частности в работу по устройству в Швейцарии динамитной мастерской. Азеф брался за все эти дела, активно участвовал во всех переговорах... Но положение, в которое он попадал, его явно смущало: он еще не привык к двойной игре. В Департамент он писал: «Нам необходимо лично повидаться для переговоров относительно моей дальнейшей практики. Мое положение несколько опасно. Я занял активную роль в партии социалистов-революционеров. Отступать теперь уже невыгодно для дела, но действовать тоже необходимо весьма и весьма осмотрительно».

Из того, что ему стало известным во время разговоров с Гершуни, он о многом сообщил Департаменту: о планах покушений на Плеве и на Зубатова, о переговорах по устройству динамитной мастерской и т. д. Но сообщил все же далеко не обо всем. Так в его докладах нег ни звука о проекте покушения на Оболенского, а именно это покушение, как совершенно точно знал Азеф, Гершуни решил выполнить в первую очередь, отправившись из Швейцарии в Харьков и Киев. Далее, рассказав подробно про переговоры с И. И. Мейснером относительно устройства динамитной мастерской, Азеф умолчал, что Мейснер от сделанного ему предложения в конце концов тогда отказался; лиц же, которые взялись за это дело и работой которых Азеф тогда руководил, он в своих докладах совсем не назвал.

Но самым характерным в его докладах являются его сообщения о роли Гершуни. Отрицать причастность последнего к Боевой организации теперь стало невозможным: об этом знали слишком многие. Азеф теперь ее и не отрицает, но он настойчиво стремится убедить Департамент, что роль Гершуни в терроре только вспомогательная: он собирает деньги, вербует молодых террористов и пр. Главными же руководителями всех террористических предприятий, по его утверждениям, являются какие-то неизвестные ему нелегальные революционеры. Причины такого поведения ясны: Азеф хотел, продолжая беречь Гершуни, как главную свою опору в партии, предавать второстепенных работников Боевой организации, изображая их перед Департаментом за главных ее руководителей.

Департамент согласился с доводами Азефа о необходимости личного свидания, и в июле 1902 г. Азеф при-

ехал в Петербург. Там в это время произошли большие перемены в руководящем составе Департамента полиции. Только что назначенный директором Департамента Лопухин при полном одобрении Плеве привлек к руководству делом политического розыска Зубатова и всех его ближайших помощников. Решено было все внимание направить на усиленное развитие секретной агентуры. Азеф, который имел возможность подойти к самому центру Боевой организации, был желанным гостем. Все его сомнения были рассеяны. Вопрос о нем был доложен самому Плеве, и последний прямо потребовал, чтобы Азеф, совершенно не считаясь ни с какими правилами, существовавшими в Департаменте для секретных агентов, постарался войти в партийный центр и в Боевую организацию*.

Боевая организация уже в этот период была учреждением, в организационном отношении вполне автономным. Ее единоличным руководителем был Гершуни, который в меру необходимости приискивал и привлекал к той или иной работе помощников. Методы его работы были элементарно просты. Во время своих разъездов по России, которые он совершал по общепартийным делам, он специальное внимание уделял вербовке людей, которые хотели и, по его мнению, могли принять участие в террористической борьбе. Их он так сказать «брал на учет», иногда оставляя на старых местах, иногда заставляя отойти от общепартийной работы, а порою и убеждая выехать для большей безопасности за границу. Ближе всего к работе Боевой организации в то время стояли

* Департамент полиции во всех официальных заявлениях позднее настаивал, что ему совершенно не было известно о причастности Азефа в этот период к Боевой организации. Между тем в секретной справке, составленной Департаментом в феврале 1909 г., совершенно определенно говорится: «По требованию Плеве и руководивших в Департаменте Азефом лиц, он вошел в центральную организацию и в боевую группу». Эта справка была сохранена Департаментом в строжайшем секрете. В 1917 г. следователь Чрезвычайной следственной комиссии Коренев задал вопрос относительно этого места «справки» одному из лиц, причастных к составлению последней, а именно Климовичу. Последний ответил: «Я не могу точно указать, откуда именно почерпнуты включенные в справку сведения о требованиях, предъявленных покойным министром Плеве о том, чтобы агентура Департамента проникла и в боевую группу социалистов-революционеров. Полагаю, что это могло быть включено в справку со слов старослужащих Особого отдела, в частности Пешкова, которому были известны требования Плеве».

П. П. Крафт и М. М. Мельников. Доверенным лицом за границей был М. Р. Гоц.

В полном соответствии с этой организационной слабостью Боевой организации все ее выступления носили характер «коротких ударов». Никакой сложной подготовки не велось. Террорист действовал револьвером. В покушении очень многое зависело от импровизации, блестящий талант которой был присущ Гершуни в полной мере. Зубатов впоследствии совершенно правильно говорил о нем, что он был «художником в деле террора» и часто действовал без предварительно разработанного плана, «по вдохновению».

Такова была действительная роль Гершуни в Боевой организации, и о ней Азеф, конечно, был превосходно осведомлен. Но Департаменту он изобразил дело в совершенно ином виде, выдав Мельникова и Крафта за наиболее опасных террористов, а Гершуни за их помощника. Соответственно с этим основное внимание Департамента было сконцентрировано на выяснении личностей и поимке именно Мельникова и Крафта.

Получив разрешение Департамента подойти к центру Боевой организации, Азеф уговорил Гершуни устроить совещание лиц, наиболее близко прикосновенных к работе последней, — это было первое и единственное совещание этого рода, состоявшееся до ареста Гершуни. Собралось оно в Киеве, в октябре 1902 г. Участие в нем приняли Крафт, Мельников, Азеф и подъехавший с некоторым запозданием Гершуни. Никто из них мемуаров об этом совещании не оставил, и никаких подробностей о нем мы поэтому не знаем. Известно лишь, что на нем обсуждался план покушения на Плеве: два всадника-офицера — Григорьев (тот самый, который должен был совершить покушение на Победоносцева во время похорон Сипягина) и его товарищ Надаров — должны были напасть на карету министра; один должен был убить лошадей и тем самым остановить карету; другой брал на себя министра. Само собой разумеется, осуществления этот план не получил: предупрежденный Азефом, Департамент взял означенных офицеров под наблюдение.

На киевское совещание Азеф, конечно, поехал не один: его сопровождало несколько опытейших филеров, которым Азеф и «показал» всех участников совещания. Арестов в Киеве никаких произведено не было, но за Мельниковым и Крафтом началось особо тщательное на-

блюдение, и в течение ближайших месяцев они были арестованы. Наблюдение за Гершуни было менее тщательным, аресту его не придавали столь большого значения, и ему удалось вскоре ускользнуть от следовавших за ним филеров.

Кроме поездки в Киев на совещание Азеф зимою 1902—03 гг. совершил ряд других поездок по России — в Москву, Харьков, Саратов и т. д., всюду приезжая в сопровождении филеров. Результатом его визитов повсюду бывали аресты. Основной же его базой в этот период был Петербург. Здесь Азеф был представителем «общепартийного центра» и в качестве такового ставил перевозку литературы через Финляндию, сносился с писателями народнического направления, которые доставляли материал для «Революционной России», — с Пешехоновым, Мякотиным, Клеменцем, Иванчиным-Писаревым и др.; собирал данные об образе жизни Плеве и т. д. На его плечах лежала и вся местная работа,— Пешехонов свидетельствует, что петербургский комитет социалистов-революционеров тогда вообще состоял из одного только Азефа. В силу этого последнему пришлось заниматься такой мелкой работой, как сношения с молодыми студентами-пропагандистами, желавшими вести пропаганду с.-р. идей в рабочей среде. Эта последняя деятельность в жизни Азефа едва не сыграла роль той «апельсиновой корки», на которых спотыкалось так много «великих людей».

Среди молодежи, свести знакомство с которыми пришлось на этой почве Азефу, был один совсем юный студент, некто Н. Крестьянинов. Представления о революции и революционерах у него были самые наивные, романтические. Революционеров он представлял в виде «изящных молодых людей с бледными, благородными лицами». Судьбе захотелось, чтобы первым революционером, с которым свели этого желторотого романтика, был Азеф. Впечатление было, конечно, очень сильное — по закону контрастов. Внешность Азефа, как говорит Крестьянинов, ему запомнилась навсегда: «Угловатая неинтеллигентного склада голова с темными подстриженными щетиной волосами, низко набегавшими на узкий лоб, большие выпуклые непроницаемые глаза, медленно скользившие по лицам присутствующих, производили какое-то странное, несколько неприятное впечатление... Но от всей грузной, тяжело поместившейся на стуле фигуры,

от бронзового, как мне показалось, неподвижного лица веяло силой и хладнокровием...»

Азеф предложил Крестьянину заняться пропагандой среди рабочих — род деятельности, с которой обычно начинали все революционеры тех лет. Но рабочий кружок, данный им Крестьянину, не принадлежал к числу обычных: он был организован Охранным отделением из агентов последнего. Это Охранное отделение, оказывается, находилось в тупике: оно не хотело допустить существования кружков, в которых с его ведома рабочим внушались бы революционные идеи, но в то же время не могло не оказать помощи Азефу, положение которого в партии было бы поколеблено, если бы ему не удалось наладить хотя бы нескольких рабочих кружков. Исход был найден: кружки составлялись из двух-трех агентов полиции, которые обязаны были всю получаемую от партийного пропагандиста нелегальную литературу не читая сдавать по начальству. При таком положении, казалось полиции, будут и овцы целы, и волки сыты: пропагандист аккуратно приходил в кружок, читал там свои лекции и передавал разные брошюры; а по окончании лекций «пропагандируемые» агенты являлись по начальству, докладывали, как прошел вечер, и сдавали непрочитанной всю полученную литературу. Уверенность среди пропагандистов, что они ведут партийную работу, создавалась; в письмах за границу Азеф эти свои достижения, конечно, регистрировал, и в то же время никакого «потрясения основ» не происходило, с точки зрения полиции деятельность пропагандистов была вполне безопасна и потому, поскольку она не выходила за указанные пределы, пропагандистов можно было не трогать.

Все было рассчитано хорошо, но в деле с Крестьяниновым сорвалось: член кружка рабочий-провокатор Павлов почувствовал симпатию к новому молодому пропагандисту; «собачья» работа провокатора ему опротивела, тем более что «старший сыщик» его чем-то обидел; в результате после первого же посещения Крестьяниновым кружка Павлов рассказал ему о своей службе в полиции, о действительном характере подобных кружков и о своем желании вернуться к «честной жизни». При дальнейших встречах Павлов сообщил ряд таких деталей, которые убедили Крестьянинова в том, что в партии имеется крупный предатель и что этим предателем является не кто другой, как Азеф.

— Охранникам о вашей партии все, брат, известно, — говорил Павлов, — у вас есть кто-то из главных. Все обсасывает. Ваши думают, что все шито-крыто, а там смеются... Вот, например, я сегодня слышал, что у вас есть склад электрических принадлежностей — «Энергия»... там вы храните оружие, литературу. Охранное его не арестует, потому что там сидит уже кто-то из агентов, значит ваше оружие и литература никуда не убежит.

Склад «Энергия» был организован Азефом вместе с двумя его старыми товарищами по Дармштадту, искренне преданными революции, и был одним из главных опорных пунктов организации социалистов-революционеров в Петербурге.

Подобное открытие могло ошеломить и весьма опытного, бывалого человека; юный же Крестьянинов, естественно, был совершенно раздавлен. Он чувствовал, что безнадежно запутался в сетях, раскинутых провокаторами, что его скоро арестуют, и в то же время ничего не мог предпринять для разоблачения провокации, так как все, к кому он обращался, относились к его рассказам как к бреду нервнобольного. Он и на самом деле был в это время болен: его мучили кошмары. Ему все же удалось добиться составления небольшой комиссии для расследования его сообщений. В эту комиссию вошли видные писатели, примыкавшие к партии: Пешехонов, Гуковский. Они выслушали Крестьянинова, который рассказывал, как он сам признает, сбиваясь и путаясь, и только потом уже сообразил, что многого важного он вообще не рассказал. Этим сбивчивым рассказам противостояли «немногословные, но совершенно отчетливые» объяснения Азефа. Правда, как это ясно теперь, при более внимательной проверке эти «отчетливые» объяснения далеко не полностью подтвердились бы, но судьи были малоопытны в подобных вопросах, многое принималось на веру; партийный центр на их запрос дал самый лучший отзыв об Азефе: он стоит «вне всяких подозрений». В результате судьи почувствовали себя почти виноватыми перед «невинно заподозренным» Азефом и как должное принимали упреки, которые к концу «суда» стали вполне определенно звучать в заявлениях Азефа:

«Этому молодому человеку еще простительно ошибаться, но вам, вам, пожилым людям...» — укоризненно начинал и не договаривал Азеф.

Азефу удалось выйти из суда полностью реабилити-

рованным, но было ясно, что судьба его висела на волоске.

Приблизительно в это же время опасность провала подошла с другой стороны. Как рассказано выше, Азеф выдал полиции план нападения двух офицеров на Плеве. За этими офицерами в течение почти полугода велась тщательная слежка, но она дала очень мало результатов. 21 февраля 1903 г. их арестовали: на этот день был назначен царский парад, в котором должны были принять участие и эти офицеры, и полиция боялась, как бы они не совершили покушения на царя. На допросах полиция осторожно приоткрыла перед ними краешек завесы над тем, что она знала. Григорьев и его невеста были совершенно раздавлены: полиция оказалась осведомленной о том, что намечалось совсем в небольшом кружке лиц. Уже через два-три дня после ареста они начали давать «откровенные показания», назвав всех, с кем имели сношения. Держать в тайне эти признания Департамент не мог: допросы велись в присутствии представителя прокурорского надзора, и при том показания эти должны были лечь в основу готовившегося процесса Боевой организации. А в таком случае приходилось производить аресты лиц, в этих показаниях названных. В числе их имелись люди, близко связанные с Азефом, например фельдшерница Ремянникова, на квартире которой Азеф часто бывал. Тот факт, что эти аресты, захватывая людей, с которыми Азеф был близко связан, не трогали его самого, неизбежно навлекал на него некоторые подозрения, и Азеф очень сердился на полицию за это малобережное к нему отношение.

Была недовольна и последняя: руководители ее — Зубатов и Лопухин — уже поняли, что Азеф говорит им далеко не все, что знает, что он умалчивает, как писал потом Зубатов, «об очень серьезном». Это было сказано даже слишком мягко: Азеф в это время умалчивал перед полицией о *самом главном*, что тогда последнюю интересовало, — о роли Гершуни в Боевой организации и о своих с ним сношениях.

Вопрос о последнем приобрел для Департамента исключительно большое значение. Из показаний Григорьева и Юрковской ему впервые стала ясна роль Гершуни. На докладе о следствии по делу Григорьева царь заявил, что «озолотит» того, кто произведет арест Гершуни. Плеве рвал и метал: вызвав к себе Зубатова, он заявил ему,

что отныне карточка Гершуни будет стоять у него на столе до того момента, когда его арестуют, — как постоянное напоминание о важности этого дела. Фотографии и приметы Гершуни были разосланы по всем розыскным учреждениям. Был пущен слух, что за его голову дадут премию — пятнадцать тысяч. Поиски велись по всей России и в целом ряде мест производили аресты лиц, имевших несчастье быть похожими на Гершуни. А последнему все удавалось ускользать.

Естественно, что Зубатов заседал и на Азефа, требуя от последнего помощи в этом деле. Азеф имел полную возможность это сделать. Позднее он признался Бурцеву, что соглашался выдать Гершуни, но требовал за это 50 тыс. рублей — не меньше: обещание царя «озолотить» того, кто арестует Гершуни, он, очевидно, знал и предпочитал, чтобы «озолочен» был он сам, а не его начальство.

Едва ли может быть сомнение, что именно на этой почве развернулся конфликт между Азефом и его патроном — Зубатовым. Последний «открыто выразил Лопухину свои сомнения в допустимости» практикуемой Азефом системы умолчаний. Специально в целях воздействия на Азефа было устроено его свидание с Лопухиным, но и оно не помогло: на претензии Департамента Азеф отвечал контрпретензиями за недостаточно бережливое отношение к его сообщениям. Подводя итоги работе Азефа, Лопухин писал 1 марта 1903 года Ратаеву: «Он был нам полезен, но меньше, чем могли ожидать, вследствие своей конспирации, к тому же наделал много глупостей — связался с мелочью, связи эти скрывал от нас, теперь эту мелочь берут, а та, того гляди, его провалит. Он теперь все время около провалов, ходит по дознаниям и не будь прокуратуры, с которой мы спелись, скандал давно произошел бы». Было решено откомандировать Азефа за границу. «Через неделю он вернется на старое пепелище», — прибавлял Лопухин в том же письме.

Эта неделя затянулась... Не сговорившись с Зубатовым об условиях выдачи Гершуни, Азеф поехал в Москву на свидание с последним. Свидание это состоялось приблизительно в конце марта на квартире инженера Зауера, знакомого Азефа еще по Дармштадту, который в это время занимал место помощника директора Московской электрической станции общества 1886 г. Его

квартирой Азеф пользовался для особо важных встреч. Свидание было обставлено очень конспиративно и, по видимому, осталось совершенно неизвестным для полиции: Гершуни и Азеф прожили у Зауера в течение 3 дней, никуда не выходя из его кабинета. Именно во время этого свидания состоялась передача Азефу всех партийных связей, которые были в распоряжении Гершуни: последний назначил Азефа своим преемником по всем делам, и прежде всего по делам Боевой организации. Несомненно, во время этого же совещания было принято решение о покушении против уфимского губернатора Богдановича ², по приказанию которого незадолго перед тем был произведен расстрел безоружных рабочих-стачечников в Златоусте: по крайней мере несомненно, что непосредственно же после этого свидания, только с заездом в Орел для свидания с Брешковской, Гершуни выехал в Уфу. К этому покушению Азеф был им привлечен в качестве ближайшего помощника: он должен был снестись с намеченными Гершуни террористами-исполнителями, которые жили где-то в Западном крае, и переправить их в Уфу. Азеф за поручение взялся и выполнил его точно, но помощь приезжих исполнителей оказалась ненужной: приехав в Уфу, Гершуни узнал, что местными социалистами-революционерами во главе с В. В. Леоновичем не только проведено необходимое предварительное наблюдение за Богдановичем, но и найдены исполнители — местные — железнодорожный рабочий Дулебов и интеллигент «Апостол», настоящее имя которого в печати до сих пор не названо. Их план был санкционирован Гершуни и удачно приведен в исполнение: 19 мая 1903 г. около полудня к Богдановичу, по своему обыкновению прогуливавшемуся в укромном углу соборного сада, подошли два молодых человека и, вручив ему приговор Боевой организации, буквально расстреляли его из браунингов, а затем перепрыгнули через низкую ограду сада и скрылись в лощинке, которая вела от расположенного на горе города к реке. Все поиски оказались безрезультатными. Было произведено много арестов, но никаких следов действительных исполнителей найти не удалось.

Так много раз счастливо ускользавший из хитро расставленных сетей Гершуни попался почти случайно. Из Уфы он выбрался вполне благополучно. Успел написать и переслать за границу подробное описание события

в Уфе и официальное заявление о нем от имени Боевой организации. Повидался в Саратове кое с кем из единомышленников и пробирался за границу полный планов на будущее. На свою беду по пути он решил заехать в Киев, хотя знал, что этот город для него особенно опасен. С дороги дал туда условную телеграмму, указав время своего прибытия. Случайно эту телеграмму подглядел... провокатор — студент Розенберг, который даже не догадывался, о ком идет речь. Этой нити было достаточно для местной полиции. На указанной в телеграмме пригородной станции была устроена засада. Когда вечером 26 мая подошел указанный поезд, из него вышел хорошо одетый мужчина в фуражке инженера и с портфелем под мышкой. Сначала он медленно пошел вдоль поезда, делая вид, что осматривает колеса и в то же время оглядываясь по сторонам. Филеры не двигались с мест. Поезд, свистнув, ушел. Гершуни вышел на улицу и приостановился, якобы оправляя шнурки на ботинках, а на самом деле осматриваясь по сторонам: нет ли подозрительных симптомов. Их было — увы — больше чем достаточно: весь район был полон филеров. Взгляд Гершуни они поймали и по нему узнали, что это тот, кого они ищут. «Наш, — бросил старший филер, — глаза его, с косинкой». Заметив слезку, Гершуни подошел к ларьку с фруктовыми водами и выпил стакан лимонада. Филеры заметили, что он волновался, рука дрожала и едва держала стакан: Гершуни чувствовал, что на его шее затягивается петля. Через несколько минут он был арестован, закован в кандалы и отправлен в Петербург, где его ждали крепость, военный суд и смертный приговор, замененный бессрочной каторгой...

Азеф в это время был за границей. Он боялся, что полиция заподозрит его в причастности к покушению, а потому уже в мае послал своему начальнику Ратаеву какую-то незначительную по содержанию телеграмму из Берлина: он на всякий случай обеспечивал свое *alibi*.

Глава VI

Охота за Плеве

Во время своего последнего приезда за границу, в начале 1903 г., Гершуни оставил у Гоца, который был его постоянным поверенным по всем делам — и специально по

делам Боевой организации — свое, так сказать, завещание: подробный обзор всех связей последней, адреса, явки, пароли и т. д., а также список лиц, которые предложили себя для работы в Боевой организации. В случае ареста Гершуни, согласно этому завещанию, во главе Боевой организации должен был стать Азеф. Гоц полностью одобрял этот выбор Гершуни, а потому вполне понятно, что когда в июне 1903 г. на женевском горизонте появился Азеф, то он был встречен Гоцем и близкими к нему людьми как признанный новый вождь Боевой организации, который должен увеличить славу последней. И он не спеша принимал дела.

На очереди в это время с особой остротой встал вопрос о покушении против Плеве. Незадолго перед тем разразился известный антиеврейский погром в Кишиневе. В течение двух дней — 19—20 апреля 1903 г. — организовано руководимые толпы погромщиков беспрепятственно разрушали еврейские дома, грабили магазины, насиловали женщин, убивали, не щадя ни возраста, ни пола. Ни полиция, ни войска не делали попыток прекратить погром. С их стороны громилы, наоборот, нередко слышали слова полного одобрения и поощрения. Зато в тех случаях, когда группы евреев пытались оказывать сопротивление, полиция обнаруживала свое существование: разгоняла группы самообороны, производила аресты, не церемонилась пускать в ход оружие. Убитые составили много десятков, общее количество пострадавших исчислялось сотнями.

Главным виновником все считали Плеве, который считал антиеврейские погромы полезным средством для борьбы с революционным движением и открыто высказывал эту точку зрения в доверительных беседах с представителями администрации.

Впечатление, произведенное известиями о погроме, было огромным, как в России, так и за границей: ведь этот погром действительно воскрешал самые худшие призраки средневековья. Огромное впечатление произвел он и на Азефа. Последний не был евреем-националистом. В воспоминаниях московского раввина Мазе рассказано, как насмеялся Азеф над еврейской религией, над обычаями и обрядами, как мало он придавал значения своей связи с еврейским народом. Но евреем он себя все же чувствовал. Судя по всему, особенно прочно в нем жили воспоминания о тяжелых годах детства: Ивановская

рассказывает, что во время их встреч в Варшаве и Вильно, как бы серьезна ни была тема их разговоров (а они встречались там в период подготовки покушения на Плеве), Азеф никогда не пропускал ни одного из тех босоногих уличных торговцев — еврейских мальчишек, которых так много бегало по улицам этих городов, без того, чтобы не купить у него чего-нибудь на грош или два. И его глаза, так часто глядевшие «холодными, навывкате», наверное, именно в эти минуты чаще всего становились похожими на обычные «грустные еврейские глаза». А ведь одной из самых жутких страниц в рассказах о Кишиневе были сообщения о зверски убитых детях — о грудных младенцах, которым разбивали головы ударами о стену.

Как и вся Россия, Азеф ответственным за эти события считал Плеве и не скрывал своего возмущения против последнего. Так он держал себя не только в революционной среде, где это возмущение было только общим настроением. Именно в этом смысле он вел беседы и со своим полицейским начальством. Еще до своего отъезда за границу, под свежим впечатлением от первых известий из Кишинева, Азеф имел разговор о них с Зубатовым и, по рассказу последнего, «трясся от ярости и с ненавистью говорил о Плеве, которого считал главным виновником» кишиневского преступления. И позднее, за границей, в беседах со своим начальником по полицейской линии с Л. А. Ратаевым Азеф высказывался в том же духе. Нет никакого сомнения в том, что это обстоятельство оказало решающее влияние на судьбу Плеве: если в других случаях Азеф по соображениям корыстной выгоды более или менее пассивно допускал совершиться террористическим актам, то в деле Плеве он активно прилагал усилия к тому, чтобы довести его до успешного конца.

Но, конечно, огромную роль в поведении Азефа в деле Плеве играли и соображения «корыстной выгоды». Раньше основным источником его доходов была касса Департамента полиции. От революционных организаций никаких доходов он не имел или имел доходы совсем незначительные. Революционная карьера ему была нужна постольку, поскольку она была необходимым условием карьеры полицейской. Поэтому он с «чистой совестью» продавал секреты этих организаций. Теперь положение существенно менялось. В безотчетном распоряжении главы Боевой организации находилась касса последней,

а через эту кассу проходили многие тысячи. Из этой кассы становилось возможным извлекать доходы более значительные, чем те 500 руб. в месяц, которые платила касса Департамента. И вполне естественно, что у Азефа начинают все большую и большую роль играть соображения об укреплении своего положения в революционной среде, говоря проще, о закреплении и на будущее возможности бесконтрольно пользоваться революционной кассой. А для этого обязательно необходима успешная деятельность руководимой им Боевой организации: систематические неудачи последней неминуемо должны были привести к замене его на руководящем посту кем-либо другим.

Создавалась исключительно «счастливая» для Азефа обстановка: «экономика» толкала его туда же, куда его влекло и «чувство». Убийство Плеве становилось для него желательным со всех точек зрения.

Силы, которыми располагала Боевая организация при вступлении Азефа в руководство ее делами, были достаточно велики: имелось много добровольцев, имелись деньги. Вместе с Гоцем, который стал его ближайшим поверенным и советником по делам Боевой организации, Азеф разработал план нападения на Плеве: было известно, что он регулярно ездит к царю для докладов; нужно было проследить маршрут этих поездок, выяснить их дни и часы и произвести нападение на его карету на улице, с бомбами в руках — наподобие того, как было организовано нападение на Александра II в 1881 г.

При этом плане покушение переставало быть индивидуальным актом революционера-одиночки, которому Боевая организация оказывала только сравнительно небольшое содействие. Для его подготовки и исполнения теперь требовалась сложная организация, включающая в себя целую группу людей: наблюдение должны были вести специальные наблюдатели, игравшие роль извозчиков, продавцов газет, мелких торговцев вразнос и т. д.; особые люди обслуживали «технику» — занимались изготовлением взрывчатых веществ и снаряжением бомб; особое значение приобретала деятельность организаторов-руководителей, которые согласовывали работу отдельных частей организации и направляли ее. Непосредственный же акт покушения становился только конечным звеном большой подготовительной работы, и сам исполнитель — только более или менее случайно высту-

павшим во вне представителем большого организованного коллектива.

План был заботливо продуман во всех деталях и принят. В первоначальный состав отряда, который должен был действовать против Плеве, вошли Е. С. Созонов¹, Б. В. Савинков², М. И. Швейцер³, А. Д. Покотиллов и два брата Мацеевских — все молодежь, бывшие студенты, за участие в студенческих волнениях 1899—1902 гг. исключенные из высших учебных заведений. За суровость, с которой были подавлены эти волнения, вначале носившие чисто академический характер, правительство вообще заплатило очень дорогой ценой: офицерский состав всех революционных организаций эпохи революции 1905 г. — как социалистов-революционеров, так и социал-демократов — почти сплошь состоял из бывших участников этих волнений.

Никакого опыта боевой работы, никакой специальной подготовки члены вновь сформированной боевой группы не имели. Эти недочеты искупались обилием молодого революционного энтузиазма, преданности делу и готовности к самопожертвованию. Опыт пришел только много позднее, отравив ядом скепсиса первоначальные настроения, и тогда стало ясно, что в этом деле молодой энтузиазм много важнее солидного опыта. В тот же период, к которому относится рассказ, единственным носителем опыта, единственным практиком-руководителем молодых энтузиастов был Азеф. Он был связующим звеном между отдельными частями организации, члены которой вначале между собою были связаны только через него.

Азеф лично перезнакомился со всеми членами отряда, всех их подверг обстоятельным допросам-испытаниям и затем послал на места, где они должны были вести свою долю подготовительной работы. Точно и деловито разъясняя уезжавшим детали плана и их специальные задачи в общей работе, Азеф неизменно с убеждением прибавлял:

«Если не будет провокации, Плеве будет убит!»

Эта его спокойная уверенность передавалась всем участникам организации. С нею двинулись они в путь поздней осенью 1903 г.

Поход против Плеве был открыт...

Вначале не все шло гладко. Особенно нервничал Савинков, который руководил работой группы наблюдате-

лей в Петербурге. Работа эта началась успешно. Скоро удалось увидеть карету Плеве, они уже знали начальные этапы его поездок. Но Азеф, который обещал к декабрю быть в Петербурге, не подавал признаков жизни: и сам не приезжал, и никаких известий не присылал, даже не отвечал на запросы. Савинков терялся и не знал, чем объяснить это поведение руководителя организации. В добавление появились признаки полицейской слежки, которая, судя по всему, носила случайный характер, если только весь рассказ о ней Савинкова (этот рассказ вообще единственное о ней свидетельство) не является отражением его тогдашнего нервного состояния. Во всяком случае она явилась каплей, переполнившей чашу терпения Савинкова: он прекратил наблюдение, распустил свою группу и в спешном порядке покинул Петербург.

Смущенный и растерянный, сознающий, что в известных пределах нарушил боевую дисциплину, и в то же время не знающий, как мог он поступить иначе, Савинков заявился сначала к Чернову, затем к Гоцу. Они приняли его почти как дезертира с поля битвы: Азеф не приехал, ибо был занят важными партийными делами; письма его не дошли по вине самого Савинкова, который дал неверный адрес. Необходимо немедленно вернуться в Россию, где в ближайшем будущем предстоит переход к решительным действиям. Эти беседы ободрили Савинкова, который уже сомневался в своих силах и просил перевести его на какое-либо менее сложное боевое дело, и когда от Азефа прибыло указание о приезде в Москву для переговоров о дальнейшей работе, Савинков выехал туда, прихватив с согласия Гоца для работы в Боевой организации своего старого друга И. П. Каляева: вдвоем он не так чувствовал одиночество, не так терялся в новой обстановке.

Запоздание с приездом Азефа в Петербург объяснялось, конечно, не так просто, как это выходило из рассказов Чернова и Гоца. Эти месяцы у Азефа ушли на выяснение обстановки, которая складывалась в охранном мире. Убить Плеве он хотел, но рисковать при этом он не собирался — не только своей жизнью, но и своим жалованьем.

Переехав летом 1903 г. за границу, Азеф перешел под руководство Л. А. Ратаева, незадолго перед тем назначенного руководителем русской политической полиции за границей. Человек далеко не глупый, Ратаев совсем не

был пригоден для этого ответственного поста. Светский человек, дон-жуан и записной театрал, к своей полицейской работе он относился как чиновник. Больше двух десятилетий службы в Департаменте на ответственных постах дали ему знание техники полицейского дела. Когда он хотел, он совсем неплохо разбирался в весьма запутанной обстановке. Но хотел этого он редко. Сыском интересовался он только по обязанности, он его не захватывал, свою душу ему он не отдавал. Это прекрасно видели те, кто в то время стоял во главе Департамента полиции. Плеве открыто говорил, что Ратаев, занимающий ответственный пост по Департаменту, это — «пятно» для последнего. Зубатов не называл Ратаева иначе, как «корнет Отлетаев». Назначение его за границу было не чем иным, как почетной ссылкой его из Департамента, где он перед тем заведовал Особым отделом, т. е. руководил всем делом политического сыска в империи вообще. Ратаев понимал это значение своего назначения за границу и чувствовал себя обиженным.

Подобный человек, естественно, менее всего мог импонировать Азефу, необходимость чего особенно остро ощущалась именно в тот критический момент полицейской карьеры последнего. Можно смело сказать, что в течение всего периода работы Азефа под начальством Ратаева (этот период продолжался до выхода Ратаева летом 1905 г. в отставку) не Ратаев руководил Азефом, а последний использовал Ратаева в своих интересах: заметал следы своей деятельности, разузнавал о степени осведомленности Департамента, устранял своих противников по партии.

Первые месяцы своего пребывания за границей Азеф вообще не давал никаких сведений Ратаеву, оговариваясь, что он «не успел еще оглядеться и занят упрочением связей». Только с конца сентября он начинает присылать сообщения, заполняя их сведениями о жизни эмигрантских групп — не одних только социалистов-революционеров, но и социал-демократов. Только поздней осенью, т. е., по-видимому, уже после того, как боевой отряд против Плеве был отправлен в Россию, Азеф, по воспоминаниям Ратаева, «несколько оживился». В это время он приехал в Париж и явился к Ратаеву лично, напомнив последнему во время свидания того старого Азефа, который ему был знаком раньше, когда Азеф в деле доносов «сам шел вперед», не думая о риске провала, так что

«порою даже нужно было его сдерживать». Азеф был «бодр, энергичен и разговорчив», но говорил-то он обо всем, что угодно, только не о том покушении на Плеве, подготовкой которого он руководил. Наоборот, поскольку речь шла о последнем, Азеф явно пытался выведать, что же именно в этой области известно полиции. И его попытки далеко не были безуспешными: Ратаев рассказал ему, что у Департамента имеются сведения о прибытии за границу Е. С. Созонова, который в разговорах с близкими людьми высказывал твердое намерение убить Плеве. «Не сморгнув глазом, — прибавляет Ратаев, — Азеф ответил, что Егора Созонова он не знает, но что с братом его, с Изотом, он когда-то встречался и может сделать при случае попытку его расспросить». Из этой беседы Азеф легко мог сделать вывод, что никаких точных сведений об его замыслах у полиции нет, во всяком случае их нет у разговорчивого Ратаева. Для Азефа, который, по-видимому, всего только за несколько дней перед этим разговором снарядил Созонова в Россию, эти сведения, конечно, представляли огромный интерес.

Вскоре затем Азеф стал собираться в Петербург. Поездка ему была нужна в двух отношениях: он ехал для того, чтобы организовать одно покушение против Плеве и провалить другое. В руководящих кругах партии не все были довольны переходом Боевой организации в ведение Азефа. С. Клитчоглу, оказывавшая некоторую помощь Боевой организации еще во времена Гершуни, теперь при поддержке ряда влиятельных партийных деятелей в России (Потапова и др.) создала на юге небольшую террористическую группу и перебралась в Петербург для того, чтобы поставить покушение против Плеве. Это было прямой угрозой Азефу. Если бы покушение Клитчоглу удалось, то Боевая организация, наверное, была бы изъята из его ведения, а вместе с тем, конечно, из его заведования была бы изъята и касса Боевой организации. Все это заставляло Азефа желать гибели группы Клитчоглу, тем более, что выдачей ее он укреплял свое положение в глазах полиции и потому мог бы свободнее действовать в деле подготовки того покушения, которым он сам руководил.

В силу этих соображений, как только получились первые сведения о планах Клитчоглу, он сообщил о них Ратаеву и уговорил последнего поехать с ним вместе в Петербург для раскрытия этого террористического пред-

приятия. Ратаев с тем большей готовностью пошел навстречу этому проекту, что он надеялся раскрытием покушения поднять свои фонды в глазах министра. Иметь же его под рукой для Азефа, который пускался в сложную двойную игру, было очень полезно: Ратаев, полностью доверявший Азефу, был удобным прикрытием.

Ехали они вместе, чуть ли не в одном поезде. Кроме доноса на группу Клитчоглу, Азеф, если доверять некоторым сведениям, вез еще динамит для своей собственной группы. Прикрытие Ратаева он использовал полностью!

В Петербурге группа Клитчоглу была быстро раскрыта, но на почве ареста ее у Азефа вышел большой конфликт с Департаментом: зная о том, что этот арест предстоит в скором времени, Азеф хотел уклониться от личной встречи с Клитчоглу, но Департамент настоял, дав обещание, что аресты не будут произведены в непосредственной близости от их свидания. После этого Азеф на свидание пошел и узнал от Клитчоглу все подробности как о составе группы, так и об ее планах. Все эти подробности он передал Департаменту, но последний не выполнил обязательства: петербургское Охранное отделение вело интригу против Ратаева, и по его указаниям арест Клитчоглу был произведен почти непосредственно вслед за ее свиданием с Азефом. По свидетельству Ратаева, подобный «нелояльный» поступок полиции подействовал на Азефа «самым удручающим образом». Азеф не стесняясь заявил, что в подобных условиях для него «становится трудным работать» на полицию. Его непосредственный начальник Ратаев был полностью с ним согласен и поддерживал его в переговорах с руководителями Департамента. Создавался прочный союз «обиженного» Азефа с «обиженным» Ратаевым против тех, кто нарушил торжественное обещание, — против Департамента и особенно против петербургского Охранного отделения. Для той сложной игры, которую вел Азеф, складывалась исключительно благоприятная обстановка: Ратаев не все сообщения Азефа передавал Департаменту, а последний, в свою очередь, многое из них скрывал от Охранного отделения.

В самый разгар этих ведомственных интриг Азеф вырвал время для поездки в Москву, где его ждали вернувшийся из-за границы Савинков и некоторые другие члены Боевой организации. Азеф сурово отчитал Савинкова

за нарушение обязанностей боевика: «Ваша обязанность была ждать меня и следить за Плеве». Тут же был намечен план дальнейшей работы. Всю подготовительную работу должны были провести Савинков и Каляев. Едва ли нужно прибавлять, что об этих московских свиданиях Азеф не осведомил Ратаева ни одним намеком.

Во второй половине февраля 1904 г. члены Боевой организации стали собираться в Петербурге и возобновили работу по наблюдению за Плеве. Азеф сохранял за собою верховное руководство — обсуждал с ними собираемые ими сведения, давал указания. Если бы полиция вела за ним внешнее наблюдение, выследить всю Боевую организацию ей не представило бы большого труда. Азеф это понимал, а потому в сношениях с Ратаевым держал себя так, чтобы иметь возможность в любой момент повернуть фронт и продать Боевую организацию. В своих ежедневных докладах Ратаеву он перемешивал элементы правды с вымыслом, так чтобы в будущем он мог этим докладам придать наиболее выгодное для себя толкование, и прежде всего проверял, ведет ли за ним полиция внешнее наблюдение. С этой целью он «почти ежедневно» докладывал Ратаеву о таинственных террористах, которые являются к нему из-за границы с условными паролями. Имен их Азеф, по его заявлениям, не знал, но приметы описывал, по-видимому, в точном соответствии с действительными приметами членов Боевой организации, сохраняя, таким образом, для себя возможность в случае нужды доказывать, что относительно указанных лиц он своевременно предупредил полицию. Но в то же время он не давал полиции никаких конкретных указаний, которые могли послужить отправной точкой для ее поисков. Только раз он сообщил, что у него назначено свидание в бане с каким-то важным террористом, причем приметы этого террориста совпадали с приметами Каляева. Об этом было доложено директору Департамента, и для наблюдения за свиданием был отправлен сам Е. П. Медников⁴, который считался талантливым сыщиком и заведовал всем делом «наружного наблюдения» в Департаменте: филеров из местного Охранного отделения по соображениям конкуренции к делу не подпускали. Никаких результатов это наблюдение в бане для полиции не дало: Азеф в баню пришел и мылся весьма усердно, но на свидание с ним туда никто не явился. Так полиция и не получила прямых нитей для

установления наблюдения за боевиками, но зато для Азефа в результате его ежедневных встреч с Ратаевым стало ясным, что полиция в двойной игре его не подозревает и контролирующего наблюдения за ним не ведет. С этой стороны, следовательно, большой опасности не существовало.

Тем временем боевики выяснили дни и часы поездок Плеве для доклада царю. Дорога, по которой он ездил, не была известна, и Азеф настаивал на продолжении работы по наблюдению. Но молодым боевикам не терпелось, они рвались в бой и настаивали на том, чтобы покушение было произведено немедленно же: они предлагали напасть на карету министра около дома Департамента полиции, в котором жил Плеве, — при выезде из него или на обратном пути. Азеф возражал против такой торопливости, указывая, что около дома министра полицейская охрана более тщательная, а потому больше шансов на арест террористов в результате случайного внешнего наблюдения. Молодежи доводы эти казались недостаточно основательными: она уже видела эту охрану и считала, что покушение вполне возможно. Азефу ничего не оставалось, как дать свое согласие.

«Хорошо, — заявил он им, — если вы этого хотите, попробуем счастья!»

На совместном совещании была намечена подробная диспозиция. Покушение назначили на 31 марта, всего через несколько дней после совещания, на котором было принято это решение.

В этом последнем обстоятельстве скрывалось самое большое неудобство для Азефа: он имел полное основание опасаться, что если покушение состоится в такой непосредственной близости от периода его пребывания в Петербурге, то полиция, при всей ее доверчивости, может заподозрить неладное. Ратаева в это время в Петербурге уже не было — по делам службы ему пришлось спешно выехать в Париж, причем он перед отъездом передал Азефа в распоряжение лично директора Департамента Лопухина. Верный своей общей тактике Азеф направился на квартиру к последнему, для того чтобы еще раз прощупать почву и в то же время перестраховаться от возможных в будущем подозрений. В качестве предлога Азеф выбирает сообщение о якобы подготовляемом революционерами покушении на Лопухина в отместку за аресты. Такого покушения никто не готовил,

но не весь рассказ о нем Азефа был чистым вымыслом: всю организационно-техническую сторону покушения Азеф изложил в общем правильно, следуя только что им разработанному плану покушения на Плеве; было указано то же самое место покушения — около дома Департамента, на Фонтанке; названы бомбы как орудие покушения. Только вместо имени Плеве он поставил имя Лопухина и не назвал ни имен участников, ни времени, на которое покушение было назначено. Попутно Азеф поставил вопрос о прибавке ему жалованья. Возможно, что Азеф прибавил бы к своему рассказу и еще кое-какие детали, если бы к его просьбе о жалованье отнеслись с большим вниманием. Но этого не случилось: то ли Лопухин заподозрил Азефа в своего рода вымогательстве (связь между просьбой о прибавке и раскрытием заговора против того, от кого зависело решение вопроса о прибавке, действительно была слишком очевидна), то ли он действительно решил наводить экономию на расходовании полицейских денег, только к просьбе Азефа он отнесся больше чем холодно, хотя и не ответил прямым отказом, обещав снестись предварительно с Ратаевым. Дело явно откладывалось в долгий ящик. На этом закончился визит.

Непосредственно после этого разговора Азеф покинул Петербург. С членами Боевой организации он условился встретиться после покушения, 4 апреля, в Двинске, но поехать он предпочел не в Двинск, а за границу: сначала он сообщил Гоцу о предстоящем покушении — вместе с подробным изложением своих сомнений. Затем явился в Париж к Ратаеву. Таким путем он перестраховывал себя на все стороны — от всех возможных обвинений. Если бы полиция воспользовалась его указаниями относительно подготовки покушения против Лопухина и организовала бы внимательный надзор за подходами к зданию Департамента, она могла бы натолкнуться на боевиков, готовивших покушение против Плеве. Заслуга этого ареста в глазах полиции принадлежала бы ему, Азефу, но в глазах террористов подозрение на него пасть не могло бы: он был как раз тем, кто указывал на эту опасность задуманного предприятия; его не послушались — в этом и беда; из допросов же стало бы ясно, что о покушении на Плеве полиция и не подозревает, что она предполагает, будто имеет дело с планом покушения против Лопухина. При самой

настороженной подозрительности пришлось бы арест объяснить внешним наблюдением. Если же полиция окажется невнимательной и, несмотря на предостережение Азефа, покушение против Плеве [все] же состоится как раз у здания Департамента, то у Азефа заранее подготовлено объяснение о том, что какое-то покушение готовится, он предупреждал и даже точно указывал, в каком месте оно намечено; он только не знал, против кого оно направлено, — в детали плана он не был посвящен, а, впрочем, возможно, что в последнюю минуту план был изменен, после того, как революционеры в процессе подготовки установили, что можно убить не Лопухина, а самого Плеве. В глазах же революционеров удачное покушение против Плеве, совершенное рядом Азефа, все равно было бы поставлено в заслугу больше всего ему: все знали, что без него неопытные боевики испугались и разбежались из Петербурга и что только он своим авторитетом вернул их на места и заставил продолжить работу...

Игра была рассчитана тонко, и Азеф при всех ее исходах оставался в чистом выигрыше.

В беседе с Ратаевым Азеф сообщил о своем визите к Лопухину и в ответ несомненно узнал от него, что запроса о прибавке ему жалованья из Петербурга не поступало. Лопухин не собирался ее делать. Тем временем прошло 31 марта. Покушение почему-то не состоялось, но зато не было известий и об арестах. Полиция явно не могла, несмотря на все намеки, поймать неопытных молодых боевиков, которые целой стаей бродили вокруг здания Департамента, — непосредственно под носом у многочисленной и разнообразной охраны. Нетрудно понять, какие настроения владели теперь Азефом: с дураками, которые ничего не понимали в деле полицейского сыска и к тому же так скупались на прибавки, конечно, не имело никакого смысла церемониться.

И Азеф действительно перестал «церемониться».

Уже через несколько дней после своего приезда в Париж Азеф заявил Ратаеву, что у него опасно заболела старуха-мать и ему необходимо нужно выехать к ней во Владикавказ. Ратаев не хотел его отпускать, но Азеф «так просил и настанвал, что скрепя сердце» Ратаев вынужден был согласиться на его поездку. Конечно, при этом Азеф надавал всяких обещаний, и прежде

всего обещал выяснить тех неизвестных террористов, о посещениях которых он докладывал Ратаеву в Петербурге. По-видимому, повидался Азеф перед отъездом и с Гоцом — как он ему объяснил необходимость поездки, догадаться нетрудно: молодежь опять что-то напутала, приходится ехать, чтобы привести дела в порядок...

В Двинске на условленной явке Азеф террористов уже не нашел, но в поезде, по дороге в Петербург, 11-го апреля он случайно столкнулся с одним из них, с Покотилковым, и от него узнал о событиях за время его отсутствия.

31-го марта весь отряд вышел на улицу согласно с выработанным планом: бомбы были у троих — Созонова, Покотилова и Боришанского; Каляев и Мацесвский были сигнальщиками, Савинкову принадлежало общее руководство. Все они сгруппировались на небольшом участке — между зданием Департамента и Невою. Министра обкладывали, как зверя в берлоге. Но совершить покушение не удалось. То ли внимание охраны на улицах в результате визита Азефа к Лопухину было более настороженным, чем обычно; то ли необстрелянные боевики несколько нервничали, но одному из них, Боришанскому, показалось, что его окружают сыщики, и он счел правильным удалиться со своего поста. Это внесло расстройство во всю диспозицию, и покушение не состоялось, хотя свободно могло бы быть произведено двумя остальными метальщиками, которые никакой слежки за собой не замечали. После этой неудачи Савинков и Покотилков выехали в Двинск, где на 4 апреля была условлена их встреча с Азефом. Последнего там не было, не было и писем от него. Молодые террористы решили, что Азеф арестован и что они теперь предоставлены собственным силам, — и Савинков вновь потерял равновесие. По существу, свободно можно было бы держаться за старый план и попытаться осуществить покушение в день следующего выезда Плеве к царю: отряд ведь остался весь нетронутым, бомбы имелись. На этом и настаивал Покотилков. Но Савинков был другого мнения. Он полагал, что отсутствие Азефа вызвано его арестом, и считал, что сил Организации после потери Азефа недостаточно для проведения покушения против Плеве. Отказываться от участия в террористической деятельности он не собирался, но предлагал в

первую очередь заняться менее трудным делом — совершить покушение на киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это покушение было делом сравнительно легким, так как Клейгельс не скрываясь ездил по Киеву, но и политического значения оно никакого не имело: в свое время, года за 3 перед тем, Клейгельс был ненавистен особенно для студентов Петербурга за ту жестокость, с которой по его приказу полиция избивала студентов-демонстрантов. Но с тех пор произошло так много событий, что о Клейгельсе помнили только немногие.

Состоялось совещание боевиков, на котором Савинков развил свою точку зрения. С ним согласились Калаяев и Швейцер; остальные настаивали на продолжении похода против Плеве. Решение было принято наихудшее из всех возможных: решено было разбить отряд на две части, из которых одна (Созонов, Покотилов, Боришанский и Мацеевский) попытается довести до конца дело против Плеве, а вторая (Савинков, Калаяев и Швейцер) займется Клейгельсом.

Таким образом, из первоначальной посылки Савинкова о том, что *весь* их отряд в целом недостаточен для проведения дела против Плеве, получился неожиданный вывод, согласно которому это дело поручалось одной *части* этого отряда. В таких условиях все предприятие становилось делом явно безнадежным.

Покотилов, когда его встретил Азеф, ехал в Петербург для проведения покушения. Он с Боришанским уже выходили перед тем, 7-го апреля, на улицу, но не встретили Плеве. Теперь он собирался сделать еще одну попытку — 14-го апреля. Азеф попробовал его отговорить, но не имел успеха: у Покотилова были слишком напряжены нервы, чтобы он мог согласиться на отсрочку. Его судьба как террориста была действительно исключительной: он был террористом-неудачником совершенно особого сорта. Еще весной 1901 г. он приехал в Петербург, решив убить министра народного просвещения. Но пока он делал подготовительные шаги, министр был убит Карповичем, совершенно самостоятельно пришедшим к этому решению. После этого Покотилов встретился с Гершуни и предложил себя для покушения на Сипягина. Его кандидатура столкнулась с кандидатурой Балмашева и выбор Гершуни пал на последнего. Покотилов добился, чтобы Гершуни предоставил ему

право на ближайшее покушение, которое предпримет Боевая организация. Гершуни обещание дал и сговорился с Покотиловым, что последний выступит против Оболенского. Но уже в последний момент свои услуги для этого дела предложил Фома Качура — рабочий, уроженец тех губерний, крестьяне которых были перепороты Оболенским. Покушение, произведенное именно им, произвело бы значительно большее впечатление, чем покушение, совершенное студентом Покотиловым. И Гершуни еще раз уговорил последнего уступить Качуре свое право на выступление. Теперь пришла, наконец, его очередь. Он уже два раза выходил на улицу с бомбами — и оба раза неудачно. Ждать дальше он не может. Что бы ни случилось, он пойдет и в этот раз. Все уговоры были бесполезны. Покотилов поехал в Петербург и там в ночь на 14 апреля — день, когда было назначено покушение, — погиб при взрыве бомбы, которую он приводил в боевую готовность. Террористом-неудачником он остался до конца...

Известие об его гибели, естественно не могло не произвести самого тяжелого впечатления на остальных членов Организации, и без того, как мы знаем, сильно растерянных и потерявших веру в свои силы. Боришанский немедленно примчался в Киев, и здесь на совещании оставшихся членов Организации было решено ликвидировать дело Плеве, сконцентрировав все внимание на одном Клейгельсе. В Петербург выехал Швейцер, который должен был предложить обоим оставшимся еще там «извозчикам» — Созонову и Мацевевскому — немедленно продать их извозчицье снаряжение и выехать за границу, так сказать, выйти в резерв.

Именно в этот момент — едва ли не на следующий день после выезда в Петербург Швейцера — в Киеве появился Азеф. Он, по-видимому, уже побывал в Одессе и во всяком случае хорошо знал, какое недоверчивое отношение складывается у многих видных деятелей партии к руководимой им, Азефом, Боевой организации. Слетов встретил Савинкова в Киеве — в период первого побега последнего из Петербурга — и вынес из этой встречи далеко не солидное впечатление о той организации, в которой Савинков играл такую крупную роль. Таково было впечатление не одного только Слетова — и на состоявшемся в начале апреля 1904 г. в Одессе совещании ряда видных партийных работников было при-

нято решение обратиться с официальным запросом к заграничным руководителям партии о современном состоянии Боевой организации. Запрашивавшие прибавляли, что в случае отсутствия удовлетворительного ответа они «оставят за собою полную свободу действий как в отношении новой постановки террористических предприятий, так и в своих отношениях к появляющимся на нашем горизонте представителям совершенно нам неизвестной Боевой организации». В этом была прямая угроза устроить внутривнутрипартийное восстание против Азефа. Буквально вся его партийная карьера была теперь поставлена на карту. Только удачное выступление против Плеве могло радикально исправить положение. Тем суровее он должен был быть в своих объяснениях с Савинковым.

С места в карьер он потребовал ответа:

— Что вы затеяли? К чему это покушение на Клейгельса? И почему вы не в Петербурге? Какое имеете право вы своей властью изменять решение Центрального комитета?

И, молча выслушав объяснения, решительно отвел все аргументы Савинкова: «Если бы я и был арестован, вы не имели права ликвидировать покушение на Плеве. Вы мне говорите, что нет сил для убийства Плеве? Смерть Покотилова? Но вы должны быть готовы к гибели всей организации до последнего человека. Что вас смущает? Если нет людей — их нужно найти. Если нет динамита — его необходимо сделать. Но бросать дело никогда нельзя. Плеве во всяком случае будет убит. Если мы его не убьем — его не убьет никто...»

Конечно, в устах Азефа эта суровая непреклонность была лицемерной позой, принимать которую ему было тем более легко, что речь ведь шла о несчастьях только для других: свою собственную безопасность, как мы видели, он перестраховал весьма заботливо и на все стороны. Но имитация суровой непреклонности обреченного террориста ему удавалась очень хорошо, а главное Савинков и его товарищи и сами не могли не чувствовать, что они были не на высоте положения. Тем поспешнее согласились они с Азефом и решили вновь концентрировать все силы на подготовке покушения против Плеве.

«Настойчивость Азефа, его спокойствие и уверенность подняли дух Организации, — вспоминал позднее

Савинков. — Не преувеличивая, можно сказать, что Азеф возродил Организацию: мы приступили к делу с верою и решимостью во что бы то ни стало убить Плеве».

Их рвение Азеф подогрел сообщением о том недоверии к Боевой организации, которое господствует среди многих руководящих деятелей партии. Эти рассказы заронили в настроение «боевиков» первые семена вражды к партийному центру, что тоже входило в далеко идущие расчеты Азефа. Но в тот момент они оказали и положительное действие: молодежь горела желанием делом реабилитировать свою честь, которая, им казалось, была задета недоверием Центр. комитета.

В начале мая авангард боевиков уже был в Петербурге. Конспиративная квартира была снята в самом центре города — на Жуковской, 31. Ее хозяином стал Савинков, который жил под именем богатого англичанина Мак-Кулоха. Роль хозяйки квартиры — его «содержанки» — исполняла Дора В. Бриллиант, дочь зажиточного и старозаветного еврейского купца, совсем юной ушедшая из семьи, чтобы отдаться революционному движению; позднее она сошла с ума в Петропавловской крепости и умерла в доме умалишенных. Жили они «богато», держали «лакея» и «кухарку»: первым был Е. С. Созонов, второй — П. С. Ивановская, старая революционерка, член Исполнит. комитета партии «Народная воля». Она в свое время принимала участие в подготовке покушений против Александра II, была осуждена на бессрочную каторгу и теперь, почти через четверть века, бежала из Сибири, чтобы вновь встать в ряды террористов. Наблюдение успешно и быстро продвигалось вперед: наблюдатели были уже опытные в своем деле, некоторые из них, особенно Каляев, свою роль разыгрывали, как настоящие артисты.

К середине июня в Петербург приехал Азеф. В течение последних полутора месяцев он кружил по всей России: отвез свою мать на воды, на Северный Кавказ, побывал в Самаре, в Уфе. Всюду он заботливо выполнял поручения Ратаева: в Самаре старался «выяснить», кто же именно был тот террорист, который погиб в Петербурге при взрыве бомбы; в Уфу он заехал специально затем, чтобы повидаться с Изотом Созоновым и разведать у него относительно планов его брата, Егора. Эти две личности — неизвестный террорист в Петербур-

ге и Егор Созонов — особенно интересовали Ратаева, он слал специальные о них запросы Азефу, но старания последнего приносили мало результатов. Даже от Изота Созонова никаких сведений относительно его брата получить не удалось, кроме самых общих догадок, что тот «что-то затевает», но что именно, неизвестно.

Покушение на Плеве Азеф на этот раз ставил совсем серьезно и выдавать полиции секреты своей Боевой организации меньше всего собирался!*

Только из Петербурга он считал возможным сообщить настоящее имя «неизвестного террориста» — Покотилова: судя по дате, которая стоит на этом письме, оно написано едва ли не с конспиративной квартиры на Жуковской. На этой квартире Азеф прожил более недели, навел ревизию на деятельность молодежи, вновь поругал Савинкова, который на этот раз допустил вопиющие нарушения основных правил конспирации, повидался с остальными наблюдателями и опять уехал «по

* В письме к Ратаеву из Москвы от 7 июля 1904 г. Азеф сообщил, что в квартире адвоката Трандафилова, который жил в том самом доме по Жуковской ул., в котором помещалась и конспиративная квартира Боевой организации, находится склад нелегальной литературы. Ратаев в своих позднейших записках о деле Азефа полагает, что это сообщение Азеф сделал для того, чтобы без опасности для себя навести полицию на след Боевой организации. «Расчет Азефа, — писал Ратаев, — был вероятно таков, что, следя за Трандафиловым, наблюдение наткнется — не может не наткнуться — на Созонова и Савинкова, в особенности на последнего, вся прежняя деятельность которого протекала в Петербурге». Это объяснение неправильно: в момент, когда Азеф писал свое донесение от 7 июля, конспиративная квартира на Жуковской уже была предназначена для ликвидации, и Савинков с Созоновым ее уже покинули, так что ни о какой попытке косвенного наведения полиции на след Боевой организации в этот момент не может быть и речи. Донос Азефа на Трандафилова на самом деле был не попыткой наведения полиции на след Боевой организации, а ходом в целях создания алиби для самого себя на тот случай, если следствие в будущем откроет факт посещения Азефом указанного дома на Жуковской: по свидетельству Савинкова, во время пребывания Азефа в этой конспиративной квартире за домом была замечена полицейская слежка, которая весьма беспокоила Азефа. Он мог полагать, что кто-нибудь из филеров его признал — его знали в лицо очень многие из петербургских филеров, — и это могло бы иметь весьма неприятные последствия в случае обнаружения полицией роли конспиративной квартиры на Жуковской. Его донесение на Трандафилова давало ему возможность в этом случае говорить, что, посещая дом на Жуковской, он ходил не на конспиративную квартиру, а к Трандафиловым, на которых своевременно и доносил.

партийным делам», назначив общее свидание всех руководящих членов Организации в Москве на начало июля. Совещание состоялось в назначенный срок. Шло оно в Сокольничьем парке. Были окончательно намечены участники, установлена диспозиция, назначен срок. В качестве метальщиков должно было выступить 4 человека — двое бывших студентов, Созонов и Каляев, и двое рабочих из Белостока — Боришанский и Сикорский. Азеф должен был ждать известий в Вильно.

Первое покушение было назначено на 21 июля — оно не могло состояться из-за случайного запоздания Созонова к назначенному месту встречи. На этот раз Азеф был верен своему обещанию и выжидал результатов. Вместе с ним в Вильно была Ивановская. Назначенный день прошел, — условной телеграммы не было. Азеф казался сильно взволнованным, глаза его опасно бегали по сторонам, прошупывая встречающих, говорил он хмуро: «Значит полная неудача или провал». На карту им поставлено было очень много. В своих последних письмах к Ратаеву он не только не делал никаких попыток «перестраховать» себя, подобно тому как он поступал в марте; наоборот, явно рискуя навлечь потом на себя подозрение, он стремился усыпить бдительность Департамента, сообщая, что социалисты-революционеры решили отложить покушение против Плеве и поставили на очередь покушение против иркутского генерал-губернатора Кутайсова, который незадолго перед тем обратил на себя внимание жестокою расправою с ссыльными.

На следующий день тревога несколько рассеялась: приехали боевики, все те, кто выходил на улицу в качестве метальщиков, и с горькой улыбкой на лице Созонов рассказал о причине отсрочки. Азеф нервничал, крутил головою, вновь и вновь возвращался к вопросам, выясняя самые, казалось бы, ничего не значащие детали, чтобы потом, учтя опыт неудачи, внести мелкие изменения в план. Боевики прожили в Вильно неделю, почти все время проводя вместе с Азефом и Ивановскою. Перед отъездом их в Петербург вместе провели и всю ночь в невзрачном трактирчике с вялой заспанной прислугой. «В маленькой, тускло освещенной комнате, — вспоминает Ивановская, — сидели задумчивые, обреченные, перекидываясь ничего не значащими словами. Один Азеф казался спокойным, внима-

тельным, преувеличенно ласковым». На прощание он расцеловал всех отъезжавших.

Много позднее, во время встречи с Бурцевым во Франкфурте, уже разоблаченный Азеф говорил об этом прощании: «Когда я тогда целовал Созонова, это не был поцелуй Иуды».

Многое зависит, конечно, от того, в чем видеть характерную особенность поведения Иуды: теперь несомненно, что Азеф не предавал Созонова полиции, не доносил на него, а, наоборот, заботливо охранял его от опасностей и подготавливал успех его выступления... Но мотивы, которые определяли это поведение Азефа, все же были мотивами погони за «корыстной выгодой»...

Через день, 28-го июля, террористы вновь вышли против Плеве. На этот раз никто не опоздал. Вовремя были розданы бомбы. Точно в назначенный срок двинулись метальщики по Измайловскому проспекту навстречу карете Плеве. Первым шел Боришанский: он должен был пропустить карету мимо. Его роль начиналась только в том случае, если бы покушение второго не удалось и Плеве, отказавшись от дальнейшей поездки, повернул бы назад. Тогда его должна была настигнуть бомба Боришанского. За ним шел Созонов: он был основным метальщиком. Если его удар попадал в цель, то этим он спасал жизнь тех, кто шел следом за ним: им не пришлось бы входить в дело. Первым из этих следующих был Каляев, который за эти месяцы стал близким, интимным другом Созонова. Последним шел Сикорский. Раз попав в эту сеть, Плеве не имел уже возможности вырваться из нее.

День был солнечный, ясный. Точно в назначенный час показалась карета Плеве: он не опаздывал к докладам у царя. Случайно как раз около Созонова кони замедлили бег: им приходилось обгонять чьи-то медленно тащившиеся дрожки. Быстро сойдя с тротуара, Созонов бросился наперерез карете. Сквозь стекло дверки он увидел, как метнулся заметивший его Плеве, — в это самое стекло и ударила 12-фунтовая бомба. Раздался тяжелый, грузный звук взрыва.

Плеве покончил свои земные счета.

...В тот же вечер об этом стало известно в Швейцарии. Под Женевой, на мирных берегах мирного озера шел съезд заграничной организации социалистов-революционеров. В самый разгар серьезных прений ворвал-

ся кто-то с телеграммой в руках. «На несколько минут, — вспоминал позднее Слетов, — воцарился какой-то бедлам. Несколько мужчин и женщин ударились в истерику. Большинство обнималось. Кричали здравицы. Каждый за себя и для себя, не слушая других. Как сейчас вижу Н.: стоит в стороне, бьет о пол стакан с водой и со скрежетом зубов кричит: вот тебе за Кишнев!»

Глава VII

Большой поход Боевой организации

Убийство Плеве произвело огромное впечатление на все слои русского общества. А. В. Пешехонов в день убийства ходил по улицам Петербурга, прислушиваясь к долетавшим до него обрывкам разговоров, и вернулся с выводом, что это выступление Боевой организации «можно считать одним из самых удачных актов революционной борьбы». Поскольку речь идет об актах террористических, вывод этот несомненно правилен: на нем сходятся и все остальные свидетельства. Конечно, противники террора как метода революционной борьбы и после этого акта не изменили своего принципиального к нему отношения. Возражения общего характера, которые они выдвигали, по-прежнему оставались в силе. Но сам по себе взрыв бомбы на Измайловском проспекте даже противниками террора был воспринят как чувствительный удар по абсолютизму, по той системе, живым воплощением которой в тот момент был Плеве.

Особенно восторженно этот акт, как и следовало ожидать, был встречен социалистами-революционерами. Они его расценивали как *их* победу, как *их* торжество. И только вполне естественно, что авторитет Азефа — главного «организатора этой победы» — поднялся на небывалую высоту. Он сразу стал настоящим «героем» партии. В Женеве его ждала торжественная встреча. Забыты были старые споры, умолкли голоса недоброжелательства. Е. К. Брешковская — старая революционерка, уже отбывшая две каторги в Сибири и теперь одна из основательниц партии социалистов-революционеров, пользовавшаяся огромным влиянием среди молодежи, — приветствовала его по старорусскому обычаю: низким поклоном, до самой земли. Она недолюбливала Азефа. Он был чу-

жим ей по духу человеком. Она никогда не могла понять, что именно привело его — с его трезвым практицизмом и холодной расчетливостью — в ряды революционной партии, куда она сама привыкла приводить лишь юных энтузиастов. И, не понимая его, она инстинктивно не доверяла ему: без осознанных мотивов, без конкретно осязаемых поводов, лишь следуя тому здоровому инстинкту, который заставляет нормального человека с недоверием относиться ко всему, что не поддается разумному объяснению. По своей врожденной прямоте она и не скрывала раньше этих своих недоверия и антипатии, тем острее она чувствовала теперь потребность высказать свою признательность тому, кто, несмотря на все трудности и все недоверие, все же довел до успешного конца дело Плеве.

Этот земной поклон Брешковской был показателен не только для ее личного отношения к Азефу. Можно смело сказать, что вместе с нею перед Азефом склонилось общественное мнение всей партии вообще. Конечно, люди, питавшие к нему личную антипатию, еще остались, и та же Брешковская в личных беседах с близкими друзьями признавалась: «Не люблю я его». Но даже те, кто так относился к нему лично, преклонялись теперь перед ним как организатором-террористом. Террор взлетел на небывалую высоту. Он стал «святая святых» для всей партии, а Азеф — отныне всеми признанным «главой террора», имя которого ставится наравне и даже выше имен крупнейших террористов прошлого — выше имен Желябова, Гершуни. Вокруг него создается настоящая легенда: он человек железной воли, неисчерпаемой инициативы, исключительно смелый организатор-руководитель, исключительно точный, «математический» ум. «Прежде у нас был романтик, — говорил Гоц, сопоставляя Азефа с Гершуни, — теперь у нас реалист. Он не любит говорить, он еле-еле бормочет, но уж он проведет свой план с железной энергией и ничто его не остановит». Больше других в создании этой легенды участвуют члены Боевой организации: они увлечены Азефом, идеализируют его и преданы ему. Свою дальнейшую работу они мыслят только под его руководством. Его положение — положение неперемennого руководителя Боевой организации — закреплено «всерьез и надолго».

Но у самого «непреклонного террориста», счастливого «организатора победы» в первые дни после нее настроение было далеко не «победным». Плеве был круп-

ной ставкой в его игре. Устранить его он хотел непременно и к этому устранению шел, нередко забывая свою обычную осторожность, отказываясь от своей обычной системы «перестраховок» на все стороны и от всех случайностей. В последнее время он весьма невысоко ставил проницательность своего полицейского начальства, мало с ним считался, мало его опасался. Но теперь, когда Плевел был устранен, когда обещание, данное им Гоцу, было выполнено, Азефа охватила тревога: не слишком ли он злоупотребил доверчивостью Ратаева? Лучше, чем кто бы то ни было другой, Азеф понимал, как много он оставил уязвимых мест. На их месте он сам, конечно, легко разглядел бы свою двойную игру. Не догадается ли Департамент, не заподозрит ли он его — таковы были мысли, которые неизбежно должны были первыми прийти в голову Азефа по получении известия об успехе покушения. И эти мысли его испугали.

Известия о результатах покушения Азеф вместе с Ивановской поджидал в Варшаве — так было условлено с остальными членами Организации. Вечером накануне покушения они встретились в ресторане и до позднего часа опять и опять перебирали детали хорошо известного плана. Прощупывали, не упустили ли какой-либо мелочи, не оставили ли какого-нибудь уязвимого места. Мысль была устремлена в одну точку. «Что-то ждет нас завтра?» — с тревогой в голосе говорил на прощание Азеф. Наутро встретились вновь — незадолго до того часа, когда по приблизительному расчету должно было прийти известие о покушении, если бы такое состоялось. Вместе шли по одной из главных улиц города — по Маршалковской. Разговор, конечно, вертелся все вокруг той же темы. Около Венского вокзала откуда-то выскочила и рассыпалась по улице стайка мальчишек-газетчиков со свежими выпусками экстренных телеграмм: покушение на Плевел, в него брошена бомба. Об исходе покушения телеграмма не говорила. «Неужели неудача?» — тревожно бросает Азеф: его все еще беспокоит только эта сторона дела. Через несколько минут новая ватага мальчишек с новыми телеграммами. «Азеф, — вспоминает Ивановская, — рванул дрожащими руками новую телеграмму: «Замордовано Плевелого» (убийство Плевел), — громко читал он, и вдруг он осунулся, опустив свои вислые руки вдоль тела. «У меня

отнялась поясница», — объяснил он». Было от чего: в эту минуту, конечно, он забыл об всем, кроме предстоящих объяснений со своим полицейским начальством. Как-то закончатся они?

По уговору, Азеф вместе с Ивановской должен был ждать в Варшаве приезда Савинкова, принять от него полный отчет и дать указания относительно дальнейшей судьбы отряда. Но в назначенный час на место встречи с Савинковым явилась одна только Ивановская: не предупредив ее, Азеф уже в день покушения покинул Варшаву и с курьерским поездом помчался в Вену. Ему было ясно, что придумать какое-нибудь объяснение для своего внезапного отъезда, которое удовлетворит товарищей по Организации, не представит труда. Заботило его теперь совсем иное: он думал о создании хоть сколько-нибудь достаточного алиби в глазах полиции. Этой цели должна была служить его телеграмма из Вены к Ратаеву, посланная им тотчас же по прибытии туда: совершенно незначительная по содержанию, она должна была документально доказать, что об убийстве Плеве Азеф узнал в Вене и что известие это для него было столь же неожиданным, как и для его адресата, для Ратаева.

Как показало дальнейшее, эта предусмотрительность Азефа была далеко не лишней: в тот момент его судьба действительно висела на волоске.

Убийство Плеве захватило Департамент врасплох. Возможность этого убийства там давно предвидели, с нею давно считались. «Время было такое, — объяснял позднее Лопухин, — что не надо было никаких тайных агентов, чтобы понять, что раз существует группа, проповедующая политический террор, Плеве должен стать первой его жертвой». Целый ряд раскрытых подготовлений к этому убийству достаточно убедительно подтверждал правильность подобного «умозрительного» заключения. И все же у руководителей Департамента и у самого Плеве прочно держалась уверенность, что удар удастся отворотить. А. Ф. Кони вскоре после взрыва на Измайловском проспекте рассказывал своим знакомым о встрече с Плеве. Они столкнулись незадолго перед тем на утренней прогулке на Аптекарском острове. Плеве гулял один, без всякой охраны, и Кони спросил его, как может он идти на риск подобных прогулок, зная, что революционеры мечтают о покушении на него. Плеве в ответ самодовольно усмехнулся: «Обо всех их планах я буду знать

заблаговременно». Он полагал, что не напрасно он в отмену всех правил разрешил Азефу войти в состав боевого центра социалистов-революционеров. С этой стороны он считал себя хорошо охраняемым. Тем неожиданнее был удар, нанесенный Созоновым. В Департаменте растерялись и совершенно терялись в догадках. «Если Азеф ничего не знал, — говорили там, — то дело совсем плохо». Одно время думали даже, что авторами покушения были социалисты-поляки.

Когда пришлось поверить, что бомба брошена членом Боевой организации, то в Департамент для объяснений был вызван Ратаев. Нет никакого сомнения, что перед выездом в Петербург последний повидался с Азефом, но сведениями относительно этого их свидания мы не располагаем: свою «Историю предательства Азефа» Ратаев довел только до момента взрыва бомбы Созонова. Но со свидетельства Лопухина мы знаем, что говорил ему Ратаев: по рассказам последнего, «Азеф свою неосведомленность в данном случае объяснил тем, что Департамент полиции недостаточно, по его словам, осторожно относился к сообщаемым им сведениям, слишком часто пользуясь ими для предупреждения различных замыслов социалистов-революционеров, которые под впечатлением своих обусловленных таким образом неудач стали проявлять исключительную осторожность, пресекающую и для Азефа источник осведомленности как раз в самое тревожное время». Из этого ясно, что в разговорах с Ратаевым Азеф продолжал вести ту самую игру на задетом самолюбии последнего, которую он начал еще в дни ареста группы Клитчоглу, и по-прежнему имел полный успех. Во всяком случае перед Лопухиным он прикрыл Азефа, а Лопухин поверил его объяснениям или сделал вид, что поверил.

В результате — опасность прошла мимо Азефа. Об его действиях не было произведено никакого расследования, а такое расследование неизбежно привело бы к весьма неприятным для Азефа результатам: теперь мы знаем, что в руках Департамента тогда имелось совершенно достаточно данных, сопоставление которых вскрыло бы игру Азефа. Следствие по делу Созонова установило, что его товарищ по покушению, Сикорский, последние перед покушением дни провел в Вильно. Было известно далее, что как раз в те же дни жил в Вильно и Азеф: оттуда им был отправлен Ратаеву один из его

докладов. Наконец, больной Созонов (он был тяжело ранен при взрыве бомбы) в бреду назвал ряд имен и среди них имена «Валентина» и «тетушки», на свидание с которыми следует спешить. Этот бред был записан агентами Департамента и внимательно изучался ими, а среди них были люди, хорошо знавшие, что «Валентин» — это партийный псевдоним Азефа, под которым он известен широким кругам членов партии («тетушкой» Созонов называл Ивановскую, и в своем бреду он имел в виду встречи в Вильно). Связать эти разрозненные указания и положить их в основу детального расследования, конечно, не представило бы затруднений для любого следователя средних способностей — если бы только мысль начала работать в этом направлении, если бы существовала хоть тень желания выяснить эту сторону дела.

Но именно этой-то тени желания у Департамента и не имелось. Впрочем, все следствие по делу об убийстве Плеве проведено с величайшей небрежностью: при чтении документов о нем временами трудно отделаться от ощущения, что следователи только по обязанности участвовали в поисках виновников, что в душе они сочувствовали совершившемуся и готовы были присоединить свои голоса к хору радующихся. Всеми ненавидимый при жизни, Плеве всеми покинутым сходил в могилу.

Азеф, конечно, лучше других видел всю опасность своего положения. Он знал и про бред Созонова, и про то, что факт пребывания Сикорского в Вильно установлен. Неумение полиции связать все эти нити было для него, несомненно, лучшим подтверждением его общего мнения об ее руководителях. Теперь он окончательно убедился, что обманывать их не представляет большого труда. Страх прошел. Тем с большею смелостью он повел дальше свою игру — в том направлении, в котором он вел ее в эти дни подготовки убийства Плеве. Полицейские документы период после этого убийства склонны считать одним из наиболее блестящих во всей полицейской деятельности Азефа. Эта мысль вошла позднее и в известную речь Столыпина об Азефе в Государственной думе. «Немедленно после этого (убийства), — говорил тогда Столыпин, — Азеф посылает чрезвычайно важные и ценные донесения, которые ведут к раскрытию целого ряда преступных замыслов». В этой речи вообще много грубых ошибок — данная принадлежит к числу грубейших. На деле, именно в этот период Азеф более смело,

вернее, более беззастенчиво, чем когда-либо, использует свое положение полицейского агента для прикрытия деятельности Боевой организации*.

Члены этой последней вскоре после убийства Плеве собрались в Женеве. Подводили итоги, принимали дань преклонения за сделанное, готовились к дальнейшему. Здесь впервые им стало в подробностях известно о тренингах в Центральном комитете, о желании некоторых членов последнего подчинить Боевую организацию своему непосредственному и более строгому контролю, об оттенке критического отношения к ее личному составу, в особенности к ее руководителю. Во многом теперь это была уже только история, но история, которая сильно подействовала на настроение «боевиков». У них появились элементы раздражения против Центрального комитета, против тех, кто, участвуя сам только в «мирной» работе партии, осмеливается критически относиться к ним, на каждом шагу рискуя своей жизнью. Азеф умело использовал благоприятную для него обстановку. Он передавал об отдельных, случайно сорвавшихся замечаниях, о неодобрительных отзывах отдельных лиц, не оставаясь и перед прямым вымыслом, и тем усиливал, разжигал недовольство. Действовал он очень осторожно. Формально все время как бы стремился смягчить обстановку, уговаривал не придавать большого значения отдельным словам отдельных лиц, но на деле, конечно, своими рассказами постоянно подливал масло в огонь. Своей цели он достиг. Чтобы пресечь самую возможность попыток контроля со стороны Центрального комитета,

* Донесения Азефа за этот период опубликованы в № 1 «Былого» за 1917 г. В. К. Агафонов («Заграничная охранка», стр. 255) совершенно правильно отметил, что одни эти донесения не дают полного представления о выдачах Азефа, так как о многом он сообщал во время личных встреч со своим полицейским руководителем Л. А. Ратаевым. Но в нашем распоряжении, кроме этих донесений Азефа, имеется также «Краткий обзор деятельности заграничной агентуры с 13 сентября 1902 г. по июль 1905 г.», составленный Ратаевым в начале 1906 г., когда он хлопотал об усиленной для себя пенсии. В этом обзоре Ратаев стремится показать свою деятельность с наиболее выгодной стороны и особенно подробно перечисляет свои сообщения о деятельности боевых групп. Сколько-нибудь существенных пропусков в этом обзоре быть не может, а потому в сопоставлении с ним донесения Азефа совершенно достаточны для тех выводов, которые делаются в тексте. За сообщение этого ценного документа, в литературе до сих пор неизвестного, автор приносит благодарность С. Г. Сватикову.

Боевая организация выработала свой устав, который делал ее совершенно независимой от партийных центров. Формально во главе Организации был поставлен особый комитет из трех человек: Азеф, Савинков и Швейцер. Но фактически решающая роль была предоставлена «члену-распорядителю», каковым был выбран Азеф. В его же распоряжении находилась и касса Боевой организации, в которую теперь поступали многочисленные специальные пожертвования, по свидетельству Савинкова (это вообще единственное, что мы знаем о размерах этой кассы), исчислявшиеся многими десятками тысяч. Права контроля над этой кассой Центральный комитет не имел; комитет Боевой организации, обладавший этим правом, никогда о реализации его не подумал. Азеф распоряжался ею так, как он хотел. А Департамент в это время все еще держал его на «жалких» 500 рублях месячного жалованья и при этом задерживал выдачу денег, причитавшихся Азефу в возмещение расходов по поездкам, произведенным по «служебным делам»!

Это укрепление положения Азефа в Боевой организации влекло за собою укрепление его положения в Центральном комитете. В последний он вошел еще в 1903 г. — в качестве преемника Гершуни. Но положение его там было далеко не прочно. Если были люди, сомневавшиеся в его пригодности для руководства Боевой организацией, то еще большие сомнения существовали по вопросу об его пригодности для поста одного из членов руководящего общеполитического коллектива партии. Азеф не скрывал своего пренебрежительного отношения к вопросам теории и программы. Он подчеркнуто гордился тем, что не принадлежит к числу «теоретиков», и третировал разговоры на эти темы как «пустую болтовню». К социализму он относился по меньшей мере скептически и не делал из этого секрета. «Социальные проблемы он отодвигал в далекое будущее», — свидетельствует о нем Чернов. В беседе с Пешехоновым он высказывался еще откровеннее. «Неужели вы верите в социализм? — удивленно спрашивал он. — Это нужно, конечно, для молодежи, для рабочих, но не для нас же с вами...» И не только по вопросам программы он держался взглядов, столь мало согласуемых с программой той партии, в Центральный комитет которой он входил. «В массы и в массовое движение, — пишет о нем Чернов, — как непосредственную революционную силу он совершенно не верил; един-

ственно реальной он признавал в данный момент борьбу за политическую свободу, а единственным действенным средством, которым располагает революция, — террор. Казалось иногда, что к работе пропаганды, агитации, организации масс он относится пренебрежительно, как к культурничеству, и «революцией» признает лишь борьбу с оружием в руках, ведомую немногочисленными кадрами конспиративной организации».

Свидетельства других современников звучат даже более определенно. Им не «кажется» — они совершенно точно утверждают, что именно в таком духе часто высказывался Азеф. Его называли «либералом с террором», т. е. умеренным либералом по взглядам, которого только принятие террора как метода борьбы против самодержавия привело в ряды партии социалистов-революционеров. Он и сам этого не отрицал и несколько позднее прямо говорил, что он вообще лишь «попутчик» партии, что он уйдет из нее, как только будет завоевана политическая свобода. В этих условиях странным приходится считать не то, что существовали люди, которые сомневались в пригодности Азефа для роли члена Центрального комитета. Действительно странной, ненормальной была вообще возможность самого появления его в составе этого учреждения.

Политический успех дела Плеве вызвал усиление террористических настроений в партии. Быстрым скачком выросло «влияние сторонников исключительного значения политического террора и преобладающего значения Боевой организации с ее специфическими чертами заговорщичества», — говорит об этом времени С. Н. Слетов. На террор партия возлагала свои основные надежды. В террор бросала она свои лучшие силы. Вокруг террора она концентрировала главную агитацию. Это влияло и на очередные лозунги партии, и на направление ее практической деятельности. Массовая работа в известной мере отступала на задний план. Горячее сочувствие, с которым убийство Плеве было встречено умеренно-либеральными кругами, создавало, казалось, достаточно прочную базу для установления длительного соглашения с ними. И действительно, попытка такого соглашения между социалистами-революционерами и либералами вскоре была сделана на «конференции представителей оппозиционных и революционных организаций Российского государства», которая состоялась в октябре 1904 г. в Париже. Этот шаг

был логическим выводом из переоценки роли политического террора.

На этой почве в партии нарастали большие конфликты, в которых Азеф играл большую роль. Он говорил мало, но в своих немногословных репликах яснее других, проще и грубее формулировал точку зрения заговорщически-террористического крыла. Все другие делали оговорки, вводили ограничительные толкования, связывали новый курс с общими социалистическими посылками. Азеф всем этим не интересовался. «Либерал с террором» по взглядам, он и по существу *хотел*, чтобы его партия стала на позицию приемлющего террор либерализма. И как это всегда бывает, последовательная четкость позиции придавала особый вес словам Азефа, привлекала к нему большее внимание. На глазах из технического руководителя Боевой организации он перерастал в вождя-практика террористически-заговорщического крыла партии.

Главной опорой Азефа в партии была, конечно, Боевая организация. Он понимал это и делал все, чтобы прочнее закрепить свое в ней положение. Ее работе он уделял больше всего внимания, на нее он тратил больше всего старания и сил. И его роль в жизни Боевой организации была действительно огромна. Правда, им не было обнаружено ни выдающейся инициативы, ни необычайного по своей широте размаха. Легенда о том, что именно он создал те новые методы террористической борьбы, которые Боевая организация применила в 1904—06 гг., — только легенда. В гораздо большей мере, чем Азеф, действительную инициативу в деле поисков новых путей проявлял М. Р. Гоц, который тем больше думал над этими вопросами, чем меньше он сам по болезни мог принять непосредственное участие в террористической работе. Обычно именно он подавал новые идеи — Азеф их уточнял, разрабатывал и проводил в жизнь. Но начальником генерального штаба Боевой организации был именно Азеф, вся основная штабная работа лежала на нем, равно как и вся основная работа организационного характера. И в этих областях его роль была действительно очень большой, его влияние на жизнь Боевой организации — определяющим.

Это влияние начиналось с момента подбора членов Организации. Прием в нее новых членов производил

обычно сам Азеф, который цепко держался за эту свою функцию, особенно вначале. К кандидатам он предъявлял большие требования и отбор среди них производил очень строгий. Очень характерны приемы, к которым он при этом прибегал. Его предшественник на посту руководителя Боевой организации — Гершуни, встречаясь с новым добровольцем, передавал ему частичку своего собственного увлечения террором. Неправильно было бы думать, что он сознательно стремился «завлекать» молодежь на путь террористической борьбы. Такого грубого утилитаризма в его поведении не было. Но даже независимо от своего желанья — своими речами, своей собственной верой, всей сосредоточенной страстностью своей натуры — он разжигал во встречных жажду борьбы, пафос самопожертвования. Азеф, наоборот, прежде всего пытался отговорить такого кандидата от этого его намерения, подчеркивал все трудности той работы, которая предстоит террористу, уговаривал идти не в террор, а заняться какой-либо другой формой партийной работы. Даже такие недоброжелательные к Азефу свидетели, как Слетов, говорят, что в подобные моменты Азеф проявлял себя человеком, «вполне по-товарищески относящимся к людям». Иногда Азеф как-будто бы даже сознательно стремился оттолкнуть нового кандидата, и чем больше пафоса этот последний проявлял, чем с большим подъемом он говорил, тем, кажется, меньше было у Азефа желанья принять его в Боевую организацию. Горячим фразам Азеф не верил, и только тогда, когда испытуемый показывал, что решение пойти в террор им хорошо выношено, что оно им проверено наедине с самим собою, что идет он не под влиянием минуты, не увлеченный красивыми словами, — только тогда перед ним открывались двери Организации.

Нет никакого сомнения, это поведение Азефа определялось его общим неверием в людей. Бесспорно также, что большую роль играло и *профессиональное* положение Азефа: он не просто боялся измены, он опасался предательства, которое разоблачит его двойное собственное предательство. Но каковы бы ни были эти мотивы, одно ясно: результаты их с точки зрения интересов Боевой организации были положительными. В то время, как среди террористов, завербованных Гершуни, имелся целый ряд лиц, не устоявших во время испытаний тюрьмою и страхом предстоящей казни (Григорьев, Юрковская, Качура),

Боевая организация эпохи Азефа не знала предателей, если, конечно, не считать его самого.

К уже принятым членам Организации Азеф, как правило, проявлял самое заботливое внимание: расспрашивал о личных нуждах, входя даже в мелочные детали, давал советы, указания. Обо всем помнил, все замечал. Об этом в один голос говорят все, кто имел с ним дело. «Нам всем, т. е. всем членам Боевой организации, — вспоминает один из таковых, В. М. Зензинов¹, — Азеф казался необычайно внимательным, чутким и даже нежным». Конечно, такое отношение было деланным. Гораздо более естественным Азеф бывал в те минуты, когда он срывался с этого сознательно выбранного тона и, как резюмирует «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа», «выказывал присущие его натуре жестокость и черствость». Но те, с которыми Азеф имел дела, внимание обращали не на эти последние черты, объясняя их теми или иными случайными причинами, а на обычную заботливую внимательность Азефа и соответственным образом относились к нему. «Странно и даже кощунственно вспомнить, — пишет тот же Зензинов, — но я должен сказать: все работавшие с ним в терпоре товарищи не только безмерно уважали, но и горячо его любили!»

Нет никакого сомнения в том, что подобное отношение к членам Организации было результатом сознательно продуманной линии: превращая Боевую организацию в опорный пункт своего влияния, Азеф не мог не стремиться прочнее привязать членов этой Организации к себе лично. Так он прочнее держал Организацию в своих руках, и он действительно достиг своей цели: «боевики» последними поверили в его измену.

Так, строя свои личные отношения с членами Организации, Азеф в то же время систематически проводил полное обособление ее от остальных организаций партии. В известных пределах такое обособление вызывалось самим характером деятельности «боевиков». Но Азеф это обособление возвел в принцип, довел его до крайних пределов и к обособлению организационному прибавил элементы обособления психологического. Систематически он воспитывал среди «боевиков» пренебрежительное отношение ко всем другим родам партийной работы, неверие в массы и массовое движение, индифферентизм к вопросам теории и программы. Вслед за Азефом они начи-

нали все это считать «пустяками», которые не заслуживают серьезного внимания. Важно, значительно только одно: та охота за представителями власти, которую ведут они, члены Боевой организации. Надо здесь же подчеркнуть, далеко не все члены последней поддавались этому влиянию Азефа. Да и не все они были в одинаковой степени важны для последнего. Те «боевики», которые приходили в Организацию, чтобы принять непосредственное участие в террористическом акте и отдать при этом свою жизнь, на *политику* этой Организации влияния оказывали мало. Важны были главным образом «старшие офицеры» Организации, игравшие роль помощников Азефа в подготовительной организационно-технической работе. На них больше всего внимания обращал Азеф, и именно они, в первую очередь среди них должен быть назван Савинков, сильнее других подпадали под его влияние. Именно у них развивалось то настроение, которое позднее А. Н. Слетовой-Черновой было очень метко названо «психологией революционных кавалергардов».

Поздней осенью 1904 г. Боевая организация, сильно пополненная в своем составе, стала готовиться к новому походу.

В Париже состоялись совещания руководителей Боевой организации с членами Центрального комитета. На этих совещаниях было решено в первую очередь ударить по вождям придворной реакционной партии, каковыми в то время являлись великие князья Сергей и Владимир Александровичи — два старшие дяди царя, ближайšie и наиболее влиятельные его советники, сопротивлявшиеся всякого рода прогрессивным реформам. Убийство их, помимо всего прочего, звучало бы как совсем прямое предостережение их племяннику-царю. Кроме них было поставлено на очередь давно уже намеченное дело против киевского ген.-губ. Клейгельса. Предполагалось, что все эти три удара — в Петербурге, Москве и Киеве — будут нанесены приблизительно в одно и то же время. Это, конечно, должно было увеличить их резонанс и значение.

В соответствии с этим планом Боевая организация выделила три отдельных отряда. Во главе петербургского встал М. Швейцер, во главе московского — Савинков, во главе киевского — Боришанский. Размеры отрядов были различны: в состав киевского входило всего три человека, в состав московского — четыре. Задачи петер-

бургского отряда были наиболее сложны. Кроме основной — убийство вел. кн. Владимира — перед ним были поставлены и некоторые добавочные, тоже нелегкие и значительные: он должен был выяснить возможности устранения также и некоторых других представителей власти — товарища мин. вн. дел Дурново, позднее петербургского генерал-губернатора Трепова, — а потому его состав доходил до 15 человек. Недостатка в добровольцах не было: желающих принять участие в работе Организации было значительно больше, чем она могла вместить. В изобилии имелись и материальные средства.

Азеф руководил разработкою всех этих планов, подбирал людей, распределял роли. Под его верховным руководством работала лаборатория в Париже, в которой изготовлялся необходимый динамит. Он налаживал переправу последнего в Россию. Он добывал паспорта и снабжал ими выезжавших в Россию «боевиков». Во второй половине ноября 1904 г. основные группы их тронулись в путь. Азеф оставался за границей: он должен был приехать несколько позднее, когда отряды обоснуются на местах, закончат предварительную разведку и вплотную подойдут к решающим действиям. Тогда по плану должен был приехать Азеф в качестве так сказать верховного ревизора, проанализировать собранный материал, пересмотреть наново и утвердить планы действия. Риск для своего главного руководителя Боевая организация сознательно стремилась свести к предельному минимуму.

Все это время Азеф, конечно, не забывал и о Ратаеве. В течение второй половины 1904 г. он представил целый ряд докладов, о которых его полицейское начальство даже много позднее вспоминало как об особенно ценных, и они действительно были такими. Он подробно сообщил о съезде представителей заграничных организаций партии социалистов-революционеров, о международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, о переговорах партии социалистов-революционеров с финляндской революционной партией «активистов», о парижской конференции «революционных и оппозиционных партий» и о многом другом.

Но подробность этих отчетов отнюдь не свидетельствовала ни о полноте даваемой Азефом информации, ни о точном ее соответствии с действительностью. Изучая их теперь, мы легко можем понять и действительные мо-

тивы поведения Азефа, и характерные особенности его метода «работы».

Он сообщает очень подробно и, по-видимому, вполне точно обо всем, что относится к области переговоров социалистов-революционеров с другими партиями. Склонности щадить секреты этих других партий у него нет и в помине. Но событиям внутренней жизни партии социалистов-революционеров он придает вполне определенное освещение.

Департамент, как это легко понять, больше всего интересовался террористической деятельностью партии. Азефа прямо засыпали вопросами этого рода. На них концентрировалось основное внимание. Не давать никаких данных о терроре Азеф не мог. И он их давал, но давал сознательно ложные, наводящие полицию на ложный след, уводящие ее поиски в сторону от действительной работы Боевой организации.

Согласно его донесениям, своей ближайшей задачей в области террора партия социалистов-революционеров ставит убийство царя. Это решение якобы принято на съезде заграничных организаций социалистов-революционеров в июле 1904 г., и Азеф несколько раз подчеркивает: «Покушение на его величество готовится — для меня это не подлежит никакому сомнению». Это была сознательная неправда, так как не только никакого покушения на царя тогда не готовилось, но и вообще вопрос этот серьезно не ставился. «Центр тяжести Боевой организации, — доносил далее он, — находится в Одессе», т. е. городе, к которому эта Организация тогда никакого отношения не имела, но в котором жило много стариков — бывших политических ссыльных и каторжан по различным процессам 1870—80-х гг. В подавляющем большинстве они теперь примыкали к социалистам-революционерам; многие из них поддерживали ту оппозицию против Азефа, с которой последнему еще совсем недавно пришлось пережить так много неприятных столкновений. Именно этих «стариков» Азеф стремился теперь выдать за членов Центрального комитета партии и за руководителей Боевой организации. Поименно из них он называл В. И. Сухомлина, Н. Геккера, Гедеоновского и др., — людей, которые тогда в состав Центрального комитета не входили, а к Боевой организации вообще никогда отношения не имели.

Наиболее опасными террористами-практиками Азеф

выставлял Слетов и М. Селюк — наиболее решительных противников того террористического крыла, вождем которого был Азеф. Их он аттестует как членов Центрального комитета, посылаемых в Россию «для руководства террористическими предприятиями» и в первую очередь покушением на царя. Все это самым грубым образом расходилось с действительностью: Слетов ехал в Россию после своего выхода из Центрального комитета не для террора, а для постановки массовой работы среди крестьянства. Он был противником одностороннего увлечения террором. Азеф это превосходно знал и сознательно давал ложные сведения, чтобы тюремная дверь за Слетовым захлопнулась поплотнее и чтобы он, Азеф, на более долгое время был избавлен от неприятной борьбы с противником его политической линии. Эта цель была достигнута. На основании донесений Азефа Слетов и затем Селюк были арестованы и вышли на свободу только много позднее, уже после октябрьской амнистии 1905 г.

Аналогичным образом Азеф рекомендует полиции и других своих фракционных антагонистов. Их стремится устранить во что бы то ни стало!

Совсем иной характер носят сообщения Азефа, — поскольку речь заходит об его ближайших соратниках — действительных членах Боевой организации. По его письмам к Ратаеву можно проследить, с каким старанием пытается он отвести подозрения полиции от них всех. Ни одного имени он не называет по доброй воле. В тех случаях, когда ему приходится отвечать на запросы Ратаева, получившего сведения о членах Боевой организации из какого-нибудь другого источника, Азеф всегда пытается или отрицать свою осведомленность, или отвести подозрение по ложному следу. Только тогда, когда полиция и без того хорошо осведомлена, Азеф подтверждает ее сведения. Именно так он поступает относительно Савинкова: на первые запросы он отвечал уклончиво, и только тогда, когда Ратаев прислал ему карточку Савинкова, Азеф признал, что именно это лицо и является террористом, известным под именем «Павел Иванович». И во всяком случае ни одного раза он не дает ни одного указания, которое в той или иной мере могло бы помочь установлению слежки за тем или иным членом Боевой организации или привести к его аресту.

Таков был общий характер «работы» Азефа для по-

лиции в этот период. Он подробно информировал ее о всевозможных конференциях и совещаниях, которые носили общеполитический характер. Он предавал всех, кто выступал в качестве оппозиции к нему, Азефу, не останавливаясь при этом перед прямыми измышлениями, лишь бы попрочнее засадить в тюрьму таких неудобных для него оппозиционеров. Но он не только не выдавал ничего, что имело прямое или косвенное отношение к руководимой им, Азефом, Боевой организации, — он, наоборот, делал все, чтобы последнюю охранить. Для этого он постоянно старался осведомляться от Ратаева о том, что полиция узнавала из других источников, и, судя по документам, ему удавалось в этом отношении добиваться достаточно многого: Ратаев верил «старому сотруднику», потерять которого он, как он писал Азефу, «боялся больше всего на свете».

* * *

При таком заботливом прикрытии тыла переброска отрядов Боевой организации из Парижа в Россию удалась как нельзя лучше: без единого провала все члены Организации добрались до назначенных мест и приступили к подготовительной работе.

Тем временем общие события в России нарастали быстрым темпом. Поражение за поражением следовало на Дальнем Востоке. Росла безработица. В напряженной атмосфере достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. За этой искрой остановки не случилось: из-за какой-то мелочи были уволены пять рабочих на одном из заводов Петербурга. В период кризиса, который царил тогда, увольняемых было много тысяч, и ничьего внимания эти увольнения к себе не привлекали. На этот раз случилось иное. В виде протеста против увольнения забастовали сначала их ближайшие товарищи — одна смена соответствующего цеха. Их поддержал весь завод. Весть о стачке перелетала из фабрики на фабрику, с завода на завод. Она так отвечала общему настроению, что казалось по собственному почину повсюду тревожно гудели заводские сирены, рабочие останавливали машины и через не в обычное время распахнутые заводские ворота черным потоком выливались на улицы рабочих предместий. Через несколько дней стоял весь город, а в ближайшее воскресенье многотысячные толпы с иконами и царскими портретами тянулись через городские заста-

вы к Зимнему дворцу, чтобы там «самому царю» вручить покрытую многими десятками тысяч подписей петицию с перечислением своих нужд, с изложением своих требований. Их встретили залпы, унесшие многие сотни человеческих жизней и навсегда разбившие одну большую, старую иллюзию. Наутро в рабочих предместьях уже пели:

Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси, —
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!

И вторя этому настроению, священник Гапон — авантюрист и проходимец, по воле исторической случайности взнесенный в тот день на вершущку народной волны, — провозглашал в своих воззваниях: «У нас нет больше царя»... «Берите бомбы и динамит — все разрешаю!»

Так кончалось «кровавое воскресенье» 9 (22) января 1905 г., которое поставило одну из значительнейших вех в истории России последнего столетия.

Все эти события не могли не действовать на членов Боевой организации, как шпоры на горячую лошадь. Общая обстановка нервировала их. Хотелось спешить с выступлением, ведь это выступление так хорошо отвечало бы общей напряженной атмосфере. Все время рождались новые и новые планы. Казалось, что существует возможность убить самого царя. Тем острее находившиеся в России работники Боевой организации ощущали отсутствие среди них ответственного «члена-распорядителя», который мог бы разрешить сомнения и дать руководящие указания.

К Азефу в Париж летели самые настоятельные призывы немедленно приехать на место действия. Но к этому Азеф менее всего чувствовал себя склонным. Он был уверен — точнее: он вполне определенно знал, — что второй раз провести ту игру, которую он провел в деле Плеве, ему не удастся. Он знал, что полиция теперь догадается об его предательстве, что его роль будет разоблачена. В неизбежной перспективе вставало не только крушение всех заманчивых житейских планов, которые он так заботливо создавал для будущего, — под угрозу ставилась сама его жизнь. А этот «суровый террорист» и «непреклонный революционер», этот «азартный игрок» человеческими головами, как рисовала, а порой и теперь еще рисует творимая легенда, в глубине души был жал-

ким, физиологическим трусом, влюбленным в маленькие радости жизни и судорожно за них цепляющимся. Поэтому-то одна мысль о предстоящей поездке в Россию приводила его в подлинный трепет, бросала его в состояние настоящей истерики. В одну из таких минут его случайно подсмотрела Ивановская. «По какому-то неотложному делу, — вспоминает она, — я однажды зашла в квартиру жены Азефа. Толкнувшись в первую комнату и не найдя там никого, я заглянула в полуоткрытую дверь второй комнаты, рассчитывая там встретить хозяйку. Мелькнувшая перед глазами картина заставила меня быстро попятиться назад, но и в этот краткий момент память успела зафиксировать слишком многое. На широчайшей кровати, полуодетый, с расстегнутым воротом фуфайки, лежал откуда-то вернувшийся Азеф... Его горой вздувшееся жирное тело тряслось, как зыбкое болото, а потное, дряблое лицо с быстро бегавшими глазами втянулось в плечи и выражало страх избиваемой собаки с вверх поднятыми лапами. Это большое, грузное существо дрожало, как осиновый лист (как я узнала это впоследствии), только при мысли о необходимости скорой поездки в Россию». Страх перед этой поездкой доходил до того, что Азеф готов был бросить все и умолял свою жену уехать с ним в Америку.

В таких условиях серьезно думать об его поездке в Россию, конечно, не приходилось. Молодые начальники отправленных в Россию отрядов были предоставлены собственным силам. Все решения им приходилось принимать на свой страх, всю работу проводить самим, без чьих-либо руководящих указаний. Из-за границы приходили одни только известия о необходимости спешить, о политической важности как можно более скорого выступления. И это только увеличивало то нервное напряжение, которое создавалось и общей атмосферой, и обстановкой работы. А если чего этим молодым начальникам отрядов и не хватало, так это как раз спокойной методичности в работе — той холодной уравновешенности, которая дается только в результате большого опыта.

Из большого плана, намеченного за границею, осуществить удалось только одну часть: брошенной И. П. Каляевым бомбою 17-го февраля 1905 г. в Москве был убит вел. кн. Сергей Александрович. От киевского предприятия скоро отказались: преследование провинциального

ген.-губ., по-видимому, казалось Борншанскому делом слишком второстепенным — таким оно и было в действительности — и он поспешил переехать в Петербург, чтобы принять участие в работах здешнего отряда. Именно здесь Боевая организация должна была нанести теперь свой главный удар. Он был намечен на 1(14) марта 1905 г. В этот день все виднейшие представители власти должны были собраться в Петропавловский собор ко гробу убитого за 34 года перед тем императора Александра II для очередной панихиды. Боевая организация предполагала запереть все пути к собору и в четырех из гостей должны были быть брошены бомбы: в вел. кн. Владимира Александровича, в петербургского ген.-губ. Трепова, в министра внутренних дел Булыгина и в его товарища П. Н. Дурново. Это был бы действительно небывалый по силе удар: Боевая организация собиралась справить достойные поминки по тем, кто за 34 года перед тем отдал свои жизни в борьбе против Александра II.

Всю работу по его подготовке руководил Макс. И. Швейцер — едва ли не наиболее талантливый и симпатичный из всех молодых террористов. Истинный демократ и социалист по настроениям, он принадлежал к числу тех немногих террористов, которые совершенно не поддавались на все попытки Азефа пропитать их пренебрежительным отношением к массам. Он интересовался европейским социалистическим движением и внимательно следил за его успехами.

Durch die Gassen
Zu den Massen —

эти слова венской рабочей песенки он любил мурлыкать себе под нос за опасной работой в лаборатории. И они весьма характерны для его настроений: в своем сознании через «переулочек» террора он шел к широкому, массовому социалистическому движению будущего.

Молодой, красивый, на редкость смелый и бесстрашный, он был богат инициативой, крепок и вынослив, и если чем грешил, так это только молодой самонадеянностью. На этот раз он не рассчитал своих сил и взял на свои плечи явно непосильную ношу: ту работу, которую осторожный Азеф в период дела Плеве распределил между тремя, Швейцер теперь, в несравненно более сложном предприятии, выполнял один. Он не только нес на

себе всю основную работу главного организатора, не только непосредственно сам сносился со всеми членами непомерно разросшегося отряда, он оставил за собою и функции техника при снаряжении бомб. Это была в высшей степени опасная работа, так как малейшая невнимательность, самая незначительная оплошность или небрежность могла повести к взрыву и, следовательно, гибели лица, занятого этой работой. Швейцер не хотел подводить под этот риск никого другого. Химик по специальности, он считал, что меньше других рискует при выполнении этой операции. У него действительно был большой опыт в таких делах. Находчивость и никогда его не оставлявшее хладнокровие до сих пор всегда помогали с честью выходить из весьма опасных положений. Теперь случилось иное. Он явно переутомил себя напряженной работой. 10-го марта вечером он в последний раз встретился с ближайшими товарищами по руководству делом — с Ивановской и Н. С. Тютчевым², членом Центрального комитета. Впервые за все время они почувствовали какой-то намек на колебания в его голосе, какую-то тень усталости в движениях. Эта усталость погубила его. Ночью на 11 марта в своем номере гостиницы он снаряжал бомбы, которые на завтра должен был раздать членам отряда. Какое-то неверное движение вызвало взрыв. Швейцер был разорван на куски...

Его смерть внесла естественное расстройство в работу отряда. В довершение всего на его след напала полиция: близко к отряду удалось подойти провокатору, который указал полиции на некоторых из его участников. Это была нить, по которой был прослежен весь отряд. Члены его чувствовали, что вокруг них опускаются сети. Осторожность требовала сняться с мест, скрыться, чтобы затем, осмотревшись и реорганизовавшись, вернуться вновь к работе. Но было жалко бросать то, на что потрачено так много сил. Покушение 14-го марта, конечно, не могло состояться, но частное выступление против Трепова и Булыгина казалось возможным провести. К тому же со дня на день ждали возвращения из-за границы Савинкова, который туда уехал по окончании московского дела. Была надежда, что с ним приедет и Азеф. А бегство отряда могло поставить их в очень тяжелое положение, так как они остались бы без явок и связей. Решено было ждать их приезда и уже только затем приступить к нужной реорганизации. Это было ошибкой. Ни Савинков, ни

тем более Азеф в путь не трогались: Азеф тормозил этот отъезд. А между тем полицейские сети сомкнулись: 29—30 марта в Петербурге были произведены аресты всех оставшихся членов отряда. Только одной Д. В. Бриллиант удалось ускользнуть. При обысках был взят динамит. Полиция торжествовала. Со слов ее руководителей, «Новое время» — влиятельная реакционная газета в Петербурге — говорила об этих арестах, как о «Мукдене русской революции». Еще раз жестоко «побежденный на Востоке» абсолютизм наивно думал, что он спасает себя этой маленькой «победой на Руси».

Глава VIII

Два предателя

Но если не для революции вообще, то для Боевой организации партии социалистов-революционеров аресты 29—30 марта действительно явились тяжелым, непоправимым разгромом — настоящим «Мукденом» ее главной армии: большой поход, организованный ею с таким колоссальным напряжением всех сил, — поход, на котором она и политически сконцентрировала свои основные надежды, — закончился полным поражением. Это был не только материальный, не только организационный удар. Это был удар политический. «Впоследствии Боевая организация, — рассказывает летописец последней, Савинков, — никогда уже не достигала такой силы и такого значения, каким она пользовалась» в период между убийством Плеве и петербургскими арестами. Важна была не столько гибель всего старого личного состава Организации, который уже побывал под огнем и имел известный навык в боевой работе. Гораздо большее значение имел тот факт, что Боевая организация в результате этих арестов оказалась отсутствующей на арене политической борьбы в момент, когда ее присутствие там с точки зрения ее идеологов должно было казаться наиболее необходимым.

В дни упоения успехом в деле Плеве сложилась концепция о ведущей роли Боевой организации: она с ее террором должна была идти впереди всего революционного движения в стране, концентрируя на себе общее внимание, привлекая общие симпатии. Массовое движе-

ние мыслилось как фон, на котором разворачивается героическая борьба одиночек из Боевой организации. К выступлениям этой последней должны приурочиваться всевозможные массовые демонстрации и политические заявления. Эта концепция вождей Боевой организации пользовалась большим влиянием не только внутри партии социалистов-революционеров. К ней склонны были тяготеть многие представители и других политических группировок. Вопрос о политических демонстрациях, разворачиваемых вокруг террористических актов, был одним из главных пунктов конкретной программы политического действия, намеченной на упомянутой выше парижской конференции представителей оппозиционных и революционных партий в октябре 1904 г. Даже наиболее осторожные участники последней — представители русских либералов и польских национал-демократов — соглашались приурочивать организуемые ими кампании (подача петиций, выступления на земских собраниях и т. д.) к моментам совершения террористических покушений. Обстановка, которая существовала в России в дни Плеве, создала иллюзию реальности подобного рода концепций: этот удар действительно был нанесен одиночкой в момент, когда страна молчала.

И вот теперь положение в корне менялось. Массовое движение развернулось с небывалою силой. Волна стачек, демонстраций, крестьянских волнений, различных восстаний — короче: волна массового движения во всех его формах — шла, прогрессивно нарастая. Оружие же центрального террора отказалось служить. В наиболее нужный момент героическая одиночка, которая должна была вести за собою массы, сама оказалась в нетях...

Это было похоронами тех заговорщически-террористических иллюзий, которые ярким пламенем вспыхнули в дни Плеве. Героический период Боевой организации кончался. Начинались ее будни.

Известия о событиях в Петербурге, конечно, не могли не произвести огромного впечатления на находившихся в это время за границей членов руководящего коллектива Боевой организации — на Азефа и Савинкова. Уже после телеграммы о гибели Швейцера было ясно, что им необходимо спешить в Петербург: среди оставшихся там членов отряда не было людей, достаточно квалифицированных для самостоятельного ведения столь сложного предприятия. По рассказу Савинкова, он тогда же пред-

ложил Азефу немедленно вместе выехать в Петербург. После сказанного выше о тогдашних настроениях Азефа ясно, что Азефу эта поездка менее всего могла казаться заманчивой. Не отказываясь прямо — такой отказ теперь дискредитировал бы его — Азеф стал затягивать свой отъезд, ссылаясь на необходимость предварительно урегулировать лежавшие на нем общепартийные обязанности: это была его обычная система отговорок. Савинков мог поехать один, тем более, что это было им обещано петербуржцам и они его там ждали. Но он решил дожидаться Азефа, хотя ему не могло не быть ясно, что в создавшейся обстановке дорог каждый день, быть может, даже каждый час. И действительно, умелый руководитель еще мог бы много спасти: документы показывают, что большинство членов отряда было прослежено полицией уже после гибели Швейцера... Но такой руководитель из-за границы не приехал. Петербургский отряд фактически был брошен на произвол судьбы — и вскоре Азеф с Савинковым имели возможность читать обширные телеграммы иностранных газет с подробными отчетами о петербургских арестах.

Ехать в Петербург теперь уже не было необходимости: спасти было некого. Боевая организация фактически на время перестала существовать, ее нужно было строить наново.

Точных сведений о причинах петербургских арестов не имелось. В их обстановке был целый ряд подозрительных моментов, но собрать сведения о них и произвести нужные сопоставления удалось только значительно позднее. О том, что виновником арестов является предатель, вначале не подозревали. А между тем такой предатель существовал.

Им был Ник. Юр. Татаров¹. Он был не новичком в революционном движении: впервые он понес кару еще в 1892 г. за участие в одной студенческой истории. Позднее он был три раза арестован по различным политическим делам и в конце 1901 г. выслан в Восточную Сибирь. Ссылку он отбывал в Иркутске — столице Восточной Сибири — и здесь близко сошелся с рядом старых ссыльных, бывших деятелей партии «Народной воли». Под их влиянием он примкнул к молодой партии социалистов-революционеров и быстро занял видное место в сибирских организациях последней. Им была организована иркутская тайная типография этой партии, в кото-

рой было напечатано несколько брошюр и прокламаций. Типография эта осталась нераскрытой полицией, и рассказы о ней немало способствовали закреплению репутации Татарова как опытного конспиратора и убежденного революционера.

Это последнее далеко не соответствовало действительности. Позер и любитель хорошо пожить, в революционное движение Татаров пошел только потому, что это давало возможность играть видную роль в той студенческой среде, в которой он вращался. Ни глубоких убеждений, ни стойкости у него не имелось.

Пребывание в ссылке «излечило» его от увлечения революцией, а родственные связи и знакомства позволили ему нащупать пути к заманчивой карьере, которая обещала дать много денег и возможностей хорошо пожить. Его отец был протоиереем кафедрального собора в Варшаве и имел обширные связи среди высших чинов администрации и полиции. Он был знаком и с гр. Кутайсовым — ген.-губ. Восточной Сибири, который в прежние годы служил в Варшаве в качестве начальника Варшавского жандармского округа. Один из сыновей Кутайсова был сверстником и едва ли не школьным товарищем Татарова-сына. В Иркутске знакомство было восстановлено и политический ссыльный, организатор революционной типографии, бывал в гостях в доме генерал-губернатора. Старик Кутайсов вспомнил о своей бывшей жандармской практике и соблазнил Татарова заманчивой карьерой провокатора. Он же служил и посредником на первых стадиях переговоров Татарова с Департаментом полиции. Последний с радостью ухватился за предложение: время было тревожное, центральной агентуры среди социалистов-революционеров Департамент не имел, кроме Азефа, который жил за границей и сведения которого далеко не удовлетворяли Департамент. Новый агент, имеющий обширные связи в центрах партии, был как нельзя более жалателен для Департамента. 27-го января 1905 г. Департамент по телеграфу дал разрешение Татарову на выезд в Петербург: официальным предлогом досрочного освобождения из ссылки была болезнь старика-отца; разрешение на заезд в Петербург было мотивировано семейными обстоятельствами. 9-го февраля Татаров выехал из Иркутска и около 20-го прибыл в Петербург.

Здесь он нашел целый ряд своих знакомых по Иркут-

ской организации социалистов-революционеров, занимавших видные посты в партии социалистов-революционеров: Фриденсона, Тютчева и др. Как хорошо известного им партийного товарища они осведомили Татарова о партийных новостях. Из этих рассказов ему стало известно, что в Петербурге находится отряд членов Боевой организации и что в его состав входит, между прочими, Ивановская, которую Татаров знал по Сибири. Последняя жила нелегально, но кто-то был так неосторожен, что сообщил Татарову и ее адрес. Это была исходная точка, опираясь на которую полиция начала свое наблюдение.

Во время арестов 29—30 марта Тютчева не тронули, дав ему возможность скрыться: как видно из документов Департамента, сделано это было «в видах охранения агентурного источника», т. е. для того, чтобы Татаров и в будущем имел возможность использовать свои хорошие отношения с Тютчевым в целях получения нужной информации. Этот расчет был правилен: Тютчев помог Татарову стать сначала разъездным агентом Центрального комитета, а затем и членом последнего. Правда, степень доверия к нему была совершенно иной, чем к Азефу; в частности, к делам Боевой организации его совершенно не подпускали. Но во всяком случае возможность узнавать очень многое Татаров приобрел. Отныне внутри Центрального комитета полиция имела уже не одного, как было раньше, а двух агентов. Монополии Азефа в деле осведомления Департамента о внутренней жизни центров партии социалистов-революционеров пришел конец.

Трудно сказать, когда именно Азеф узнал об этой перемене в своем положении. Вернее всего, что первые подозрения у него возникли уже после петербургских арестов 29—30 марта. Ему самому слишком часто приходилось вместе с Зубатовым и Ратаевым разрабатывать такие планы арестов, при которых действительный предатель оставался в тени, чтобы он не мог не понять общего значения того ребуса, который представляла картина петербургских арестов. Кроме того, кое о чем он должен был догадываться по тем запросам, которые приходили из Департамента и становились ему известными от Ратаева. Но, с другой стороны, все эти источники показывали, что информация, которую располагал Департамент, не отличалась в отношении Боевой организации ни точностью, ни полнотою. Татаров сам многого не знал,

путался в своих догадках и путал Департамент. Так, в первых сообщениях об арестах говорилось, что в числе арестованных находится Савинков, и Департамент долго держался за это предположение, путая Моисеенко с Савинковым. Далее, Департаменту так и не удалось раскрыть настоящее имя Швейцера. По-прежнему совершенно не разъясненными для Департамента оставались дела об убийствах Плеве и вел. кн. Сергея. Все это свидетельствовало, что источник информации, которою располагал Департамент, сам о многом не был осведомлен, а следовательно, не принадлежал к числу центральных деятелей партии и во всяком случае не принадлежал к Боевой организации. Вернее всего, что именно таков был вывод, который делал Азеф в течение первых месяцев после петербургских арестов. В полном соответствии с этим стояло и его поведение: он заметно увеличил свою осторожность в донесениях Ратаеву, стал еще более подозрителен при приеме новых членов, но общей линии своего поведения все еще не менял.

В партийных кругах тем временем создалась совершенно новая обстановка. Влияние чисто террористического крыла под влиянием роста массового движения в стране становилось все меньшим. Велась работа по доставке в Россию огромных партий оружия и по подготовке на лето массовых крестьянских восстаний. Азеф был решительным противником этих планов и «презрительно пофыркивал», как выражается один мемуарист, когда в его присутствии заходила речь о массовом движении. По его мнению, самым целесообразным было все имеющиеся у партии средства направить главным образом на развитие центрального террора. Но ореол последнего теперь был уже далеко не тот, что в первые месяцы после убийства Плеве. В выдаче средств для Боевой организации Центральный комитет, конечно, не отказывал, но ассигновки эти далеко не соответствовали аппетитам Азефа. Тем более неотложным казалось дело фактического восстановления Боевой организации, за которое и взялись Азеф с Савинковым.

Эта задача оказалась теперь много более сложной, чем можно было думать. Все наиболее активные люди теперь рвались на массовую работу, а потому, несмотря на общий революционный подъем, Боевая организация — небывалая в ее истории вещь — испытывала недостаток в добровольцах, желавших войти в ее состав. Наличных

сил было так мало, что о постановке большого террористического предприятия не приходилось и думать. После совещаний был намечен следующий план работы: Савинков с наличными силами Боевой организации выехал вперед в Киев для организации покушения на Клейгельса. Это дело продолжали считать относительно легким, а успешное проведение его, полагали, явится доказательством того, что петербургские аресты не уничтожили Боевую организацию. Азеф же должен был выехать несколько позднее в объезд по России со специальной целью вербовки новых кандидатов для Боевой организации.

Нетрудно понять, что и теперь в Россию он ехал не с легким сердцем. Но риск такой поездки для него теперь был много меньшим, чем в дни «большого похода» Боевой организации, так как больших террористических предприятий теперь на очереди не стояло. Восстановить же Боевую организацию — нанебовать для нее новые силы — можно было только в России. Именно поэтому Азеф теперь пошел на риск поездки.

Эту поездку Азеф, конечно, подготовил и со стороны своего полицейского начальства. Недовольный ростом влияния в партии сторонников ориентации на массовые восстания, он принимал против них свои специфические меры; его письма к Ратаеву от этих месяцев полны доносов именно на них. Некоторых из них — например, М. А. Веденяпина, В. П. Троицкого и др. — он выдает за террористов, которые едут в Россию для организации террористических предприятий. Внимание полиции он все время направляет по этому руслу. Этими же сообщениями он доказывает и необходимость своей поездки в Россию, на которую Ратаев, хотя и с большой неохотой, в конце концов дал согласие.

Несмотря на все старания Савинкова, покушение на Клейгельса и на этот раз не удалось: исполнители, привлеченные для этого дела, в последнюю минуту заколебались и не выполнили взятых на себя обязательств. Их пришлось устранить из состава Боевой организации. Но зато поездка Азефа дала хорошие результаты. Добровольцев, предложивших себя на роль непосредственных исполнителей и вполне удовлетворявших строгим требованиям Азефа, нашлось 5. Имелось достаточно людей и для всех остальных функций. С такими силами можно было браться и за предприятия центрального значения. Об-

щее совещание всех членов Боевой организации вместе с Азефом и Савинковым было назначено в Нижнем, на начало августа. Уже вполне конкретно очерчивалась и программа ближайшей деятельности: на первую очередь должно было быть поставлено покушение против Трепова.

Обстановка, казалось, складывалась очень благоприятно, но не только довести до конца, даже начать это дело Боевой организации не удалось. Съехавшиеся участники совещания поджидали приезда еще одного кандидата в работники Боевой организации — А. В. Якимовой: видный деятель партии «Народной воли» 1879—81 гг., хозяйка той «сырной лавки на Садовой», из которой был проведен подкоп под улицу для взрыва во время ожидавшегося проезда царя, она отбыла 20-летнюю каторгу и теперь бежала из Сибири для того, чтобы вновь занять место в рядах террористической организации. Она несколько запоздала, и Азеф выехал по общепартийным делам в Москву. Первые слова, с которыми он обратился к Савинкову по возвращении, были:

— За нами следят!

Из его рассказа Савинков узнал, что в Москве Азеф встретился с Якимовой и после этого заметил за собой филеров. Для Азефа было несомненно, что за Якимовой следили и что теперь слежка завезена в Нижний, а потому он и настаивал на необходимости немедленно покинуть этот город. Савинков и другие члены Организации вначале сомневались в правильности опасений Азефа, но через день-два и для них стало ясным, что полицейская слежка за ними действительно ведется. Тогда по разработанному Азефом плану все участники нижегородского съезда разъехались разными путями. Встреча была назначена в Петербурге. Все обошлось благополучно, никто не был арестован, — только Якимова недели через три была взята с поезда во Владимире.

На основании материалов, ставших известными позднее, закулисная сторона этой нижегородской эпопеи представляется в следующем виде: незадолго до своей поездки в Нижний Якимова виделась в Минске с Татаровым, которому, как члену Центрального комитета, она сообщила, что вскоре поедет в Нижний на совещание членов Боевой организации и увидится там с руководителями последней — «Валентином» (Азефом) и «Павлом Ивановичем» (Савинковым). Об этом Татаров немед-

ленно же сообщил своему полицейскому руководителю и с этого момента за Якимовой началась настоящая гонка: к ней были приставлены лучшие филеры из Департамента, которые ни на минуту не упустили ее из глаз. Все встречи ее регистрировались. Несомненно, что именно этих филеров заметил Азеф во время свидания с Якимовой в Москве; несомненно так же, что их «привезла» за собою Якимова и в Нижний.

Все это создавало для Азефа совершенно новую обстановку: достаточно опытный в деле полицейского сыска, по поведению филеров он не мог не понять, что слежка носит не случайный характер. Вполне возможно, что он даже узнал некоторых из них и установил, что имеет дело с филерами не местными, а от Департамента (с ними ему за годы своей деятельности сталкиваться приходилось довольно часто и при его памяти на лица он не мог не знать многих из них). Если так, то ему должно было стать ясным, что слежка является результатом провокации, и при том провокации центральной, которая осведомлена о задачах поездки Якимовой. В этих условиях перед Азефом неизбежно должна была встать двойная задача: все предыдущее поведение обязывало его к заботе о сохранении с таким трудом сколоченного нового остова Боевой организации и наряду с этим он должен был отвести подозрения полиции от себя лично. Тот факт, что он не сообщил своевременно о предстоящем съезде боевиков, ставил его самого под опасность разоблачения полицией его двойной игры. И он торопится принять участие в выдаче полиции нижегородского съезда, сообщает одновременно о подготавливавшемся в Нижнем покушении на местного губернатора, но делает все это таким образом, чтобы иметь возможность другой рукой спасти весь личный состав Организации. Гибнет только одна Якимова, относительно которой Азефу ясно, что она уже раньше предана кем-то другим, и которая в глазах Азефа поэтому стала со всех точек зрения опасной. Вся игра разыграна Азефом с большой тонкостью и предусмотрительностью. Он имел полное основание полагать, что теперь и «волки» будут сыты, и «овцы» останутся целыми — и его фонды поднимутся в обоих лагерях. Не его вина, если на деле вышло совсем иное, и он сам оказался поставленным под удар с обеих сторон.

В Департаменте полиции за последние перед тем ме-

сяцы произошла настоящая революция в области личного состава. Лопухин, который в течение почти трех лет занимал пост директора Департамента, вышел в отставку. Он не мог не уйти. Трепов — генерал-губернатор Петербурга и любимец царя — после получения телеграммы из Москвы об убийстве вел. кн. Сергея заявился в Департамент, молча прошел в кабинет Лопухина и, бросив всего только одно слово: «Убийца!», — ушел, с шумом захлопнув за собой дверь. Лопухин пытался реабилитировать себя и лично отправился в Москву для производства расследования. Он хотел найти наличие небрежности в деятельности Московского охранного отделения, которое якобы имело данные о подготовке покушения на вел. кн. Сергея, но не использовало их и к тому же скрыло от Департамента. Это было ошибкой: на самом деле след, который был в распоряжении Московского охранного отделения, вел не к той группе, которая совершила убийство вел. кн. Сергея, а к покушению, которое одно время готовилось местным московским комитетом социалистов-революционеров (группа А. Р. Гоца², Вноровского и др.), но было отменено по требованию Савинкова. Никаких следов, ведущих к группе Савинкова — Каляева, Московское охранное отделение в действительности не имело. Во всяком случае Лопухину поездка в Москву не помогла. Во время одного из ближайших докладов министра внутренних дел царь выразил свое неудовольствие работой Департамента полиции, и Лопухину осталось только покинуть свой пост. В начале марта он вышел в отставку, — и... наиболее обидным для него было то обстоятельство, что на смену ему шел его злейший враг Петр Иванович Рачковский.

Начало полицейской карьеры последнего, говоря высоким стилем, теряется во мраке истории. Не обладая никаким образованием, он еще с конца 1860-х гг. начал службу в качестве мелкого чиновника различных губернаторских канцелярий — в Киеве, Одессе, Варшаве и т. д. Есть указания, что он и тогда уже промышлял по мелочам в области полицейского сыска. Официально на этот путь он вступил в 1879 г., когда стал секретным агентом знаменитого в те времена 3-го Отделения собственной его величества канцелярии. Вскоре он был разоблачен революционерами и открыто перешел на полицейскую службу, явившись одним из пионеров насаждения в России системы провокации. Быстро выдвинув-

шийся, он с 1884 г. занимал пост руководителя русской полиции за границей. На нем он развил весьма энергичную деятельность, заводя целый ряд своих агентов среди эмиграции. Простой сыск его не удовлетворял — он стремился оказывать влияние и на общую политику. По своему положению он смог завести близкие связи с руководителями французской полиции, а через них с рядом виднейших представителей прессы и политических деятелей Франции, стремившихся тогда к заключению союза с Россией. Путем игры на бирже он создал себе солидное состояние, которое дало ему возможность вести широкий образ жизни. Это, конечно, содействовало укреплению его связей. Он был хорошо знаком с Флурансом, Констаном, Делькассе, даже с самим президентом Лубе. С Делькассе он снимался на одной карточке. Одновременно он завел личные связи и со многими крупными мира сего в России: им он помогал в игре на парижской бирже, от них узнавал полезные новости, их использовал для влияния на политику. Особенно сблизился он с ген. Гессе — дворцовым комендантом, человеком, весьма близким к царю, и через него втянулся в самую гущу придворных интриг. В деле подготовки франко-русского союза Рачковский несомненно сыграл заметную роль.

Он процвел, но жизненный путь его был далек от безупречности. Его финансовые операции часто переходили грань уголовно-наказуемого. В деле полицейского сыска он с самого начала усвоил новейшую «французскую» систему провокации, которая не останавливалась перед бросанием бомб и подкладыванием адских машин, когда это казалось полезным в интересах запугивания среднего обывателя и создания таким путем необходимого «общественного мнения». На его деньги и по подстрекательству его агентов были изготовлены «русские бомбы», обнаруженные в Париже в 1890 г. Его агент Яголковский подстроил ряд «анархистских» покушений в Бельгии, в том числе взрыв собора в Льеже. Эти факты не представляют исключения, — и указанные агенты во всех этих случаях действовали по инструкциям Рачковского и при его содействии избежали наказаний.

Это все было еще полбедою: русское правительство на все смотрело сквозь пальцы, а за особо удачные провокаторские проделки даже сами цари — Александр III и Николай II — посылали Рачковскому свое «монаршее спасибо». Хуже было то, что Рачковский в своем сыск-

ном усердии зарывался и временами затрагивал вопросы, непосредственно относившиеся к внутренней жизни царской семьи. Так еще в середине 1880-х гг. он удостоил своим вниманием личную жизнь поселившейся во Франции вдовы Александра II, княгини Юрьевской, и писал грязнейшие доносы как про нее, так и про ее детей. Это взорвало Александра III: как-никак, речь шла об его единокровных братьях и сестрах, формально признанных его отцом. Рачковский получил жесточайший нагоняй и при жизни Александра III не рисковал больше соваться в эту область. При Николае II, которому он был лично представлен и который к нему очень благоволил, Рачковский вновь осмелел и рискнул вмешаться в дворцовые интриги, дав очень не лестный отзыв об известном авантюристе-«магнитезере» Филиппе, который был приглашен к царскому двору для того, чтобы заглянуть в будущее и предсказать время появления давно желанного наследника престола. На этом Рачковский сломал себе шею. Плеве давно его недолюбливал и теперь воспользовался случаем, чтобы его окончательно похоронить. Лопухиным были собраны точные данные о всех подвигах Рачковского, Плеве лично составил доклад царю (Рачковский был в это время настолько влиятелен, что вопрос о нем не мог быть решен без резолюции царя), и согласие на устранение было получено. Лопухин и еще раз приложил к этому свою руку, так средактировав извещение об увольнении, чтобы оно звучало по возможности более оскорбительно, и так переслав его, чтобы с содержанием его ознакомился возможно более широкий круг лиц из чиновного мира. Этой обиды Рачковский Лопухину не простил. Теперь приходило время ему брать реванш.

Назначенный петербургским генерал-губернатором и снабженный диктаторскими полномочиями, Трепов с первого момента своего прибытия в Петербург стал искать человека, которому он смог бы вручить верховное руководство полицией. Выбор его пал на Рачковского. Департамент полиции и Министерство внутренних дел пытались оказать противодействие. Дурново — товарищ министра внутренних дел, заведовавший в это время полицией, — с помощью Лопухина извлек из архива и вновь представил царю старый доклад Плеве о Рачковском, на котором «собственной его величества рукою» была начертана резкая резолюция о Рачковском. Ничто не

помогло. Трепов победил, и 18 февраля 1905 г., т. е. на следующий день после убийства вел. кн. Сергея, Рачковский был назначен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел с возложением на него особой миссии по верховному руководству деятельностью Петербургского охранного отделения. Он взял в свои руки центральную секретную агентуру по партии социалистов-революционеров и лично сносился с Татаровым, руководя всеми арестами, производимыми по сообщениям последнего. В июле Трепов получил повышение, был назначен товарищем министра внутренних дел. Рачковского он продвинул за собою: 9-го августа последовало секретное (т. е. оставленное без официального опубликования) распоряжение о назначении Рачковского вице-директором Департамента полиции с возложением на него функции руководства всею политической частью работ Департамента. Звезда Рачковского взошла на небывалую высоту, и он первым делом начал сводить счеты со всеми теми служащими Департамента, которые были ставленниками Лопухина и Зубатова — главных виновников того позора и поношения, которое они навлекли на голову Рачковского. Понижения, перемещения и отставки следовали одна за другой. Одной из первых жертв пал Ратаев — преемник Рачковского на посту руководителя политическим сыском за границей. Рачковский немедленно после своего вступления в новую должность вызвал Ратаева в Петербург, потребовал сдачи имеющейся у него агентуры и совершенно недвусмысленно указал, что в услугах его больше не нуждается.

Это был чувствительный удар и по Азефу. Ратаеву, конечно, ничего не оставалось, как подчиниться. Он вызвал Азефа, только что покинувшего Нижний Новгород, в Петербург и здесь 21-го августа передал его Рачковскому. Это была их первая встреча*. На положении Азе-

* В литературе широко распространены утверждения о тесной связи, существовавшей между Рачковским и Азефом в более ранние периоды полицейской службы этого последнего. На этом основании построены все догадки о роли Рачковского в убийстве Плеве и в других террористических актах Боевой организации, совершенных под руководством Азефа. Все эти утверждения не находят никакого подтверждения ни в свидетельствах осведомленных лиц, ни в документах. И сам Азеф (в беседах с Бурцевым после своего разоблачения), и Рачковский с Ратаевым — т. е. все те лица, которые наиболее близко осведомлены о деле, — категорически отрицали существование между ними сношений. Единственный свидетель,

фа она отразилась самым тяжелым образом: отныне он принужден иметь дело не с Ратаевым, которого он знал в течение ряда лет и все слабые стороны которого он успел изучить, а с человеком совсем для него новым, — и к тому же значительно более опытным в деле полицейского сыска, значительно более искусственным в области распознавания людей. Положение осложнялось и тем, что у Рачковского имелось много больше, чем у Ратаева, возможностей контроля сообщений Азефа: к нему поступали все сводки по наружному наблюдению, в которых регистрировались все встречи Азефа, свидетельствовавшие, что последний стоял в самом центре партии. Далее, о роли Азефа Рачковскому теперь сообщал и Татаров, который хотя и далеко не во все был посвящен, но все же знал уже очень многое из внутривнутрипартийных дел. Азеф почувствовал это изменение своего положения. Он понял, что теперь он *должен* выдавать, и выдавать очень многое, чтобы самому не быть проваленным перед полицией. На этот путь он и встал.

21-ое августа 1905 г. было важной датой в его биографии: в этот день он выдал Савинкова, обязался выдать Брешковскую, совершил целый ряд других предательств и в этот же день он получил прибавку к жалованью (правда, совсем небольшую: 600 руб. вместо прежних 500) и обещание щедро оплатить все расходы по поездкам. Договор был заключен. На следующий день Азеф получил жалованье сразу за несколько месяцев и 1300 руб. за разъезды, а под вечер в купе первого класса курьерского поезда выехал в Саратов ловить «бабушку» — Брешковскую. Его сопровождал сам начальник наружного наблюдения Департамента, старый знакомый Азефа — Е. П. Медников. Другим поездом выехал другой отряд филеров; он должен проследить и пой-

утверждающий факт таких сношений, — Лопухин, в рассказах которого вообще имеется немало ошибок памяти. Совершенно определенно можно утверждать, что именно такой ошибкой памяти и вызван рассказ Лопухина о пересылке им через Рачковского 500 руб. Азефу для внесения в кассу Боевой организации: из документов видно, что всю переписку об этих деньгах Азеф вел непосредственно с Департаментом в лице Ратаева и деньги ему Департаментом высланы 23 июня 1902 г. тем же самым способом, каким ему высылались все остальные суммы. Документы свидетельствуют, что в тот период Рачковский вообще не догадывался о действительной роли Азефа и в своих докладах от весны и лета 1902 г. писал о нем как об активном социалисте-революционере.

мать Савинкова, который отдыхал в имении у знакомого товарища, адрес которого ему был предупредительно дан Азефом.

Обе эти задачи оказались не выполненными: и Брешковской, и Савинкову удалось ускользнуть от ареста. В результате конечный итог этой партии выдач Азефа был относительно совсем невелик: динамитная мастерская Горохова в Саратове, такая же мастерская Коноплянниковой в Москве, ряд более мелких арестов... Но из центральных деятелей партии никто не погиб. Целиком был спасен и весь личный состав Боевой организации: его Азеф легко мог предать, так как знал, где можно найти людей, динамит и пр., но сделать это он считал невыгодным и ограничился предательством одного только Савинкова. Он, конечно, предал бы и всех остальных, если бы Рачковский нажал на него более сильно...

Судьба избавила его от этого испытания, так как готовила иное, горшее. Если член Центрального комитета партии социалистов-революционеров раскрыл перед Рачковским действительную роль Азефа в революционном движении, то теперь, в свою очередь, один из наиболее доверенных чиновников Департамента, Л. П. Меньшиков³, сообщил Центральному комитету про полицейские заслуги Азефа. В добавление к опасности быть обвиненным в двойной игре Рачковским Азеф оказался поставленным вплотную перед угрозой такого же обвинения со стороны революционеров.

Л. П. Меньшиков был старым, испытанным служащим ведомства политической полиции. В 1887 г. он был арестован в Москве по делу одного из маленьких революционных кружков и вскоре убедился, что со всех сторон опутан сетями предательства и провокации. По его рассказам, у него тогда же возникла мысль «клин выбить клином», т. е. поступить на службу в полицию для того, чтобы разоблачить революционерам ее тайны. Намерения эти завели Меньшикова очень далеко. Он поступил на службу в Московское охранное отделение и быстро выдвинулся своим умением составлять точные и ясные доклады. Угрюмый, молчаливый, всегда холодно вежливый, как рассказывает о нем один его сослуживец, он держался несколько особняком среди этих последних, но был ценен начальством и дослужился до ответственного места в Департаменте полиции. На этом посту он пребывал уже больше двух лет, когда «чистка», начатая

Рачковским, поставила его дальнейшую службу под угрозу: Меньшиков был одним из «птенцов гнезда» Зубатова, которых теперь изгоняли из Департамента. К этому времени у него накопился обширный материал относительно различных полицейских тайн — и он решил вступить на путь разоблачения секретных агентов полиции.

8-го сентября 1905 г. к одному из членов петербургского комитета партии социалистов-революционеров Е. П. Ростковскому на место его службы явилась неизвестная дама под густой вуалью и, передав запечатанный конверт, быстро удалилась. В конверте было письмо с предупреждением, что партию социалистов-революционеров предадут два серьезных шпиона: «бывший ссыльный, некий Т.», и «инженер Азиев, еврей», недавно приехавший из-за границы. В письме приводились и точные указания о том, какие именно выдачи этими лицами были совершены.

Азефу это письмо стало известным в тот же день: он случайно зашел по делам к Ростковскому, который знал его как одного из наиболее влиятельных членов Центрального комитета. Растерянный и ошеломленный той тайной, которую вскрывало перед ним только что полученное письмо, Ростковский показал его Азефу. Азеф побледнел, но самообладания не потерял и на вопрос, о ком идет речь, коротко ответил: «Т. — это Татаров, а инженер Азиев — это я. Моя фамилия — Азеф». Затем он бросил окурок и ушел, оставив Ростковского, конечно, еще более растерянным, чем он был до этого разговора.

В результате дальнейшее развитие событий пошло совсем иным путем, чем того хотел автор письма.

В тот же день вечером Азеф виделся с Рачковским и подробно ему обо всем рассказал. Рачковский был в восторге от самообладания, проявленного Азефом, но Азеф далеко не был в восторге от проявленного Департаментом неумения хранить доверенные ему тайны. Вслед за этим Азеф выехал в Москву, где рассказал о письме члену Центрального комитета Потапову, и потом в Женеву.

Впечатление, произведенное письмом, было огромным — и в Москве, и за границей. Все фактические указания, касавшиеся дел организаций, были верны. «Я только два раза прослушал текст письма, — вспоминает Ракитников, входивший тогда в состав московского бюро

Центрального комитета, — с тех пор прошло четыре года, а я и теперь помню его почти дословно. Точно каждое слово его выжжено в мозгу каленым железом. Общее впечатление было...: сидим, опутанные со всех сторон полицейской паутиной; каждое движение, чуть не каждая мысль наша известны Департаменту полиции до тонкости — и он в сознании того, что мы в его власти, еще издевается над нами, ведет с нами... непонятную игру».

Для всех деятелей Центрального комитета было ясно, что предательство в центре партии действительно имеется, но обвинение против Азефа было почти без колебаний отвергнуто.

Мысль о возможности заподозрить в предательстве главного руководителя убийства Плеве казалась нелепой, даже оскорбительной. В итоге обвинение против Азефа по существу даже не разбирали. Никакого расследования о нем не было произведено. Кроме самого узкого круга центральных деятелей партии о письме никто не узнал. От партийных дел Азеф ни на минуту не был отстранен. По-прежнему его держали в курсе всех, даже наиболее секретных предприятий партии, в том числе и дела Татарова, которое приняло совсем другой характер, чем дело Азефа.

Обвинения, выдвинутые в письме против этого последнего, с самого начала далеко не казались столь же необоснованными, как обвинения против Азефа. Гоц, который горячо защищал Азефа, первым заявил о необходимости внимательного расследования дела Татарова. Этот последний в начале августа приехал за границу и уже успел навлечь на себя подозрения товарищей и широкими тратами, и неконспиративными планами. Произведенное предварительное расследование быстро обнаружило ряд крайне подозрительных моментов в его поведении; он был уличен в том, что говорил товарищам заведомую неправду. Тогда Центральный комитет уже официально избрал комиссию для расследования дела Татарова в составе Баха, Савинкова, Тютчева и Чернова.

Вопросы этой комиссии застигли Татарова врасплох: он ничего не подозревал о возникших против него подозрениях. Рачковский предал его и ничего ему не сообщил про письмо Меньщикова, о котором знал от Азефа. По ряду пунктов ответы Татарова были неправдивы. Его уличали во лжи. Он брал свои показания обратно, менял их, выкручивался. Человек, который так ведет се-

бя, находясь под обвинением в предательстве, конечно, только усиливает самые худшие против себя подозрения. Было установлено, что он мог совершить все те выдачи, которые ему были приписаны в письме Меньщикова, но точной уверенности в том, что он их в действительности совершил, все же еще не было.

Взвесив весь собранный материал, комиссия единогласно пришла к выводу, что Татаров состоял в каких-то сношениях с полицией, но характер этих сношений комиссии был неясен. Поэтому мысль об убийстве Татарова была отклонена; решено было ограничиться отстранением его от всех партийных дел, а расследование его дела — продолжить. Ему разрешено было уехать на родину, но с него взяли обязательство извещать Центральный комитет о всех своих передвижениях.

Азефа в дни вынесения этого решения не было в Женеве — он уезжал на некоторое время в горы, чтобы отдохнуть и «привести в порядок свои нервы». Когда он вернулся, Татарова уже не было в Женеве. Азеф был возмущен. Когда ему сообщили о состоявшемся решении комиссии, он, по рассказу Аргунова, «стал горячиться, ругал всех «мягкотелыми», «воронами» и т. п., доказывая, что Татарова нужно было тут же убить, что престиж партии этим подорван и многое другое». «Какие еще доказательства вам нужны? — возмущенно заявлял Азеф. — Разве в таких делах бывают более точные доказательства?» Все свидетели сходятся на том, что если бы Азеф во время вынесения приговора комиссии был в Женеве, то Татаров не остался бы в живых.

Впрочем, жить ему и так оставалось немного. В октябре открылись двери тюрем и на свободе очутилась большая часть из арестованных 29—30 марта. Их рассказы не оставляли никакого сомнения в предательстве Татарова: он был настолько неосторожен, что даже ходил в охранку опознавать некоторых из арестованных и был в свою очередь узнан ими. К нему в Киев приехал его хороший знакомый по Иркутску, Фриденсон, чтобы сделать еще одну попытку получить объяснения. Татаров продолжал отрицать выдвинутое обвинение; при этом он заявил, что в процессе собирания материалов для своей реабилитации он смог через одного своего родственника, полицейского пристава в Петербурге, получить вполне достоверное сообщение: предатель в партии действительно имеется — им является Азеф. Никаких дан-

ных Татаров не привел. Это его заявление в создавшейся обстановке было воспринято как попытка спасти себя ценою клеветы на того, погубить кого полиция давно стремилась всеми силами. Особенно возмущены были «боевики», и нет сомнения, что именно этот ответ Татарова сыграл роль той последней капли, которая переполнила давно уже полную чашу. Татарова решено было убить.

Азефа старались держать в стороне от этого дела: полагали, что все к нему относящееся, должно задевать большую рану. «Нам казалось необходимым, — вспоминает Савинков, — избавить Азефа от тяжелых забот по убийству оклеветавшего его провокатора». Азефу было не до таких «сентиментальностей». Он очень интересовался ходом дела, узнавал о нем подробности, а в решающий момент, когда шло совещание, разрабатывавшее техническую сторону поездки для убийства, Азеф незванным вошел в комнату, где происходило это совещание «боевиков», уселся и стал вставлять свои замечания. «Меня, — прибавлял Савинков, рассказавший об этом эпизоде в своих показаниях перед «судебно-следственной комиссией по делу Азефа», — это тогда несколько покорило, не с точки зрения каких бы то ни было подозрений, а просто я подумал, что я бы (на его месте) не вошел».

В других условиях Азеф, наверное, тоже нашел бы в себе достаточно такта для того, чтобы не прийти на подобное совещание, но тогда, даже сознавая все неудобства своего поступка, Азеф вести себя иначе не мог: Савинков и не подозревал, какие большие и *разносторонние* неприятности причинил Азефу Татаров. С точки зрения Азефа, последний должен был быть убит, хотя бы для этого пришлось совершить и нечто большее, чем бестактности.

В Варшаву, где тогда жил Татаров, выехал целый отряд членов Боевой организации во главе с Савинковым. Было разработано несколько планов, но все они не могли быть проведены в жизнь: Татаров явно боялся за свою жизнь и почти не выходил из дома своего отца, в котором он жил. Пришлось пойти напролом: 4-го апреля 1906 г. член Организации, нижегородский рабочий Назаров, вошел в квартиру Татарова-отца и попросил свидания с сыном. Отец и мать не хотели его впустить: они явно знали об опасениях сына. На шум в переднюю вы-

шел Татаров. Назаров выхватил револьвер и стал стрелять. Старик-отец толкнул руку, и пули пошли вверх. Все трое бросились на Назарова. Тот выхватил кинжал, поцарапав в борьбе старуху-мать, и нанес Татарову-сыну удар в левый бок. Татаров сделал два шага и упал. Он был убит. Назарову удалось скрыться.

В сухой пыли полицейских архивов, открытых после революции, найдены документы, которые устанавливают «цену крови»: за всю свою полицейскую «работу» с марта 1905 г. и по день смерти Татаров получил в общей сложности 16 100 руб. Это было очень много, если принять во внимание, что «работать» Татарову пришлось в течение каких-нибудь 7—8 месяцев. Но это выйдет совсем дешево, если мы вспомним, что за свое предательство он заплатил ценою жизни...

Глава IX

В дни революционных битв

Первая стадия дела Татарова — соби́рание сведений, допросы, совещания членов комиссии за границей — закончилась около конца октября 1905 г. Волнения и тревоги, вызванные этим делом, столь значительным для центральных групп руководителей партии социалистов-революционеров, непосредственно вплетались в волнения и тревоги, вызываемые приходившими известиями о решительной схватке, развертывавшейся в далекой России. Наконец, было получено и сообщение об издании царем знаменитого Манифеста 17 октября.

Это известие взбудоражило всю русскую революционную эмиграцию, которая и без того только с трудом сидела за границей, ведя налаженную годами издательскую работу. Во всех партиях и группах шли собрания, всюду велись споры о значении нового манифеста, о том что он внесет в деятельность революционных групп...

После получения первых известий о Манифесте руководящий зарубежный центр социалистов-революционеров собрался, как обычно, у Гоца: болезнь уже держала последнего прикованным к креслу; обессиленное болями неподвижно свисало тело, и только большие темные глаза, казалось, еще острее, чем раньше, горели сосредоточенной страстью.

В центре спора стоял вопрос о терроре. Как быть теперь с террористическими методами борьбы? Что делать с «любимым детищем партии» — с Боевой организацией? Старая тяжба между сторонниками единоличного террора и ориентации на массовые движения встала в новой форме, создав новые группировки внутри партийного центра. Наиболее решительно против террора выступил Гоц. В новой обстановке террор ему казался совершенно недопустимым. «С террором кончено, — решительно заявил он, — и руководители Боевой организации должны понять, что им остается только одно — открыто сказать: «ныне отпускаеши»...

Эта точка зрения встретила возражения. Особенно страстно в защиту террора говорил Савинков. Он считал, что именно теперь, когда правительство заколебалось, партия должна была добивать его беспощадными ударами террора. Не отказываться от террористической борьбы, а, наоборот, усилить ее должна Боевая организация.

Он остался почти в единственном числе. Большинство сходилось на том, что применение террора в создавшейся обстановке оторвало бы партию от массового движения, сделало бы ее позицию непонятной для широких слоев трудящегося населения страны. Все свое внимание партия должна сосредоточить на использовании всех открывшихся возможностей воздействия на массы, возможно шире развернуть свою партийно-политическую агитацию, начать строить открытые массовые организации рабочих и крестьян. Применение террора станет возможным только в том случае, если реакция сделает попытку отнять у народа те уступки, которые она сейчас вынуждена была дать. Поэтому большинство склонялось к мысли, высказанной на этом совещании В. М. Черновым: террористическую борьбу приостановить, но Боевую организацию не распускать, а держать ее наготове, так сказать, под ружьем, для того чтобы иметь возможность бросить ее в борьбу в тот момент, когда создастся подходящая обстановка.

Азеф в этих спорах стоял несколько особняком. Конкретный вопрос о применении террора в создавшейся обстановке для него, по-видимому, был еще не вполне ясен. В принципе он склонялся к мысли о необходимости отказа от террора, но по своему положению руководителя Боевой организации он был склонен делать некото-

рые уступки Савинкову. Но эти колебания в области конкретных выводов отнюдь не помешали ему с полной ясностью подчеркнуть специфические особенности своей общей позиции: исключительно политический характер революционности. «Либерал с террором», применение революционных методов борьбы он считал возможным только до тех пор, пока речь шла о борьбе против абсолютизма. Революционное вмешательство в ход социальной борьбы, в частности в ход борьбы крестьянина за землю, он считал губительным и открыто заявил, что «простится с партией», если последняя встанет на этот путь. Не скрываясь, он объявил себя «только попутчиком» партии до того момента, когда будет достигнута действительная конституция. После достижения ее, говорил он, станет «последовательным легалистом и эволюционистом», противником всяких насильственных действий.

В. М. Чернов рассказывает, что эти заявления Азефа многих из присутствующих удивили. Но в действительности *нового* для его позиции в них ничего не было: во имя этих взглядов он вел в свое время борьбу со сторонниками «аграрного террора» и массовых восстаний, во имя их он тянул партию на соглашение с умеренно-либеральными группами... Теперь он только высказался несколько более полно и откровенно, чем это делал раньше.

Споры у Гоца затянулись с утра и до позднего вечера. Решения никакого принято не было, так как право такого решения принадлежало общему собранию всех членов Центрального комитета, которое должно было состояться в России. Все «заграничники», кроме большого Гоца, решили немедленно же двинуться туда, чтобы на месте принять активное участие в развертывавшихся событиях. Тем не менее в истории партии социалистов-революционеров значение этого совещания чрезвычайно велико: на нем определились те позиции, с которыми «заграничники» поехали в Россию.

Все расходились в приподнятом настроении. Чернов, Савинков и Азеф втроем зашли в кафе: за спорами все позабыли о еде, и теперь голод дал себя чувствовать. За ужином доканчивали разговор. Савинков резко напал на выяснившиеся в спорах взгляды большинства. В его речах было много настроения, мало — политики. Узкий специалист террора, без широкого политического кругозора, момент завоевания свобод в России он всегда непосредственно связывал с каким-нибудь героическим ак-

том Боевой организации и теперь заявлял, что если партия не встанет на предлагаемый им путь, если не будет организовано какое-нибудь коллективное выступление, вроде взрыва Зимнего дворца, то он пойдет на индивидуальный акт: подойдет на улице к какому-нибудь браво-му жандарму или полицейскому сыщику и «выпустит в него последнюю в своей жизни пулю».

Во время этой беседы Азеф больше молчал: был занят своими думами. Но потом, когда Савинков ушел и Азеф остался вдвоем с Черновым, он с неожиданной горячностью вдруг начал развивать план взрыва Охранного отделения как «единственного дела, которое имело бы смысл» и явилось бы «логическим завершением» деятельности Боевой организации.

«Кто может что-нибудь против этого возразить? — горячо говорил он. — Охранка — живой символ всего самого насильственного, жестокого, подлого и отвратительного в самодержавии. И ведь это можно сделать. Под видом кареты с арестованным везти во внутренний двор охраны несколько пудов динамита и взорвать его. Так, чтобы и следов от деятельности всего этого мерзостного учреждения не осталось...»

Этот план действительно в высшей степени показателен для тогдашних настроений Азефа и не случайно к нему он несколько раз возвращался в этот период в беседах с разными деятелями партии.

Из труднейшего испытания, перед которым его поставило письмо Меньщикова, Азеф, казалось, вышел с честью. Если у него раньше и были сомнения относительно степени доверия к нему со стороны партийных руководителей, то теперь все эти сомнения должны были исчезнуть. Доверие к нему было поистине беспредельным. И тем не менее Азеф не мог быть спокоен. Быть может, впервые в своей жизни он уже не в форме смутного предчувствия, а как вполне реальную вещь увидел возможность разоблачения и ощутил приставленным к виску холодное дуло револьвера. И что хуже всего, опасность разоблачения ему грозила не с одной только, а с двух сторон: он предавал не только революционеров полиции, но и полицию революционерам, а потому, если бы его действительная роль была вскрыта, преследовать его стали бы и революционеры, и полиция. Вести эту игру можно было только до тех пор, пока о ней никто не догадывался. Поскольку появились подозрения, постоль-

ку ее нужно было кончить, — и или выходить совсем из игры, или становиться определенно на ту или иную сторону.

Судя по всему, в тот период Азеф склонялся к мысли о полном переходе на сторону революции¹. Это было прежде всего выгоднее, ибо тогда казалось, что в происходившей схватке верх брала именно революция. Далее, это неизбежно должно было казаться и более безопасным: организатор совсем еще недавних убийств Плеве и вел. кн. Сергея легче мог рассчитывать на снисходительное к себе отношение со стороны революционеров, чем со стороны «державного племянника» одной из своих жертв. Надо думать, что именно поэтому он прерывал сношения с полицией: в течение нескольких месяцев после получения письма Меньщикова Азеф не подавал о себе никаких известий в Департамент полиции. Только к своему старому знакомому Л. А. Ратаеву, тогда жившему на покое в Париже, он заглянул для того, чтобы рассказать, что он «разоблачен» перед революционерами и теперь уже лишен возможности работать для полиции. Этот визит Азефа к Ратаеву последний относит к «поздней осени» 1905 года. К этому периоду внутрипартийное положение Азефа было окончательно выяснено. Он превосходно знал, что никаких подозрений против него не имелось. С этой точки зрения никаких оснований для прекращения работы на полицию у него не было, и если он все же от этой работы отходил, то потому, что *хотел* от нее отойти: «разоблачение» было одним лишь предлогом...

При подобных настроениях Азеф действительно больше всего на свете должен был желать одного: уничтожения секретных архивов политической полиции — так, чтобы «и следов от деятельности всего этого мерзостного учреждения не осталось». Тогда он стал бы свободным человеком. Тогда его прошлое перестало бы тяготеть над ним и угроза разоблачения — тем более неприятная, чем больше было шансов на победу революции, — перестала бы отравлять радость бытия и мучить сны тяжелыми кошмарами...

В Россию Азеф поехал позже других «заграничников»: он вообще никогда не спешил, во всех случаях жизни перелagая на других риск эксперимента, — тем меньше желания спешить у него было теперь. Он выждал, пока проехали остальные, получил известия о том,

как их встретила обновленная родина, и только после этого тронулся в путь. Но к решающим заседаниям Центрального комитета он все же поспел. Они состоялись в Москве. Съехалось до 30 человек: полноправными членами считались все, кто был введен в центр с самого начала существования партии, в том числе и все те, кому амнистия только что подарила свободу после долгих месяцев, порою лет заключения в тюрьмах и ссылках. «Заграничники», естественно, играли руководящую роль на этих заседаниях: они явились цельною, сплоченною группой с уже оформленной точкой зрения на создавшуюся обстановку. Их взгляды победили и мнения, на которых сошлось большинство во время совещания у Гоца, стали решениями партии.

Азеф во время этих совещаний говорил очень мало и молча присоединялся к решениям большинства. Присоединился он, таким образом, и к решению о полном прекращении террора. С этим решением он солидаризировался и по существу, защищая его во время частных бесед. Едва ли не всего один только раз он взял себе слово во время этих заседаний: когда речь шла о судьбе Боевой организации. После того, как террор решено было прекратить, Чернов предложил свою резолюцию: Боевую организацию все же не распускать, а «держатъ ее под ружьем», наготове, на случай попыток реакции перейти в наступление. Эта точка зрения грозила собрать большинство. Тогда Азеф поднялся и с присущей ему авторитетностью специалиста в делах Боевой организации заявил:

— «Держать под ружьем» невозможно. Это — слова. Я беру на свою ответственность: Боевая организация распущена!

Авторитетный тон сделал свое дело: Центральный комитет санкционировал роспуск.

То, что Азеф увидел после своего приезда в Россию, не внушало ему уверенности в победе революции. На собрания и митинги, которыми тогда был полон Петербург, он не ходил — они его не интересовали. Но к бытовым разговорам прислушивался внимательно, и уже очень скоро пришел к выводу:

— До полной победы нам далеко. Будет еще реакция!

Штаб-квартира Центрального комитета в те дни помещалась при редакции «Сына Отечества» — ежеднев-

ной петербургской газеты, ставшей центральным органом партии. Сюда сходились все руководящие деятели партии, здесь обсуждались вопросы партийного поведения в Совете рабочих депутатов, на всевозможных съездах, здесь же писались статьи, игравшие роль руководящих директив для партийной агитации и пропаганды во всей стране. В процессе споров, которые шли в помещении редакции, намечались основные линии тех принципиальных разногласий, которые заполнили идейное развитие партии в течение ряда последующих лет: складывалось умеренное крыло, определенно переходившее на чисто эволюционистскую точку зрения и через несколько месяцев оформившееся в особую партию «народных социалистов»²; с другой стороны, начинало выявляться и крайнее левое крыло, проповедовавшее немедленное превращение происходящей в России революции в революцию социалистическую — будущая группа «социалистов-революционеров-максималистов»³. Можно было быть разных мнений о том или ином из этих течений, или даже обо всех них, вместе взятых, но нельзя было не видеть, что именно здесь формируется общественное мнение партии, именно здесь находится центр ее теоретической и политической мысли.

Все эти вопросы мало интересовали посетителей той маленькой комнатки, с отдельным входом прямо из передней, которая была отведена для «боевиков». Споры, которые так волновали посетителей главных комнат редакции, сюда почти не долетали. Если о них и говорили, то говорили только с пренебрежительной насмешкой. «Делом» они все считали только одно: бросание бомб. Все остальное — «пустая болтовня». И теперь, когда «специалисты по болтовне» запретили им делать настоящее «дело», в «боковушке» готовы были почти злорадствовать при виде приближающегося поражения революции. Роль первой скрипки во время всех подобных разговоров играл Савинков. Азеф говорил мало: он довольствовался ролью закулисного дирижера.

У него были и свои особые заботы. Как-то вечером в конце ноября или в самом начале декабря на него было сделано покушение: два хулигана-черносотенца напали на него в глухом переулке. Не с целью грабежа: это было ясно. Ударили ножом в спину и скрылись. К счастью, шуба была хорошей — теплой и толстой. Нож только прорезал ее — Азеф не был даже ранен. Но

взволнован он был свыше всякой меры. «Лицо в багровых пятнах, — рассказывает свидетель, — губы нервно вздрагивают». Было не совсем понятно, как могла такая «мелочь» — в России того времени подобные нападения со стороны черносотенцев были самым обыкновенным явлением — взволновать «старого революционера», «непоколебимого террориста». Никто, конечно, и не подозревал о тех думах, на которые это покушение неизбежно должно было навести Азефа: из газет тогда было известно, что формированием «черной сотни» в Петербурге руководила политическая полиция во главе непосредственно с самим Рачковским. Именно полицией инспирировались все нападения на революционеров и вообще прогрессистов. И Азеф не мог не думать: неужели и это нападение на него организовано по приказу Рачковского? Неужели оно является мстостью за его, Азефа, попытку прекратить работу для полиции? Или — еще хуже — неужели оно является мстостью Рачковского за ту сторону деятельности Азефа, которую последний так старательно прятал от Департамента и которая теперь вскрыта Татаровым? Неужели он, Азеф, только для того избежал опасности быть убитым революционерами, чтобы пасть жертвой покушения, организованного его бывшим полицейским начальством?

Перспектива была малоутешительная. А так как к тому же для Азефа стало ясно, что по крайней мере для ближайшего периода вверх снова возьмет реакция, то вывод напрашивался сам собою: надо было во что бы то ни стало «мириться» с Рачковским.

Когда именно Азеф начал делать свои первые попытки в этом направлении, точно неизвестно. Едва ли это и будет когда-нибудь установлено. Мы знаем только, что после нескольких месяцев перерыва Азеф вновь начал стучаться в двери Департамента и писать письма Рачковскому. Очень похоже, что первые такие письма должны быть отнесены уже к периоду Декабрьского восстания: по крайней мере все задуманные тогда социалистами-революционерами предприятия — взрыв моста на железной дороге, чтобы помешать посылке войск для подавления московского восстания, взрыв Охранного отделения, взрыв электрических, телефонных и др. проводов, арест председателя Совета министров гр. Витте и т. д., — о которых Азеф был осведомлен, не могли быть приведены в исполнение, как прибавляет Савинков, «от-

части потому, что в некоторых пунктах намеченные места охранялись так строго, как будто полиция была заранее предупреждена о покушении». Так как обо всех этих планах были осведомлены лишь очень немногие и так как среди этих осведомленных, насколько до сих пор известно, других предателей не было, то вполне возможно, что именно этими выдачами Азеф хотел начать дело своего примирения с Рачковским*. Если дело обстояло так, то результат для Азефа был малоутешителен: Рачковский использовал его сообщения, но на письма не отвечал, свиданий не назначал... Причины такого поведения Рачковского стали ясны позднее.

Декабрьское восстание в Москве, в Харькове, в Донецком бассейне, на Кавказе, в Прибалтийском крае, в Сибири закончилось поражением революционеров: собравшееся с силами правительство беспощадно подавило все попытки сопротивления... Революционные партии вновь были загнаны в подполье, и Центральный комитет социалистов-революционеров в январе 1906 г. принял решение о возобновлении террора.

В качестве важнейших актов были намечены покушения против министра внутренних дел Дурново⁴, которого считали главным вдохновителем реакционного курса правительственной политики, и московского ген-губ. Дубасова⁵, который только что в крови потопил восстание московских рабочих. Кроме них намечены были покушения также и на некоторых из менее значительных представителей власти, особенно отличившихся во время подавления восстаний в декабре 1905 г. В ее целом намеченная кампания Боевой организации должна была явиться ответом на ту жестокость, которую правительство проявило в период ликвидации «дней свободы».

Руководство всей работой Боевой организации принадлежало по-прежнему Азефу. Ближайшими его помощниками были Савинков и Моисеенко. Опорной базой была Финляндия, получавшая после октября 1905 г. полную свободу внутреннего самоуправления: среди ее

* А. В. Герасимов, который тогда был непосредственным руководителем всех арестов по Петербургу, совершенно категорически утверждает, что материалов от Рачковского для арестов по социалистам-революционерам, которые носили сколько-нибудь крупный характер, он в это время не получал, а поэтому он считает маловероятным предположение, что Азеф в это время давал Рачковскому сколько-нибудь обширную информацию.

политических деятелей находилось много людей, сочувствовавших и активно помогавших деятельности Боевой организации. В кандидатах, заявлявших о своем желании работать в терроре, недостатка не было. На призывы Боевой организации откликнулись все ее старые члены, частью только недавно освобожденные из тюрем; нашлось много и новых добровольцев. Число членов Организации быстро дошло почти до 30. В изобилии имелись материальные средства: деньги, взрывчатые вещества. Казалось, налицо имелись все данные для успеха... Но работа ставилась «по-казенному»: старыми методами. Извозчики и уличные торговцы папиросами должны были выслеживать выезды намеченных лиц; затем должны были выступать бомбометатели. Все точно по тому рецепту, который с таким успехом был применен в деле Плеве... «Художниками в деле террора» теперешних руководителей Боевой организации Зубатов никогда не назвал бы. Работу они вели по трафарету — без смелой выдумки, без богатой инициативы.

В этих условиях много шансов, что кампания Боевой организации не имела бы успеха и в том случае, если бы в дело не вмешалась измена. А она вмешалась — и в обстановке побеждавшей реакции начала плести такие причудливые узоры, каких не смог бы выдумать наделенный даже самой богатой фантазией романист.

Глава X

Измена Гапона

Известия о трагических событиях петербургского «кровавого воскресенья» 9 (22) января 1905 г. в загадочных героических тонах рисовали фигуру вождя этого движения, священника Гапона¹, который с крестом в руке вел народные массы к царскому дворцу в поисках справедливости и свободы. Читатели зарубежных газет в течение ряда дней с напряженностью искали известий об его судьбе: пули пощадили его, но удастся ли ему избежать ареста? Берлинский «Vorwärts» первым оповестил мир о благополучном прибытии Гапона в Женеву. Все спешили приветствовать его. Только старый В. Адлер, хорошо знавший людей, скептически говорил, что для революции было бы лучше числить имя Гапона в списке

своих погибших героев, чем продолжать иметь с ним дело как с вождем. С этим скоро все согласились.

Слава и деньги погубили Гапона. О нем писали во всех газетах, его фотографии продавались во всех магазинах, за свою автобиографию он получил громадные деньги. В нем развилось тщеславие, желанье везде и всюду играть главную роль. Встать в ряды больших, в течение ряда лет сложившихся революционных коллективов он не сумел. Вначале заявил о своем вступлении в ряды социал-демократов, но, осмотревшись и увидав, что в этой партии он сможет играть только второстепенную роль, он уже через несколько дней поспешил уйти из нее. Несколько дольше задержался он в рядах партии социалистов-революционеров, но и здесь не соглашались объявить его «вождем»: для этого он действительно не имел данных. Тогда он порвал и с социалистами-революционерами и сделал попытку создать свою собственную, не зависимую от революционных партий организацию. Здесь он действительно был «вождем», но зато кроме «вождя» в этой организации никого не было, никакой революционной работы она не вела, никто за ней не шел. Были только деньги, и притом довольно большие: под имя Гапона давали и многие русские, и иностранцы. А в личной своей жизни Гапон скатывался со ступеньки на ступеньку: стал завсегдатаем лучших кабаков в Париже и др. городах, в которых бывал, играл в Монте-Карло, тратился на женщин, в пьяном угаре этих кутежей растеривая все связи с идейными революционерами.

«Дни свободы» застали его идейно и морально уже выпотрошенным, не пользующимся в революционных рядах ничьим доверием, ничьим уважением. Когда в ноябре он приехал в Петербург и сделал попытку создать свою организацию, за ним не пошел никто. Но охотники эксплуатировать его имя и его былую популярность в интересах различных темных дел, конечно, нашлись: в тесные сношения с ним вступил некто И. Ф. Манасевич-Мануйлов² — полицейский сыщик и журналист бульварной прессы, в то время состоявший в качестве чиновника для особо грязных поручений при гр. Витте. Он скоро сообразил, что Гапон теперь пойдет на все и начал сводить его с руководителями полицейского сыска. Несколько раз Гапон виделся с Лопухиным, который теперь состоял в отставке, но прилагал судорожные уси-

лия, чтобы вновь быть припущенным к делу политического розыска. Затем начались встречи с Рачковским.

Этот последний умел обходить и не таких людей, как Гапон, а главное имел достаточно средств, чтобы купить его. Сначала шли разговоры о высокой политике, о том, что правительство жалеет о событиях «кровавого воскресенья», что тогда вышло «печальное недоразумение», которое больше не повторится; что теперь все понимают и ценят Гапона и очень нуждаются в его помощи для того, чтобы направить рабочее движение в России по руслу мирного развития, чтобы вырвать его из-под влияния тех самых социал-демократов и социалистов-революционеров, которые с таким пренебрежительным третиowaniem относятся теперь к Гапону. А когда стало ясно, что Гапон попадает на закидываемую приманку, то разговоры перешли на вещи более конкретные и более близкие сердцу Рачковского: последний стал жаловаться на то, что террористы с их покушениями препятствуют нормальному развитию страны и что, если бы удалось устранить опасность террористических актов, правительство смогло бы смелее пойти по пути реформ.

Встречи происходили в отдельных кабинетах лучших петербургских ресторанов. Разговоры шли за ужинами. Казенных денег Рачковский на угощение не жалел, особенно с того момента, когда увидел, что Гапон далеко не равнодушен к хорошей еде и тонким винам. «А едят они как хорошо, если бы ты знал», — восклицал позднее Гапон, рассказывая об этих ужинах [Рутенбергу]. За... угощением язык Гапона развязывался, тем более что пьянел он легко и быстро. Это было, конечно, на руку Рачковскому и помогло ему перейти к прямым предложениям.

«Вот я стар, — жаловался он, рисуя перед Гапоном заманчивые перспективы. — Никуда уже не гожусь. А заменить меня некем. России (т. е. русской политической полиции) нужны такие люди, как вы. Возьмите мое место. Мы будем счастливы. Но вы должны нам помочь. Осветите нам положение дел в революционных организациях».

Охмелевший и подкупленный лестью Гапон сдался на эти предложения и мало-помалу рассказал все, что знал о делах в революционном лагере, — в особенности все, что знал о террористической деятельности социалистов-революционеров, о Боевой их организации. Не от-

казал он в своей помощи Рачковскому и на дальнейшее: он был уверен, что завербует себе в помощники своего хорошего знакомого и друга — инженера П. М. Рутенберга, который и теперь близко стоял к Боевой организации, и через него сможет разузнавать обо всех новых планах террористов.

Рачковский был упоен успехом. Ему казалось, что теперь-то он создаст прочную центральную агентуру, которая будет давать ему сведения о Боевой организации. Он понимал, что Гапон будет стоить ему очень дорого. Но игра казалась стоящей свеч.

Так как вопрос был слишком ответственный, то Рачковский сообщил о своих переговорах с Гапоном министру внутренних дел Дурново. Этот последний к обсуждению вопроса привлек начальника Петербургского охранного отделения полк. А. В. Герасимова. Рачковский сделал подробный доклад о всем ходе своих переговоров с Гапоном. Он считал, что Гапон сумеет завербовать Рутенберга, и весьма оптимистически расценивал те перспективы, которые в этом случае открываются перед политической полицией. По рассказам Герасимова, он с самого начала далеко не разделял этого оптимизма. Особенно маловероятным ему показался план привлечения Рутенберга: последнего он знал — за полгода перед тем Рутенберг был арестован и во время допросов в Охранном отделении произвел на Герасимова впечатление стойкого и убежденного революционера. А так как из данных полицейского наблюдения было известно, что Рутенберг очень выдержан в личной жизни — не пьет, не увлекается женщинами, то Герасимов не верил и в то, что Гапону удастся деньгами соблазнить Рутенберга на измену.

Ввиду этих сомнений Дурново предложил Рачковскому устроить свидание Гапона с Герасимовым, чтобы последний мог проверить свои выводы на основе личного впечатления. Без большой охоты (в Герасимове он видел опасного конкурента, которого Дурново настойчиво выдвигал вперед) Рачковский принужден был согласиться.

Свидание состоялось в Café de Paris, и в результате его Герасимов только укрепился в своем недоверии к планам Рачковского — Гапона: последний произвел впечатление человека легкомысленного и болтливового, большого хвастуна. Сам он действительно был готов вы-

дать все, что знал, но из его ответов было видно, что связей с активно действующими террористами он больше никаких не имел и надеялся только на Рутенберга, который якобы предан ему лично и пойдет за ним куда угодно. Так как Гапон не производил впечатления человека, который может imponировать серьезным людям, то Герасимов больше чем сомневался в основательности его надежд на Рутенберга и вполне определенно сказал об этом Дурново. Тем не менее ввиду настояний Рачковского Дурново предоставил последнему продолжать переговоры с Гапоном.

Рутенберг в это время был нелегальным и скрывался в Москве. Гапону удалось от общих знакомых узнать его адрес и 19 февраля 1906 г. он заявился к Рутенбергу. Последний действительно был очень привязан к Гапону лично. Он наблюдал Гапона в лучший период жизни последнего — во время январского движения 1905 г.: слышал его речи на рабочих собраниях, помогал ему вырабатывать знаменитую петицию к царю, рядом с ним лежал на снегу под градом солдатских пуль в день «кровавого воскресенья» и затем спас его от ареста, переодев его и доставив на безопасную квартиру. С личностью Гапона для него связывались воспоминания о начальных этапах русской революции, и хотя позднее, наблюдая Гапона за границей, он разглядел его слабые стороны и далеко не считал его героем, но в честность его верил и как человека очень любил.

Но по первым же словам, которые Рутенберг услышал от разыскавшего его теперь Гапона, он понял, что имеет дело с совсем иным человеком. Гапон пробовал хитрить. Революционера Рутенберга в свои сети он собирался завлечь рассказами о якобы задуманных им грандиозных революционных предприятиях — о том, что он имеет возможность организовать террористические акты против министров, о плане «повторить девятое января, только в еще большем размере» и т. д. Но эта хитрость ему удавалась плохо: в рассказах было много противоречий, он проговаривался о своих встречах с Рачковским, которого он якобы собирается использовать в революционных целях; глаза его при этом беспокойно бегали, обнаруживая нечистую совесть говорившего. Рутенбергу скоро стало ясно, что Гапон вступил в сношения с полицией и ведет темную игру, к которой собирается привлечь и его, Рутенберга. Так как эта игра могла

иметь в высшей степени опасные последствия, то Рутенберг решил во что бы то ни стало разузнать о ней во всех подробностях и для этого прикинулся готовым пойти на предложения Гапона. Эта уловка удалась, и Гапон рассказал ему о многом из того, что он задумал: Рутенберг должен помочь ему, Гапону, в раскрытии замышляемых террористами покушений, и тогда они получат большие деньги от Рачковского, многие десятки тысяч рублей.

Рутенберг сделал вид, что готов принять это предложение и обещался поехать к своим друзьям, от которых он сможет получить нужные сведения; на самом деле он ехал, чтобы рассказать обо всем, что узнал, руководителям партии и Боевой организации. Гапон был весьма доволен, условился с Рутенбергом о дальнейших встречах уже в Петербурге и выехал с докладом о своих успехах к Рачковскому. Последний от своих агентов уже знал, что Гапон несколько раз встречался с Рутенбергом, и потому с еще большим, чем прежде, доверием отнесся к хвастливым рассказам Гапона. Фонды последнего поднялись и у Дурново: время тревожное, в деле поимки террористов никаким источником пренебрегать не приходится. Переговоры стали носить теперь уже вполне конкретный характер: шла речь о той плате, которую Гапон с Рутенбергом должны получить за выдачу подготовляемого террористами покушения. Гапон запросил не больше не меньше, как 100 тыс. рублей. Рачковский пришел в ужас от подобных аппетитов и клятвенно уверял Гапона, что таких цен на полицейском рынке не платят. Дурново, которому было доложено о требованиях Гапона, сделал контрпредложение: 25 тысяч и ни копейки больше. Гапон должен считаться с тяжелым состоянием русских финансов. Торги шли с переторжками. Гапон был упорен, и вопрос пошел вверх по инстанциям. Дурново советовался с председателем Совета министров гр. Витте, сообщив ему и о требовании Гапона, и о своем контрпредложении. По воспоминаниям Витте, он рекомендовал не особенно верить Гапону; по рассказам Герасимова, Витте, наоборот, был вообще главным вдохновителем всей авантюры с Гапоном. Во всяком случае, что касается до денег, то и сам Витте признает, что за ценой он советовал не стоять: 25 или 100 тыс. рублей — большого значения, по его мнению, не составляло; как ни плохо было состояние русских финансов, государственная казна такой расход еще могла выдержать.

Тем временем Рутенберг приехал в Гельсингфорс и нашел Азефа, которому подробно рассказал обо всем, что узнал от Гапона. Негодование Азефа не знало границ. «Он думал, — вспоминает Рутенберг, — что с Гапоном нужно покончить, как с гаденой. Для этого я (т. е. Рутенберг) должен вызвать его на свидание, поехать с ним на извозчике (на рысаке Боевой организации) в Крестовский сад, остаться там ужинать поздно ночью, покуда все разъедутся, потом поехать на том же извозчике в лес, ткнуть Гапона в спину ножом и выбросить из саней».

В отношении предателей Азеф всегда был беспощаден...

Но вопрос о Гапоне, конечно, не мог быть решен так просто: в глазах людей, принимавших активное участие в политической деятельности, он давно уже перестал пользоваться уважением. Но широкие массы о темных моментах его жизни ничего не знали. В их представлении он все еще был окутан героическим ореолом событий «кровавого воскресенья», а потому было основание опасаться, что далеко не все поверят известию об его измене, что многие будут склонны во всем видеть интригу против Гапона со стороны его политических противников. Другие члены Центрального комитета, которые были ознакомлены с рассказами Рутенберга, указали на эти обстоятельства. Гапона было решено убить, но не одного, а вместе с Рачковским, чтобы из самой обстановки убийства была ясна связь Гапона с полицией. Выполнение этой задачи было поручено Рутенбергу: он должен был продолжить свою игру, создать у Гапона и Рачковского уверенность в том, что он согласен стать предателем, завлечь их на общее свидание и там убить обоих. План был продуман в деталях. В помощь Рутенбергу был дан еще один член Боевой организации, который должен был играть роль извозчика, производящего наблюдение за Дурново. Сношения с ним Рутенберга должны были создать у полиции уверенность, что они действительно имеют дело с подготовляемым покушением.

Рутенбергу вся эта игра была противна, но он понимал, что измена Гапона может иметь весьма и весьма тяжелые последствия для революционного движения, а потому подчинился принятому решению.

Числа около 10 марта Рутенберг вернулся в Петербург и возобновил свои сношения с Гапоном. Последний

пенял за медлительность, но был доволен, что теперь Рутенберг дал, наконец, свое согласие, и посвятил его в подробности своих новых переговоров с Рачковским. Мно-го разговоров было о деньгах. Рутенберг делал вид, что ему даже 100 тыс. рублей кажутся слишком ничтожной платой, и выражал свое недовольство Гапону за то, что тот так «продешевил». Гапон был рад чисто коммерческому подходу Рутенберга к вопросу, но советовал не увлекаться, не запрашивать слишком много и убеждал, что даже 25 тыс. за одно выданное покушение — сумма очень неплохая: так как риск провала небольшой, то можно будет идти этим путем и дальше, а четыре таких выдачи в год дадут целых сто тысяч, — заманивал он Рутенберга. Больше всего Гапон настаивал на ускорении личной встречи Рутенберга с Рачковским: последний очень торопил с этой встречей, в зависимость от ее исхода ставя все дальнейшие предложения.

После некоторых колебаний и оттяжек — трудно было преодолеть глубоко вкоренившееся чувство брезгливости — Рутенберг дал согласие на такую встречу. Она была назначена на 17 марта в ресторане Контана. Рачковский был очень доволен, но в самый последний момент ему по телефону позвонил Герасимов и дал совет не ходить на это свидание: ввиду подозрительности поведения Рутенберга он предполагал возможность ловушки. Рачковский долго не соглашался последовать этому совету, уверяя, что Герасимов ошибается и настаивая на том, что свидание с Рутенбергом может быть весьма интересным. На всякий случай Герасимов принял меры предосторожности. Отдельный кабинет, соседний с тем, в котором должно было произойти свидание, был занят агентами Охранного отделения. Но в конце концов Рачковский решил на свидание не идти, и Рутенберг только напрасно там его дождался. А вскоре после этого Рачковский и вообще изменил свое отношение к предложениям Гапона и Рутенберга, стал ими меньше интересоваться и сделался чрезвычайно осмотрительным и осторожным.

Причины этой последней перемены становятся понятными только теперь.

Весь этот период после разгрома Декабрьского восстания Азеф чувствовал себя совсем не спокойно. Реакция явно взяла верх. В возможность близкой победы революции Азеф перестал верить. Заведование кассой

Боевой организации, конечно, и теперь продолжало оставаться много более выгодным делом, чем работа на Департамент, но выгодным оно было только при условии хороших отношений с Департаментом. Конфликт с последним не только сводил на нет все выгоды материального характера — он ставил Азефа еще и перед лицом таких опасностей, размеры которых опасно было недооценивать. Тем больше беспокоило Азефа поведение Рачковского: Азеф несколько раз писал ему, делая более или менее значительные сообщения и настойчиво прося о свидании. Он стремился восстановить свои прежние служебные отношения. Все было напрасно: Рачковский как воды в рот набрал. Это усиливало тревогу Азефа. Он знал, что Татаров был осведомлен о многих — хотя и далеко не обо всех — сторонах его деятельности. Не было никакого сомнения, что все это теперь известно Рачковскому, и Азеф, конечно, отсутствие ответов из Департамента ставил в прямую связь с получением Рачковским информации от Татарова. Если так, то над ним собиралась гроза, — и тем настоятельнее было теперь желание Азефа смягчить гнев богов полицейского Олимпа.

По-видимому, так и обстояло дело в действительности. Точных данных о мотивах поведения Рачковского, правда, не имеется, но понятным это поведение станет только в одном случае: если мы примем, что Рачковский не доверял Азефу и не хотел иметь с ним никакого дела. Ведь о прошлой деятельности Азефа он знал; он знал, какое положение Азеф занимает в партии; агентов, которые давали бы ему информацию о внутренней жизни центральных учреждений социалистов-революционеров, он искал с большой энергией и тем не менее оставлял без ответа все навязчивые просьбы о встрече... Одному из очень видных — хотя далеко не умных — деятелей политического розыска, жандармскому полковнику П. П. Заварзину, Рачковский позднее говорил, что он уличил Азефа в двойной игре и потому прервал с ним всякие сношения. Рассказы Заварзина далеко не во всех частях заслуживают веры, но данное его сообщение вполне отвечает всему тому, что нам точно известно об отношении Рачковского к Азефу, и потому должно быть признано правильным.

Все это объясняет, почему рассказы Рутенберга должны были привести Азефа в состояние настоящего бе-

шенства: из них он узнал, что кроме Татарова его роль перед Рачковским разоблачил также и Гапон. Тем хуже для последнего: его во что бы то ни стало должна была постичь та же судьба, что и Татарова. Он должен быть во всяком случае убит.

Несколько более сложен был для Азефа вопрос о Рачковском. В отношении последнего было возможно идти двумя путями: с одной стороны, было можно делать ставку на его устранение. Это имело свои преимущества: с ним уходил тот руководитель Департамента, который относился с подозрением к его, Азефа, роли. Но, с другой стороны, было возможно разоблачить перед ним планы Рутенберга и тем самым попытаться его умиловить. О том, что передумал Азеф в этот период, конечно, можно только догадываться, но по его поведению видно, что вначале он, по-видимому, был склонен допустить двойное убийство Гапона и Рачковского и лишь позднее, увидев, что Рачковский ведет себя осторожно и избегает ходить на свидания с Рутенбергом, постарался извлечь ту единственную выгоду из создавшегося положения, которую одну только и можно было извлечь, а именно предал Рачковскому план Рутенберга. Об этом мы узнаем из свидетельств Герасимова: последний показал на допросах в следственной комиссии 1917 г., что Азеф во время своих позднейших свиданий с Рачковским упоминал о своих письмах-предупреждениях против Рутенберга*; но по времени эти предупреждения относятся к сравнительно позднему периоду, так как, по рассказам того же Герасимова, на первые свидания с Рутенбергом Рачковский очень хотел пойти, будучи искренне уверен, что Рутенберг готов заключить сделку о предательстве, а этого, конечно, не было бы, если бы Азеф сообщил Рачковскому о плане двойного убийства немедленно после того, как этот план был разработан.

Во всяком случае несомненно, что с определенного момента Азеф ставит перед собой двойную задачу: обязательное убийство Гапона, с одной стороны, и спасение Рачковского — с другой. Азеф вообще очень любил выставлять себя в роли спасителя жизней своих непосредственных полицейских руководителей: так было в его отно-

* В этих показаниях Герасимова говорится: «Припоминаю, что Азеф говорил Рачковскому о письме, в котором он предупреждал Рачковского об опасности для его жизни со стороны Рутенберга».

шениях с Лопухиным; подобные попытки он делал и в других случаях, и его опыт учил, что такая роль создавала для него в высшей степени благоприятную обстановку, так как «спасенные» им его полицейские руководители, считая себя в долгу перед ним, всегда бывали более склонны снисходительнее смотреть на его поведение.

Неприятным препятствием было решение Центрального комитета убить Гапона не иначе как вместе с Рачковским. Но его оказалось возможным обойти: Азеф взял на себя поручение Центрального комитета о непосредственном руководстве всем предприятием Рутенберга и, разрабатывая вместе с последним детали намеченного плана, дал ему директиву в крайнем случае, т. е. если не удастся завлечь в ловушку Рачковского, убить хотя бы одного Гапона.

Этот свой план Азефу удалось осуществить полностью.

Развязка приближалась. Рутенберг чувствовал, что вокруг него затягиваются сети полицейского наблюдения, и понимал, что он не сможет завлечь в ловушку Гапона и Рачковского вместе. Для продолжения игры не хватало нервов, и Рутенберг решил пойти тем путем, который оставляли ему на крайний случай инструкции Азефа: он решил убить одного Гапона.

Убийство Гапона было решено облечь в форму суда над ним группы близких к нему рабочих — товарищей Гапона по участию в январских событиях 1905 г. Под Петербургом была снята уединенная дача. На эту дачу был завлечен Гапон — якобы для окончательных переговоров об условиях выдачи Боевой организации. Гапон не подозревал расставленной ему ловушки. Сердитый на Рутенберга за его медлительность и всевозможные затяжки, он теперь говорил с особенной откровенностью и грубостью:

— Чего ты ломаешься, — убеждал он Рутенберга, — 25 тысяч тоже хорошие деньги!

А когда Рутенберг указал, что его мучит совесть: ведь если «боевиков» арестуют, то они все будут повешены, Гапон жестко ответил:

— Ну, что же! Конечно жаль, но ничего не поделаешь! Лес рубят — щепки летят.

И утешал Рутенберга тем, что никто об этом предательстве не узнает:

— Рачковский такой умный человек, все хорошо устроит.

Через тонкую дощатую перегородку эти разговоры слушали приглашенные в качестве судей рабочие. Они раньше почти боготворили Гапона как вождя январского движения. Тем острее было теперь их негодование. Они с трудом сдерживали себя и, когда Рутенберг, наконец, решил прекратить игру и раскрыл перед ними дверь, они не вышли, а выскочили и с криками, почти со стонами бросились на Гапона. Тот узнал их: среди них было несколько хорошо и близко ему знакомых. Он упал на колени и хватал за руки, моля о пощаде:

— Братцы... братцы... — лепетал он, — во имя прошлого... простите меня...

— Мы тебе теперь не братцы — Рачковский тебе братец — неслось ему в ответ.

— Ты нашу кровь продал охранке — за это нет прощенья, дополняли другие.

У Рутенберга не хватало сил присутствовать при расправе. Он ушел из комнаты и почти истерически рыдал:

— Ведь друг он мне когда-то был... Боже мой... Какой ужас!

Тем временем на шею Гапона накинули петлю и прицепили к железному крюку, вбитому над вешалкой. Через несколько секунд все было кончено. Это произошло 10 апреля 1906 г., около 7 часов вечера... Все молча покинули дачу, заперев ее на замок.

В Финляндии, куда Рутенберг уехал немедленно после этих событий, его ждало совсем неожиданное известие: Азеф отрекся от всего — и от того, что он дал разрешение на убийство одного Гапона, и от того, что он своевременно был предупрежден о последней развязке. С полной категоричностью он заявил, что никогда согласия на отступления от первоначального решения Центрального комитета он не давал и готов был считать личным оскорблением, если кто-нибудь позволял высказать хоть тень колебания в вопросе о том, кому нужно верить: ему, Азефу, или Рутенбергу. В довершение ко всему последний оказывался в положении не только человека, нарушившего партийную дисциплину, но и клеветника на одного из наиболее «уважаемых» членов Центрального комитета. От убийства Гапона партия отрекалась — оно было объявлено личным делом Рутенберга. В реакционной печати стали появляться двусмыс-

ленные намеки на то, что он состоял в сношениях с руководителями политической полиции и что Гапона он убил не то как конкурента, не то из боязни его разоблачений... Легко понять, что пережил в это время Рутенберг... Он был сломлен и ушел от революционного движения.

Глава XI

Примирение Азефа с Департаментом полиции

В настоящее время, оглядываясь на прошлое, трудно даже понять, как могли руководители Центрального комитета и Боевой организации — люди, казалось, обладавшие достаточным опытом в подобного рода делах, — допустить те элементарно грубые ошибки, которые были допущены ими при разработке плана двойной игры Рутенберга с Гапоном — Рачковским. В террористических предприятиях шансы успеха стоят в прямой зависимости от степени неожиданности наносимого удара. А между тем, ведя через Рутенберга свою игру с Рачковским, руководители Боевой организации осведомили полицию не только о том, что покушение готовится на Дурново, но и о том, что наблюдение за намеченной жертвой производится террористами, переодетыми извозчиками: псевдопокушение на Дурново, устроенное специально для того, чтобы выдать его Рачковскому, было точной копией того покушения, которое одновременно и параллельно готовилось против того же Дурново с самыми серьезными намерениями.

Конечно, ни сам Рутенберг, ни непосредственные его помощники не имели никакой связи с террористами, готовившими действительное покушение, и потому полиция, следя за Рутенбергом, не имела никакой возможности добраться до Боевой организации. В этом отношении расчеты авторов плана игры с Рачковским были правильны. Но они упустили из виду, что полиция может пойти и другим путем: вообще усилить поиски террористов, переодетых извозчиками. А именно это и случилось в действительности.

Еще после арестов членов Боевой организации в марте 1905 г., когда было установлено, что террористы при-

меняют приемы работы в качестве извозчиков, полиция приняла ряд мер для организации наблюдения за постоянными дворами, где жили извозчики. После получения известий о существовании извозчиков-террористов, производящих наблюдение за Дурново, надзор этот был усилен. От содержателей постоянных дворов требовали представления сведений о всех извозчиках, которые в каком-либо отношении кажутся странными, не подходящими к общей массе людей этой профессии. Все такие случайные сведения тщательно проверялись. Одно из них натолкнуло на «боевика», участвовавшего в наблюдении за Дурново: приставленный к нему филер установил, что он выезжает на дежурства исключительно к дому, где жил Дурново, и часами стоит здесь, отказывая случайным седокам. Постепенно было выяснено, что этот «извозчик» связан с еще двумя такими же, как и он, «извозчиками» и с каким-то четвертым господином, который регулярно встречается с ними со всеми и явно руководит их работой.

Картина была настолько типична, что никаких сомнений относительно ее значения быть не могло. Оставалось производить аресты, но здесь встретилось одно весьма существенное затруднение: старший филер Тутышкин, руководивший наблюдением за этой группой террористов, в своих суточных рапортчиках того четвертого террориста, который поддерживал сношения с «извозчиками», называл «наш Филипповский». «Мне это, — рассказывает А. В. Герасимов, бывший в то время начальником Охранного отделения в Петербурге, — конечно, не могло не броситься в глаза». Вызванный для объяснений Тутышкин сообщил, что четвертого наблюдаемого он знает давно: лет за 5—6 перед тем его ему показал в Москве в кондитерской Филиппова (отсюда и прозвище: «Филипповский») тогдашний руководитель наружного наблюдения Е. П. Медников, который рассказал, что это один из самых важных и ценных секретных агентов и что его надо старательно оберегать от случайных арестов.

В таких условиях производить арест было невозможно: можно было не только «провалить» агента, но и вообще навлечь большие неприятности. Герасимов отправился в Департамент, чтобы выяснить личность «Филипповского» и характер его отношений с полицией. Делал он это с тем большей охотой, что уже давно вел энергичную

борьбу против ведения Департаментом самостоятельной агентуры, настаивая на передаче ее всей в его собственные руки. Но в Департаменте категорически отрицали не только какую бы то ни было связь с «Филипповским», но и простую осведомленность об этой личности. «Я, — рассказывает Герасимов, — настойчиво просил проверить, чтобы не было недоразумения: может быть это какой-либо агент Департамента, известный под другим именем? Или случайно затесавшийся сотрудник из заграничной агентуры? Но Рачковский уверял, что никакого его агента около Боевой организации нет и быть не может».

Объяснения в Департаменте не дали никаких результатов. Но указания Тутышкина были слишком точны и сам он был старым, вполне надежным и точным в своих указаниях агентом, чтобы его сообщениями можно было пренебрегать. Поэтому решено было сначала объяснить с самим «Филипповским», и для этого филерам было поручено арестовать его, но только так, чтобы факт этого ареста не мог получить огласки.

Приказ был выполнен в точности: числа около 15 апреля «Филипповского» подстерегли на безлюдной улице, около Летнего сада, когда он в сумерках шел после свидания с одним из «извозчиков». Как полагается по правилам, филеры схватили его под руки и «честью» попросили следовать за ними. «Филипповский» пробовал протестовать, но ему посоветовали «для его же пользы» не доводить дело до скандала на улице, усадили в заранее приготовленную закрытую пролетку и доставили в Охранное отделение. Здесь «Филипповский» возобновил свои протесты, предъявил документы на имя инженера Черкаса и требовал немедленного освобождения, угрожая обращением в газеты. Герасимова, лично поджидавшего таинственного «Филипповского», угрозы эти не смутили: печати он меньше всего боялся. Арестованному заявили, что он не то лицо, за которое он себя выдает, что арестовавшим известно, что он служит или в прошлом служил в Департаменте и т. д., и было предложено «поговорить откровенно». «Филипповский»-Черкас быстро сбавил тон, но от беседы уклонился.

— Не хотите говорить, — ответил Герасимов, — не надо. Мы можем не спешить. Посидите, подумайте на досуге, а когда надумаете, скажите только надзирателю.

И «Филипповский» очутился в одной из одиночек, устроенных при Охранном отделении.

«Думал» он сравнительно долго: дня два. Очевидно, обдумывал создавшуюся обстановку. Наконец, решил сдаться и попросил вызвать его для разговора. Герасимов не заставил себя ждать: дело это его интересовало много больше, чем он показывал.

Теперь у «Филипповского» был совсем иной тон.

— Я согласен говорить откровенно, — заявил он с самого же начала, — но хочу, чтобы при разговоре присутствовал мой прежний начальник, Петр Иванович.

«Петром Ивановичем» был Рачковский, против присутствия которого Герасимов ничего не имел: последнего он и недолюбливал, и несколько презирал, а «беседа» обещала быть для Рачковского весьма неприятной.

Связаться с Рачковским по телефону не представило труда.

— Так и так, — говорил Герасимов, — мы, Петр Иванович, задержали того самого «Филипповского», о котором я Вас спрашивал. Представьте, он говорит, что хорошо Вас знает и служил под Вашим начальством. Он сейчас сидит у меня и хочет говорить в Вашем присутствии.

«Рачковский, — рассказывает Герасимов, — по своему обыкновению завертелся: что да как и в чем именно дело? И какой это может быть «Филипповский?» Разве что Азеф?»

— Тут, — прибавляет Герасимов, — я впервые в своей жизни услышал эту фамилию.

После этого телефонного разговора Рачковский немедленно примчался в Охранное отделение и здесь в кабинете Герасимова и в его присутствии состоялось бурное объяснение.

Рачковский разлетелся к Азефу со своей обычной «сладенькой» улыбочкой:

«А, дорогой Евгений Филиппович, давно мы с Вами не видались. Как поживаете?»

Но Азеф после двух дней пребывания в одиночном заключении на скудном арестантском довольствии меньше всего был склонен к любезным излияниям. К тому же он несомненно понимал, что переход в наступление для него и тактически наиболее выгоден. Поэтому он с места в карьер обрушился на Рачковского с площадной бранью.

«В своей жизни, — рассказывает Герасимов, — я редко

слышал такую отборную брань. Даже на Калашниковской набережной нечасто так ругались. А Рачковскому хоть бы что. Только улыбался и приговаривал: «Да вы, Евгений Филиппович, не волнуйтесь, успокойтесь!»

Когда Азеф, наконец, несколько отошел и разговор принял более мирный характер, то выяснилось, что с Рачковским он не виделся больше полугода — с того самого дня, когда революционерами было получено письмо из Департамента, содержащее разоблачительные сведения об Азефе и Татарове. Вначале он сам не подавал о себе признаков жизни, так как считал себя разоблаченным и боялся еще больше скомпрометировать себя перед революционерами. Но за последние месяцы он делал ряд попыток возобновить свои сношения с Департаментом, написал несколько писем Рачковскому с различными сообщениями. Во всех этих письмах он настойчиво просил о назначении ему свидания для личных разговоров, но никакого ответа не получал, Рачковский бросил его «на произвол судьбы», не обращая никакого внимания на его многолетнюю службу для Департамента и на все его заслуги в прошлом. Именно за это он и отчитывал теперь Рачковского.

Маневр перехода в наступление Азефом был проведен очень неплохо. Про подозрения, которые у него имелись относительно двойной роли Азефа, Рачковский, по утверждениям Герасимова, теперь и не заикнулся. По-видимому, он просто боялся ворошить всю ту кучу вопросов, которая была связана с этим делом, превосходно понимая, что если начнут рыться в темных делах Департамента, то неизбежно найдут много неприятного и относительно него самого. Именно эти общие опасения создали в Департаменте неписаную, но тем более прочную традицию: вообще не касаться определенной группы вопросов. С другой стороны, несомненно, теперь Рачковский чувствовал себя в известной мере связанным в отношении Азефа тем, что последний «спас ему жизнь», предупредив относительно подготавливавшегося Рутенбергом покушения: на этот факт в своих филиппиках Азеф настойчиво напирал, а судьба Гапона с полной определенностью свидетельствовала, что отведенная опасность была вполне серьезной. Все это, вместе взятое, заставило Рачковского не выдвигать во время объяснения с Азефом тех действительных аргументов, которые заставляли его воздерживаться от сношения с последним.

Поскольку же он такого рода обвинений не выдвигал, постольку его позиция была в высшей степени трудно защитимой. И он действительно, вопреки своему обыкновению, держал себя крайне смущенно, подыскивал различные оправдания для своего поведения, но делал это сбивчиво и невразумительно. Аудиторию он имел во всяком случае не на своей стороне. «Я сам, — пишет Герасимов в своих неизданных воспоминаниях, — почувствовал угрызения совести за действия Рачковского и был удивлен, что во главе руководителей политического розыска стояли такие бездарности. Азеф прочитал Рачковскому надлежащую и вполне заслуженную отповедь».

Как ни серьезна была эта размолвка, кончилась она тем, что «милые помирились». Рачковский, по рассказу Герасимова, признал, что он поступил неправильно, и просил Азефа возобновить свою работу для полиции. Азеф для приличия несколько поломался, но затем «смиловивился» и дал согласие. В действительности в тот момент он только этого и хотел: мы уже знаем, что без перестраховки со стороны полиции он чувствовал себя в высшей степени беспокойно и сам стремился к возобновлению своей старой связи.

Несмотря на «скромность», присущую всем участникам того разговора, совершенно обойти молчанием вопрос о том, почему Азеф оказался причастным к подготовке покушения на Дурново, было невозможно. Объяснения Азефа были весьма характерны. Как пишет в своих воспоминаниях Герасимов, Азеф заявил, что, будучи оставлен Рачковским без руководства, он «считал себя свободным от службы в Департаменте полиции» и потому считал себя вправе «приняться за свою профессиональную работу в партии», войдя в состав ее Центрального комитета и начав принимать участие в деятельности Боевой организации. Это объяснение удовлетворило и Рачковского, и Герасимова: они, по-видимому, считали вполне нормальным, что их секретные сотрудники, когда они остаются без полицейской работы, начинают заниматься организацией покушений на министров. Видя такое к нему отношение, Азеф, можно сказать, обнаглел и потребовал возмещения тех убытков, которые он понес из-за разрыва сношений с Департаментом. И он добился своего: было решено, что он получит 5000 рублей, т. е. не только жалованье за все пропущенные месяцы, но и некоторую сумму на покрытие расходов по поездкам,

по примеру того, что он получал в нормальное время... Своими материальными интересами он отнюдь не был намерен поступаться.

В обмен за это он дал некоторую информацию о деятельности в планах Боевой организации. Эта информация далеко не была обильной: об исчерпывающей ее полноте и говорить не приходится. Из двух основных предприятий, которые тогда вела Боевая организация, об одном — о покушении против Дубасова — Азеф совершенно не упомянул. Работа по подготовке второго основного предприятия — покушения против Дурново — в то время велась двумя группами террористов: с одной стороны, группой из трех «извозчиков» (Абр. Р. Гоц, Павлов и А. Третьяков), сношения с которыми поддерживал Азеф, и, с другой стороны, смешанной группой «извозчиков» и различных «уличных торговцев» (Кудрявцев, Петр Иванов, Горинсон, Пискарев и Вс. Смирнов), работой которых руководил Б. В. Савинков. Первая группа и без того была полностью прослежена полицией. Выдавать ее не приходилось — Азеф мог только подтвердить правильность уже собранных Охранным отделением сведений, что он и не преминул сделать. Что же касается до второй группы, на след которой Охранное отделение не напало, то о ней Азеф не сказал ни слова. Таким образом, относительно обоих основных предприятий Боевой организации в этот момент он не сообщил полиции абсолютно ничего нового.

Такое новое было только в его рассказах о двух сравнительно второстепенных предприятиях Боевой организации — о задуманных последнюю покушениях против ген. Мина и полк. Римана, двух офицеров Семеновского полка, особенно отличившегося своей жестокостью при подавлении Декабрьского восстания в Москве. Общее руководство этими покушениями Боевая организация возложила на В. М. Зензинова, который под руководством Азефа разработал весьма несложный план: террористы-исполнители — таковыми были намечены бывшие студенты Самойлов и Яковлев — должны были явиться на квартиры означенных офицеров переодетыми в военную форму и, конечно, под чужими фамилиями. Оба эти предприятия Азеф теперь выдал. Имен намеченных исполнителей он не назвал, но он рассказал, каким образом эти покушения предположено осуществ-

вить, и тем самым дал полиции возможность принять свои меры предосторожности.

Таков был общий баланс этого свидания Азефа со своими полицейскими руководителями, первого после перерыва в почти 7 месяцев. Из него ясно, что Азеф в этот момент совсем не собирался прекращать свою двойную игру: выдавая одни из намеченных предприятий Боевой организации, он по-прежнему умалчивал о других.

С тем большею охотою и подробностями рассказывал он во время этого свидания о деле Гапона — Рутенберга, не думая при этом скрывать свою насмешку над Рачковским. «Что, — говорил он, — удалось Вам купить Рутенберга? Хорошую агентуру в Боевой организации Вы завели, нечего сказать!» От него от первого Рачковский и Герасимов узнали точно, что Гапона уже нет в живых. Рачковский подозревал, что с ним случилось что-то неладное, так как Гапон в течение нескольких дней не подавал о себе никаких вестей, но только теперь из рассказа Азефа он узнал, какая именно судьба постигла Гапона — о том, что труп последнего в течение уже нескольких дней висит в пустой даче где-то на границе Финляндии. Точного адреса этой дачи Азеф не сообщил, возможно, что он его действительно не помнил. Поиски пришлось вести через местную полицию по всем пограничным населенным пунктам как в России, так и в Финляндии. Тело было найдено только спустя месяц после убийства...¹

По обсуждению создавшейся обстановки решено было ареста «боевиков», с которыми был связан Азеф, не производить: Азеф заявил, что такой арест окончательно скомпрометирует его в глазах революционеров и совершенно лишит возможности продолжать службу. Поэтому решено было просто «спугнуть» террористов, распространив через имеющиеся у Департамента связи слух о том, что полиция напала на след этой группы и собирается ее арестовать. Сам Азеф был, конечно, освобожден.

Обо всех этих переговорах Герасимов поставил в известность и министра внутренних дел Дурново. По рассказу Герасимова, во время этого своего доклада он высказал сомнение относительно возможности успешной работы Азефа в качестве секретного агента: против него уже существовали подозрения в революционных рядах;

как агента его знали не только ответственные служащие Департамента, но и многие филеры, и потому ни в каком случае нельзя было ручаться за то, что кто-либо не предаст его снова. А последствия такого предательства для Азефа будут самыми печальными: он сам говорил, что его убьют. Ввиду всего этого Герасимов, по его словам, был склонен отказаться от услуг Азефа. Но Дурново посмотрел на вопрос совсем иными глазами: он был большой циник и не имел никакого желания считаться с тем, что жизни Азефа может грозить опасность. «Боевики» доставляли ему слишком большие неудобства: по докладом Герасимова, ему не раз приходилось отказываться от выездов на самые интимные свидания и вести образ жизни зверя, обложенного в его собственной берлоге. Поэтому все, что хоть немного облегчало условия его существования, он считал допустимым.

«Ведь рискуем не мы, — приблизительно так говорил Дурново, — так пусть он об этом думает. Если он согласен, то нам-то что об этом беспокоиться? Время теперь такое, что каждый сотрудник нужен до зарезу. Пускай работает — там видно будет».

Приказ о выдаче 5000 рублей Дурново подписал без всяких возражений. Таким образом, сделка с Азефом была утверждена. Руководить его работой должен был Рачковский, но с тем, чтобы при свиданиях присутствовал и Герасимов.

Отсутствие Азефа из-за этого ареста продолжалось несколько дней, но большого внимания на себя со стороны революционеров оно не обратило: в условиях боевой работы это было явлением более или менее обычным. Азеф объяснил, что заметил за собою слежку и вынужден был в течение нескольких дней скрываться, заматая свои следы. Это было тем более правдоподобно, что известия о полицейской слежке за тем отрядом, которым руководил Азеф, теперь начали поступать со всех сторон. Слежку за собой начали замечать прежде всего сами «извозчики»: Герасимов дал филерам инструкцию вести себя так, чтобы быть замеченными. Кроме того, до центра Боевой организации теперь начали с разных сторон доходить те слухи, которые были пущены полицией о предстоящих арестах террористов-«извозчиков». Так В. И. Натансон, жена одного из членов Центрального комитета, будучи в гостях у какого-то видного кадета, услышала за столом разговор о трех «извозчиках»,

которые ведут наблюдение за Дурново и арест которых предстоит в ближайшем будущем. Другому члену Центрального комитета, А. А. Аргунову, о том же было передано от имени одного из сочувствующих. Все эти сведения, конечно, были немедленно переданы Азефу, который поспешил поделиться ими с Савинковым. После тщательного обсуждения оба они пришли к выводу, что ничего иного не остается, как немедленно же ликвидировать указанную группу «извозчиков», чтобы спасти хотя бы людей. Азефом был разработан план такой ликвидации, который и был «успешно» осуществлен. Арестован в этот момент никто не был, все «извозчики» были переарестованы спустя несколько месяцев поодиночке и на основании филерских показаний осуждены на каторжные работы.

Ликвидация этого отряда совпала с общим острым кризисом внутри Боевой организации.

Утверждая программу деятельности последней, Центральный комитет поставил условием выполнение ее до дня открытия Государственной думы. Предвиделось, что после открытия последней общая политическая обстановка в стране будет такова, что партия вновь будет вынуждена по политическим соображениям отказаться от применения террористических методов борьбы. Теперь день открытия Государственной думы — 10-го мая 1906 г. — был уже совсем близок. Выборы всюду приносили победу прогрессивным партиям. Не было никакого сомнения в том, что Дума в подавляющем большинстве будет настроена оппозиционно, и не в одних только умеренно-либеральных кругах люди тешили себя надеждой на капитуляцию старой власти перед «волей народных избранников», впервые появляющихся на арене политической жизни России.

Неизбежность близкой приостановки деятельности Боевой организации становилась все более и более очевидной. А между тем намеченная программа ни в одной ее части осуществлена не была. Боевую организацию всюду преследовали неудачи. Вслед за «извозчиками», которые выслеживали Дурново, под удар попал второй основной отряд Организации, готовивший в Москве покушение против Дубасова. Азеф не дал Департаменту никаких указаний относительно этого отряда, но московская полиция самостоятельно напала на его след, и только с большим трудом Савинкову, который руководил

подготовкой покушения в Москве, и его товарищам удалось ускользнуть от ареста.

В виде дополнения к этому удару полное крушение потерпело и покушение на Мина и Римана. После получения от Азефа сведений о подготовке этих покушений Герасимов поставил на квартирах указанных офицеров особую охрану, которая получила инструкцию из посетителей пропускать на свидания с ними только тех, кто лично известен. Незнакомые, как они себя ни называли бы и какие мундиры они ни носили бы, на свидания должны были быть пропускаемы только после наведения о них надлежащих справок. Ввиду этих инструкций оба террориста, хотя они явились в офицерских мундирах и назвали весьма громкими фамилиями (один — кн. Вадбольским, другой — кн. Друцким-Соколинским), на свидание допущены не были под предлогами случайного отсутствия Мина и Римана в их квартирах. Мундиры и княжеские титулы помогли им только в одном отношении: они не были тут же задержаны. Но когда Яковлев («кн. Друцкой-Соколинский») через несколько часов попытался явиться к полк. Риману вторично, он был арестован: к этому моменту полиция уже установила, что он не то лицо, за которое себя выдавал.

Вся широко задуманная кампания Боевой организации опять грозила закончиться ничем, и ее деятели склонны были этот факт воспринимать как удар их чести. Молодежь стремилась во что бы то ни стало *реабилитировать честь Боевой организации* и была готова идти на самые отчаянные предприятия. А. Р. Гоц носился с планом открытого нападения террористов на дом, в котором жил Дурново: «боевики», одетые в особые «панцири» из динамита, должны были силой прорваться внутрь дома и там взорвать себя, чтобы под развалинами здания похоронить Дурново и всех, кто был в его квартире. Этот план по разным соображениям был отвергнут. Но решено было совершить перегруппировку сил и напрячь все усилия для того, чтобы до открытия Думы произвести два основных покушения — на Дурново и Дубасова. Руководство первым покушением теперь перешло в руки Савинкова. За дело Дубасова взялся «сам» Азеф.

Все усилия первого остались безрезультатными: на след отряда, которым он руководил, полиция напасть не смогла, но меры предосторожности, принятые для охра-

ны Дурново, были настолько велики, что террористам не удалось ни одного раза даже просто увидеть его.

Более удачлив был Азеф. Покушение он назначил на 6 мая — день рождения государыни. В этот день Дубасов, по своему официальному положению московского генерал-губернатора, должен был обязательно быть в Кремле на торжественном молебне. На обратном пути с этого молебна и должно было быть совершено покушение. Действовал Азеф крайне осторожно: отправив вперед всех остальных участников покушения, сам до последнего момента оставался в Финляндии. Судя по всему, покушение он действительно хотел довести до успешного конца. За неделю перед покушением от случайного взрыва в Москве выбыли из строя техники и был потерян почти весь запас динамита. При желании Азеф имел полную возможность отказаться от покушения, и всем было бы ясно, что вина за неудачу падает на случайные причины. Вместо этого он в экстренном порядке принял меры и образовавшаяся в организации предприятия брешь была заполнена.

Сам Азеф в Москву приехал только накануне назначенного для покушения дня. Поездку эту он совершил с разрешения Рачковского и Герасимова, которым он необходимость этой поездки мотивировал личными делами. О покушении на Дубасова при этом не было сказано ни слова.

В назначенный день покушение состоялось. Дубасов ехал в открытой коляске в сопровождении своего адъютанта — гр. Коновницына. Около самого генерал-губернаторского дома, на углу Чернышевского переулка и Тверской площади, мимо стоявших у дворца часовых к коляске прорвался член Боевой организации Бор. Вноровский и бросил бомбу, которая разорвалась под коляской. Взрывом был убит адъютант гр. Коновницын и сам Вноровский. Дубасов был выброшен из коляски, получил ушибы и несколько поранений, которые не представляли опасности для жизни, но требовали продолжительного лечения. Он ушел в отпуск, из которого на активную службу так больше и не вернулся. Азеф, руководивший всем покушением, в момент взрыва находился совсем поблизости — в кондитерской Филиппова. Эта кондитерская немедленно после покушения была оцеплена полицией, которая хотела выяснить, нет ли там соучастников покушения. Азеф арестован не был: старый фи-

лер, руководивший проверкой задержанных посетителей кондитерской, знал его по прежним временам как секретного сотрудника и дал распоряжение об его освобождении.

Это покушение, хотя и не полностью удавшееся, было единственным в активе Боевой организации за этот период, тем сильнее оно способствовало укреплению репутации Азефа. После письма Меньщикова, хотя Азеф и был реабилитирован полностью, червь сомнения все же закрался в души многих. Все были уверены, что в период организации убийств Плеве и вел. кн. Сергея он был искренним революционером. Но кое-кто начинал допускать возможность вступления его в сношения с полицией после того, как эти покушения были осуществлены.

Хороший знаток людей, Азеф несомненно чувствовал нарастание подобных настроений. Желание положить им конец и толкнуло его на тот риск, который был для него связан с участием в покушении против Дубасова. Он не ошибся в расчетах: это покушение на время реабилитировало его в глазах даже наиболее подозрительных революционеров.

Для достижения именно этого результата Азеф и шел на риск чрезвычайно неприятных объяснений с Рачковским и Герасимовым. Эти объяснения не замедлили последовать.

В России была традиция: каждое «порядочное» охранный отделение имело своего агента среди местной террористической организации. К этому прилагались все усилия и на это не щадили никаких средств. Не иметь такого агента считалось своего рода признаком «дурного тона». Московское охранный отделение никто не имел права упрекнуть в нежелании считаться с традициями. Близко к самому центру местного боевого отряда оно держало своего старого и заслуженного агента — Зин. Жученко², которая имела отношение ко всем террористическим предприятиям, организованным местными «боевиками». В состав центральной Боевой организации она не входила, но некоторых из ее деятелей знала и кое-какие сведения об ее деятельности, особенно, поскольку это касалось Москвы, по своему положению получать могла. Именно она за несколько недель перед тем навела московскую полицию на след группы Савинкова. Азеф держался осторожнее, с местной организацией ни в какие отношения не вступал. Но один из руково-

дителей местных террористов, Сладкопевцев, случайно встретил его на улице, узнал и после того, как покушение на Дубасова состоялось, рассказал своим ближайшим товарищам о том, что это покушение несомненно организовано «самим» Азефом. Жученко была среди тех, кто узнал эту новость от Сладкопевцева, и не замедлила сообщить ее в Охранное отделение. Оттуда полетели телеграфные доклады в Петербург. Они уже были получены в Департаменте, когда состоялось первое после этого покушения свидание Азефа с Рачковским и Герасимовым.

Это свидание носило бурный характер. Позднее Азеф рассказывал Бурцеву, что, указывая на него, Рачковский кричал: «Это его дело в Москве!» На это Азеф не без вызова ответил: «Если мое, то арестуйте меня!»

Расчет его был ясен: он был уверен, что полиция побоялась большого скандала. А скандал вышел бы действительно исключительным по своим размерам: Азеф не просто отрицал свою причастность к покушению на Дубасова; он утверждал, что действительным организатором его был не кто иной, как указанная З. Жученко. Трудно сказать, догадывались ли они о действительной роли друг друга, но этими утверждениями они ставили своих полицейских руководителей в совсем невозможное положение: если бы это дело получило огласку, что было неизбежным в случае ареста Азефа, полиция не только потеряла бы двух своих важнейших сотрудников по партии социалистов-революционеров; она должна была считаться с тем, что вскрытие провокаторской роли двух ее агентов в крупнейших террористических организациях вызвало бы в стране настоящую бурю возмущения против полиции. А в тогдашней обстановке — это было всего за день-за два перед открытием первой Государственной думы — подобное разоблачение могло бы иметь огромные последствия и политического характера. И без того шаткое положение правительства неизбежно сделалось бы совсем невозможным. В этих условиях Рачковский и Герасимов с точки зрения интересов тех групп, представителями которых они были, ничего иного делать не могли, как стараться потушить столь неприятное для них дело. Так они и сделали. Расчет Азефа оправдался.

Официальной версией, по-видимому была сделана та, за которую еще и теперь держится Герасимов в своих воспоминаниях.

«Возможно допустить, — пишет он, — что Жученко принимала участие в организации этого покушения, но этим не исключается и предположение, что Азеф, будучи в течение многих месяцев свободным от службы в Департаменте полиции, мог по поручению партии организовать покушение, а сорганизовав его, расстроить ему уже не удалось. Кажется, только одно не подлежит сомнению, — что как Азеф, так и Жученко знали о подготовлявшемся покушении, но по соображениям шкурного характера они о нем не доносили, так как уже были на подозрении у партии».

Эта версия во всех ее частях не соответствует действительности: Жученко к покушению на Дубасова никакого отношения не имела. О нем она узнавала стороной, из вторых и третьих рук, и о том, что узнавала, она «честно» сообщала своему начальству. На ее совести лежит достаточно ее собственных преступлений, чтобы существовала необходимость взваливать на нее ответственность также и за чужие грехи. Что же касается до роли Азефа, то ее действительный характер ясен из предыдущего. Позволительно сомневаться, чтобы сами Герасимов и Рачковский брали всерьез эту ими созданную версию: они имели вполне достаточно материалов для суждения об Азефе и были достаточно опытными в подобных делах людьми, чтобы могли действительно, а не для вида только принять подобное противоречивое объяснение.

По их поведению видно, что в действительности этим объяснением они и не думали удовлетворяться: факты свидетельствуют, что не после своего апрельского «ареста», а именно после данного объяснения из-за покушения против Дубасова Азеф прекратил попытки ведения двойной игры и стал некоторое время послушным и старательным исполнителем предписаний своего полицейского начальства. Без причин он этого не сделал бы: очевидно, во время этого объяснения он принужден был убедиться, что двойная игра в дальнейшем для него будет связана с весьма серьезными опасностями.

Конечно, во время этого же объяснения ему пришлось заплатить «выкуп» за свое участие в деле Дубасова: таким выкупом явилась голова Савинкова. Роль последнего полиция преувеличивала, считая его главной организаторской силой Боевой организации. Азеф в своих первых беседах с Герасимовым всеми силами поддержи-

вал эту версию. С тем большей настойчивостью Герасимов потребовал теперь его выдачи. Азеф на это пошел, — и не его вина, если Савинков все же смог спастись от приготовленной для него петли.

10-го мая при общем ликовании столицы открылась Государственная дума — первое в истории России представительное учреждение. Оппозиционные партии имели в ней подавляющее большинство. В Центральном комитете социалистов-революционеров была предпринята приостановка террора на время существования этой Думы. Формальное объявление об этом решении было отложено до Совета партии — совещания членов Центрального комитета с представителями местных крупнейших организаций. Член Центрального комитета Азеф был в курсе этих решений Центрального комитета. Это не мешало ему за несколько дней до открытия работы Совета партии направить Савинкова в Севастополь для организации там покушения против адмирала Чухнина, который в конце 1905 г. жестоко подавил волнения в Черноморском флоте. Начиная от самого Петербурга и Савинков, и его помощники были взяты под наблюдение лучшими филерами петербургской охраны. Арест их должен был быть произведен на юге: таким путем должна была быть отведена возможность подозрения против Азефа; с другой стороны, там на месте должны были быть найдены такие данные для обвинения, чтобы Савинков не смог ускользнуть от смертного приговора.

Случай помог осуществлению этих полицейских планов: через два дня после прибытия Савинкова в Севастополь местными социалистами-революционерами было организовано покушение на коменданта города, ген. Неплюева. Савинков и его товарищи к этому делу никакого отношения не имели, и полиции это было превосходно известно. Тем не менее они были арестованы и преданы по этому делу военному суду. Смертный приговор был обеспечен. Но другой «случай» спас Савинкова: примчавшимся из Петербурга товарищам — членам Боевой организации — удалось организовать смелый по замыслу и по выполнению побег. Переодетый в солдатскую форму Савинков был выведен из тюрьмы и благополучно выбрался за границу. Без главного обвиняемого процесс потерял свою остроту, и никто из остальных подсудимых не получил смертного приговора. А Савинков, после короткой передышки за границей, к осени был

на своем старом посту в рядах Боевой организации. В жизни последней за эти месяцы произошло много перемен. Савинков поспел как раз ко времени, чтобы помочь Азефу — тому, кто его предал, — в осуществлении плана общего упразднения Боевой организации.

Глава XII

Герасимов и Столыпин — новые полицейские руководители Азефа

Через несколько дней после открытия Государственной думы в Москве собрался Совет партии социалистов-революционеров, который единогласно высказался за приостановку террористической борьбы. Но так как настоящей веры в готовность правительства пойти на соглашение с Государственной думой ни у кого не было, то одновременно Совет дал Центральному комитету право своею властью, не дожидаясь следующего собрания Совета, возобновить террор в тот момент, когда этого потребуют интересы революции.

Азеф участвовал в этих заседаниях Совета. Его отношение к вопросу о приостановке террора было двойственным: в разговорах с «боевиками» он фрондировал против этого решения, продолжая свою линию внесения трений между Центральным комитетом и Боевой организацией; в беседах же с руководителями Центрального комитета он не только поддерживал предложение о временной приостановке террора, но порою шел дальше и говорил, что, по его мнению, роль революционных партий вообще закончена, что теперь политическое развитие страны пойдет под руководством либералов.

Принятому Советом решению Азеф во всяком случае подчинился и Боевую организацию временно распустил. По существу, для него этот роспуск был лучшим выходом: приостановка террористической борьбы давала ему время для того, чтобы спокойно и на досуге разобраться в той новой обстановке, которая складывалась для его полицейской работы. А эта обстановка, действительно, стала совершенно новой, в которой совсем непригодными оказывались старые, в течение ряда лет Азефом испытанные приемы ведения двойной игры.

Перемены, происходившие в составе правительства,

не могли не отразиться и на личном составе руководителей политической полиции. Во главе Министерства внутренних дел, которому в конечном итоге была подчинена вся политическая полиция, встал совершенно новый для чиновного Петербурга человек — П. А. Столыпин, который вначале чувствовал себя еще очень непрочно среди верхов столичной бюрократии и делал много усилий для того, чтобы окружить себя людьми, на преданность которых он мог положиться. В первую очередь им был обновлен руководящий состав Департамента полиции. Рачковский был сначала отстранен от дел фактически, а вскоре затем, с начала июня 1906 года, уволен и формально. Причиной удаления была отнюдь не роль Рачковского в деле организации погромов, роль, которая как раз в эти дни стала достоянием гласности. Об этой стороне деятельности Рачковского Столыпин был осведомлен вполне точно: А. А. Лопухин, раскрывший эти «подвиги» Рачковского, был другом детства Столыпина и не замедлил информировать о них последнего. Это ни в малой степени не помешало Столыпину взять Рачковского под свою защиту, когда вопрос о действиях последнего был вынесен на трибуну Госуд. думы. Причины были просты: за спиной Рачковского в этой его погромной деятельности стояли ближайšie к царю лица; ей помогал сам царь, совершенно недвусмысленно дававший понять вновь назначаемым губернаторам, что он будет рад, если количество евреев в их губерниях в результате погромов будет несколько сокращено. Столыпин все это знал и понимал, что, беря в этом вопросе под свою защиту Рачковского, он содействует укреплению личного к нему доверия царя. Но те самые придворные связи Рачковского, которые заставляли Столыпина защищать его прошлую деятельность, делали его с точки зрения Столыпина непригодным для роли руководителя политической полиции в настоящем: имея такие связи, Рачковский всегда был склонен вести свою собственную политику, не во всем согласованную с желанием министра, а это меньше всего входило в расчеты Столыпина. Руководителем политической полиции последний хотел иметь человека, который был бы целиком и полностью предан ему, и только ему одному. Особенно непригодным для этой роли Рачковского делала его близкая связь с Треповым, который как раз в тот момент пытался уговорить царя согласиться на создание «думского министерства»

без Столыпина¹. Таким образом, по злой иронии судьбы, организатор погромов Рачковский эту новую — и теперь уже окончательную — служебную аварию потерпел в качестве возможного союзника сторонников либерального курса.

На место Рачковского в Департамент были призваны новые для политической полиции люди — Трусевич и др., малознакомые с делом полицейского розыска и потому не игравшие самостоятельной роли. Фактически же центральной фигурой в деле руководства политической полицией стал начальник Охранного отделения в Петербурге полк. Герасимов.

Этот последний действительно был весьма крупной звездой на охранном небосклоне. В истории русской политической полиции последних перед революцией десятилетий он сыграл одну из самых значительных ролей.

В те годы он был сравнительно молод (он родился в 1861 г.), инициативен и энергичен, смел до авантюризма, самоуверен до дерзости и в добавление ко всему полон честолюбивых планов, в борьбе за осуществление которых он менее всего склонен был считаться с количеством чужих отдавленных ног. Плебей по происхождению (его отец был из податного сословия: казак-украинец), он в жандармы пошел для того, чтобы сделать карьеру. В своей ранней молодости, учеником реального училища в Харькове, он имел некоторое касательство к революционным кружкам учащейся молодежи. Кое-кто из его школьных товарищей позднее играл видную роль в революционном движении, например И. И. Мейснер, недавно скончавшийся в Берлине. Сам Герасимов в этих кружках не засиделся: путь тюрем и ссылок меньше всего казался ему привлекательным. Потерпев неудачу на попытке пробиться в инженеры, Герасимов пошел в юнкерское училище и затем в течение нескольких лет тянул офицерскую лямку в одном из резервных пехотных батальонов. Эта служба не удовлетворяла, и не могла удовлетворять: монотонная, скучная жизнь и притом без надежд сделать карьеру в будущем. Выскочить из колен оказалось возможным в одном направлении: перейти в корпус жандармов. Этот переход Герасимову дался нелегко. Конец 1880-х годов был периодом общей борьбы с «кухаркиными детьми»². Офицерский состав корпуса жандармов с особым старанием стремились заполнять одними только дворянами.

Плебеям, к числу которых принадлежал Герасимов, ставили разного рода препятствия. С большим трудом удалось пробиться вначале. Нелегко было и двигаться по служебной лестнице позднее. Мужичья напористость, с одной стороны, обнаружившиеся полицейские таланты — с другой, помогали преодолевать препятствия. К началу 1900-х гг. положение стало много лучшим, когда революционное движение разрослось, начальству стало не до справок о «социальном происхождении» жандармских офицеров, способных вести борьбу против этого движения. В феврале 1905 г. — в период, когда дело полицейского сыска разваливалось по всей империи и когда с ним особенно плохо было в Петербурге — Герасимов получил назначение на пост начальника Петербургского охранного отделения. Это был один из наиболее ответственных постов в русской политической полиции вообще. Герасимов быстро сумел сделать его еще более ответственным.

Особенно сильно он выдвинулся в октябре — декабре 1905 г. Растерянность среди руководителей политической полиции в тот период достигла высших пределов. Департамент полиции боялся принять какие-либо меры для подавления вырвавшегося наружу революционного движения. Революционная агитация велась открыто, захватывая все новые и новые слои и расшатывая последние устои старой власти. Герасимов был тем, кто настаивал на переходе к репрессиям. По его рассказам, он тогда считал, что перед властью стоит один выбор: «Или мы будем, — как писали в их газетах, — служить революционным украшением петербургских фонарей, или их пошлем в тюрьмы и на виселицу».

В первую очередь он требовал немедленного ареста петербургского Совета рабочих депутатов. Руководители Департамента полиции, во главе с Вуичем и Рачковским, были против этих арестов: они опасались, что последние вызовут революционный взрыв, для подавления которого у правительства нет надежных сил. Герасимову пришлось выдержать жестокую борьбу. По его настоянию было созвано специальное межведомственное совещание для всестороннего обсуждения вопроса. Председателем его был Щегловитов³ — будущий министр юстиции в годы жесточайшей реакции, расстрелянный в сентябре 1918 г. в Москве по приговору Чрезвычайной Комиссии. Это совещание почти полностью

встало на точку зрения Департамента полиции. Только один представитель прокуратуры, известный позднее обвинитель по политическим процессам, Камышанский⁴, поддержал Герасимова. Большинство приняло решения, в которых высказалось против немедленного ареста Совета, и наметило программу мер, которые, по его мнению, должны были смягчить опасности революционной агитации без применения крутых репрессий.

Поражение на этом совещании не остановило Герасимова — он отправился к министру внутренних дел Дурново для того, чтобы лично защищать свою точку зрения. Здесь его также ждала неудача: выслушав Герасимова и ознакомившись с протоколом совещания, Дурново заявил, что он все же присоединяется к мнению большинства этого последнего. В этот последний момент, по рассказам Герасимова, в дело вмешался министр юстиции Акимов, который присутствовал при докладе Герасимова, но до сих пор никак не проявлял своего к нему отношения. Услышав решение Дурново, Акимов вышел из состояния пассивного наблюдателя и заявил, что со своей стороны он целиком присоединяется к мнению Герасимова: «Положение действительно таково, что медлить нельзя: или мы их, или они нас». И так как Дурново все еще колебался, то Акимов заявил, что в таком случае он берет ответственность на себя, и в качестве генерал-прокурора империи тут же на своем блокноте написал полномочие Герасимову на производство всех тех обысков и арестов, которые последнему кажутся необходимыми. «Так, — по рассказам Герасимова, — ... была в декабре 1905 г. решена судьба петербургского Совета рабочих депутатов...»

Как известно, аресты тогда прошли с точки зрения правительства благополучно: в Петербурге совсем никакого взрыва не произошло, восстания в Москве и в провинции были подавлены сравнительно легко. Из докладов с мест вскоре стало ясным, что замедление с репрессиями значительно понизило бы шансы правительства в борьбе с революцией. После этого Дурново проникся большим уважением к полицейским талантам Герасимова и начал всячески его выдвигать, открыто называя его самым крупным из деятелей политического розыска того времени.

Жаловаться на плохую карьеру теперь не было оснований, но аппетит приходит во время еды. Уже достигну-

тое казалось недостаточным, тем более, что в работе все еще приходилось считаться с инструктивными указаниями Департамента, к руководителям которого Герасимов и тогда и после относился с пренебрежительным презрением, не стесняясь называть их «высокопревосходительными господами с куриными мозгами»*. От этой зависимости от Департамента Герасимова освободил Столыпин, быстро понявший, как важно для него иметь целиком на своей стороне начальника политической полиции в столице. Герасимов получил такие права и приобрел такое влияние, которого ни раньше, ни позднее не имел ни один из начальников Охранного отделения в Петербурге. Департамент полиции был оттеснен на второй план. Ни о каком контроле с его стороны над Герасимовым не могло быть и речи. Герасимов делал все, что хотел, и диктовал свою волю Департаменту. Вся центральная агентура — т. е. все секретные сотрудники, которых полиция имела в центральных организациях революционных партий, — перешла в его руки. Обо всех своих действиях Департамент должен был предварительно сноситься с Герасимовым. Наученные опытом, руководители охранных отделений на местах в наиболее важных вопросах предпочитали советоваться не с Департаментом, а именно с Герасимовым, совместно с которым они затем решали, нужно ли о данном деле информировать Департамент или предпочтительнее оставить его в неведении. Охранное отделение в Петербурге на время стало фактическим центром всего политического розыска в империи, и Столыпин был единственным, кому был на деле подчинен начальник этого Отделения: Герасимов регулярно делал ему устные доклады обо всем, что представляло мало-мальски значительный интерес в области политического розыска, — в наиболее острые периоды такие доклады им делались каждый день. Особенно подробно Герасимов должен был сообщать обо всем, что Охранному отделению становилось известным из области внутренней жизни центральных организаций революционных партий: жизнью этих последних Столыпин весьма интересовался и за нею внимательно следил. С подобной же полнотою его приходилось информировать относительно внутренней жизни левых фракций

* Именно так отзывался он о них в беседах с А. А. Петровым-Воскресенским (см. «Записки» последнего, с. 178).

Госуд. дум. Входил он и во все детали политического розыска в узком значении этого слова — поскольку речь шла о событиях и людях центрального значения — и порою давал прямые указания относительно того, кто именно должен быть арестован, чей арест, наоборот, может быть отложен. Фактически в течение всего этого периода, — т. е. с лета 1906 г. и до ухода Герасимова с поста начальника Петербургского охранного отделения в 1909 г — именно Столыпин лично был верховным политическим руководителем этого Отделения, а вместе с тем и центрального политического розыска по всей империи.

Основное, на чем сосредоточил свое внимание Герасимов, когда получил возможность ставить дело розыска по своему усмотрению, была организация центральной внутренней агентуры в революционных партиях, без какой агентуры он считал дело борьбы с революционным движением вообще безнадежным.

Но официальная точка зрения, господствовавшая в Департаменте полиции, о пределах допустимого применения внутренней агентуры, по мнению Герасимова, по рукам и ногам связывала руководителей политического розыска. Согласно этой официальной точке зрения идеалом считалось, когда агент не принимает непосредственного участия в деятельности революционных организаций и не входит в их состав, а в частном порядке получает нужные для полиции сведения от тех членов таких организаций, доверием которых он пользуется в силу своих хороших личных с ними отношений. Маложелательным, но допустимым считалось участие агента в организациях второстепенного значения, в которых они должны были играть подчиненную роль, в случае нужды исполняя поручения руководителей, но ни в коем случае не руководя сами деятельностью других. И уже совершенно недопустимым считалось участие агентов в центральных организациях, которые руководят деятельностью больших партий и союзов, инструктируют и направляют их работу, дают другим ответственные поручения и т. д.

Таковы были официальные нормы. На практике они никогда не соблюдались. Полицейские руководители в ряде случаев давали прямые инструкции своим агентам входить в состав руководящих революционных организаций; выше мы видели, что именно так обстояло

дело с Азефом, который в 1902 г. вошел в состав Боевой организации по прямому указанию руководителей Департамента и даже самого министра Плеве. Но, поступая так, руководители политического розыска на эти свои действия сами смотрели, как на, быть может, неизбежное, но во всяком случае несомненное нарушение законных норм, как на своего рода секретную болезнь, избежать которой порой бывает невозможно, но скрывать которую необходимо даже от самых близких. Поэтому очень часто между агентом и его полицейским руководителем устанавливалось молчаливое соглашение: агент входил в состав нужной организации, но своему руководителю об этом формально не сообщал, продолжая номинально числиться «сочувствующим»; руководитель же, превосходно понимавший в чем дело, делал вид, что верит этой благочестивой версии.

Герасимов считал подобный порядок и ошибочным и опасным с точки зрения полиции: контролировать действия агента, положение которого внутри революционной организации официально неизвестно, было естественно, более трудно, чем контролировать деятельность агента, роль которого была полиции точно известна; возможность всякого рода злоупотреблений в этом случае была несравненно большей; полнота же использования этого агента полицией — несравненно меньшей. Поэтому Герасимов поставил своей задачей легализовать «секретную болезнь» центральной агентуры. Он не только разрешал своим агентам вступать в центральные организации революционных партий, но и прямо толкал их на это, ставя их в то же время под возможно более тщательный взаимный контроль и делая каждого из них, так сказать, ответственным перед полицией за всю деятельность соответствующей организации.

Легализуя центральную агентуру, Герасимов, наряду с тем, вводил значительные изменения и в тактику полиции по отношению к тем центрам революционных партий, в составе которых он имел своих агентов. И в прежние времена, как уже указано выше, полиция арестовывала далеко не всех тех революционеров, относительно деятельности которых она была осведомлена. Но задачей полиции во всех подобных случаях бывало через отдельных, ей известных революционеров добраться до самого центра данной организации, выяснить весь руководящий состав последней, для того чтобы затем одним

ударом вырвать ее всю, с корнем. Именно такова была система Зубатова. Герасимов, наоборот, ввел систему сознательного оберегания от арестов тех центров революционных организаций, в составе которых он имел вполне надежных агентов. Мотивировал он эту свою тактику следующими соображениями: в обстановке, когда революционное движение носит массовый характер, — а именно так обстояло дело в те годы, о которых сейчас идет речь, — уничтожить полностью революционные организации нельзя. Переарестовать всех революционеров нет никакой возможности. На место арестованных членов центральной группы всегда найдутся новые добровольцы, которые восстановят разбитую организацию. Но агента полиции, который входил в состав арестованного центра, всякий такой арест неизбежно ставит под удар: если он арестован вместе с другими, то он на время выходит из числа активных сотрудников полиции; если он оставлен на свободе, то весьма вероятно, что на него может пасть тень подозрения. Поэтому в результате ареста организация существовать не перестанет, но имеется много шансов, что старый агент, осведомлявший полицию относительно ее деятельности, выйдет из строя. Чтобы быть в курсе работ этой организации в ее новом составе, полиции придется искать нового агента, а такие поиски нелегки, они во всяком случае всегда отнимают некоторое время, в течение которого организация останется без внутреннего осведомителя и ее работа, следовательно, будет идти вне контроля полиции. Ввиду всего этого, по мнению Герасимова, подобного рода аресты с точки зрения полицейского розыска только вредны. Полиция должна идти совсем иным путем. Организационных центров, поскольку в их составе имеется хорошая агентура, не следует разбивать арестами. Их нужно, наоборот, даже оберегать, для того чтобы держать под постоянным и самым тщательным контролем и иметь возможность во всякое время парализовать наиболее вредные проявления их деятельности. Если такая организация ставит, например, тайную типографию, заводит динамитную лабораторию, устраивает склад оружия, взрывчатых веществ и т. д., то полиция должна производить аресты лиц, непосредственно прикосновенных к данным предприятиям, не затрагивая руководящего центра организации как целого. Вполне возможно производить и аресты отдельных членов центра —

особенно тех, чья деятельность становится чрезмерно вредной, — но такие аресты нужно производить постепенно, как аресты индивидуальные, и притом, конечно, считаясь с последствиями этих арестов для внутриорганизационного положения агента. Члены, особенно хорошо относящиеся к последнему, должны по возможности оберегаться; наоборот, его внутриорганизационные противники должны при первой же возможности изыматься из обращения. Производство ареста центральной организации как целого допустимо только в особо важных случаях, например, в моменты острых политических кризисов, когда ожидаются особо важные выступления данной организации, предотвратить которые может арест руководящей ячейки, который внесет разброд в ряды организации.

Далеко не все в этой системе было ново. Отдельные элементы ее можно найти в практике многих видных деятелей полицейского сыска более ранних периодов. Герасимов только объединил эти элементы в одно целое, связал отдельные положения в сравнительно стройную систему. В своем законченном виде, логически продуманном до конца, это была настоящая полицейская утопия: все центры всех революционных организаций должны были бы существовать, как бы посаженные под стеклянные колпаки; каждый шаг их известен полиции, которая решает, что одно проявление их деятельности, с ее точки зрения менее опасное, она допустит; другое, более вредное, пресечет в корне; одному из членов организации дозволит писать прокламации и выступать с речами на митингах, так как он менее талантлив и его выступления производят меньше впечатления, а другого, более даровитого, посадит в тюрьму.

По рассказам Герасимова, осуществлять на практике эту свою систему организации полицейского розыска он начал еще до появления Столыпина на посту министра внутренних дел, но ему все время приходилось наткаться на сопротивление со стороны старых руководителей Департамента, которые считали недопустимыми вводимые Герасимовым новшества. Отрицательное отношение к последним они пытались внушить и Столыпину, который вначале тоже с большой опаской смотрел на эксперименты Герасимова. Но затем вскоре — и это Герасимов ставит в большую заслугу Столыпину — по-

следний понял все преимущества системы Герасимова и дал ему *carte blanche*.

Конечно, несмотря на неограниченные полномочия и почти столь же неограниченные кредиты, провести в жизнь полностью свою систему Герасимову не удалось: утопии, даже полицейские, не так-то легко воплощаются в действительность. Но изложенными принципами он руководствовался неукоснительно и смог достичь, по его мнению, весьма значительных результатов: целый ряд революционных центров им был поставлен под самый тщательный контроль*.

В подобных условиях Азеф, перешедший теперь в исключительное ведение одного Герасимова, был, конечно, настоящим кладом для последнего. По рассказам, которые в свое время циркулировали среди наиболее осведомленных деятелей полицейского розыска, Герасимов, зная о действительной роли Азефа в прошлом, в этот период поставил перед ним дилемму: или бросить двойную игру и начать «честно» служить полиции, или пойти на виселицу. Сам Герасимов категорически утверждает, что ничего подобного в действительности не было, что никогда ультиматумов этого типа Азефу он не ставил; он настаивает, что вообще в то время роль Азефа в организации убийств Плеве и вел. кн. Сергея ему известна не была и что Рачковский, если он об этой роли был осведомлен, ему, Герасимову, ничего о ней не сообщил.

Верна ли эта версия, судить трудно. Но во всяком случае несомненно, — и это признает Герасимов, — что в связи с делом Дубасова известные подозрения против

* По утверждению Герасимова, из числа секретных агентов центрального значения, которые работали под его руководством, далеко не все были позднее раскрыты. Роль целого ряда из них до настоящего времени остается совершенно неизвестной. Объясняется это тем, что никаких сведений о них Герасимов в свое время в Департамент не представлял (а именно на основании сведений Департамента в 1917 г. были раскрыты имена большинства обнаруженных агентов по Петербургу, так как архив самого Петербургского охранного отделения почти целиком погиб в дни революции), сношения с ними поддерживал только сам лично, никто другой их не знал, а после ухода Герасимова с поста начальника Охранного отделения они также оставили свою полицейскую работу: Герасимов рассказывает, что, уходя из Охранного отделения, он предложил наиболее ответственным из своих агентов решить, хотят ли они быть переданными его преемнику или предпочитают оставить службу совсем, и целый ряд из них выбрал последнее. Из их числа, по утверждению Герасимова, до сих пор никто не раскрыт.

Азефа у него имелись, и эти подозрения заставляли его на первых порах работы с Азефом с особенной подозрительностью относиться к последнему. Но Азефу быстро удалось рассеять эту подозрительность и завоевать полное доверие Герасимова. «Ввиду невыясненных обстоятельств покушения на Дубасова, — пишет Герасимов в уже цитированных своих неизданных воспоминаниях, — ко всем донесениям Азефа приходилось относиться с большой осторожностью, но благодаря честному и добросовестному исполнению им своих обязанностей все сомнения, возникшие по отношению Азефа в деле Дубасова, вскоре рассеялись». Сведения, которые Азеф сообщал, поскольку их удавалось проверять, всегда оказывались точными и правильными, его осведомленность относительно внутренней жизни партии — совершенно исключительной. Ценность его как агента выяснилась очень быстро, а наряду с этим росло и доверие к нему.

Об укреплении этого доверия Азеф очень заботился и явно прилагал усилия к тому, чтобы рассеять все сомнения, которые имелись против него. Много и подробно рассказывал он о своей прежней работе — конечно, в желательном для него освещении — и во время этих якобы откровенных разговоров весьма ловко играл на самолюбии Герасимова, на его презрении к «высокопревосходительным господам с куриными мозгами» из Департамента, которые в изложении Азефа только и делали, что подводили его под удары революционеров. «Он мне неоднократно жаловался, — пишет Герасимов, — как руководившие им лица его не щадили и высказывал удивление, как он мог в то время пользоваться еще доверием центра партии, несмотря на циркулировавшие слухи об его предательстве». Эти рассказы давали вполне удовлетворительное объяснение поведению Азефа в прошлом, поскольку в этом прошлом видели только простую утайку Азефом от Департамента части известных ему сведений. И все эти рассказы о прошлом перемежались с осторожными, но все же ясными намеками на то, что теперь-то, с Герасимовым, который совершенно не похож на прежних руководителей Азефа, работа пойдет совсем по-иному...

В результате победа Азефа была полная: он завоевал настолько полное доверие Герасимова, что последний еще и теперь сомневается, верны ли имеющиеся в литературе сведения относительно роли Азефа в период ор-

ганизации убийств Плеве и вел. кн. Сергея, т. е. того периода, когда Герасимов не имел никакого личного соприкосновения с Азефом. Что же касается до тех лет, когда Азеф работал под непосредственным руководством Герасимова, то последний до сих пор готов ручаться, что Азеф полностью и во всем был с ним искренен. «За этот промежуток времени, — пишет Герасимов в своих записках, — я принимаю всю ответственность за провокационные действия Азефа, если таковые имели место, и смею утверждать, что со стороны Азефа я никогда не был обманут, а о провокации даже говорить не приходится». Это заявление весьма самонадеянно, и дальше мы увидим, что Азеф от Герасимова все же скрывал очень многое, а главное, готовил такой удар, который был бы ударом грома для Герасимова. По существу, отношение Азефа к Герасимову ничем не отличалось от его отношения к Ратаеву, полное доверие которого он завоевал для того, чтобы позднее использовать его в своих целях. Разница была только в том, что положение Азефа теперь было значительно более трудным, обстановка — более сложной, и потому платить за нужное доверие приходилось более дорогой ценой. Но для характеристики отношения Герасимова к Азефу его готовность и теперь еще «ручаться» за последнего в высшей степени интересна. Тот факт, что Азеф, уже скомпрометированный в глазах полиции, сумел завоевать такое доверие со стороны Герасимова, — человека, вообще говоря, отнюдь не склонного к излишней доверчивости, — едва ли не лучше всего свидетельствует, каким хорошим знатоком людей был Азеф и как ловко он умел нащупывать слабые стороны их характера.

Свои отношения к Азефу Герасимов строил на базе внимательного отношения к интересам последнего. Азеф рассказывал, передает Герасимов, что в прежние годы ему была обещана Департаментом на случай провала пенсия или устройство места в качестве инженера на одном из глухих заводов Урала. Герасимов откровенно заявил, что Азеф не должен особенно полагаться на подобные обещания, так как Департамент не имеет привычки их честно выполнять. Вместо этого Герасимов дал Азефу совет начать теперь же копить деньги про черный день и для этого по собственной инициативе, без прямой просьбы Азефа, увеличил вдвое оклад его жалованья, повысив его до 1000 руб. в месяц «Я посоветовал ему, —

рассказывает Герасимов, — это жалованье не тратить — он ведь получал деньги на жизнь от партии, — а все целиком класть в банк на текущий счет. Азеф последовал этому совету и составил завещание, хранившееся у меня, согласно которому все эти деньги в случае его смерти должны быть пересланы его жене».

Одновременно были приняты все возможные меры для предупреждения «провала» Азефа. Его задачи как агента были точно определены. О разных «мелочах» — о литературно-издательской деятельности, об отдельных лицах, о провинциальных организациях и т. п. — он мог ничего не сообщать, даже если и имел данные. «Об этом всем мы могли получать сведения и из других источников», — говорит Герасимов. Его задачей становилась информация исключительно о людях и событиях центрального значения — обо всем, что делается в Центральном комитете партии, в ее Совете, на съездах и конференциях, а равным образом в центрах тех фракций Государственных дум, которые были близки к социалистам-революционерам, т. е. в трудовой группе⁵, а позднее и в партийной фракции с.-р. Специальной и особо важной его задачей была, конечно, информация Герасимова обо всем, что происходит в Боевой организации: так как Герасимов знал, что Азеф является верховным руководителем последней, то Азеф был сделан прямо ответственным перед Охранным отделением за все ее действия. Ни один ее шаг не должен был быть совершен без того, чтобы Охранное отделение о нем не было заранее осведомлено. Взамен этого Герасимов гарантировал, что со своей стороны он все свои действия в отношении указанных организаций, обслуживаемых Азефом, будет предпринимать по соглашению с последним, а информация, доставляемая последним, будет держаться в строжайшей тайне даже от Департамента для того, чтобы предупредить возможность выдачи секретов кем-либо из чиновников последнего.

Азеф «работал» очень хорошо. Его информация была исключительно богата фактическими указаниями, исключительно ценна и точна. Именно от него Герасимов получал основную информацию о настроениях оппозиционных и революционных групп в Государственной думе, которая в течение первых месяцев работы Азефа с Герасимовым стояла в центре политической жизни всей страны. Его сообщения поэтому составляли основ-

ной материал и для ежедневных докладов Герасимова министру Столыпину, который скоро обратил внимание на эту ценную информацию и пожелал узнать ее источник. Герасимов рассказал Столыпину все, что сам знал об Азефе, его прошлом и его теперешней роли в партии. Личность Азефа живо заинтересовала Столыпина, который после этого стал специально расспрашивать Герасимова относительно сообщений Азефа и в тех случаях, когда тот или иной для него особенно интересный вопрос Азефом еще не был достаточно выяснен, Столыпин просил Герасимова задать этот вопрос Азефу. Позднее Столыпин несколько раз в беседах с Герасимовым выражал даже желание лично встретиться с Азефом для того, чтобы в устной беседе подробнее ознакомиться с настроениями и взглядами, распространенными в революционной среде. Такую встречу Столыпина с Азефом Герасимов по разным причинам устроить не мог, но вопросы Столыпина Азефу передавать ему приходилось часто. Касались они, конечно, не чисто полицейских дел — об этих делах достаточно подробно расспрашивал Азефа и сам Герасимов. Столыпин обычно интересовался знать, какова, по мнению Азефа, будет реакция революционных групп на то или иное подготовляемое правительством мероприятие, какие группировки внутри думских фракций существуют по тому или иному вопросу и т. д. Азеф знал, кто именно ставит перед ним эти вопросы, был несомненно польщен вниманием к нему Столыпина и с особенным старанием давал свои ответы, являвшиеся, по существу, настоящей политической экспертизой.

Порою Столыпин интересовался и личным мнением Азефа относительно того или иного вопроса. Герасимов, в частности, вспоминает, что в период разгона I Государственной думы ему пришлось передавать Столыпину мнение Азефа относительно введения в состав правительства так называемых «общественных деятелей», т. е. представителей умеренно-либеральных кругов (речь тогда шла персонально о Шипове, Гучкове и др.); Азеф был горячим сторонником этого введения и всячески стремился доказать его полезность и даже необходимость. Равным образом вспоминает Герасимов и ответы Азефа на вопрос Столыпина относительно аграрной реформы последнего: Азеф стоял за уничтожение сельской общины и за создание частнособственнического крестьянства как лучшего оплота против грозящей стране аг-

рарной революции. Вообще, по рассказам Герасимова, Азеф в вопросах политических высказывался «как умеренный кадет или вернее как левый октябрист». Столыпин всегда с живейшим вниманием выслушивал все подобные сообщения Герасимова и только удивлялся, как это человек подобных взглядов может входить в состав политического центра партии социалистов-революционеров, которая занимает совсем иную позицию...

В свое время, в дни после разоблачения Азефа, всех поразило определение роли последнего, данное в первом правительственном сообщении по этому делу: как известно, тогда он был назван «сотрудником правительства». Все были уверены, что это только злополучная обмолвка составителя сообщения, который «агента полиции» назвал небывалым титулом «сотрудника правительства». В свете приведенных выше рассказов Герасимова выражение правительственного сообщения приобретает иной смысл: если даже оно и было по оплошности включено в документ, предназначенный для опубликования, то, по существу, оно, несомненно, более точно отвечало действительной роли Азефа за последние годы его работы на полицию, чем стереотипное название «агент полиции».

Глава XIII

Большой поход

Азефа — Герасимова — Столыпина против Боевой организации

Так проходили недолгие месяцы существования первой Государственной думы — период коротких каникул, установленных для деятельности Боевой организации.

К концу этого периода стало ясно, что никакого соглашения между Государственной думой и правительством состояться не может и что спор будет решен силой: кто кого победит. В подобной обстановке отказ от террора, с точки зрения руководителей партии, переставал быть правильным.

Последний толчок для пересмотра вопроса дало обращение в Центральный комитет со стороны севастопольской организации. Руководитель боевой дружины последней, специально для этого приехавший в Петербург, настоятельно потребовал разрешения убить адми-

рала Чухнина¹. Общее решение о необходимости устранить последнего партией было принято еще давно — немедленно после кровавого подавления Чухниным севастопольского восстания в ноябре 1905 г. Был сделан целый ряд попыток привести в жизнь это решение — все они до сих пор терпели неудачу. Сомнений относительно необходимости этого акта у Центрального комитета, таким образом, быть не могло. Вопрос, следовательно, стоял в общей форме: продолжают ли оставаться в силе те соображения, которые заставили Совет партии за неполных два месяца перед тем принять решение об общей приостановке террористической деятельности. Приехавший севастополец доказывал, что устранение Чухнина не только не окажет вредного влияния на агитационную деятельность партии, но, наоборот, именно с этой точки зрения оно больше всего необходимо: по общей оценке всех севастопольцев, оно поднимет там революционное настроение, особенно настроение солдат и матросов, которые больше всего ненавидят Чухнина. А это особенно важно для партии в данный момент, когда она напрягает все усилия в первую очередь для подготовки военных восстаний. Центральный комитет согласился с этими доводами и дал севастопольцам просимое ими разрешение. Чухнин вскоре действительно был убит: этот акт был совершен добровольцем матросом Акимовым, который после убийства смог благополучно скрыться.

Но положение в Севастополе не было исключением. Подобная же обстановка складывалась и в других местах. Подготовка к восстаниям повсюду шла полным ходом, и, по оценке Центрального комитета, отдельные террористические акты в этой обстановке могли только способствовать нарастанию революционной волны. Поэтому было решено воспользоваться тем правом, которое было предоставлено Центральному комитету Советом партии, и возобновить деятельность Боевой организации. В качестве первого и единственного задания ей в этот момент было дано поручение убить Столыпина, относительно которого уже не было никаких сомнений, что именно он является главным противником соглашения правительства с Думой на основе создания ответственного перед последней министерства.

Во главе Боевой организации — это было вещью само собою разумеющейся — встал Азеф. Собрать старых членов Организации не составило труда: большинство

их жило в Петербурге или Финляндии, ожидая того момента, когда смогут приступить к своей старой работе. Не было недостатка и в новых добровольцах. Нужный отряд был сформирован очень быстро и немедленно приступил к подготовительной работе. Настроение было самое бодрое. Общая атмосфера тех дней зажигала и заставляла всех верить в успех предприятия. Только Азеф держался очень сдержанно и в разговорах не скрывал, что он далеко не так уверен в успехе, как все другие. Это входило в его действительные планы: подготавливая неудачу всего предприятия, он заблаговременно готовил и соответствующее объяснение.

В курс разговоров о возобновлении деятельности Боевой организации Азеф с самого начала ввел и Герасимова. По-видимому, только относительно Севастополя он не сообщил никаких подробностей, — очевидно, используя свое право не говорить о «мелочах». Что же касается до Петербурга, то Охранному отделению были известны все детали планов Боевой организации, весь ее состав, все мелочи ее внутренней жизни. Аресты могли быть произведены в любой момент, но они не входили в расчеты Герасимова. Азеф заявил, что при наличии в партии серьезных подозрений против него арест работающих под его руководством боевиков неизбежно повлечет за собою полный провал: в лучшем случае он должен будет отойти совершенно от всех партийных дел. Потеря Азефа меньше всего входила в расчеты Герасимова, — и провал одного состава Боевой организации казался слишком незначительным результатом установившегося тесного союза начальника Охранного отделения с руководителем Боевой организации. Возможности, которые открывал такой союз, надлежало использовать более блестящим образом. Нашупать наиболее выгодную линию поведения было нелегко. Вначале просто пошли по линии наименьшего сопротивления: никаких арестов боевиков не производили, но все начинания их расстраивали. Делал это Азеф своими собственными силами: как главному руководителю боевиков, ему было нетрудно направлять их работу по ложному пути. Наблюдение тогда велось за поездками Столыпина к царю и в Государственную думу. По соглашению с Герасимовым Азеф так размещал наблюдателей, что в течение сравнительно долгого времени они вообще не смогли ни одного раза встретить министра. Результаты начали

сказываться очень быстро: боевики нервничали, видя безрезультатность своей работы.

Видя подобные результаты саботирования работы Боевой организации, Азеф предложил Герасимову план, которому нельзя отказать ни в смелости, ни в оригинальности: он предложил возвести дело саботажа работы Боевой организации в систему и таким путем привести и боевиков, и Центральный комитет к выводу о невозможности успешного ведения центрального террора. Боевую организацию следовало заставить работать, как машину на холостом ходу: с максимальным напряжением сил и нервов ее человеческого состава, но без каких бы то ни было практических результатов. У боевиков должно было поддерживаться ощущение, что они делают все, что только в силах человеческих, но в каждой их новой попытке они должны были наталкиваться на якобы непроницаемую стену принятых полицией мер предосторожности, преодоление которых не под силу Боевой организации. Все это должно было убедить боевиков и Центральный комитет в правильности того вывода, к которому Азеф их старался подвести — к выводу о том, что прежними методами вести дело центрального террора невозможно и что надо по крайней мере на время распустить Боевую организацию.

Герасимову этот план очень понравился, и с его участием он был разработан в деталях. Получился настоящий план длительной кампании, на службу которой должны были быть поставлены весь боевой опыт и весь внутрипартийный авторитет Азефа, с одной стороны, и весь аппарат Охранного отделения — с другой.

Этот план был представлен на утверждение Столыпина, того самого, фиктивной подготовкой покушения на которого Азеф должен был заняться. Вначале Столыпин несколько колебался, подробно расспрашивая о деталях. Он, видимо, боялся «маленьких неисправностей механизма», платить за которые пришлось бы ему: как-никак, а ведь именно за ним велась охота, именно его голова стояла на карте в том случае, если бы в плане оказалась какая-либо погрешность. Но Герасимов смело ручался, что никакой «несчастной случайности» быть не может: такое ручательство он в свою очередь взял с Азефа. Последний дал его, хорошо зная строгость внутренней дисциплины, которая царила в Боевой организации: ни один член ее не рискнул бы выступить в пар-

тизанском порядке, без санкции руководителя Организации; к тому же в порядке подготовительных работ, о котором пока только и шла речь, боевики-наблюдатели и не имели возможности сделать самостоятельную попытку покушения, так как по правилам Организации они выходили для наблюдения, не беря с собой оружия, которое могло только служить лишней против них уликou при случайном аресте, возможность которого всегда существовала. Со своей стороны Герасимов гарантировал, что будут приняты и все возможные меры дополнительного полицейского контроля и что боевики все время будут находиться под самым бдительным наблюдением. Таким образом, никакой реальной опасности от задуманной игры, по уверению Герасимова, Столыпину грозить не могло, результаты же обещали быть самыми положительными: Боевая организация была бы поставлена под прочный и длительный контроль. В конце концов план Азефа — Герасимова начал даже нравиться Столыпину и он дал на него свое согласие.

Поход Боевой организации против Столыпина, который был в действительности походом Азефа — Герасимова — Столыпина против Боевой организации, был начат.

Если смотреть на вещи так, как их видели члены Боевой организации, то работа последней шла по-обычному. Устраивали конспиративные квартиры, часть боевиков превратилась в извозчиков, другие изображали посыльных, уличных торговцев, разносчиков. Дело ставилось на широкую ногу, — и перед расходами не останавливались. Касса Центрального комитета в тот период была полна, через нее проходили сотни тысяч рублей, а у кассиров уже существовало освященное традицией правило: для Боевой организации давать столько, сколько ее руководители просят, не задавая вопросов, на что именно деньги нужны. Считалось, что экономию можно наводить на чем угодно, только не на расходах Боевой организации*.

* Большие расходы на Боевую организацию входили составной частью в план Азефа — Герасимова: они должны были ослаблять кассу партии. Герасимов рассказывает, что в целях такого ослабления кассы он рекомендовал Азефу... чаще производить «позаимствования» из этой кассы на свои личные нужды, увеличивая... свои сбережения «на черный день». «Впрочем, — оговаривает тут же Герасимов, — скоро я убедился, что Азеф в этих моих советах не нуждался. Этим он занимался и до знакомства со мною».

После этих подготовительных шагов началась работа по наблюдению за Столыпиным. Это наблюдение вели несколькими группами, в разных местах. Наблюдатели прилагали все усилия, чтобы получить нужные результаты, работали с увлечением, самоотверженно, но почти без всяких результатов. Редко-редко кому удавалось издали увидеть проезжавшего министра, чаще же всего им приходилось наблюдать стайки агентов охраны, которые старательно прощупывали глазами всех, кто попадался им на дороге. Если же удавалось установить ту или иную деталь, которая, казалось, выводила наблюдение на правильный путь и создавала надежду, что скоро будет возможно приступить к более активным действиям, на горизонте неожиданно появлялись тревожные симптомы, которые не только убеждали в тщетности только что возникшей надежды преодолеть бдительность полицейской охраны, но и заставляли опасаться немедленного провала боевиков-наблюдателей.

Это выступал на сцену Герасимов, до того момента спокойно выжидавший за кулисами союзник Азефа.

Поскольку имелась возможность, последний справлялся своими собственными силами, идя по пути внутреннего саботажа работы боевиков-наблюдателей: давал им ложные указания, заставлял караулить на путях, по которым Столыпин не ездил и т. д. Но для такого саботажа существовали известные границы: нужно было не дать возможности заметить его существование, нужно было все время поддерживать в боевиках уверенность, что Организация делает все, что в ее силах, для достижения положительных результатов. А боевики, видя неудачу их работы, начинали проявлять инициативу, делали попытки вырваться из того заколдованного круга, который их окружал, предлагали свои планы. Когда такие самостоятельные поиски боевиков становились особенно настойчивыми, Герасимов, по соглашению с Азефом, прибегал к приему «спугивания».

Для этого давали возможность пойти по какому-нибудь найденному самими боевиками новому пути. Азеф высказывал свои сомнения, но давал согласие на то, чтобы была сделана попытка. Первые шаги обнадеживали. Настроение приподнималось. И без того все время напряженные нервы у всех участников работы натягивались, как струны. Не следует забывать: люди знали, что все время ходят по самому краешку своей общей брат-

ской могилы. И вот, когда напряжение доходило до высшей точки, тогда Герасимов «пускал брандера»: на арго Охранного отделения «брандерами» называли особо неумелых филеров, специальной задачей которых было так вести наблюдение, чтобы его не мог не заметить наблюдаемый. «Для этой цели, — рассказывает Герасимов, — у нас имелись особые специалисты, настоящие михрютки: ходит за кем-нибудь, прямо, можно сказать, носом в зад ему упирается. Разве только совсем слепой не заметит. Уважающий себя филер на такую работу никогда не пойдет, да и нельзя его послать: и испортится, и себя кому не надо покажет».

Конечно, появление «брандера» боевики замечали. Тотчас же об этом событии сообщали Азефу. Последний порой вначале относился к сообщению даже несколько недоверчиво: нет ли ошибки? не начали ли люди нервничать? Ведь в боевой работе это явление довольно обычное... Начиналась проверка сообщения, которая показывала, что ошибки нет, что полицейская слежка действительно ведется, и притом в самой откровенной форме. Тогда Азеф принимал решение: ничего не поделаешь, если полиция напала на след, то надо все бросать и думать только о спасении людей. Такова была одна из максим боевой работы, им же установленных. И он давал подробные инструкции относительно того, в каком порядке должны были скрываться попавшие под наблюдение полиции боевики: при беспорядочном бегстве полиция могла начать арестовывать тех, кто еще не успел скрыться. Лошадей, экипажи, квартиры и т. п. — все это, конечно, бросали на произвол судьбы. Но боевики, следовавшие указаниям Азефа, благополучно скрывались от преследовавших их шпионов...

Такие «спугивания» практиковались относительно редко: злоупотреблять этим сильнодействующим средством, естественно, было нельзя. При этом, конечно, каждый раз вносились некоторые варианты в детали. Но все было в одну точку: на каждом шагу боевики убеждались, что полиция так хорошо изучила все приемы работы Боевой организации, что не было никакой возможности подойти близко к Столыпину. И каждый раз, когда благополучно скрывшиеся боевики собирались где-нибудь в Финляндии и начинали подводить итоги, они все приходили к выводу, что полиция напала на их след совершенно случайно и даже еще не успела разо-

братъ, с кем именно она имеет дело (этим объясняли сравнительную легкость побега от филеров). Но из того, что такие случайности происходили каждый раз, как только боевики-наблюдатели подходили сравнительно близко к министру, казалось, с несомненностью следовал вывод о непроницаемости для боевиков стены полицейской охраны, которая окружала министра. А так как Азеф «заранее предвидел» слабые места всех задуманных предприятий и так как он же разрабатывал планы побегов из-под наблюдения филеров, то его авторитет еще больше возрастал, легенда об его «хладнокровии» и «предусмотрительности» получала, казалось, новое убедительное подтверждение.

И после каждой такой неудачной попытки Азеф все настойчивее и настойчивее внушал и боевикам, и посвященным в работу Боевой организации членам Центрального комитета мысль о том, что «старыми методами» вести дальше центральный террор невозможно. «Полиция, — говорил он, — слишком хорошо изучила все наши старые приемы. И в этом нет ничего удивительного: ведь у нас все те же извозчики, торговцы и пр., которые фигурировали еще в деле Плеве. Нового ничего у нас нет — и при старой технике ничего и не придумаешь нового. Тяжело это, но надо признать...»

Так проходили недели, месяцы... Государственная дума уже давно была распущена. Вспыхнули и были раздавлены восстания в Кронштадте, Свеаборге, Ревеле. По стране прокатилась волна террора и разрозненных партизанских выступлений: покушений на губернаторов, жандармов, полицейских, нападений на казенные учреждения и пр. Но настоящего массового взрыва, подобного тому, который потряс страну в 1905 г., не произошло: рабочие, движение которых в 1905 г. было стеновым хребтом общей борьбы, теперь молчали, уставшие от поражений прошлых лет, истощенные безработицей и промышленным кризисом. В этих условиях правительство быстро оправилось от временных колебаний. Были введены военно-полевые суды для «скорострельных» расправ со всеми, кто причастен к различного рода вооруженным выступлениям революционеров. С каждым днем усиливалась реакция, и Столыпин, ее главный вдохновитель, уже успел стать наиболее ненавистным для страны представителем власти.

В работу Боевой организации чужеродным телом

вклинилось покушение на Столыпина, организованное «максималистами»². Отделившись от партии социалистов-революционеров и создав свою собственную организацию, они решили самостоятельно вести и террористическую борьбу. Ставили ее они совсем иначе, не так, как Боевая организация: они не признавали той длительной подготовительной работы наблюдения, которая лежала в основе всей работы Боевой организации, а действовали, как партизаны, короткими ударами, внезапными набегами. Именно так они организовали покушение на Столыпина: три члена их организации, вооруженные бомбами, явились в официальные часы приема на дачу Столыпина. Охрана заподозрила неладное и отказалась впустить их внутрь здания. Тогда они бросили свои бомбы в передней. Взрыв разрушил большую часть министерской дачи. Погибло несколько десятков человек: чины охраны, много посетителей, явившихся на прием к министру; в числе погибших были, конечно, и сами террористы. Тяжелые поранения получили малолетние дети министра, но сам министр почти не пострадал: расходясь воронкой, волны взрыва только слегка затронули его кабинет.

Известие об этом покушении Азеф получил в Финляндии. Оно привело его в состояние, близкое к панике. «В августе, в день взрыва дачи Столыпина, — пишет в своих воспоминаниях Вал. Попова, член Боевой организации, тогда работавшая в финляндской лаборатории последней, — неожиданно к вечеру к нам приехал Иван Николаевич (Азеф). Он был очень взволнован — таким я еще не видала его. Не только взволнован, но подавлен и растерян. Сидел молча, нервно перелистывая железно-дорожный указатель. Хотел ночевать, но потом раздумал и ушел на станцию».

Причины такого его волнения тогда были непонятны, теперь они ясны: Азеф опасался, что Столыпин и Герасимов сочтут состоявшееся покушение за дело той Боевой организации, за которую он только недавно поручился своей головой, и понимал, что в этом случае ему не так легко удалось бы оправдаться, как это было в деле с Дубасовым. С другой стороны, имелась опасность, что, не зная истинных организаторов покушения, охранное отделение начнет арестовывать находящихся у нее на учете членов Боевой организации и тем самым провалит Азефа в глазах революционеров. Именно поэтому

Азеф спешил в Петербург для объяснения с Герасимовым. К его счастью, в этот момент он уже пользовался полным доверием Герасимова и последний не сделал «опрометчивого шага». Но для того, чтобы полностью очистить свою Боевую организацию в глазах Столыпина, Азефу пришлось добиться от Центрального комитета опубликования официального заявления о непричастности партии социалистов-революционеров и ее Боевой организации к этому покушению и даже «морального и политического» осуждения того способа, которым это покушение было совершено. Такие заявления были не совсем обычны в истории революционного движения; в Центральном комитете были колебания, нужно ли оно: Азеф был настойчив и требовал его, действуя именем Боевой организации. В конце концов согласие было дано, отношение к способу совершения покушения по существу действительно было отрицательным, но составить текст заявления пришлось самому Азефу: этот документ был вообще едва ли не единственным из официальных партийных документов, автором которого был непосредственно Азеф. Настолько для него было важно, чтобы такое выступление партией было сделано.

С организаторами же покушения, с руководителями «максималистов», Азеф рассчитался и иными способами: с этого момента он начал с особым старанием собирать все сведения относительно них, для того чтобы передавать эти сведения своему полицейскому начальству.

В партии заявление Центрального комитета относительно покушения «максималистов» было встречено далеко не с единодушным одобрением. Было немало людей, считавших его неправильным и по существу: бывают случаи, когда террористы, по их мнению, не имеют права останавливаться и перед соображениями о случайных жертвах во время организуемых ими покушений; такие примеры в прошлом известны, вполне мыслимо повторение их в будущем, а потому партия не должна была себя связывать столь категорическими заявлениями. И уж совсем многие считали заявление бестактным и ненужным: никто не приписывал данное покушение партии; «максималисты» не собирались отречься и немедленно же выпустили прокламацию, в которой открыто заявляли, что именно они были его организаторами; в этих условиях заявление Центрального комитета производило впечатление какого-то забегания

вперед, какого-то непонятого желания перед кем-то оправдаться.

Эти споры дали толчок и для вынесения наружу общего вопроса о работе Боевой организации.

«Центральный комитет осуждает способ, к которому прибегли максималисты... Но почему наша Боевая организация не применяет лучшего? Почему она вообще молчит?» — эти вопросы начали раздаваться все громче и громче в рядах партии, как со стороны совсем малопосвященных ее членов, так и со стороны тех, кто был относительно хорошо осведомлен. Многие начинали критиковать работу Боевой организации, причем в числе таких критиков оказывались и некоторые из членов Центрального комитета, и люди, хорошо знакомые с техникой боевой работы из бывших провинциальных боевиков. Несколько человек из среды последних составили даже специальную группу, которая поставила своей задачей проконтролировать наблюдательную работу Боевой организации. Действовали они втайне от Азефа, и им довольно скоро удалось установить, что наблюдение Боевой организации идет по ложному пути. Это, конечно, дало новый материал для критики деятельности Боевой организации, а на этой почве стали возникать острые конфликты между Боевой организацией и ее критиками.

Создавал их и руководил ими, конечно, Азеф. Но он предпочитал, по своему обыкновению, по большей части держаться в тени. Руководящую роль вовне играл Савинков.

Он только что вернулся в ряды Боевой организации после почти четырехмесячного отсутствия, вызванного арестом в Севастополе. Его тамошние приключения — суд с нависшей над ним угрозой смертной казни, совершенно сказочный по удачливости побег, о которых много писалось в газетах, создали ему огромную популярность в партийных рядах. Все окружали его любовным вниманием как человека, чудом сорвавшегося с виселицы. С особою нежностью к нему относились члены Боевой организации. В их рядах, если не считать Азефа, на которого все боевики смотрели скорее как на вождя-руководителя, стоящего над ними, чем на равного, Савинков был самым старшим по своему боевому стажу. Он вошел в Боевую организацию за три года перед покушением на Плеве и с тех пор без перерыва оставался

в ее рядах, на самых опасных постах. Для своих более молодых товарищей по Боевой организации он был живой историей последней, живым хранителем лучших традиций ее прошлого. Близкий друг Созонова, Каляева, Швейцера — всех тех, вокруг имен которых уже создавалась легенда восторженного поклонения, — он любил вспоминать об этом прошлом на тех замкнутых товарищеских пирушках, которые устраивали боевики в моменты редких перерывов их боевой деятельности. Блестящий рассказчик, он с особенным увлечением говорил о той атмосфере истинно братской любви и доверия, которая существовала в Боевой организации прежних лет, когда, употребляя выражения Созонова, «наша Запорожская Сечь, наше рыцарство было проникнуто таким духом, что слово «брат» еще недостаточно ярко выражало сущность наших отношений». Подобные же настроения Савинков стремился культивировать внутри Боевой организации и теперь. С любовным вниманием он подходил к каждому, кто входил в ее ряды, и только вполне естественно, что с таким же любовным вниманием относились и к нему все его товарищи по Боевой организации. Он хотел быть и действительно был «сердцем Боевой организации», как о нем говорит один мемуарист из числа членов последней (В. М. Зензинов), и легко понять, с каким восторгом была встречена боевиками весть об его удачном побеге из севастопольской тюрьмы, с каким энтузиазмом они приняли его теперь вновь в свои ряды.

Все это были хорошие, симпатичные стороны Савинкова, но уже в тот период, о котором теперь идет речь, не они были наиболее для него характерными.

По своей натуре он принадлежал к числу людей, которые совершенно незаменимы для *вторых* ролей, если вблизи от них имеется кто-нибудь, кто может быть хорошим *первым*. Он обладал несомненным и большим личным мужеством. В своей жизни он не раз смотрел прямо в глаза смерти и нет сомнения, что он не дрогнув взшел бы на эшафот, по крайней мере в те годы своей работы в Боевой организации. Но мужество солдата — явление совсем иной категории, чем мужество вождя. А тех свойств, которые обязательно нужны для того, чтобы стать последним, у Савинкова как раз и не имелось. У него не было мужества инициативы, мужества самостоятельного решения, мужества самостоятель-

ной мысли, если говорить о мыслях больших, определяющих не отдельные поступки людей, а целые линии их длительного поведения. Во всех этих вопросах уверенным он себя чувствовал только тогда, когда мог прислониться к кому-нибудь, кто импонировал ему своей внутренней устойчивостью, — наличием того, чего так не хватало самому Савинкову.

На беду последнего, тем *первым*, к кому он прислонился в годы своей работы в Боевой организации, был Азеф. Нет никакого сомнения, что, наряду со своим практицизмом, он покорила Савинкова полным отсутствием внутренних колебаний, разъедающих душу сомнений, — всей той внутренней раздвоенности, которая была столь характерной для интеллигентов-террористов той эпохи. Каждый из них ставил перед собою вопрос о «праве на убийство». Они все не сомневались, что представитель власти, против которого они в тот или иной момент готовили покушение, приносит вред народу; все они были уверены в том, что его устранение полезно для блага миллионов. Но перед многими из них с мучительной остротой вставал другой вопрос: пусть так, но имеет ли вообще один *человек* право отнять жизнь у другого *человека*, — хотя бы во имя блага миллионов? Не есть ли жизнь каждого человека сама по себе такое высокое благо, что посягнуть на него не имеет права никто? В поисках ответа на этот вопрос многие уходили в дебри философских построений, и мирный кёнигсбергский профессор второй половины XVIII века, старик Кант, был бы, конечно, безмерно удивлен, если бы смог, встав из могилы, узнать, что его нравственный закон нередко играл роль того категорического императива, который заставлял многих русских террористов начала XX века брать в свои руки динамитные бомбы.

Все эти сомнения были, конечно, совершенно чужды Азефу. О своем *праве* делать то, что он делал, он вообще едва ли когда-либо думал. Он шел своим путем потому, что он был для него *выгоден*, и соображениями этой личной выгоды в широком смысле слова определялись все те колебания и отклонения, которые ему приходилось на этом пути делать. Этих действительных мотивов своего поведения Азеф, конечно, никому объяснить не мог. А потому вполне естественно, что ему оставалось только пренебрежительно отмахиваться, когда в его присутствии заходили разговоры на подобные те-

мы: к чему все эти сложные построения, когда ясно, что то или иное действие диктуется интересами дела, интересами террористической борьбы?

Савинков в Боевую организацию пришел, конечно, с совершенно иными, чем у Азефа, настроениями, это едва ли нужно оговаривать. Он немало думал над всеми теми большими вопросами, которые мучили совесть его товарищей по Организации, и едва ли правы те, кто полагает, что все сомнения этого рода, которые так часто он высказывал и в личных беседах, и в литературе, были для него только напетыми с чужого голоса, не отражали его собственных интимных переживаний. Какая-то трещинка в его душе, по-видимому, действительно была с самого начала, не случайно М. Р. Гоц, хорошо его знавший и с большою любовью к нему относившийся, называл его «надломленной скрипкой Страдивариуса». Но определяющим для его дальнейшего развития все же был не этот надлом, а то положение, которое ему пришлось волею судеб занять внутри Боевой организации.

С нравственным законом Канта в душе человек мог пойти на убийство другого и за жизнь этого другого отдать свою собственную. Именно потому-то лучшие из террористов-интеллигентов, как говорят документы, в своих интимных переживаниях больше думали о том, как они *умрут*, чем о том, как они *убьют* другого. Последнее с точки зрения их настроений было тяжелою необходимостью, первое — радостным подвигом. Пойти на этот подвиг, если бы это оказалось нужным, в свое время смог бы и Савинков: его поведение во время ареста в Севастополе не оставляет никаких сомнений на этот счет. Его несчастьем было то, что ему пришлось выполнять иные функции...

В терроре кроме террориста-исполнителя необходимо должен существовать террорист-организатор — тот, кто расчищает дорогу для первого, кто подготавливает возможность его выступления. По ряду причин Савинков стал именно таким террористом-организатором. Не следует думать, что он сам ничем при этом не рисковал. Риск террориста-организатора был очень велик, и каждый раз, когда Савинкова провожали на какое-нибудь «дело», его близкие прощались с ним как с обреченным: шансов погибнуть у него всегда было больше, чем шан-

сов вернуться невредимым. Но он был очень ловким, талантливым конспиратором и умел выкручиваться из самых трудных положений — умел спастись от ареста тогда, когда на его месте девять из десяти его товарищей по Боевой организации спастись не могли бы. Во многом именно этим своим талантам конспиратора он и был обязан тем, что ему, а не кому-либо другому товарищи поручили функции террориста-организатора... Все это — несомненно, но с точки зрения *результата* это значения не имеет. А результатом было то, что ближайшие друзья Савинкова шли на гибель и отдавали свои жизни, а он оставался жить... и продолжал провожать на гибель других.

Хотел он этого или не хотел, но в положении Савинкова каждый обязательно должен был начать думать не о том, как он умрет, а о том, как он убьет, даже вернее о том, как он организует убийство. Независимо от воли человека в таких условиях должны были создаваться совсем иные настроения, чем те, которые двигали Созоновым, Каляевым и др., — настроения профессионального «охотника за черепами», настроения «мастера красного цеха», если употреблять меткие выражения, которые введены в литературный обиход самим же Савинковым. Террор для него все больше и больше становился самоцелью.

В. М. Зензинов рассказывает в своих воспоминаниях, как он вместе с А. Р. Гоцем в начале 1906 г. вели спор с Савинковым относительно движущих мотивов их личного поведения. Зензинов и Гоц оба прошли курс учения в немецких университетах, были кантианцами по своему философскому мировоззрению и нравственный закон Канта клали в основу своих террористических выводов. «С удивлением, с недоумением, — пишет Зензинов, — мы услышали от Савинкова, что его категорическим императивом является воля Боевой организации. Напрасно мы ему доказывали, что воля более или менее случайных лиц не может сделаться для человеческого сознания нравственным законом, что с философской точки зрения это безграмотно, а с моральной — ужасно. Савинков стоял на своем». Интересы Боевой организации и той террористической деятельности, которую она ведет, стояли для него выше, чем все остальное.

На этой почве вырастали и все конкретные выводы.

Вся партия распадалась на две части: на членов Боевой организации и на всех прочих. Первые — ближайšie товарищи по борьбе — должны были составлять одно тесное неразрывное целое, братский союз на жизнь и на смерть. Вторые — существа низшего порядка — имели право только восторгаться первыми, помогать им, но ни в коем случае не предъявлять своих требований, не критиковать их действий. Всякая критика Боевой организации, исходящая от не боевиков, объявлялась оскорблением для «чести» Боевой организации, и против этой критики все боевики должны выступать сплоченным строем и со всею решительностью. Понятие о «чести» у революционера Савинкова было чисто офицерское, и оно входило важным составным элементом в ту психологию «революционных кавалергардов», которую воспитывал Азеф внутри Боевой организации и которая наиболее яркое свое выражение получила как раз в настроениях Савинкова.

При подобных настроениях Савинкова Азефу не составило труда превратить его в свое орудие и в деле проведения в жизнь «большого плана» Азефа — Герасимова — Столыпина.

В ряды Боевой организации Савинков вернулся, конечно, не без чувства горечи, вызванного ее бездействием в эти критические дни: эти ощущения тогда были общи для всех. Он тоже искал объяснения ее неудачам и, естественно, прежде всего прислушивался к рассказам Азефа, на которого привык смотреть снизу вверх. Азеф давал свои объяснения. Он говорил и о неудовлетворительности старых методов работы Боевой организации, и об улучшениях, которые введены в дело полицейской охраны министров и которые не позволяют боевикам подойти близко к последним, — короче, обо всем том, что было намечено по планам Азефа — Герасимова. Но в то же время он играл и на специфических настроениях Савинкова, на его понимании «чести» Боевой организации, на его раздражении против «штатских» членов Центрального комитета, которые осмеливаются непочтительно говорить о боевиках. Критические замечания, которые тот или иной из членов Центрального комитета осмелился сделать в частных разговорах относительно деятельности Боевой организации, в его рассказах превращались в систематическое дискредитирование этими членами Центрального комитета руководи-

телей Боевой организации, во внесение деморализации в среду членов последней. Отдельные указания, которые срывались с уст партийных кассиров в ответ на все более и более возрастающие требования Азефа (действуя согласно разработанному им с Герасимовым плану, Азеф в это время так вздул финансовые требования Боевой организации, что даже привыкшие к большим расходам последней партийные кассиры начали кряхтеть), выростали в систематическое притеснение Боевой организации и в отказы в средствах на ее необходимые расходы.

Савинков прежде всего уцепился за последние части этих рассказов и ринулся в бой против Центрального комитета.

Собрание последнего, на котором был поставлен вопрос о работе Боевой организации и о претензиях последней против Центрального комитета, состоялось в сентябре 1906 г. в Финляндии (на Иматре). На этом собрании присутствовали члены Центрального комитета — Крафт, Натансон, Панкратов, Слетов, Чернов и Азеф — и в качестве представителя Боевой организации Савинков: как и всегда в подобных острых случаях, Азеф заявил, что не может защищать точку зрения Боевой организации по своей привычке говорить публично, и потребовал приглашения Савинкова, способного эту точку зрения изложить и защитить. Именно Савинков и начал прения по этому вопросу. В большой запальчиво-страстной речи он изложил обвинения Боевой организации против Центрального комитета. Это был настоящий обвинительный акт. Предупреждая упреки против Боевой организации за ее недостаточную активность, он предъявил контр-иск к Центральному комитету и доказывал, что «в неудачах Боевой организации виновен Центральный комитет: он не дает средств и достаточно людей для надлежащего развития боевой деятельности, он равнодушно относится к вопросу о терроре и не только не питает внутреннего доверия к руководителям Боевой организации, но в лице двух своих членов, тт. Чернова и Слетова, явно дискредитирует Боевую организацию, отзываясь о ней легко и неуважительно. При таких условиях, — говорил он, — Боевая организация не может продолжать работать». Савинков, при поддержке Азефа, требовал, чтобы Центральный комитет изменил свое отношение, высказал им полное доверие и в качестве санкции предал суду тт. Чернова

и Слетова*. В противном случае Савинков и Азеф откладывались вести боевое дело.

Обвинения эти поразили своей неожиданностью и необоснованностью. Они не только не отвечали истинным настроениям и всего Центрального комитета в целом, и специально названных его членов в частности, — утверждения, в основе их лежавшие, в ряде случаев просто не соответствовали действительности. Было непонятно, как могли возникнуть подобные ложтолкования, подобные искажения фактов. Прения носили острый характер. Савинков держал себя прямо вызывающе, особенно в отношении Слетова, с которым у него были старые личные счеты: зимою 1903—04 гг., в дни первого побега Савинкова из Петербурга с порученной ему работы над подготовкой покушения против Плеве, Слетов встретил Савинкова в Киеве, растерянного, почти испуганного, и составил очень невыгодное о нем мнение, которое и высказал тогда же вслух, доказывая, что набранная Азефом молодежь непригодна для боевого дела и только компрометирует Боевую организацию. Этот отзыв дошел до Савинкова — эту заботу взял на себя Азеф — и теперь Савинков вымещал свои старые обиды.

Заседание тянулось целую ночь до утра, порою превращаясь в настоящее судилище: по требованию Савинкова была устроена даже очная ставка между Черновым и агентом Боевой организации Э. М. Лапиной («тов. Бэла»), в разговоре с которой Чернов якобы допустил оскорбительные для боевиков замечания. Лишь с большим трудом удалось несколько сгладить конфликт. О неудачах Боевой организации, о необходимости изменить методы ее работы на заседании почти совершенно не говорили: в результате маневра Савинкова центр тяжести вопроса был совершенно перемещен. Конечно, руководителям Боевой организации было вотировано полное доверие, и, кроме того, в состав Центрального комитета был введен Савинков: чтобы ее представительство было более полным и чтобы Центральный комитет не забывал о нуждах террора.

* Так излагает речь Савинкова «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа» (с. 51), опираясь на показания опрошенных ею участников указанного собрания. В своих воспоминаниях Савинков скрадывает эти подробности своего тогдашнего выступления.

Это столкновение дало Азефу лишнее подтверждение прочности его положения в Боевой организации и в Центральном комитете и он приступил к проведению последней части намеченного плана похода против Боевой организации. Именно после этого собрания он начал с особенным старанием обрабатывать наиболее влиятельных членов Центрального комитета — прежде всего М. А. Натансона и В. М. Чернова — стараясь привлечь их на свою сторону. В длинных, «задушевных» беседах, которые он так любил, он развивал перед ними свою точку зрения на причины «кризиса Боевой организации». От Савинкова и его выступления на последнем собрании Центрального комитета он во время этих бесед вполне определенно отмежевывался. Это выступление, говорил он, свидетельствует о настроениях, которые господствуют среди членов Боевой организации. Последние видят неудачи, которые преследуют их на каждом шагу, и нервничают, готовы винить в них всех и каждого. Но по существу — дело, конечно, не в поведении Центрального комитета, не в тех или иных неловких фразах отдельных его членов. Савинков своим выступлением только напрасно обострил вопрос и увел обсуждение от действительного существа дела — от выяснения действительных причин неудач Боевой организации. Эти причины лежат в совершенно иной плоскости. Надо иметь смелость взглянуть в глаза правде и признать, что все старые методы работы Боевой организации устарели: полиция знает их, как свои пять пальцев, и умеет предупреждать покушения. И что самое главное, на пути этих старых методов ничего нового выдумать вообще невозможно. Нужно искать новые пути. Таковые может дать использование для нужд террора новейших завоеваний техники. Особенные надежды в тот момент Азеф возлагал на подкопы: здесь, по его мнению, перед террором открывались большие возможности. Но для этого необходима большая подготовительная работа. И он предлагал «сделать соответствующие выводы»: распустить Боевую организацию и приостановить центральный террор. Конечно, эта приостановка должна носить временный характер. Партия использует ее для подготовки новых, более жестоких ударов: Азеф с Савинковым на время уедут за границу, займутся там изучением современной техники подрывной работы и через несколько месяцев представят центру доклад о том,

что партия может сделать в области центрального террора.

Азеф прилагал все усилия к тому, чтобы быть по возможности более убедительным, и был крайне удивлен, когда выяснилось, что на его доводы не поддаются даже те члены Центрального комитета, которые до сих пор проявляли больше всего склонности идти за ним в вопросах боевой работы. Приостановка террора — даже временная — едва ли не всем членам Центрального комитета казалась вещью совершенно недопустимой, особенно в тот момент. Многие готовы были согласиться, что старые методы Боевой организации устарели; что нужен целый ряд организационных перемен. Но о приостановке террора никто не хотел и слышать.

Более успешной была пропаганда Азефа в рядах Боевой организации. Савинков пытался было сопротивляться, выдвигая различные планы. Азеф позволял ему эту игру: все попытки Савинкова, конечно, разбивались о комбинированные действия Азефа и Герасимова, и Савинков с каждым разом все больше и больше убеждался, что его надежды тщетны, что скептицизм Азефа правилен. Подступиться к Столыпину, казалось, действительно не было никакой возможности. По приглашению царя после покушения, совершенного «максималистами», Столыпин переехал в Зимний дворец и жил там, почти никуда не выезжая, если не считать нерегулярных поездок к царю в Петергоф. Но и эти поездки были обставлены такими мерами предосторожности, которые делали его недосыгаемым для боевиков: он ездил водою, на казенном паровом катере, который подавали в нужные дни прямо к Зимнему дворцу, на Лебяжью Канавку, так что Столыпину нужно было только перейти узенький тротуар, чтобы очутиться на воде. Савинков проектировал забросать этот катер бомбами в тот момент, когда он будет проходить под одним из мостов через Неву, но выяснилось, что мосты в эти моменты тщательно охраняются, катер мчится под ними полной скоростью, а потому не было никаких шансов на то, что второпях брошенные бомбы, если их вообще удастся бросить, попадут в цель. Тогда Савинков выдвинул план открытого нападения группы боевиков на Столыпина в тот момент, когда тот переходит через тротуар к катеру. Но и этот план отпал: охрана министра в этом пункте была многочисленна, боевики прорваться смогли

бы только после настоящего сражения, а Столыпин при первом же выстреле, несомненно, имел полную возможность скрыться назад, в подъезд неприступного Зимнего дворца.

Так один за другим рушились все выдвигаемые Савинковым проекты, а сам Савинков окончательно перешел на сторону Азефа. В октябре должно было состояться собрание Центрального комитета; вслед за тем открывалась вторая сессия Совета партии. Азеф и Савинков решили выступить на них с заявлением о своей совместной отставке. Азеф был уверен в успехе и ручался Герасимову, что на Совете будет принято решение о приостановке центрального террора.

Немедленно же все члены Боевой организации, находившиеся на работе в Петербурге, были сняты со своих постов и вызваны в Финляндию. Здесь, в штаб-квартире Боевой организации, которая помещалась в «Отеле туристов» на Иматре, состоялось совещание всех членов Боевой организации. Присутствовало человек около 20. Азеф почти со всеми вел предварительные разговоры и лично ознакомил с мотивами принятого решения. На общем совещании те же мотивы изложил Савинков. Формально он и Азеф предоставляли на усмотрение Организации решить вопрос, присоединится ли она к ним или будет продолжать вести работу самостоятельно и после их ухода. Но фактически всем своим авторитетом они давили на Организацию в направлении присоединения ее к их решению об общей отставке. Их выступления произвели большое впечатление. Те, у кого были сомнения в правильности предлагаемого решения, колебались выступать против тех, в ком они уже давно привыкли видеть общепризнанных вождей Организации. Большинство согласилось с их доводами, и одна из участниц совещания, Вал. Попова, сочла своим долгом публично засвидетельствовать свое глубокое уважение к руководителям Организации, которые «так глубоко взглянули на положение дела и так безоговорочно приняли на себя ответственность за последние неудачи». Формально решения это совещание, по-видимому, никакого не приняло, но общий итог его был таков, что на последовавшем собрании Центрального комитета Азеф и Савинков свой взгляд о необходимости временной приостановки центрального террора излагали не в качестве

своего только личного взгляда, а как позицию всей Боевой организации в целом.

Это собрание Центрального комитета состоялось в том же «Отеле туристов». В нем приняли участие члены Центр. комитета Аргунов, Крафт, Натансон, Ракитников, Слетов, Чернов и, конечно, оба представителя Боевой организации — Азеф и Савинков. Последний сделал обстоятельный доклад о причинах неудач Боевой организации и заявил, что последняя в своем полном составе не видит возможности продолжать работу дальше.

Разговоры, которые Савинков и Азеф вели в течение предшествовавших недель с рядом членов Центрального комитета, во многом должны были их подготовить к такому заявлению Боевой организации, но тем не менее оно прозвучало неожиданно категорично и произвело ошеломляющее впечатление. Из членов Центрального комитета, кажется, ни один не считал возможным приостановку центрального террора в момент наивысшего расцвета террора правительственного: с их точки зрения это было и политически, и психологически недопустимо. Разгорелись страстные дебаты. Делались всевозможные попытки переубедить руководителей Боевой организации, но последние были непреклонны. Тогда Центральный комитет решил пойти на прямые переговоры с общим собранием всех боевиков: мера, которой до того момента история социалистов-революционеров не знала, так как она свидетельствовала о желании Центрального комитета поднять восстание членов Боевой организации против ее признанных руководителей—против Азефа и Савинкова. Представителями Центрального комитета для этих переговоров были выбраны Натансон, Чернов и, кажется, Слетов. Азеф и Савинков были явно возмущены этой апелляцией Центрального комитета к общему собранию боевиков, но формально протестовать против нее, конечно, не имели никакой возможности.

На собрании боевиков из делегатов говорил главным образом Чернов, подробно изложивший те мотивы, которые заставили Центральный комитет считать совершенно недопустимой приостановку центрального террора. По рассказу Чернова, он к большому своему изумлению по отдельным репликам присутствующих уже очень скоро понял, что члены Боевой организации далеко не так

единодушны в своей солидаризации с Азефом и Савинковым, как это можно было вывести из рассказов последних. Начавшиеся прения не только показали, что такой солидарности действительно нет, но и обнаружили наличие у ряда членов Боевой организации недовольства бюрократическим централизмом, введенным в Организацию Азефом и Савинковым. Первым в этом смысле высказался Влад. Вноровский — брат погибшего при покушении на Дубасова. Он считал, что причиной последних неудач Боевой организации является прежде всего полное подавление личной инициативы боевиков, введенное Азефом, и настаивал на перестройке Организации на демократических началах. С большим раздражением на Вноровского обрушился Савинков, но Вноровский нашел некоторых сторонников. Ряд других боевиков, даже не солидарных с Вноровским, согласились с тем, что политическая обстановка не позволяет партии приостановить террор. Единый фронт всех членов Боевой организации был, таким образом, неожиданно быстро разбит и для Центрального комитета стало ясно, что уход Азефа и Савинкова еще не означает ухода от работы всех боевиков.

Центральный комитет, заслушав сообщение об этом собрании боевиков и еще раз убедившись, что решение Азефа и Савинкова во всяком случае непоколебимо, постановил принять их личные отставки. Боевую организацию объявил распущенной, но из тех ее членов, которые выразили желание продолжать работу в терроре, создал особый Боевой отряд при Центральном комитете, который с точки зрения своего положения в партии пользовался значительно меньшими правами, чем старая Боевая организация.

Во главе этого отряда встал Зильберберг. Бывший студент-математик, обладавший большими математическими способностями*, он был незаурядным организатором и очень смелым террористом. Но с самого начала своей

* Арестованный в феврале 1907 г. и приговоренный к смертной казни, он последние дни перед приведением этого приговора в исполнение увлекся математической проблемой деления угла на три равных части и написал небольшой трактат на эту тему, который он послал в Академию наук. Департамент полиции не считал возможным передать рукопись по назначению, хотя ничего не относящегося к теме в ней, конечно, не было. Рукопись была конфискована и хранилась в архивах Департамента. Только после революции 1917 г. она была оттуда извлечена и опубликована.

террористической работы он подпал под исключительное влияние Савинкова и Азефа и во время всех переговоров с Центральным комитетом стоял полностью на их стороне. Он, в частности, одним из первых заявил об отказе работать под руководством Слетова. Поэтому нег никакого сомнения в том, что позднейшее изменение решения и согласие руководить Боевым отрядом им было сделано также с согласия Азефа и Савинкова. Поступая так, он сам, конечно, руководствовался соображениями о пользе боевой работы: поскольку не было полной приостановки центрального террора, необходимость которой он вслед за Азефом и Савинковым защищал; поскольку часть членов Организации борьбу все же продолжала — постольку он считал себя обязанным все свои силы и опыт отдать этой борьбе. Но мотивы Азефа, когда он давал Зильбербергу свое согласие на его работу в Отряде, были, конечно, совершенно иными, не имея возможности теперь же вернуться к боевой работе и взять обратно свой отказ (вопрос был поставлен слишком остро, чтобы существовала возможность такого отступления), Азеф заботился о том, чтобы в его отсутствие во главе действующих террористов стоял во всяком случае человек, ему полностью доверяющий, от которого он имел бы возможность постоянно узнавать все нужные детали относительно боевой работы.

В последних стадиях обсуждения вопроса Азеф личного участия принимать уже не смог: в эти дни он тяжело захворал: У него образовался опасный нарыв в горле и одно время боялись даже за его жизнь: был вызван специалист-профессор, и в течение ряда дней Азеф лежал в постели. Ближайшие его друзья по Центральному комитету, только что выступавшие против его предложений, чувствовали себя несколько неловко. Они опасались, что Азеф почувствовал в их поведении элементы личного к нему недоверия, и потому наперерыв друг перед другом оказывали ему знаки самого заботливого внимания. Несмотря на болезнь, Азеф живо интересовался всеми подробностями переговоров, равно как и всем ходом работ вскоре затем открывшейся сессии Совета партии. Приходивших к нему он расспрашивал обо всех подробностях этих заседаний, но раздражения по поводу своего поражения он скрывать не собирался. Особенно резко он его проявлял по отношению к тем боевикам, которые помогли сорвать налаженный им и Са-

винковым единый фронт Боевой организации. Очень выразительный рассказ об этих настроениях Азефа имеется в уже не раз цитированных выше воспоминаниях Вал. Поповой:

«Опасность для жизни больного скоро миновала, и я увидела «Ивана Николаевича» (Азефа), когда ему было уже лучше. На дверях его комнаты... висело объявление: «Здесь больной, просят соблюдать тишину»... В один из таких моментов зашла к «Ивану Николаевичу» и я. Он указал мне на ящик маленького столика около кровати и сказал, правда, еще хрипло и с трудом:

— Там два женских паспорта. Один вы можете взять, — выберете себе, какой более подходит.

Я взяла паспорт на имя Анны Казимировны Янкайтис. Конечно, в этот момент я и не подозревала, какую опасность для меня представляла эта «товарищеская» услуга Азефа. Затем я простилась с ним. Я чувствовала на себе его упорный, гнетущий взгляд. Было какое-то недовольство и раздражение в этом взгляде, для меня столь непривычном. Он был мне непонятен. «Что же, неужели он так раздражен на то, что мы не признали его аргументов и без него решаемся продолжать работу?» — думалось мне после этого визита».

Эту «товарищескую» услугу снабжения «хорошими и вполне надежными» паспортами Азеф оказал еще несколькими членам вновь организуемого Боевого отряда. Им она стоила, действительно, очень дорого: список всех этих паспортов им был передан Герасимову, который, в частности, вполне отчетливо помнит, что в этом списке стояло и имя автора цитированных воспоминаний.

Это была его месть непослушным, которые помешали выполнить полностью так тщательно продуманный и с таким старанием выполнявшийся план похода против Боевой организации. Формально последняя была упразднена, но только формально. Центральный террор партией приостановлен не был. Наоборот, борьба по вопросу о Боевой организации дала толчок к усиленной концентрации сил на боевом деле. В результате авторам плана большого похода против Боевой организации — Азефу, Герасимову и Столыпину — вскоре пришлось убедиться, что достигнутые ими итоги с их точки зрения были скорее отрицательными.

Террор без Азефа

Вскоре после окончания работ Совета партии слегка оправившийся от болезни Азеф уехал за границу — отдохнуть и подлечиться. «Я со времен Гершуни в терроре, — говорил он, — и имею право на отдых». Вместе с женой он устроился в Аляссио, на итальянской Ривьере. Жена окружила его заботливым вниманием. «Ведь он все время с веревкою на шее ходит», — думала и говорила она о своем муже. Со вниманием и уважением относились к нему и члены небольшой русской колонии, которая подобралась в Аляссио и состояла почти исключительно из старых революционеров, в той или иной степени осведомленных о «заслугах» Азефа перед делом революции. Азеф благодушествовал: отдыхал, гулял, набирался сил, вел «разговоры по душам» о том, как тяжела жизнь вечно травимого полицией революционера-террориста... Только изредка он вырывался из этой среды под предлогом поездок для деловых партийных свиданий. По-видимому, обычно это бывали поездки в соседнее Монте-Карло, чтобы «встряхнуться» от пресных радостей семейного уюта.

Партийной жизнью — и в особенности боевой работой — он ни на минуту не переставал интересоваться. Перед выездом за границу он виделся со всеми теми членами Боевой организации, которые собирались продолжать работу в терроре, и получил от них самую подробную информацию обо всех их планах и предположениях, знал состав участников вновь создаваемых боевых групп и т. д. Получать информацию он не переставал и в Аляссио: поскольку это позволяли требования осторожности, бывшие соратники Азефа по Боевой организации сообщали ему обо всех новостях в боевом деле. Но, конечно, сообщать они могли далеко не обо всем. Целый ряд конспиративных подробностей о технических деталях работы доверять бумаге — при всем желании получить совет «старшего товарища» — было нельзя. Поэтому о многом Азеф узнавал с большим запозданием от случайных приезжих, часто уже после того, как новые проекты получали свое осуществление на практике.

Со своей стороны Азеф занялся выполнением обещания, данного Центральному комитету, и изучал вопрос о том, какие из технических изобретений последних лет

можно с успехом приложить к боевому делу. Случай помог ему придать вполне конкретную форму разговорам на эту тему: ему сообщили, что один инженер, по фамилии Бухало, уже зарекомендовавший себя рядом талантливых изобретений, работает над проектом воздухоплавательного аппарата; по своим взглядам этот инженер-изобретатель принадлежит к анархистам, но наиболее важным он считает убийство царя и потому готов предоставить свое изобретение целиком в распоряжение Боевой организации, если последняя конкретно поставит вопрос о цареубийстве. Азеф обеими руками ухватился за это сообщение, специально ездил в Мюнхен, где тогда жил изобретатель, подробно обо всем с ним говорил, проверял его чертежи и вычисления и затем авторитетным тоном инженера-специалиста дал свое заключение: Бухало теоретически правильно решил проблему постройки воздухоплавательного аппарата; теперь все дело только за деньгами, которые дали бы ему возможность построить мастерскую и приобрести нужные материалы; если партия даст нужные средства, то аппарат будет сравнительно скоро готов, и тогда цареубийство будет легко осуществимо.

Эти заявления производили впечатление. Многим они казались вполне правдоподобными: не следует забывать, что то было зимой 1906—1907 гг., т. е. в период первых быстрых успехов летательных аппаратов тяжелее воздуха, когда возможность изобретения какого-то нового аппарата, который одним ударом решил бы проблему воздухоплавания, казалась более чем реальной. Этим объясняется та сравнительная легкость, с которой Азефу удалось провести свой план. Необходимые средства — около 20 тыс. рублей — были найдены, и под контролем Азефа инженер-изобретатель приступил к своим работам.

Этот образ жизни и характер осведомленности Азефа определяли содержание и тон его писем к своему полицейскому начальству. Основную информацию о террористических планах и группах он дал Герасимову еще на последнем свидании, перед отъездом за границу. Теперь он сообщал только отдельные дополнительные детали и указания. Подробно писал он обо всем, что относилось к изобретению Бухало, изображая все это предприятие как средство для опустошения партийной кассы*. Изредка

* Опыты инженера Бухало не дали положительных результа-

передавал известия, приходившие из партийных центров, но эти известия почти всегда запаздывали и практического интереса для полицейского розыска не представляли. Общий же тон всех писем Азефа был благодушно-успокаивающий.

«Не тревожьтесь — ничего серьезного не случится!» — этой нотой, по рассказам Герасимова, начиналось и заканчивалось едва ли не каждое письмо Азефа.

Совет «не тревожиться» был неплох, но следовать ему для Герасимова становилось все труднее и труднее: положение, которое начинало складываться в террористических организациях, отнюдь не предрасполагало к спокойствию.

Пока существовала Боевая организация, имевшая от партии, так сказать, монопольное право на ведение центрального террора, вся боевая работа в Петербурге была централизована и целиком находилась под контролем Азефа. Ни один шаг в этой области не мог быть сделан без его ведома и согласия. Теперь же, после ухода Азефа и роспуска Боевой организации, с монополией было покончено и террористическая работа пошла сразу по нескольким руслам. Правда, чтобы иметь право выступать под партийным флагом, каждая боевая группа должна была получить утверждение со стороны Центрального комитета, но ввиду создавшейся обстановки последний начал относительно легко давать свою санкцию отдельным инициативным группам. В результате уже вскоре после роспуска Боевой организации в Петербурге появилось целых три активно действующих боевых группы.

На первом месте среди них стоял тот Боевой отряд при Центральном комитете, который был создан из бывших членов Боевой организации после их переговоров с

тов и он куда-то исчез: об его позднейшей судьбе не имеется никаких сведений. Но из всего этого было бы совершенно неправильно делать вывод о том, что все его проекты были мыльными пузырями. Во всяком случае, несомненно, что сам Азеф к ним относился значительно более серьезно, чем он это изображал в письмах к Герасимову: при аресте Азефа летом 1915 г. берлинская полиция нашла в его бумагах все чертежи воздухоплавательного аппарата Бухало и объяснительные к ним записки последнего. Азеф, убегая из Парижа после своего разоблачения, оказывается, не забыл в числе наиболее важных бумаг взять также и эти документы, а этого он не стал бы делать, если бы считал весь проект Бухало чистым вздором.

представителями Центрального комитета и во главе которого стоял Зильберберг. Далее, другая группа членов той же старой Боевой организации создала специальную небольшую группу для подготовки покушения против петербургского градоначальника фон Лауница¹. Во главе этой группы стояла Э. М. Лапина (партийный псевдоним «тов. Бэла»).

Третья группа, в отличие от этих двух, состояла из людей, никакого отношения к старой Боевой организации не имевших. Организатором-руководителем ее был А. Д. Трауберг («Карл») ² — латыш по национальности и активный участник восстания 1905 г. в Прибалтийском крае. Он только в конце лета 1906 г. появился в Петербурге и быстро выдвинулся как исключительно талантливый организатор-террорист, умевший подбирать людей и использовать полезные сведения, получавшиеся из самых разнообразных источников. К началу ноября 1906 г. ему удалось создать небольшой самостоятельный боевой отряд и он предложил последний в распоряжение Центрального комитета.

Утверждение этого отряда в Центральном комитете прошло не без борьбы. Савинков, который вообще весьма больно воспринял свое и Азефа поражение по вопросу о приостановке центрального террора, повел теперь ожесточенную кампанию против отряда «Карла». Он еще мирился с тем, что некоторые из старых членов Боевой организации будут вести самостоятельную боевую работу: в прошлом они уже работали под его и Азефа руководством, а потому, с точки зрения Савинкова, принадлежали к числу избранных, имеющих право быть допущенными к центральному террору. Но «Карл» и весь его отряд состоял из новичков, не получивших признания со стороны старой Боевой организации. По всему своему складу все они были совершенно чужды настроений «революционных кавалергардов», которые воспитали Азеф и Савинков, и во всем, даже в мелочах, вели себя совершенно по-иному, чем старая «аристократия террора». К тому же методы боевой работы, которые вводил отряд «Карла», были в корне отличны от тех, которые Азеф и Савинков только что объявили единственно целесообразными и допустимыми. Поэтому утверждение группы «Карла» казалось Савинкову настоящим святотатством, и он не только решительно протестовал против подобных предложений, но и требовал от Центрального комитета

прямого запрещения всей этой группе заниматься террористической работой. Он доказывал, что «Карл» «компрометирует террор» и только «легкомысленно подводит людей под виселицу».

Успеха эта кампания Савинкова не имела. Без Азефа он большим влиянием в Центральном комитете не пользовался. Его считали импрессионистом и плохим знатком людей. Отзывы же о «Карле» тех представителей Центрального комитета, которые с ним лично познакомились — особенно А. А. Аргунова и В. М. Чернова — были самые благоприятные, почти восторженные. Поэтому Центральный комитет утвердил группу «Карла» в качестве самостоятельной боевой группы под названием «Летучий боевой отряд Северной области». Но это не заставило Савинкова смириться и свою борьбу против «Карла» он продолжал до того момента, когда события сделали продолжение ее невозможным.

Нет никакого сомнения в том, что в этой борьбе против «Карла» Савинкова поддерживал и подстрекал Азеф, находившийся в этот момент за границей, но состоявший с Савинковым в постоянной переписке: у него были свои особые мотивы для серьезного недовольства появлением группы «Карла». Эта группа была единственной из всех трех действовавших боевых групп, о составе и планах которой Азеф не имел никаких сведений, так как в сношения с Центральным комитетом она вступила уже после отъезда Азефа. Все, что Азеф знал о ней в этот период, это только псевдоним ее организатора-руководителя. Только этот псевдоним он и мог сообщить Герасимову из своего приюта в Аляссио, подчеркивая серьезную роль, которую этот «Карл» начинает играть, и рекомендуя приложить все усилия к тому, чтобы установить его личность и проникнуть в его планы.

Оставшись без Азефа, Герасимов вначале свою борьбу против боевых отрядов собирался вести по той же самой системе, которая с таким успехом им только что была применена в тесном союзе с Азефом. Арестов до поры до времени он производить не хотел, а пытался на основании полученных от Азефа указаний держать эти отряды под своим «контролем». Но на этом пути его преследовали неудачи. По случайным причинам те члены отрядов, которые получили паспорта от Азефа, должны были в срочном порядке их переменить, и это им удалось

сделать так быстро и ловко, что они при этом ускользнули из-под полицейского наблюдения. А эти лица были основной зацепкой, которую Герасимов имел для наблюдения за отрядами Зильберберга и Лапиной. Далее, методы работы всех боевых отрядов, в том числе и обоих последних, были резко отличны от тех, которые Герасимов изучил по работе с Азефом: ни извозчиков, ни уличных торговцев теперь не существовало, и с каким старанием филеры Охранного отделения ни прощупывали людей этих категорий, никаких нитей они найти не могли. Все три боевых отряда теперь перешли почти исключительно на работу теми методами, которые Азеф и Савинков решительно отвергали, на работу, в основе которой лежало использование различного рода полезных сведений, которые поступали в партийные организации. Все это делало отряды более подвижными, более «летучими» и потому труднее уязвимыми для наружного полицейского наблюдения. Ловить их можно было только через внутреннюю агентуру, а последняя без Азефа была далеко недостаточна: она еще могла доставлять Герасимову информацию о том, что происходило в Центральном комитете, хотя и далеко не столь точную и полную, как информация в этой области Азефа, но она была совершенно бессильна проникать во внутренние секреты центральных боевых групп. Поэтому в лучшем случае она осведомляла Герасимова про разговоры, которые идут в Центральном комитете или в кругах, близких к нему, о том, что тот или иной отряд готовит выступление против такого-то лица, но она никогда не давала и не могла давать ни технических подробностей плана проектируемого выступления, ни тем более конкретных указаний, которые помогли бы установить полицейское наблюдение за участниками соответствующего боевого отряда.

В результате уже очень скоро после отъезда Азефа за границу Охранное отделение очутилось почти в полных потемках относительно планов и состава боевых отрядов. Последствия не замедлили сказаться: начиная с декабря 1906 г. боевым группам удалось совершить целый ряд по большей части удачных выступлений. 15-го декабря было совершено покушение на адм. Дубасова (второе), 3-го января был убит петербургский градоначальник фон Лауниц, 8-го января был убит главный военный прокурор ген. Павлов³, 30-го января был убит Гудима — начальник временной тюрьмы в Петербурге,

отличившийся своей жестокостью в обращении с политическими заключенными.

Из всех этих выступлений только убийство Лауница было проведено отрядом Зильберберга; остальные три были организованы группой «Карла». Принять какие бы то ни было меры Охранное отделение во всех этих случаях было бессильно. В самом лучшем случае оно бывало осведомлено в том, что в течение ближайших дней должно быть произведено покушение на того-то или того-то представителя власти, но как и каким путем, для него было полной загадкой, и парализовать деятельность террористов оно не имело никакой возможности.

В этом отношении особенно характерна история убийства Лауница. Организовано это выступление было совсем экспромтом и по плану должно было носить характер двойного удара: через сочувствующих, имена которых до сих пор неизвестны, было получено сообщение, что через несколько дней состоится торжественное открытие Института экспериментальной медицины, построенного на средства принца Ольденбургского, и что на торжестве предположено присутствие Столыпина; сочувствующие информаторы брались достать приглашительные билеты, которые позволили бы террористам проникнуть на торжество. Руководитель Боевого отряда при Центральном комитете, Зильберберг, с радостью ухватился за этот план. Необходимое разрешение на выступление Центральным комитетом было дано; входные билеты были получены всего за два дня до назначенного торжества. Исполнителями приговора должны были выступить Сулятицкий — тот самый вольноопределяющийся, который вывел Савинкова из тюрьмы, и бывший студент Кудрявцев. Первый должен был стрелять в Столыпина, второй — в фон Лауница: этот последний перед своим назначением в Петербург был губернатором в Тамбове и в декабре 1905 г. отличился беспощадной жестокостью при усмирении крестьянских волнений. Он целыми деревнями порол непокорных крестьян. Кудрявцев тогда работал в Тамбове в качестве деревенского агитатора и еще тогда принял решение отомстить Лауницу. Переодевшись священником, он пытался проникнуть на прием к последнему, но не был допущен. После этого он пошел в центральную Боевую организацию, но все время мечтал о том, чтобы ему выпало на долю

убить жестокого усмирителя тамбовских крестьян. Теперь его мечта осуществлялась.

Герасимов о подготовляемом покушении узнал накануне назначенного дня: его агент прибежал к нему на внеочередное свидание и сообщил только что полученное им известие о том, что Центральный комитет выразил согласие на покушение против Столыпина и Лауница и что эти покушения должны состояться в течение ближайших дней. Никаких подробностей агент не знал и узнать не обещался, так как все предприятие держалось в величайшем секрете.

Герасимов, по его рассказам, прежде всего помчался к Столыпину, подробно сообщил все, что сам знал, и просил в течение ближайших дней, пока не выяснится обстановка, вообще никуда не выходить из Зимнего дворца, где он тогда жил. Жена Столыпина поддержала эти просьбы, и Столыпин согласился отменить все вообще свои выезды, которые были намечены на ближайшие дни, в том числе и поездку на торжество открытия Института экспериментальной медицины. Это спасло его жизнь. Что касается Лауница, то тот отказался последовать аналогичному совету Герасимова. По рассказу последнего, у них с Лауницей в этот период уже шли острые трения, причиной которых было покровительство, оказываемое Лауницей «Союзу русского народа»⁴, который в это время уже начинал вести борьбу против Столыпина. Герасимов, зимой 1905—06 гг. принимавший активное участие в создании этого Союза, к этому времени уже «разочаровался» в нем и стоял целиком на стороне Столыпина. Лауниц поэтому смотрел на него как на врага и не только отказался отменить свои выезды в течение ближайших дней, но и заявил, что он вообще в охране от Герасимова не нуждается. «Меня защитят русские люди», — заявил он, имея в виду «Союз русского народа», почетным членом которого он состоял.

В результате на назначенное торжественное открытие института явились, с одной стороны, Сулятицкий и Кудрявцев, облаченные в специально для этой цели сшитые изящные смокинги, и фон Лауниц — с другой. Отстояли торжественное молебствие, и все приглашенные отправились в парадные залы, где был сервирован завтрак. К этому времени стало ясно, что Столыпин на торжество не прибудет, и Сулятицкий, согласно уговору, ушел: Кудрявцев же, подпустив к себе на повороте лестницы

Лауница, убил его тремя выстрелами из браунинга, а затем, не желая сдаваться живым, покончил и с собою. Его личность долго не была установлена, и полиция, вложив его голову в банку со спиртом, выставила ее в публичном месте для опознания...

После убийства Лауница Столыпин предложил Герасимову принять экстренные меры для ликвидации боевых отрядов. Система выживания и парализации деятельности последних терпела полное фиаско: вместо «холостого хода» — машина террора, без Азефа последняя начинала наносить весьма и весьма чувствительные удары.

От Азефа полиции был известен адрес финляндской базы Боевого отряда Зильберберга: роль такой базы играл тот самый «Отель туристов» на Иматре, в котором происходили собрания членов Центрального комитета и заседания Совета партии. Именно этот отряд организовал убийство Лауница, именно он осмелился так близко подойти к самому Столыпину, что только случай спас последнего от той же участи, которая постигла Лауница. А так как до него до одного теперь полиция только и могла добраться, то именно он должен был быть разгромлен в первую очередь.

Первым делом Герасимова было отправить целую экспедицию на разведки в этот «Отель туристов».

Обитатели его жили обособленной, замкнутой жизнью. Весь отель был предоставлен в их распоряжение: владелица принадлежала к числу сочувствующих; сочувствующими же считались все служащие-финляндцы. Посторонних в отель не пускали: он стоял на отлете, несколько в стороне от обычных дорог; если какой-либо путник и заглядывал, то всегда находил ответ: все комнаты заняты. Обычно это действовало, но один раз заведующий отелем отступился от своего правила. Это было поздним вечером, в конце января. В двери отеля постучались два путника. По костюмам было видно, что это спортсмены-лыжники, студент-жених и курсистка-невеста: они бродили в лесу, потеряли дорогу, устали, промерзли и просили разрешения переночевать. Погода была не из веселых: пуржило и казалось, что вот-вот разгуляется вьюга. Одна из тех ночей, когда добрый хозяин даже собаку не выгонит: выбор времени был сделан с хорошим расчетом. Путников впустили — отказать в приюте было невозможно. А наутро обнаружилось, что

нежданные гости обладают самыми разнообразными талантами: хорошо поют, танцуют, остроумные собеседники, умеющие вызывать улыбку на самых угрюмых лицах, и полны неиссякаемой жизнерадостности. Они быстро завязали знакомство со всеми обитателями отеля и скоро стали душой всей собравшейся в нем маленькой компании. Об отъезде им никто не напоминал, и они прожили несколько дней, деля время между прогулками по окрестностям и беседами в столовой, вокруг самовара. Когда же, наконец, они собрались уезжать, постоянные обитатели отеля провожали их самыми теплыми пожеланиями: в их однообразную отшельническую жизнь молодая парочка вошла как напоминание об их собственной беззаботной юности, от радостей которой они так рано отреклись. Конечно, никто из них при этом и не догадывался, что «студент» и «курсистка» были всего только агентами Герасимова, удачно выполнившими намеченный план и теперь увозившими с собой не только фотографические карточки всех обитателей отеля, но и согласие двух служащих последнего — швейцара и горничной — перейти на постоянную службу в полицию.

Результаты этого визита оказались очень скоро: «студент» и «курсистка», а позднее и швейцар из отеля начали нести регулярные дежурства на железнодорожном вокзале в Петербурге, просматривая толпы приезжающих с финляндскими поездами. По их указаниям были взяты под наблюдение, а затем и арестованы двое из обитателей отеля — сначала Сулятицкий, а затем и сам Зильберберг. Перешедшие на службу в полицию швейцар и горничная «Отеля туристов» официально опознали в них людей, которые постоянно встречались в отеле с убийцей Лауница, на основании одних этих данных оба они были осуждены военным судом на смертную казнь, которая и была приведена в исполнение 29-го июля 1907 г. Казнены они были как «неизвестные, именующие себя» Гронским (Сулятицкий) и Штифтарем (Зильберберг): Охранному отделению от Азефа были хорошо известны биографические о них данные, все подробности об их роли в Боевой организации; но представлять эти данные суду было сочтено неудобным, чтобы не наводить на мысль о существовании провокации.

Эти аресты были тяжелым ударом для Боевого отряда Зильберберга, но они не внесли сколько-нибудь серьезного изменения в общее положение дел с террором.

Даже сам этот отряд отнюдь не был разбит: на места арестованных нашлось больше, чем достаточно, новых кандидатов, готовых отдать свои жизни за то же самое дело. Для Герасимова же стало окончательно ясным, что без Азефа с террором ему не справиться и что, следовательно, необходимо во что бы то ни стало вернуть Азефа на его прежнее место. Азеф не заставил себя долго упрашивать. Герасимов вспоминает: у него и тогда было ощущение, что Азеф уже устал от своего «отдыха», от мирной семейной жизни и сам стремился в Петербург, с его большими доходами и бурными кутежами.

Глава XV

Дело о «заговоре против царя»

Перед партийными кругами для своего возвращения к активной работе Азеф нашел, конечно, совсем иное объяснение: в этом ему помог случай, которыми он умел хорошо пользоваться.

Незадолго перед тем из Сибири бежал Г. А. Гершуни. В бочонке с квашеной капустой его вывезли со двора далекой Акатуйской каторги и со всеми предосторожностями через Владивосток и Японию переправили в Америку. Его путешествие по Америке было настоящим триумфальным шествием: на многотысячных митингах и на торжественных банкетах в его лице чествовали русскую революцию и ее борцов за их подвиги и страдания. В Европу Гершуни прибыл в самом начале 1907 г. в приподнятом, радужном настроении и с большими суммами денег, собранных в Америке для нужд русской революции, для помощи политическим ссыльным и заключенным.

Конечно, уже очень скоро после приезда он свиделся с Азефом. В последнем он видел своего ученика в деле террора, ученика, который во много превзошел учителя. В тюрьму до него доходили вести о делах Плеве, вел. кн. Сергея и др. и о роли в них Азефа. И теперь он менее всего был склонен мириться с уходом Азефа от боевой работы. Мотивы, которые приводил Азеф, ему казались мелкими, препятствия — легко устранимыми, и он со свойственной ему сосредоточенной страстностью звал Азефа назад, в Боевую организацию, рисуя ему заманчивые картины совместной работы в терроре.

Азеф сделал вид, что позволяет себя убеждать, и согласился вернуться, если не прямо в Боевую организацию — после заявлений, которые он только что делал, это было психологически невозможно, — то к активной партийной работе вообще.

Вместе с Гершуни приехал он в Финляндию, которая тогда была ближайшей резервной базой для всех русских революционных партий, и попал прямо на второй съезд партии социалистов-революционеров, который в конце февраля 1907 г. собрался в Таммерфорсе. Гершуни выступал на этом съезде под псевдонимом «Капустина» — в честь той квашеной капусты, которая так удачно помогла его счастливому побегу. Но все присутствовавшие знали, кто скрывается под этим скромным псевдонимом, и то заседание съезда, на котором Гершуни впервые показался, превратилось в непрерывную восторженную овацию по его адресу.

Азеф все время держался рядом с Гершуни — как человек, который вместе с ним закладывал первые камни ныне столь могучей партии, — и на него падали отраженные лучи тех симпатий, которыми весь съезд окружил Гершуни. Возвращение Азефа к активной работе в этих условиях казалось залогом того сплочения и укрепления партийных рядов, которые несет приезд Гершуни. С тем большей радостью все приветствовали Азефа. Он был вновь избран в Центральный комитет.

Но настоящее право приветствовать появление Азефа в тот момент имел только Герасимов: с приездом Азефа не только возобновилось регулярное поступление той подробной информации о деятельности центральных учреждений партии, которой так интересовался Столыпин. В самые первые дни после своего приезда Азеф дал Герасимову и то, чего не могли дать все другие источники полицейской информации, вместе взятые, а именно сведения о составе и планах центральных боевых групп: это были те сведения об уцелевшей части Боевого отряда Зильберберга, которые позволили Герасимову и Столыпину создать знаменитый в свое время процесс о «заговоре против царя».

Аресты Зильберберга и Сулятицкого были тяжелым ударом для этого отряда, но они отнюдь не разбили его, они даже ни на минуту не ослабили его деятельности. Этот отряд еще до ареста названных лиц вобрал в свой состав целый ряд новых добровольцев и завязал обшир-

ные связи с людьми, которые доставляли сведения, могущие быть полезными для боевой деятельности отряда. Это дало возможность еще при Зильберберге построить планы нескольких грандиозных предприятий: открытого вооруженного нападения на Зимний дворец с целью убийства Столыпина во время прогулок последнего в дворцовом садике; взрыва поезда вел. кн. Николая Николаевича, тогда командующего войсками Петербургского военного округа, а позднее, в 1914—15 гг., главнокомандующего русскими армиями, и ряда других. Связи, которые завязал отряд, были настолько значительны, что появились основания рассчитывать на возможность в случае нужды добраться и до самого царя.

Из новых членов, вошедших в эти месяцы в состав Боевого отряда, наиболее яркою фигурой был Бор. Ник. Никитенко. Лейтенант Черноморского флота, до 1905 г. он стоял в стороне от революционного движения, хотя и был близок к революционерам по своим настроениям. Поворотным пунктом в его жизни было сева­стопольское восстание в ноябре 1905 г. Непосредственного участия в нем Никитенко не принимал. Минный транспорт «Дунай», на котором он тогда служил, к восстанию не примкнул, и Никитенко пришлось даже, правда пассивно, выступить на стороне защитников власти: он был назначен начальником того отряда, которому было поручено занять один из восставших кораблей — крейсер «Очаков», после того, как последний, разгромленный огнем береговых батарей, сдался на волю победителя. Никитенко первым взшел на палубу мятежного корабля, и картина, которую он увидел, никогда не была им забыта: вся палуба была залита кровью и «покрыта ранеными и убитыми, с вывороченными внутренностями, с оторванными руками и ногами». Человеческие нервы в те годы острее реагировали на подобные впечатления, чем теперь, после кровавых кошмаров лет мировой и гражданской войны. У Никитенко дело доходило даже до галлюцинаций, и именно эти впечатления заставили его бросить военную службу и принять решение о присоединении к активно действующим революционерам.

Вскоре случай свел Никитенко с членами Боевой организации: устроители побега Савинкова из сева­стопольской тюрьмы отправляли последнего за границу на парусном боте. Это был единственный сравнительно безопасный способ вывезти его из оцепленного войсками

города, властям которого из столицы было предписано во что бы то ни стало поймать беглеца и его пособников. Для руководства этой экспедицией был нужен опытный моряк, так как предстоял большой переход открытым морем. Никитенко с готовностью взялся за это предприятие и блестяще довел его до успешного конца: несмотря на бурю, которая их захватила в открытом море, он довел небольшой парусный бот до одного из румынских портов и даже сумел благополучно вернуться назад, так что вся эта его поездка осталась совершенно неизвестной для властей. Во время этих скитаний Савинков и Зильберберг имели возможность близко узнать и правильно оценить Никитенко, а потому естественно, что, когда в конце 1906 г. Никитенко предложил себя в распоряжение Боевого отряда для работы в терроре, Зильберберг принял его с распростертыми объятиями.

Проживавший в Петербурге вполне легально в качестве лейтенанта флота в отставке, совершенно не скомпрометированный в глазах полиции, Никитенко был настоящей находкой для террористической организации. Его положение позволяло ему проникать в такие круги, о доступе в которые обычные члены террористических групп не могли и мечтать. Достаточно сказать, что он имел возможность бывать в Английском клубе, членом которого состоял и в котором запросто бывал вел. кн. Николай Николаевич, тот самый, имя которого стояло на одном из первых мест в списке намеченных жертв Боевого отряда. Никитенко легко мог совершить убийство этого великого князя и сделал соответствующее предложение партии. Но руководители боевой работы наложили свое вето на это предприятие: смелый и предприимчивый, с большой выдержкой и инициативой, Никитенко быстро выдвигался в качестве идеального кандидата на роль террориста-руководителя, и его берегли для такой именно работы.

Высокая оценка личности Никитенко как его товарищами по отряду, так и сталкивавшимися с ним представителями центральных учреждений партии была причиной того, что после ареста Зильберберга функции организатора-руководителя отряда перешли к нему, хотя он и был одним из самых молодых членов отряда как по возрасту (ему в это время было всего 22—23 года), так и по революционному стажу.

Самым трудным и сложным из всех дел, которые теперь легли на его плечи, было «дело царя».

Начато это дело было еще при Зильберберге. Среди сочувствующих партии и желавших оказывать помощь ее террористическим группам, с которыми Зильберберг завел связи, имелся некто Вл. А. Наумов — сын начальника дворцовой телеграфной конторы в Новом Петергофе. Знакомства с ним Зильберберг искал для получения сведений о времени поездок Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича к царю. Но во время разговоров выяснилось, что Наумов может сообщить целый ряд сведений и о самом царе, об его образе жизни и привычках, о внутренних распорядках во дворцах, о времени царских прогулок. Он рассказал, что знает одного казака из царского конвоя, который сочувствует деятельности революционеров. Из этих рассказов как будто бы следовало, что есть возможность организовать покушение против царя. Наумов намечал даже несколько пробных планов, которые, по его мнению, обещали успех. Конечно, все это были только отрывочные мысли, которые должны были подвергнуться проверке и разработке. Но они, казалось, давали ряд зацепок для поисков в соответствующих направлениях.

Вопрос, перед которым эти сообщения поставили Зильберберга, был весьма сложен. Разговоры об устранении царя среди деятелей боевых групп велись уже давно, но никаких конкретных шагов в этом направлении партия не предпринимала. Старое решение, принятое руководящими учреждениями партии еще в 1902 г., при создании Боевой организации, формально оставалось в силе: партия считала такое покушение несвоевременным и запрещала Боевой организации поднимать руку на царя. Но за те пять лет, которые прошли после принятия этого решения, общая обстановка радикально изменилась. В 1902 г. царь почти не был вовлечен в политическую борьбу. Только немногие были осведомлены о том, что такое он представляет из себя в действительности. В широких слоях крестьянства еще твердо жила вера в «царя-батюшку», который желает добра своему народу, и начинавшее пробуждаться недовольство было направлено исключительно против представителей власти во главе с министрами, которые не позволяют до сведения царя действительную правду о страданиях народных. В своей агитации революционерам

приходилось считаться с подобными настроениями и избегать резких нападков непосредственно на царя. Даже в 1905 г. нередко бывали случаи, когда собрание, сочувственно слушавшее революционные речи об общих порядках в стране, прерывало оратора криками, когда он переходил к роли самого царя: «Ты царя не замай!» Тем более была реальной опасностью, что нападение террористов на царя будет непонято народом и может оттолкнуть от революции колеблющиеся элементы. Но после 1902 г. много воды утекло. События 1905—06 гг. перед лицом всего народа втянули царя в непосредственную борьбу и сделали его в глазах масс лично ответственным за все то, что творили его именем министры. Сделала огромные успехи и антимонархическая агитация, и специальная агитация, направленная лично против Николая II. В частности, партия социалистов-революционеров еще осенью 1904 г., вскоре после убийства Плеве, приняла решение так строить свою агитацию, чтобы политически подготавливать возможность террористического удара и против царя лично. На рубеже 1906—07 гг. в партии многие считали, что почва для такого удара уже подготовлена, что вопрос о цареубийстве уже не вопрос политический, а только чисто технический и что если возможность для деятельности в этом направлении открывается, партия ни в коем случае не должна упускать представляющегося ей случая.

Во всяком случае решить этот вопрос своею властью Зильберберг, конечно, не мог и обратился за руководящими указаниями к тому члену Центрального комитета, который был официальным представителем последнего по сношениям с отрядом, — к П. П. Крафту. Последний совещался с некоторыми из членов Центрального комитета — с В. М. Черновым и, по-видимому, Натансоном. Все они сошлись на том, что вопрос о царе действительно назрел, но немедленное выступление против него все они признали по тактическим соображениям невозможным: в это время шли выборы во вторую Госуддуму, дававшие победу левым партиям. Партия социалистов-революционеров на этот раз официально принимала участие в выборах, и уже было ясно, что в будущей Думе она будет представлена довольно значительной фракцией. Заседать в Думе и одновременно организовать убийство царя партия, конечно, не могла: это поставило бы партию в совершенно невозможное положение.

Но зато все считали, что в случае нового разгона Думы — а он казался почти неизбежным — удар против царя был бы и политически целесообразен и больше чем своевременен, а потому заранее подготовить возможность такого удара казалось весьма и весьма полезным. Ввиду всех этих соображений в Центральном комитете возбужденный Зильбербергом вопрос, насколько удастся установить, официально не был даже и поставлен, но Зильбербергу были даны указания о желательности и необходимости возможно шире развернуть работу по собиранию сведений, могущих быть полезными для организации в будущем выступления против царя. Работа эта должна была состоять только в одном собирании сведений: было совершенно определено оговорено, что никаких активных действий в этом направлении отряд предпринимать не имел права без особого и прямого о том указания со стороны Центрального комитета.

В таком положении находилось это дело, когда отряд перешел под руководство Никитенко. Сложность задач, которые стояли перед ним, по-видимому, смущала последнего: ведь кроме собирания сведений о царе он вел дела против Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича, каждое из которых, взятое в отдельности, представляло большие трудности, чем в свое время дела Плеве и вел. кн. Сергея. Поэтому понятно, что он с особенной радостью ухватился за возможность посоветоваться со «старым» и умудренным опытом вождем Боевой организации — с только что прибывшим из-за границы Азефом. Свидание их состоялось в Финляндии в самом конце февраля или даже в начале марта 1907 г. Никитенко посвятил Азефа во все подробности работы отряда, ознакомил с его силами и планами. Он хотел, чтобы Азеф вообще взял отряд под свое руководство. Последнее предложение Азеф решительно отклонил. Помимо общих соображений, по которым он вообще отказывался от участия в террористической работе, для данного случая он выдвинул и специальный довод: члены отряда, заявил он, набраны не им; некоторые из них лично ему совсем неизвестны, а при таких условиях он не может нести ответственности за то, что в состав отряда не пробрался агент-provokator. Таковую ответственность, говорил он, он может брать на себя только тогда, когда сам пропускает через свой контроль весь состав отряда. В этом была доля истины: разбираться в людях он действительно

умел неплохо. Но в данном случае за оговорку о провокации он предусмотрительно прятался потому, что уже в это время предназначал весь отряд на гибель. Отказавшись взять отряд под свое ведение, Азеф, как передают биографы Никитенко, не отказался, однако, от дачи некоторых советов начинающему работнику боевого дела, и одним из особенно подчеркнутых им советов был совет усилить разведочную работу против царя. В частности, он советовал как можно теснее связаться с тем конвойным казаком, связь с которым была установлена через В. А. Наумова.

Никитенко последовал этому совету, хотя ему, как свидетельствуют некоторые из его тогдашних сотоварищей по работе, казак не казался особенно внушающим доверие: в качестве офицера он лучше знал военную среду и, по-видимому, чувствовал кукуую-то фальшь в его поведении, о котором он знал только по рассказам.

И действительно, этот казак — его фамилия была Ратимов — сыграл роковую роль в судьбе и всего отряда в целом, и Никитенко лично: он действовал по поручению своего начальства в качестве агента-подстрекателя. Силач и красавец, большой любитель выпить, он принадлежал к тому типу разбитных гвардейских солдат, которых совсем разлагала сытая жизнь среди столичных соблазнов. Этот тип хорошо известен всем, кто вел революционную работу в войсках: представители его могли вести разговоры на любые темы, умели прикидываться понимающими и сочувствующими различным прогрессивным идеям, так как нахватались обрывков различных мыслей, но они никогда ничего не имели за душой — ни веры, ни убеждений — и готовы были продать всех и каждого, если только эта продажа обещала принести им материальные выгоды.

Именно так поступил и Ратимов. Увидев из первого же разговора с Наумовым, что он имеет дело с революционером, и зная, что начальство обещало награды за выдачу таких революционеров, Ратимов прикинулся сочувствующим и втерся в доверие к Наумову, брал от него революционные прокламации, утверждал, что передает их своим товарищам, а затем, спустя некоторое время, доложил о своем новом знакомом по начальству. Сообщение это пошло по инстанциям и добралось до начальника царской охраны, жанд. полк. Спиридовича. Последний был учеником Зубатова и большим специалистом

полицейского сыска и к тому же горел желанием выслужиться на своем новом посту, столь близком к источнику всех материальных благ — к царскому трону. По закону он должен был немедленно же арестовать Наумова и предать его суду за попытку ведения революционной пропаганды. Но в этом случае Наумов отделался бы годом-двумя крепости, и Спиридовичу это дело не принесло бы никаких выгод. Больше выгод обещал другой путь: Ратимов получил инструкции поддерживать знакомство с Наумовым, стараясь выведать подробности его планов и, конечно, обо всем сообщая Спиридовичу. Одновременно за Ратимовым было организовано наблюдение агентами дворцовой охраны.

Около полугода шло такое наблюдение, не давая никаких особенных результатов, а затем сведения от казака столкнулись с более важными сведениями от Азефа.

Почти немедленно после своего свидания с Никитенко Азеф информировал Герасимова о составе и планах отряда, сообщив при этом в общей форме, что отряд «завязал какие-то связи с царским конвоем». На это последнее обстоятельство Азеф рекомендовал обратить особое внимание, так как по его заявлению вопрос о царубийстве в Центральном комитете уже был решен в положительном смысле и отряду уже были даны инструкции немедленно же перейти к активным действиям.

Его сведения дали возможность Охранному отделению установить наблюдение за Никитенко и другими членами отряда. Довольно быстро удалось проследить их сношения друг с другом, но нить, тянувшуюся от отряда к царскому двору, поймать не удавалось. Герасимов рассказывает, что он уже предполагал ликвидировать отряд в порядке арестов и административных высылков, так как не видел возможности быстро собрать материал, достаточный для предания суду, и в то же время опасался, как бы отряд не перешел к активным действиям, удачно ускользнув от внешнего наблюдения. Но именно в этот момент дворцовая охрана посвятила Герасимова в тайну своих сношений с казаком-предателем: этот последний, наконец, добился своего и вошел в непосредственные сношения с членами отряда, которые вели с ним разговоры о том, как возможно добраться до царя. Теперь аресты, производимые на основании его рассказов, давали возможность создать процесс не только о простом распространении революционных прокламаций, а потому

Спиридович выкладывал свои карты на стол. Сличение этих карт с теми, которые имел у себя на руках Герасимов, создавало в достаточной мере цельную картину.

Герасимов непосредственно повидался с казаком-предателем. Этот последний не произвел на него впечатления надежного и добросовестного свидетеля: он явно преувеличивал, рассказывая о клятвах на Евангелии, которые с него брали революционеры, и драпируясь в тогу спасителя царя. Такое же впечатление ненадежности этот казак производил и на Спиридовича, который после первого же свидания с ним, решил, что имеет дело с «плохим солдатом, который хитрит и не говорит правды». Тем не менее при надлежащей обработке этот казак был вполне пригоден для роли свидетеля на суде.

Собранные таким образом результаты были представлены на усмотрение Столыпина: вопрос имел слишком большое политическое значение, чтобы полиция могла решать его по своему усмотрению. Столыпин быстро понял, какой благодарный для его политических планов материал давала ему судьба, и обеими руками ухватился за мысль создать громкий процесс о «заговоре против царя». Вторая Государственная дума к этому времени уже собралась. По своему составу она была даже более левой, чем разогнанная первая. Столыпин с самого начала взял курс на новый разгон и изменение основных законов. Нужно было вести соответствующую политическую подготовку, а процесс о «заговоре против царя» был как нельзя более пригоден для компрометации Думы в глазах царя и монархически настроенных слоев населения: ведь этот «заговор» был организован той самой партией социалистов-революционеров, которая имела свыше 30 своих официальных представителей в Думе.

Решение о создании процесса было принято, и Герасимову поручено было как можно скорее закончить подготовительную работу. Это не составило большого труда. Казак имел одно или два дополнительных свидания с представителями отряда и вел с ними разговоры на нужные темы, а после свиданий являлся к Герасимову с обстоятельными докладами. Агенты наружного наблюдения, предупрежденные о таковых свиданиях, дежурили в назначенных местах и регистрировали встречи казака с террористами: этим путем создавались свидетели второго разряда, которые должны были на суде подтверждать факт таковых встреч. Сознательно готовили

и «документальные» улики: террористы просили казака посылать им условные телеграммы относительно сроков приездов к царю Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича — только эти два дела и стояли перед отрядом как вполне конкретные боевые задачи. Казак все время уклонялся от выполнения этих просьб, но в последний момент, накануне намеченного дня ареста террористов, две такие телеграммы он отправил, и эти телеграммы фигурировали позднее на суде в качестве наиболее тяжелых улик. Так как сведения, в этих телеграммах сообщенные — это было установлено на том же суде, — не соответствовали действительности, то единственный смысл их посылки мог состоять и действительно состоял в том, чтобы играть роль таких улик во время подготовляемого процесса.

Когда собранный материал показался достаточным, казаку было предложено написать соответствующее официальное заявление. Герасимов проредактировал это заявление и дал ему ход. В ночь на 14 апреля были произведены аресты. Всего было захвачено 28 человек — членов Боевого отряда и лиц, с ними связанных. Только очень немногим удалось ускользнуть из расставленных сетей. Основное ядро отряда на этот раз было взято почти все в полном составе.

Предварительное следствие принесло неожиданно радостный подарок инициаторам процесса: один из арестованных — тот самый Наумов, который первым завел знакомство с казаком, — увидев, что он предан, и узнав, что ему грозит смертная казнь, упал духом и сделал «откровенные признания», оговорив остальных арестованных. Он был случайным человеком в боевой работе и психологически не был готов к тому концу, к которому должен был подготовить себя каждый, кто вставал на путь террора. А следователи, которые вели допросы, обещали ему спасение жизни в качестве награды за улики против других. Эти показания, конечно, во много раз усилили позицию обвинения.

Верный своему плану, Столыпин немедленно же использовал эти аресты для политической демонстрации. По соглашению с ним, реакционеры-депутаты Госуд. думы внесли в последнюю запрос, прося правительство сообщить им подробности относительно «заговора против царя», слухи о котором тревожат их верноподданнические чувства. Столыпин немедленно же дал ответ,

весьма демагогически используя все выгодные для него моменты. В его изложении дело состояло не только в том, что велось предварительное собрание информационного материала. Он утверждал, что Боевой отряд, по прямому поручению Центрального комитета, вполне конкретно вел подготовку покушения на царя. В исключительно тяжелое положение были поставлены социалисты-революционеры — депутаты Думы: если партия, к которой они принадлежали, действительно занималась организацией покушения на царя, то во всяком случае *политическая* ответственность за это ложилась и на них, официальных представителей партии в Думе. Сами они непосредственного отношения к Боевому отряду, конечно, не имели и в его планы посвящены не были. Запрошенный ими представитель Центрального комитета партии В. М. Чернов, который в этот момент случайно находился в помещении фракции, категорически опроверг утверждение Столыпина относительно подготовки покушения на царя. Основываясь на этом заявлении, представитель фракции социалистов-революционеров, депутат Ширский, с думской трибуны опроверг утверждения Столыпина, но его слова звучали недостаточно четко и убедительно. Столыпину удалось внести смущение в ряды умеренно-прогрессивных фракций Думы и добиться принятия монархической резолюции.

Это было несомненной победой Столыпина. Но поскольку он думал не только о резолюции Госуд. думы, а и о создании монархических настроений в стране, постольку ему пришлось пережить жестокое разочарование: попытки монархических организаций инсценировать «бурю патриотического негодования» в стране потерпели полный крах. Манифестации, организуемые ими при активной поддержке властей, носили чисто казенный характер и не находили никакого отклика в широких слоях населения. Известие о том, что на жизнь «обожяемого монарха» готовилось покушение, в лучшем для монархистов случае встречалось с пренебрежительным равнодушием. Совсем нередки были случаи, когда можно было уловить ноты прямого сожаления по поводу того, что планы террористов не получили осуществления. И именно этот итог политически был самым главным: если до монархической шумихи вокруг «заговора против царя» еще можно было опасаться, что удар против царя вызовет взрыв монархических настроений в стране, то теперь

становилось несомненным, что для подобных опасений нет оснований. В психологии масс почва для царубийства уже была подготовлена.

Из арестованных 18 человек были преданы военному суду. Дело разбиралось в конце августа. Обвинение главное внимание сосредоточивало на вопросе о царе. Ввиду позиции, занятой Центральным комитетом, положение подсудимых политически было крайне трудным: они должны были согласовать свои выступления с позицией Центрального комитета и потому не могли с нужной силой защищать свои политические позиции против нападок обвинения.

Приговор, конечно, был предрешен. Правда, на суде Наумов взял обратно значительную часть своих оговоров. Но это мало помогло другим, зато себя самого Наумов этим своим поведением погубил: оно дало предлог для неисполнения обещания сохранить ему жизнь*, и он, вместе с Никитенко и еще одним подсудимым, быв. студентом Синявским, был приговорен к смертной казни. Этот приговор был приведен в исполнение 3 сентября 1907 г. Ряд других подсудимых пошел на каторгу и в ссылку.

«Героем» во время процесса был Герасимов. Под предлогом опасности, которая якобы ему грозит со стороны революционеров, он отказался явиться на суд для дачи показаний. Тогда суд в полном составе выехал к нему, в Охранное отделение. Его приветствовали как человека, который спас жизнь царю, и через несколько дней после казни Никитенко и его товарищей царь по собственной инициативе и вне всякой служебной очереди пожаловал ему генеральские эполеты. О закулисной работе, которая подготовила процесс, царь, конечно, ничего не знал, но усердие деятелей политической полиции он всегда считал нужным поощрять: такова была старая традиция дома Романовых.

* Если раньше могли существовать сомнения относительно действительных мотивов казни Наумова, то после появления воспоминаний Спиридовича все такие сомнения должны отпасть. Из текста этих воспоминаний с несомненностью следует, что Наумова помиловали бы, если бы он согласился и на суде помогать обвинению топить остальных подсудимых (см.: General A. Spiridovitch «Les dernières années de la Cou de Tzarskoie Selo». Paris, 1928. P. 172).

Восстановление Боевой организации

Герасимов и Азеф приняли все меры для того, чтобы скрыть роль Азефа в деле ареста отряда Никитенко. После своего первого свидания с этим последним Азеф стал уклоняться от каких-либо сношений с представителями этой группы, а незадолго до намеченного Герасимовым дня ареста последний вообще уехал из Петербурга в Крым под предлогом необходимости дополнительно там подлечиться*. Во время следствия и суда не было использовано ни одного указания, полученного от Азефа: сообщения последнего не были известны даже следователям и прокуратуре. Все обвинение было построено исключительно на показаниях казака-предателя и на данных наружного наблюдения, которое якобы было начато в результате поступившего от этого казака заявления.

Благодаря этим мерам в революционных кругах никаких подозрений на Азефа в связи с делом Никитенко не пало. И тем не менее тучи над головой Азефа сгущались: угроза разоблачения подошла вплотную.

События 1905—06 гг., до самых устоев поколебавшие здание старого режима, внесли расстройство и в аппарат политической полиции. Появился ряд крыс, которые желали бежать с осужденного на гибель корабля, и все чаще и чаще начали находиться разоблачители, снимавшие покровы с разных секретов полицейского подполья. А так как об Азефе и его роли в партии социалистов-революционеров в полицейском мире разговоры шли сравнительно широко, то только естественно, что от целого ряда таких добровольцев-разоблачителей стали поступать и более или менее определенные указания относительно таинственного агента-provokatora, который пробрался в самый центр партии социалистов-революционеров.

* Эту свою поездку в Крым Азеф, впрочем, тоже использовал и для полицейских целей: во время нее он «осветил» для Герасимова боевую деятельность социалистов-революционеров в Крыму и дал материал для больших арестов там весной 1907 г. Крымские социалисты-революционеры в то время планировали покушение против вел. кн. Николая Николаевича во время предполагавшегося приезда последнего туда на весенний отдых и в этой связи поддерживали сношения с отрядом Никитенко. Этим и объяснялся специальный интерес Герасимова к Крыму.

Л. П. Меньшиков — автор того письма с разоблачением роли Азефа и Татарова, которое было получено социалистами-революционерами в сентябре 1905 г. — правда, на время прекратил свои попытки разоблачительной деятельности: он знал, как отнеслись к его указаниям относительно Азефа в партии и считал бесполезными дальнейшие предупреждения. Но не он один готов был выступать в роли разоблачителя. Добровольцы находились также и в ряде других городов, и количество сообщений о роли Азефа — более или менее точных, более или менее определенных — постепенно увеличивалось. Но подавляющее большинство из них поступало к представителям партии, которые передавали их в Центральный комитет, а все члены последнего питали к Азефу полное, ничем не поколебимое доверие: мысль о том, что организатор убийств Плеве и вел. кн. Сергея может быть полицейским агентом, казалась настолько нелепой, что на все предостережения против Азефа в Центральном комитете не обращали никакого внимания. О своем доверии к Азефу Савинков позднее говорил: «Мое доверие к нему было так велико, что я не поверил бы даже доносу, написанному его собственной рукой: я счел бы такой донос подделкой». И таково было настроение не одного только Савинкова, а всех членов Центрального комитета вообще.

Но не все добровольцы-разоблачители обращались к представителям партии. Некоторые искали иных путей. Один из них — некто М. Е. Бакай¹ — со своими рассказами адресовался в редакцию исторического журнала «Былое», который тогда выходил в Петербурге, и завязал сношения с одним из редакторов последнего, с В. Л. Бурцевым. Прошлого этого гостя было далеко не безупречным. За несколько лет перед тем он входил в состав революционной организации в Екатеринославе; будучи арестован, выдал всех, кого знал, и сделался секретным сотрудником полиции; вскоре его разоблачили, и тогда он открыто поступил на службу в политическую полицию; начальство было довольно его работой, он несколько раз получал награды и повышения и к моменту своего первого визита в редакцию «Былого» занимал место чиновника особых поручений при Охранном отделении в Варшаве. Бурцеву он с самого начала заявил, что никаких материальных выгод для себя он не ищет: он на хорошем счету у начальства и в материальном от-

ношении вполне обеспечен. Но то, что он видел за время своей полицейской службы, внушило ему такую ненависть к правительству, что теперь он стремится только к одному: иметь возможность помогать революционерам.

Бурцев не сразу поверил в искренность обращения этого Савла. Все рассказы последнего он подвергал тщательной проверке. Но во всех случаях, когда такая проверка была возможна, результаты ее были самыми благоприятными для Бакая: все сообщаемые последним факты находили полное подтверждение. Ряд его сообщений имел большое политическое значение. Он достал секретный доклад, который официально устанавливал факт организации полицией антиеврейского погрома в Седлеце. Он разоблачил историю пыток и бессудных расстрелов, которые применялись в Варшавском охранном отделении. Он сообщил обширный список полицейских агентов, которые входили в состав польских революционных организаций. Все эти сообщения были вполне точны. Все свидетельствовало, что Бакай вполне искренне рвал со своим прошлым — и дальнейшее показало, что так оно и было в действительности: по совету Бурцева, он вышел в отставку и приступил к составлению воспоминаний-разоблачений; выданный Азефом, он вскоре был арестован и выслан в Сибирь, бежал оттуда за границу, где вновь давал Бурцеву материалы для разоблачения полицейских тайн; позднее он окончил высшее учебное заведение и в настоящее время работает инженером во французском Конго.

В таких условиях с доверием приходилось отнестись и к тому, основному, что имелось в рассказах Бакая: к его сообщению о таинственном полицейском агенте, который стоит в самом центре партии социалистов-революционеров. Сам Бакай этого агента никогда не видел и настоящей фамилии его не знал (он знал только его полицейский псевдоним: «Раскин»), но ему был известен целый ряд деталей об его деятельности, и он теперь все их сообщил Бурцеву.

Бурцев был старым революционером, близко стоял к партии социалистов-революционеров и лично знал всех главных руководителей этой партии. Если сообщение Бакая было верно — а все говорило за то, что оно верно, — то агентом-provокатором должен был быть кто-нибудь из их среды. Но сколько не перебирал их всех Бурцев, он ни на ком не мог остановить свои подозрения: все

они так давно были в рядах революционеров, имели такие большие заслуги перед движением, что самая мысль о возможности заподозрить кого-либо из них казалась почти оскорбительной. В течение нескольких месяцев Бурцев бился, как в порочном кругу: с одной стороны, казалось несомненным, что среди данной небольшой группы людей предателя быть не может, а с другой, он *знал*, что такой предатель среди них все же имеется.

Как это часто бывает, подозрения Бурцева по правильному адресу направил случай: во время одной из своих прогулок по людным улицам Петербурга он увидел Азефа, который не скрываясь ехал по улице на открытом извозчике. Это было поздней осенью 1906 года. Аресты в это время шли полным ходом и всем мало-мальски крупным представителям революционных партий приходилось тщательно скрываться от полиции. И вот в это время Азеф, роль которого в Боевой организации Бурцеву была известна, считает возможным не считаться с самыми элементарными требованиями конспирации.

Это сразу же навлекло на себя подозрения Бурцева, который в это время уже искал таинственного предателя. Но вначале он не заподозрил самого Азефа: как и другие, он вначале не мог допустить мысли о том, что всей террористической работой партии руководит агент полиции, и думал, что предателем является кто-то из людей, близких Азефу, который пользуется последним, как ширмой, и для этой цели отводит от Азефа удары полиции. Под влиянием этой догадки Бурцев стал перебирать в уме все, что ему было известно об Азефе и его ближайших друзьях: кто из них может быть тем таинственным «Раскиным», про которого ему рассказывал Бакай? «И как-то неожиданно для самого себя, — рассказывает Бурцев в своих воспоминаниях, — я задал себе вопрос: да не он ли сам этот Раскин?» Мысль эта казалась чудовищной, но отделаться от нее Бурцев уже не мог: «Она, как навязчивая идея, всюду преследовала меня». Почти невольно он начал под соответствующим углом пересматривать все, что ему было известно об Азефе и о Боевой организации, — и «нередко я должен был признаться самому себе, что чем больше я отмахивался от обвинения Азефа, тем оно делалось для меня все более и более вероятным».

Так появился человек, который первым в революционном лагере поверил в предательство Азефа и начал борь-

бу в целях разоблачения последнего. Для Азефа это было началом конца.

О подозрениях Бурцева Азеф узнал довольно скоро и при помощи Герасимова старался лишить его источников информации о секретах полицейского мира. Но в то же время он использовал эти подозрения и для другой цели: можно считать бесспорным, что именно с этого времени — вскоре после провала отряда Никитенко — Азеф перестает быть полностью откровенным с Герасимовым и начинает многое скрывать от него, даже из того, что непосредственно относится к боевой деятельности партии. На вопросы Герасимова он все чаще и чаще отговаривается незнанием и решительно отказывается наводить справки, ссылаясь на то, что под влиянием кампании Бурцева многие стали относиться к нему с подозрением и его расспросы неизбежно поведут к полному провалу.

Для Герасимова этот последний довод был вполне убедителен. История с кампанией против Столыпина и дело с «заговором на царя» с такой убедительностью показали, какие особо важные услуги полицейскому розыску может приносить Азеф, что значение последнего в глазах Герасимова поднялось на огромную высоту. Задача «бережения Азефа» стала в его глазах одной из главнейших задач охранной политики, и он ни в коем случае не был склонен толкать Азефа на рискованные шаги, а скорее был даже готов давать ему советы не размениваться на мелочи и беречь себя для особо важных дел — для предупреждения террористических актов центрального значения.

Тем более, что возможность возникновения таких «особо важных дел» с каждым днем становилась все более и более вероятной.

Основное свое внимание в области партийной работы после возвращения в Россию в феврале 1907 г. Азеф сосредоточил на общеорганизационных делах: руководил издательской деятельностью, налаживал склады литературы, ставил транспорт ее в провинцию. В конце концов ни на какую другую работу он и не был способен: не литератор, не оратор, без интереса к теоретическим вопросам, он не годился и для роли организатора, имеющего дело с живыми людьми, так как за последние годы в нем развились диктаторские замашки, которые отталкивали от него всех мало-мальски самостоятельных лю-

дей и с которыми мирились, как с неизбежными недостатками, только те, кто давно и хорошо его знал и высоко ценил за прошлое. Немалую роль в выборе работы играли для Азефа и соображения совершенно иного порядка: расходы на издательскую деятельность, которую Азеф брал под свой контроль, были наиболее крупной статьей партийного бюджета после расходов на боевую деятельность, а Азеф всегда любил иметь дела с крупными суммами партийных денег.

Любовь к таким крупным суммам заставила его в этот период заинтересоваться и различными источниками пополнения партийной кассы; именно в это время им был выдвинут план печатания для этой цели фальшивых денег, план, который не получил движения не из-за отсутствия у Азефа доброй на то воли*.

Работе этого рода Азеф отдавался с большим усердием, хотя и без большой пользы для партии. Но для всех было ясно, что она — только временное для него занятие и что на очереди стоит вопрос о возвращении его к его «главной специальности» — к боевой деятельности.

Общее политическое положение с каждым днем становилось все более и более безотрадным. Реакция праздновала свою полную победу. Все надежды на то, что правительство пойдет на уступки хотя бы умеренно-либеральным слоям общества, были окончательно изжиты. Вслед за делом о «заговоре на царя» — с той же целью подготовки разгона Госуд. думы — было создано дело о «заговоре социал-демократической фракции» этой Думы, которую обвиняли в том, что она якобы подготовляла вооруженное восстание. На этот раз основание для разгона Думы было признано достаточным и 16-го июня 1907 года она была распущена. Одновременно был изменен избирательный закон — в направлении отстранения демократических слоев населения от участия в выборах членов Государственных дум. Параллельно росли репрессии.

Гершуни, который немедленно же после своего возвращения в ряды партии начал вести кампанию за необходимость основное внимание сосредоточить на террорис-

* Переговоры по этому вопросу Азеф вел с А. С. Турба (расстрелян в сентябре 1918 г. большевиками в Вологде вместе с рядом других социалистов-революционеров), который был хорошим специалистом типографского дела и в тот период руководил легальными типографиями партии.

тической борьбе, встречал все больше и больше сочувствия. Он доказывал, что пришло время для нападения на «центр всех центров», т. е. на самого царя, личная роль которого теперь уже ни для кого не представляла тайны.

Принципиальный вопрос о необходимости отмены старого решения и о признании допустимости выступления против царя в Центральном комитете партии социалистов-революционеров формально поставлен был немедленно же после разгона второй Государственной думы. Обсуждался он на собрании, которое состоялось в Финляндии, кажется, в Выборге. Это собрание не было многочисленным. Наверняка на нем присутствовали Натансон, Гершуни, Чернов, Азеф, возможно, так же и Ракитников с Авксентьевым. Заседание, как обычно тогда бывало, вел Натансон. Он тоже считал, что вопрос о цареубийстве назрел и во время предварительных разговоров на эту тему высказывался в положительном смысле — за то, что партия должна взяться за это дело. Но теперь, считая необходимой крайнюю осторожность при решении ответственного вопроса, он взял на себя функции противника цареубийства и пытался подыскивать аргументы, которые могли бы говорить против такого выступления. Заседание превратилось главным образом в диалог между ним и Гершуни. С щепетильной осторожностью Натансон перебирал все те доводы, которые заставляли партию в прошлом быть против цареубийства: вера крестьян в «царя-батюшку», настроение колеблющихся элементов, настроения в армии, опасения дать выигрышный козырь в руки реакции. Но в ответ на каждое его замечание Гершуни приводил целый ряд фактов, которые свидетельствовали, что все эти доводы, столь веские еще в недавнем прошлом, теперь потеряли всякое значение, и с запальчивой страстностью доказывал, что после опыта восстаний 1905 г. и двух Дум есть аргументы только за цареубийство, но нет ни одного *против*.

Чернов все время секундировал Гершуни, полностью поддерживая его. С ними были и все остальные участники собрания, если таковые имелись. Натансона во всяком случае никто не поддерживал.

Азеф активного участия в прениях не принимал и только изредка бросал реплики в поддержку Гершуни. Общее мнение его было известно: в это время он не скрывал своего «глубокого убеждения, что только цареубийство может изменить создавшееся политическое положение».

ние, неудержимо развивавшееся в сторону реакции» (Н. И. Ракитников).

Его положение вообще было очень сложным. Он знал, что когда говорят о «походе на царя», то все имеют в виду его как беспорного кандидата на ведение этого предприятия. Об этом ему все время твердил Гершуни, который даже усилившиеся подозрения против Азефа приводил в качестве довода в пользу своего предложения: дело против царя, успешно проведенное Боевой организацией под руководством Азефа, заставит замолкнуть всех обвинителей и с полной наглядностью покажет, как глубоко ошибочны, даже преступны были их подозрения. И в то же время Азеф — в этом нет никакого сомнения — ясно понимал всю специальную опасность этого дела для него лично. Проектируемый поход против царя в создавшейся обстановке не мог не быть последним в его многолетней двойной игре: если он допустит убийство царя, то его погубит полиция; если покушение не удастся, тогда подозрения революционеров превратятся в уверенность. Он стоял, как на распутье: направо поедешь — коня потеряешь, налево свернешь — самому не быть живу... И тем не менее двигаться вперед было необходимо: с одной стороны, его тянул Гершуни, а с другой — в ту же сторону, хотя, конечно, и по совершенно иным мотивам, подталкивал Герасимов.

Последний, по его рассказам, был подробно информирован Азефом о положении вопроса с царем. Специально совещался с ним Азеф и перед только что описанным решающим заседанием Центрального комитета. Общие инструкции, которые Герасимов дал Азефу, сводились к следующему: Азеф должен был — если это не вредило его положению в партии — пытаться мешать положительному решению вопроса о цареубийстве (никаких попыток в этом направлении, как видно из уже сказанного, Азеф делать и не пытался); в случае же, если вопрос о цареубийстве будет решен в положительном смысле, Азеф должен был взять это дело в свои руки, чтобы изнутри парализовать работу восстанавливаемой Боевой организации.

Заседание Центрального комитета закончилось так, как оно и должно было при создавшемся положении закончиться: единогласно было признано, что вопрос о цареубийстве назрел и что партия должна взять на себя его организацию; для этого, конечно, должна была быть

восстановлена Боевая организация. Так как для этого последнего требовалось проведение предварительной работы, то окончательное вынесение решения по этому вопросу было отложено на осень.

Вскоре после этого заседания — уже в начале июля 1907 г. — Азеф и Гершуни выехали за границу.

Своим пребыванием там они воспользовались для ряда переговоров по вопросу о восстановлении Боевой организации. Важнейшим этапом среди них были переговоры с Савинковым, имевшие место в конце августа в Швейцарии. Инициатива их принадлежала Азефу. Гершуни вообще очень невысоко ценил Савинкова, которого он впервые увидел за границей в самом начале 1907 г. «Я не знаю, чем он был, — говорил он тогда же Чернову, — я видел лишь, чем он стал. Мы можем считать, что его нет». Так оценивая Савинкова, Гершуни, естественно, не мог быть горячим сторонником привлечения его к руководящей работе в Боевой организации. Мнение самого Азефа о Савинкове по существу было немногим лучше, чем мнение Гершуни. Его непригодность для руководящей работы в терроре Азеф превосходно видел. «Павел Иванович (псевдоним Савинкова), — говорил он в доверительных беседах, — чересчур импрессионист, чересчур невыдержан для такого тонкого дела, как руководство террором». И тем не менее именно Азеф настаивал на том, чтобы были сделаны все усилия для привлечения Савинкова. У него были специальные причины для этого: выступая в трудный поход, где опасности грозили ему со всех сторон, он хотел иметь около себя человека, прощительности которого он мог не опасаться и на преданность которого он мог полностью положиться.

Переговоры с Савинковым не были успешными и вообще носили очень своеобразный характер: Савинков обеими ногами стоял на почве тех взглядов, которые ему за год перед тем внушил Азеф. Он искренне принял за чистую монету все те соображения о невозможности для террористов при старых методах работы преодолеть полицейскую охрану, которые ему были внушены согласованными усилиями Азефа и Герасимова, и теперь только поражался непоследовательности Азефа, так быстро изменившего свою точку зрения. Положение Азефа в этом споре было не особенно завидным: Савинков все время бил его его же собственными аргументами, и не удивительно, что от деловых доводов по существу Азефу весь-

ма быстро пришлось отступить на заранее у него заготовленные позиции соображений «морального порядка». Не имея возможности спорить против своих же собственных аргументов о том, что террор при старом уровне боевой техники не может быть успешным, он с особой силой настаивал на том, что «долг террориста при всяких обстоятельствах и при всяких условиях работать в терроре»; что особенно повелительным этот долг становится в периоды, подобные тому, который переживала Россия в тот момент разгула реакции, когда даже неудавшееся покушение имело бы моральное значение, показывая, что в стране еще не умер дух протеста. Именно поэтому Азеф звал делать новые террористические попытки, как бы ничтожны ни были шансы на практический успех.

Доводы эти, конечно, не могли убеждать. Савинков совершенно правильно отвечал Азефу, что он, наоборот, считает себя морально не в праве звать людей на борьбу, когда не имеет веры в возможность успеха, когда есть все основания ждать, что их гибель будет бесполезной. С соображениями о необходимости дать какой-нибудь ответ реакции Савинков был согласен, но для этого он предлагал пойти совсем иным путем и перейти к системе открытых нападений целых групп вооруженных террористов, совершающих свои набеги без предварительной подготовки старого типа, а исключительно на основании сведений, собираемых через посредство партийных организаций. Конечно, и для такой работы необходимо восстановление Боевой организации, но эта Организация должна быть совсем иного типа, чем старая: в нее должно входить несколько десятков человек, для чего должны быть мобилизованы все боевые силы партии.

Азеф и Гершуни с этими предложениями не согласились. Они стояли за старый тип построения Боевой организации и за старый тип ее работы. В такой Боевой организации Савинков участвовать отказался: он неправильно *понимал* причины неудач своей боевой работы последних лет, но он верно *чувствовал*, что все это время бился головой о стену, и не был склонен продолжать эту безнадежную игру.

Обратно в Россию Азеф вернулся уже осенью—в самом конце сентября или даже в начале октября. Штаб-квартира Центрального комитета помещалась в Финляндии — в Выборге. Вопросу о Боевой организации

было посвящено специальное заседание. На него приехал и Савинков, для того чтобы защищать свой план организации боевой работы партии. После столкновений зимы 1906—07 гг. его сильно не любили в Центральном комитете и встретили больше, чем холодно. Азеф и Гершуни молчали, не снисходя до спора. Подавляющим большинством все предложения Савинкова были отвергнуты. Было решено восстановить Боевую организацию в ее старом виде. Для руководства ею свои силы предложили Азеф и Гершуни. Так как многие не хотели отпускать Гершуни от участия в общепартийной организационной работе, то было решено, что на первое время во главе Организации будет стоять один Азеф. Но всем было ясно, как пишет один из участников этого заседания Н. И. Ракитников, что «как только ход подготовительных работ, начатых Азефом, того потребует, Гершуни отдастся вполне террористической работе». Неофициально же Гершуни и теперь стал ближайшим обязательным советником Азефа относительно всего, что касалось боевой работы партии. Он не принимал участия в технике этой работы, не входил в непосредственные сношения с вербуемыми людьми. Но каждый свой шаг Азеф предпринимал только после совещания с Гершуни и только с его одобрения. Они вдвоем с этого момента и до отъезда Гершуни за границу (вызванного его болезнью) становятся главными руководителями всей центральной боевой работы партии.

В качестве основной, едва ли даже не единственной, задачи перед восстановленной Боевой организацией Центральный комитет поставил дело царя. Строго законспирированная, она должна была вести только одно это дело, не отвлекаясь в стороны других, относительно более мелких предприятий. Это не означало отказа от таковых. Наоборот, общая оценка положения, даваемая Центральным комитетом, была такова, что заставляла его считать настоятельно необходимым всемерное развитие террористической борьбы, и в соответствующем духе он давал свои инструкции. Но ведение всех этих остальных террористических предприятий центрального значения решено было сосредоточить в ведении Летучего боевого отряда «Карла», который с этого момента и формально перешел в ведение Центрального комитета. Руководство этим отрядом со стороны Центрального комитета было поручено Азефу и Гершуни.

Летучий боевой отряд «Карла» и его гибель

Именно в этот период Азеф впервые вошел в непосредственные и тесные сношения с тем Летучим боевым отрядом «Карла», которому суждено было вписать последние трагические страницы в славную книгу о героической борьбе русских террористов-одиночек, страницы, вся полнота трагизма которых особенно понятной становится только теперь, когда пред нами вскрываются закулисные стороны истории...

Осень 1907 г. несла начало тяжелой, мрачной полосы русской истории. Реакция торжествовала по всему фронту, с каждым днем захватывая все новые и новые позиции — не только в мире политической борьбы, но и в общественной жизни, в литературе, в области личных настроений. Массовое движение было раздавлено. Под тяжестью репрессий согнулась деревня. Обессиленные прошлыми потерями и острым промышленным кризисом, молчали рабочие в городах. Совершенно прекратились политические демонстрации. Почти на нет сошла волна стачек. Стало ясно, что старый режим — пусть только на время — вышел победителем из схватки, и это накладывало свою печать на настроения представителей тех групп, которые еще так недавно поставляли основные кадры активных деятелей различных революционных организаций. Еще недавно здесь безраздельно господствовали боевые настроения. Личные интересы отступали на задний план, растворялись в интересах коллективного «я» ведущей борьбу революционной массы. Любая личная жертва во имя благ этого коллектива казалась и возможной, и легкой. Теперь этот коллектив распадался, и личные заботы и интересы выступали на первый план. Еще вчера проблема личного устройства в жизни целиком сливалась с проблемой коллективного переустройства всей русской жизни вообще — казалась небольшим частным случаем последней. Сегодня, забыв о задачах коллектива, каждый начинал сам по себе решать проблему своего личного устройства.

Это настроение было общим для всех социальных слоев, которые активно участвовали в революционной схватке. Многие и многие из наиболее деятельных рабо-

чих, еще недавно целиком отдавшие себя на служение коллективу и думавшие только об интересах класса, теперь прилагали все усилия к тому, чтобы выбиться в мастера, завести собственную маленькую мастерскую, сдать экзамен на учителя и т. д. Многие и многие из революционеров-крестьян, которые еще вчера шли впереди остальных в борьбе за коллективное решение земельной проблемы, теперь спешили использовать новые законы, специально созданные для того, чтобы разбить единство крестьянского движения, и уходили из общины на хутора, все внимание сосредоточивая на заботах об укреплении своего индивидуального хозяйства.

С наибольшей силой этот уход в личную жизнь отразился в рядах революционной интеллигенции. Это было только вполне естественно. Моменты личного самоотречения всегда играли большую роль в настроениях представителей этого слоя. Перед многими из них всегда стояли широко раскрытыми двери для личного устройства, и не шли этим путем они исключительно потому, что не желали на него становиться. Теперь такое желание явилось, и большинство из них стремительно ринулось в эти открытые двери. Только очень немногие оставались на посту, стараясь в изменившейся обстановке и в изменившихся формах служить тому же делу, которому они служили раньше. Большинство уходило — кто в науку, кто в работу по своей специальности, кто просто в личную жизнь. В лучшем случае люди оставались субъективно верны своим прежним идеалам и на свой отход от революционной борьбы смотрели как на временный, вынужденный обстоятельствами. Но обычно отход фактический был связан с отходом и идейным: встав на путь индивидуального решения проблемы личного устройства в жизни, люди искали оправдания своему поведению в идеологическом обособлении себя от коллектива, в теоретическом противопоставлении «прав личности» правам общества. Как сорная трава, бурно разрастались всевозможные сорта «индивидуализмов». И как неизбежное следствие, в обстановке этого развала на смену старым ригористическим нравам революционной среды приходили настроения погони за удовольствиями и наслаждениями. Люди как будто бы стремились в этом отношении наверстать то, что ими было упущено за годы их участия в революционной борьбе. И в литературу — печальной памяти литературу эпохи реакции — мутной струей хлы-

нула порнография... Создавалась обстановка, о которой поэт-сатирик тех лет так метко писал:

Разорваны по листику
Программки и брошюры,
То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.
Славься, чистое искусство
С грязным салом половым!
В нем лишь черпать мысль и чувство
Нам — ни мертвым, ни живым.

Таковы были типичные настроения тех дней. Но они не были всеобщими. Было немало одиночек, которые не могли или не хотели идти вровень с уходившей волною. Одни были выбиты революцией из нормальной колеи своей жизни и теперь не могли вернуться в нее, если бы даже и хотели. Другие, более цельные и стойкие по натуре, не хотели сворачивать с раз избранного пути — хотя порою и могли это сделать — и в повальном дезертирстве других видели только лишний мотив для повышения своей собственной активности. А так как преодолеть растущую апатию они, естественно, не могли, так как разбудить активность масс им было не под силу, то логика вещей с неизбежностью толкала их на путь партизанской борьбы одиночек. В них нарастали настроения отчаяния и обреченности, и они шли в террор, движимые скорее чувством мести, чем верой в возможность победы.

В этом была своя логика: террористы-одиночки в свое время первыми начинали борьбу на аванпостных стычках с врагом — в дни, когда массы еще не были достаточно активны. А теперь, когда массы уже перестали быть активными, такие же одиночки последними покидали поле борьбы, в арьергардных боях прикрывая отступление революционной армии...

Отряд «Карла» составиля из таких одиночек.

Они составляли дружную, тесно спаянную семью, все члены которой вели почти аскетический образ жизни. В этом отношении они были антиподами многих из руководящих деятелей Боевой организации Азефа. Этот последний не без успеха прививал своим ближайшим сторонникам мысль о необходимости для террориста по соображениям конспирации вести широкий образ жизни, не жалея средств партийной кассы. «Когда речь идет о человеческих жизнях, — часто говорил он, — считать копейки не приходится». В отряде «Карла», наоборот, всегда с большой щепетильностью относились к каждой

партийной «копейке». Целый ряд членов отряда не только ничего не брал из его кассы, живя на свои личные заработки, но и делал вклады в эту кассу. А. А. Аргунов вспоминает, как поразил его подобный подход к партийным средствам, когда ему в качестве кассира Центрального комитета пришлось первый раз вести переговоры с «Карлом» о бюджете отряда: ни к чему подобному в сношениях с Азефом он не был приучен. Временами эта экономия партийных средств была даже чрезмерной и шла в ущерб интересам конспирации, но для настроений, господствовавших в отряде, она была в высшей степени характерна.

Свою работу отряд строил по системе коротких ударов. Его основные базы находились в Финляндии, конституция которой делала проживавших на ее территории революционеров недостижимыми для русской полиции. Там были конспиративные квартиры отряда, их лаборатории, склады, архив. Там же жили все члены отряда. Вся подготовительная работа велась при помощи сочувствующих, через которых собирали нужные сведения. Основное руководство этой работой было в руках «Карла», но внутренние отношения в отряде были построены на строго демократических началах и каждому из членов предоставлялась полная возможность для проявления личной инициативы. Исполнители выступали на сцену только тогда, когда вся подготовительная работа была сделана. Тогда они появлялись из Финляндии в Петербург, наносили намеченный удар и затем те из них, кто не был арестован, вновь скрывались в Финляндию. Типичным примером работы отряда было убийство главного военного прокурора ген. Павлова — главного руководителя военно-полевых судов. Павлов знал, что его деятельность сделала его ненавистным для революционеров: когда он появился на трибуне Госуд. думы, вся зала его встретила несмолкаемыми криками «убийца!», — и ему не дали говорить. Поэтому он принимал чрезвычайные меры предосторожности и никуда не выходил из здания военно- [судебного] управления, в котором находились и его частная квартира, и служебный кабинет. Даже для прогулок он пользовался только внутренним садиком здания, считая себя там в полной безопасности за спиною военного караула, который нес тщательную охрану всего здания. Организовать нападение оказалось возможным потому, что среди военных писарей управле-

ния нашлись сочувствующие, которые не только сообщили все необходимые подробности о внутренних распорядках в здании и об образе жизни самого Павлова, но и непосредственно помогли организаторам дела, дав условленный сигнал о времени выхода Павлова на прогулку. По этому сигналу террорист, бывший матрос Егоров — один из руководителей незадолго перед тем жестоко подавленного военного восстания в Кронштадте — вошел во двор здания переодетый вестовым, якобы присланным со срочными бумагами, и несколькими выстрелами из револьвера наповал убил Павлова.

Конечно, не все свои планы отряду удавалось осуществлять с таким успехом, как этот. До перехода отряда в ведение Азефа удачи в его деятельности перемежались с неудачами. Но в общем и целом деятельность отряда развертывалась вполне успешно, а сам отряд укреплялся и рос.

Много места в деятельности отряда занимала борьба против тех представителей тюремного ведомства, которые выделялись своей жестокостью в отношении к политическим заключенным. Этот вид террора — террор тюремный — вообще весьма характерен для периода 1907 и последующих годов, когда победившая реакция повела систематический поход против своих пленников, вымещая на них свою злобу за только что пережитые страхи. По приказу из Петербурга повсюду в тюрьмах вводился строжайший режим. За малейшее нарушение полагались суровые кары. Для политических, осужденных на каторгу, было введено даже телесное наказание. Заключенные делали отчаянные попытки оказывать сопротивление: устраивали голодовки, обструкции, прибегали к самоубийствам... Это не давало результатов. Все протесты бывали беспощадно подавляемы. Власти не останавливались перед применением вооруженной силы, и в синодиках борьбы числилось уже немало имен убитых и раненых при такого рода столкновениях. Но между революционерами, находившимися в тюрьмах, и революционерами, оставшимися на свободе, тянулось много нитей — и политической солидарности, и личной близости. А потому на насилия против арестованных оставшиеся на свободе часто отвечали актами террора: их исчисляют десятками.

Несколько актов тюремного террора было совершено и отрядом «Карла». Между прочим, им было организо-

вано убийство начальника Алгачинской каторжной тюрьмы Бородулина, который первым применил телесные наказания к политическим каторжанам. К этой же группе тюремного террора относилось и то предприятие, подготовка которого была основным делом отряда в момент перехода его в ведение Азефа и Гершуни: жертвами его должны были пасть, с одной стороны, главные вдохновители всей политики тюремных репрессий, министр юстиции Щегловитов и начальник главного тюремного управления Максимовский, а с другой—петербургский градоначальник Драчевский. Кроме того, отряд планировал взрыв Совета министров во время заседания Государственного совета. Параллельно с этим одна специальная группа вела подготовку покушения против командующего войсками Московского военного округа ген. Гершельмана. Все эти планы после перехода отряда под руководство Азефа и Гершуни были представлены на утверждение последних и ими в основном одобрены. На первой очереди стояли выступления против Щегловитова и др., с одной стороны, и против Гершельмана—с другой. Оба они состоялись, хотя по случайным причинам первое из них и не смогло развернуться по намеченному плану, оборвавшись на первом звене: начальник главного тюремного управления Максимовский был убит членом отряда Рагозинниковой, но она не смогла дать условленного сигнала, от которого зависело выступление против остальных намеченных лиц, а потому эти выступления не состоялись.

Предупредить оба эти выступления Азеф имел полную возможность, но сделать этого он не захотел. По рассказам Герасимова, поведение Азефа в этот период рисуется в следующих чертах: он очень подробно рассказал про все прения в Центральном комитете по вопросу о восстановлении Боевой организации для целей царубийства и о том, что он становится во главе последней; равным образом, он сообщил, что все остальные террористические предприятия передаются в ведение «Карла», но умолчал о том, что деятельность «Карла» теперь поставлена под его, Азефа, и Гершуни контроль. Наоборот, он подчеркивал, что никакого отношения к отряду «Карла» он не имеет и в интересах предохранения себя от разоблачения иметь не должен. На себя он брал одну задачу — парализовать подготовку царубийства. Только очень глухо он передавал, что в Центральном комите-

те говорят о подготовке отрядом «Карла» каких-то крупных покушений и советовал принять меры. Но не называл даже лиц, против которых эти покушения будут произведены.

Судя по всему, Герасимов и сам считал задачу предупреждения покушения против царя настолько важной, что был согласен с принимаемыми Азефом мерами предосторожности, и только позднее, уже после убийства Максимовского, стал настаивать на том, чтобы Азеф отступился от своего правила и дал какие-либо нити для поисков отряда «Карла».

В этот период внимание последнего было сосредоточено на осуществлении плана взрыва в Госуд. совете. Действительным автором этого плана был Вс. В. Либединцев¹ — один из наиболее талантливых среди блестящей плеяды ушедших в террор талантливых представителей русской интеллигенции. Выходец из весьма состоятельной семьи, превосходно владевший основными европейскими языками, астроном-математик по образованию, уже зарекомендовавший себя работами по своей специальности, блестяще одаренный от природы музыкант и художник, он совершенно самостоятельно натолкнулся на мысль о возможности такого покушения и в основных чертах разработал его план. В течение ряда лет живя в Италии и тесно войдя в местную жизнь, он достал настоящий итальянский паспорт на имя Марио Кальвино — под каковым именем он позднее получил всеевропейскую известность — и получил корреспондентские полномочия от одной крупной итальянской газеты. В качестве такового он приехал в Петербург и имел доступ в корреспондентские ложи Госуд. совета и Думы. По техническим условиям совершить покушение одними собственными силами он не мог — в этом деле ему должен был помочь отряд «Карла», к которому он обратился.

Азеф, который из соображений своей собственной безопасности позволял доводить до успешного конца относительно мелкие предприятия «Карла», стал оказывать систематическое противодействие грандиозному плану Либединцева. Он явно боялся, что осуществление последнего повредит его служебному положению, а так как прямая выдача для него в этот период была бы действительно очень опасна, то он встал на путь внутриорганизационного саботажа: вначале он дал свое согласие на это выступление, но оттягивал его под разными пред-

логами; когда же все подготовительные работы были закончены, выдвинул против плана Либединцева «принципальные» возражения, указывая, что во время покушения могут пострадать и выборные члены Госуд. совета, среди которых имеется ряд профессоров и либеральных общественных деятелей.

На этой почве между Азефом и руководителями отряда возникли довольно острые трения, на которые, возможно, известное влияние оказывали полученные как раз в это время «Карлом» от Бурцева сведения о подозрительных моментах в деятельности Азефа. В отряде велись даже разговоры о неподчинении решениям представителя Центрального комитета и о выступлении на собственный страх и риск. По крайней мере в одном из писем Либединцева от этого времени встречаются такие фразы: «Встретились менее всего ожидаемые трения со стороны «теоретической». Глупо и бессмысленно это. Но в конце концов, если трения эти окажутся непреодолимыми... то мы просто на них наплюем. Выход простой, логический и по существу для меня с товарищами самый симпатичный».

По-видимому, только на этой стадии, опасаясь самостоятельного выступления отряда, Азеф прибегает к оружию выдачи. По крайней мере по их общему смыслу, по-видимому, именно сюда должны быть отнесены следующие части рассказов Герасимова. По словам последнего, после его настояний Азеф, наконец, сообщил ему, что имел свидание с «Карлом». На фактические указания Азеф и теперь был в высшей степени скуп и относительно, например, конспиративной квартиры «Карла» ограничился одним лишь сообщением, что она, по-видимому, находится где-то в Финляндии — недалеко от русской границы и вблизи от железной дороги. Но зато он дал подробное описание примет «Карла» и общую его характеристику. Говорил он о нем как об исключительно предприимчивом и талантливом организаторе и советовал приложить все усилия для его ареста. «Пока он на свободе, — говорил Азеф, обращаясь к Герасимову, — вы никогда не сможете быть спокойным: у него всегда полно разных планов, один смелее другого»*.

* Этот отзыв Азефа о «Карле», сделанный в разговоре с Герасимовым, интересно сопоставить с отзывом, который Азеф дал о «Карле» в разговорах с одним из видных деятелей партии социа-

В это же время Азеф сообщил Герасимову и о плане взрыва в Государственном совете, опять-таки не давая никаких конкретных указаний. По его словам, вопрос был поставлен перед Центральным комитетом только в принципиальной плоскости: о допустимости покушения во время заседания Госуд. совета и при наличии возможности, что в числе пострадавших будут и члены Совета из числа либералов. Азеф говорил, что против этого плана имеются сильные возражения со стороны ряда членов Центрального комитета—и его, Азефа, в том числе — и что он надеется на отклонение этого плана Центральным комитетом, но опасается, что «Карл» и его отряд не подчинятся решению и выступят самостоятельно. Поэтому он рекомендовал Герасимову на всякий случай теперь же принять необходимые меры предосторожности, конечно, действуя при этом с предельной осмотрительностью. О подробностях плана и об участниках-исполнителях Азеф никаких сведений, по утверждению Герасимова, не дал, заявляя, что он только на основании отдельных замечаний полагает, что члены отряда пробрались в Совет, «по-видимому, по чужим корреспондентским билетам» и что бомбы предполагается пронести в портфелях.

Эти сообщения, конечно, возымели свое значение, и в Госуд. совете были введены строгости: начались осмотры корреспондентских портфелей, тщательно проверяли корреспондентские карточки. Но главное внимание было обращено на поимку «Карла». Была мобилизована вся агентура для поисков нитей к отряду «Карла» и все получаемые указания сопоставлялись с теми указаниями, которые дал Азеф относительно местонахождения конспиративной квартиры отряда. На всех станциях финляндской железной дороги было усилено наблюдение.

листов-революционеров: этому последнему Азеф заявил, что он не находит в «Карле» ничего особенного! В. Н. Фигнер, которая приводит в своих воспоминаниях этот последний отзыв Азефа («Сочинения» В. Н. Фигнер, т. III, с. 261), полагает, что он свидетельствует об отсутствии у Азефа пронизательности. Сопоставление его с отзывом, данным в разговорах с Герасимовым, показывает, что речь идет о совсем ином: Азеф понимал, с кем он имеет дело в лице «Карла», но сознательно давал о нем неодобрительные отзывы, желая по возможности воспрепятствовать росту популярности «Карла» в партийных кругах. Это была та же линия дискредитации «Карла», которую по наущению Азефа вел Савинков в конце 1906 г., только теперь Азеф проводил ее с большей осторожностью и ловкостью.

Комбинированной работой в этом направлении полиции вскоре удалось установить существование двух подозрительных квартир около станции Келомяки: к ним вели нити, полученные от одного из агентов Охранного отделения, указавшего на человека, который собирал сведения, необходимые для отряда «Карла». В ночь на 5 декабря 1907 г., с нарушением правил, установленных для производства обысков на финляндской территории — на это нарушение было получено согласие самого Столыпина, — на указанные квартиры был произведен набег, и в одной из них была найдена богатая добыча: архив отряда «Карла» и целый ряд других компрометирующих документов. Были арестованы две женщины и один мужчина, имена которых не были известны. Только недели через две-три, во время очередного свидания с Герасимовым, Азеф не без насмешки заметил:

«Вы все ищете «Карла», а ведь он уже давно у Вас в руках. Это его Вы захватили в Келомяках...»

В числе документов, захваченных на квартире «Карла», имелся план Госуд. совета с пометками на нем, и это дало возможность полиции теперь уже открыто говорить о предупрежденном ею покушении на взрыв в Государственном совете. Либединцев еще тешил себя надеждой, что через некоторое время он сможет вернуться к своему плану, но было ясно, что этот план окончательно провален, и это делало еще более чувствительным удар, нанесенный отряду арестом его создателя и руководителя. «Был момент, — читаем мы в письме Либединцева от 20 декабря 1907 г., — когда все было близко от полного распада. Избегнуть этого удалось, и теперь, поскрипывая, едем дальше». Руководителем на место «Карла» встал сам Либединцев, который начал лихорадочно быстро готовить покушение против вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции Щегловитова.

Произвести это покушение предполагалось в день русского Нового года, когда оба указанные лица должны были поехать на торжественный прием к царю. Террористы с бомбами поджидали их на пути. Но и это покушение было расстроено предательством, на этот раз не Азефа: сведения о готовящемся покушении были получены Герасимовым на этот раз от одного из его других агентов, который накануне Нового года сообщил, когда и против кого должно состояться покушение, но не дал никаких указаний относительно участников.

Для предупреждения покушения Герасимов прибег к тому же приему, который помог ему спасти Столыпина, когда готовилось покушение на последнего при открытии Института экспериментальной медицины: рано утром в день Нового года он заявился к вел. кн. Николаю Николаевичу и Щегловитову и, предупредив их о готовящемся покушении, просил в течение ближайших дней никуда не выходить. Уговорить их подчиниться этому совету и отказаться от посещения торжественного приема у царя было нелегко. Особенно протестовал, по рассказам Герасимова, вел. кн. Николай Николаевич, который заявлял, что «ничто не помешает ему быть там, где быть его обязывает долг верноподданного», и только заявление Герасимова, что он в таком случае снимает с себя всякую ответственность, заставило Николая Николаевича несколько задуматься.

На всякий случай меры предосторожности все же были приняты. Почти весь наличный состав филеров был брошен на улицы предполагавшихся путей следования указанных лиц. Всем были даны особые инструкции: искать подозрительных лиц, которые могли быть террористами. На театр военных действий выехал сам Герасимов и дежурил в кондитерской на Михайловской площади, вблизи от дворца Николая Николаевича... Все было бесполезно: никаких подозрительных признаков поймать не удалось. И только позднее выяснилось, что в той же кондитерской на Михайловской площади за соседним столиком сидела Лидия Стуре — один из членов отряда — и перед ней в изящной упаковке лежала заряженная бомба. Об этом она рассказала уже после своего ареста, во время опроса, который вел Герасимов. Она прервала этот опрос, казалось, не имеющим отношения к делу замечанием: «А ведь мы с вами, генерал, уже встречались».

Герасимов, по его словам, был удивлен и не мог вспомнить. Тогда Стуре пояснила: «А вспоминаете — на Новый год? Мы сидели за соседними столиками в Михайловской кондитерской? Жаль, что я не знала, кто мой сосед... Не уйти бы вам тогда...»

В течение почти полутора месяцев террористы возобновляли свои попытки. Нервы у всех напряглись до предела: люди почти ежедневно выходили на улицу с бомбами в руках и с уверенностью, что этот день будет их последним днем, и возвращались домой, проклиная

судьбу, которая дарила им лишний день жизни... Все силы были мобилизованы и из Финляндии переброшены в Петербург. Люди хотели идти напролом и погибнуть. В один из таких дней член отряда А. М. Распутина приехала в Выборг к В. М. Чернову — члену Центрального комитета и редактору центрального органа партии — с не вполне обычной, но тем более характерной для настроения членов отряда просьбой: от имени всех она просила дать им обещание не печатать в случае их гибели отдельных о них некрологов. «Мы хотим, — говорила она, — пойти на смерть рядовыми безымянными солдатами партии».

Все это время Охранное отделение держало на осадном положении квартиры Щегловитова и Николая Николаевича. Оба они протестовали и заявляли, что перестанут подчиняться режиму, который был предписан им Герасимовым. А последний, несмотря на все свои усилия, не мог найти никаких нитей для обнаружения участников отряда: тот его информатор, который первым сообщил о предстоящем покушении, не мог доставить никаких дополнительных указаний, а Азеф, с которым Герасимов поделился имевшимися у него сведениями, подтвердил их, но отзывался полнейшим незнанием относительно всего остального. «Я все время приставал к нему, — рассказывает Герасимов, — прося дать хоть какую-нибудь нить, за которую я мог уцепиться и начать слежку. Но он отказывался, заверяя меня, что ничего не знает и не может спрашивать, так как при недоверчивом к нему отношении вопросы могут его погубить».

На самом деле Азеф был в курсе всех деталей этого предприятия и постоянно сносился с его непосредственными руководителями, так что «дать нить» ему не представило бы никакого труда. Но он был прав в том отношении, что провал отряда неизбежно должен был ухудшить его и без того тяжелое положение.

В конце концов Азеф не выдержал и «смиловивился» над Герасимовым: на свидании дней за 4—5 до ареста членов отряда он рассказал, что во время очередного заседания Центрального комитета зашла речь о подготовляемом покушении и из мимоходом брошенной кем-то из членов Центрального комитета фразы он, Азеф, понял, что к отряду имеет отношение «бывшая ссыльная Анна Распутина». Никаких других указаний, по уверению Герасимова, Азеф и теперь не дал. Больше того, называя

фамилию, он тут же отметил, что это ее настоящая фамилия; живет же она, наверное, по чужому паспорту. И тем не менее это указание послужило причиной гибели отряда.

Вернувшись с этого свидания, Герасимов, по его рассказам, поднял на ноги все Охранное отделение. Немедленно были добыты справки о прошлом Распутиной. Специальный чиновник был отправлен в адресный стол, чтобы сделать там выписку обо всех Распутиных. «Делал я это, — передает Герасимов, — в полной уверенности, что никаких результатов эта мера не даст, так как у меня тоже не было никакого сомнения в том, что Распутина живет не под своей фамилией. Тем большим было мое изумление, когда я убедился, что именно эта самая Распутина под своим настоящим именем проживает в Петербурге, да еще на Невском проспекте...»

С раннего утра заработала машина. Предварительная разведка установила, что Распутина живет в меблированной комнате и что соседняя комната, стена в стену, как раз теперь сдается. Герасимов лично отправился для осмотра на месте. Выдав себя за бухгалтера городской управы, который ищет комнату, он осмотрел всю квартиру. Сначала предполагал было сам поселиться в ней, для того чтобы лучше наблюдать за проходящими и слушать разговоры: стены оказались совсем тонкими. Но комната была слишком непрезентабельна для солидного «бухгалтера», а потому в ней были поселены два молодых филера, которые выдавали себя за студентов. Распутина была взята под самое тщательное наблюдение. Члены отряда принимали меры предосторожности при своих сношениях друг с другом. Так, например, встречи они обычно устраивали в церквях, во время богослужения: становились рядом на колени перед иконами в каком-либо из притворов храма и вели разговоры, склонившись к земле якобы для молитвы. Но от долгого напряжения конспирация ослабела, а внимание филеров, получивших строжайшие инструкции, наоборот, было обострено. В результате в течение трех дней основные сношения Распутиной были выяснены и 20 февраля 1908 г., когда все прослеженные наблюдением лица вышли на свое очередное дежурство у квартир Щегловитова и Николая Николаевича, они были арестованы чинами полиции. Всего было взято 9 человек, причем у трех из них были взяты бомбы; трое других были во-

оружены револьверами и оказали вооруженное сопротивление; еще у одного на квартире были найдены взрывчатые вещества.

Суд был скор и немилостив: семь человек, в том числе три женщины, были приговорены к смертной казни. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Вскоре после этой группы судили «Карла» и некоторых других членов отряда, арестованных в разное время. Этот суд тоже закончился рядом смертных приговоров... Летучий боевой отряд был уничтожен.

Глава XVIII

Последняя игра Азефа

В разговорах, которые велись в партийных кругах, о «Карле» и об его отряде Азеф говорил с оттенком слегка пренебрежительного снисхождения, — как о группе местного, почти провинциального значения, которая отдает силы «второстепенным» делам. Чем дальше, тем настойчивее он защищал ту точку зрения, что убийства представителей исполнительной власти — вплоть даже до министров — не могут иметь теперь политического значения. «Если одним-двумя полицейскими и тюремщиками станет меньше, разве от этого что-либо изменится?» — подобные мнения он высказывал постоянно. Единственное террористическое предприятие, которое может иметь политическое значение, — это царубийство, и именно на нем он предлагал сосредоточить все силы партии. Он не скрывал, что это дело в высшей степени трудно и сложно, что оно потребует от партии колоссальных жертв — как людьми, так и деньгами — и, что самое главное, подготовка его потребует много времени. Но он высказывал свою глубокую уверенность, что, «идя методом постоянной систематической осады и проникновения, можно надеяться в год, в два довести дело до конца» (Ракитников). Успех же этого предприятия, когда бы он ни пришел, сразу окупил бы все жертвы, так как царубийство, в отличие от других террористических предприятий, политически «никогда не устареет». И с налетом некоторого сентиментализма, который так любил напускать на себя Азеф во время «интимных» разговоров, он говорил, что считает это дело своим по-

следним революционным делом, что им он думает закончить свою революционную карьеру, а потому именно ему, а не «второстепенным» предприятиям отряда «Карла», отдает свою душу.

Нужно здесь же сказать: конечно, из этих речей Азефа многое сознательно предназначалось для того, чтобы отвлечь внимание от совершенной им как раз в это время выдачи отряда «Карла»; но было бы ошибкой считать, что в них *все* было одним лицемерием. Судя по всему, что мы о нем знаем, Азеф как раз в это время готовился перейти к новой фазе своей долголетней двойной игры — собирался разыграть свою последнюю карту... А так как он принадлежал к совсем особой породе игроков — той, представители которой за зеленый стол садятся только заранее обеспечив для себя возможность знакомиться с картами всех партнеров — и так как ставка на этот раз была особенно велика, то он теперь с особенным старанием подготавливал обстановку для этой своей последней игры.

В Центральном комитете с соображениями Азефа о значении царубийства и других террористических актов очень многие были в основе согласны. В них действительно было много такого, что не могло не казаться правильным каждому принципиальному стороннику террористической борьбы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Боевая организация Азефа получала от Центрального комитета все, что только последний имел возможность дать. В то время, как отряд «Карла» урезывали даже в мелочах, и члены этого отряда бывали вынуждаемы браться за мелкую работу для заработка (что, конечно, противоречило элементарнейшим требованиям конспирации), для Азефа партийная касса была открыта в самых широких, почти неограниченных размерах. Достаточно сказать, что несколько позднее, когда в кассу Центрального комитета поступили 300 тыс. рублей, взятых партией при экспроприации казначейства в Чарджие, то по настоянию Азефа за Боевой организацией — т. е. фактически за ним самим — из них было «забронировано» 100 тыс. рублей.

Неограниченные права были даны Азефу и в деле подбора людей для Боевой организации: он мог брать в нее всех тех, кого он взять хотел. Этой вербовкой Азеф занялся с большим старанием, обращая особенное внимание на привлечение в свою Организацию лю-

дей с большим и славным революционным прошлым. Своим ближайшим помощником он сделал Карповича, того самого, который первым начал серию террористических актов, предшествовавших революции 1905 г., убив в феврале 1901 г. министра народного просвещения Боголепова. Все последующие годы он провел в тюрьмах — в Шлиссельбурге и в Сибири — и только недавно бежал с Акатуйской каторги, полный желания встать в ряды активно действующей террористической организации. Видную роль в Боевой организации этого времени играл также М. М. Чернавский — старый революционер, впервые осужденный на каторжные работы еще за 30 лет перед тем по делу о первой революционной демонстрации, состоявшейся 6—18 декабря 1876 г. в Петербурге. Настойчивые попытки делал Азеф и для привлечения в Боевую организацию ряда других старых революционеров... В литературе были высказаны догадки, что подобное поведение Азефа определялось своего рода садизмом: ему якобы нравилось толкать на тернистый путь тюремных мытарств и лишений людей, которые уже были в достаточной мере измучены десятилетиями таких лишений в прошлом. Эта догадка в корне неверна. Принадлежность к Боевой организации Азефа в этот период отнюдь не была связана с опасностью ареста. С большим правом можно говорить даже об обратном — о том, что эта принадлежность была своеобразной гарантией от ареста: примеры этого будут приведены дальше. Поведение Азефа объяснялось иначе, много проще: люди со славными революционными репутациями, если они становились сотрудниками и преданными сторонниками Азефа — а делать их таковыми Азеф умел — играли роль надежнейших защитников Азефа против все нараставших... подозрений. Их прошлое гарантировало их самих от возможности быть заподозренными кем бы то ни было, а они горой стояли за Азефа, ручались за него...

Сама работа Азефа в этот период носила характер предварительного зондирования почвы. Так характеризовал ее он сам, заявляя, что ведет поиски во всех направлениях, прощупывая все возможности подойти близко к царю, какие только подвертываются. Обычно всегда крайне сдержанный относительно подробностей работы Боевой организации и не любивший, чтобы ему задавали какие-либо вопросы, теперь он порою сам за-

водил разговоры на эту тему во время заседаний Центрального комитета. Нередко после того, как наиболее срочные дела бывали регулированы, Азеф брал слово для того, чтобы поделиться своими соображениями и планами, чтобы выслушать о них мнение ближайших товарищей. Такое изменение своего поведения он объяснял сложностью работы и своим одиночеством в руководстве боевой работой, одиночеством, которое его, по его словам, очень давит: Гершуни в конце 1907 г. выехал за границу для лечения и вскоре там умер от последствий воспаления, образовавшегося от старой раны, натертой на ноге тюремными кандалами.

У всех, кто слушал эти рассказы Азефа, создавалась полная уверенность в том, что он делает все, находящееся в силах человека, для того, чтобы подготовить акт против царя. Планов у него действительно было много. По его указаниям велись попытки наблюдения за приездами царя в Петербург, проектировалось открытое нападение на него на улице во время одного из таких приездов (Басов). Были планы проникнуть на прием во дворец в составе одной из тех многочисленных deputаций, посылка которых к царю как раз в те месяцы в большом числе инсценировалась реакционерами, желавшими показать царю, что за ними стоят «народные массы» (Аргунов). С большой горячностью ухватился Азеф за предложение одного молодого социалиста-революционера, который только что окончил курс в духовной семинарии: этот юноша — убежденный террорист — имел возможность, приняв священство, при помощи своих влиятельных родственников получить место священника где-либо недалеко от Царского Села. Он надеялся, что в рясе священника ему удастся как-нибудь найти возможность приблизиться к царю и выступить в роли исполнителя приговора партии. Священник, убивающий царя, — эта комбинация явно нравилась Азефу, и он настойчиво уговаривал юношу немедленно же отстраниться от всякого касательства к другим революционным делам и целиком отдаться выполнению данного плана*. Был целый ряд и других планов и проектов.

* Об этом последнем плане в литературе до сих пор не было никаких указаний. Автору данной книги о нем известно со слов самого инициатора этого плана. Надо оговорить, что осуществлен этот план не был не по вине Азефа.

Наиболее серьезными планами, для подготовки которых Азефом делались конкретные шаги организационного характера, были два плана: покушения во время царской охоты и покушения во время поездки в Ревель. Для выполнения первого велась работа по устройству чайной в одной из деревень вблизи от Царского Села, в районе царских охот. Владельцем чайной должен был выступить М. М. Чернавский, который должен был играть роль старика-монархиста, члена «Союза русского народа». Второй из указанных планов предусматривал взрыв царского поезда или нападение с бомбами на улицах Ревеля.

Во всех этих планах элементы игры с революционерами переплетались с элементами игры против полиции.

Нет никакого сомнения в том, что в тот момент Азеф покушения против царя ни в коем случае не допустил бы: этого полиция ему не простила бы, а рисковать конфликтом с нею, находясь в пределах досягаемости, Азеф меньше всего собирался. Поэтому обо всех конкретных шагах, которые ему приходилось делать в целях удовлетворения желаний членов Организации перейти к активным действиям, Азеф полностью и со всеми подробностями рассказывал своему полицейскому начальству. Но, как удается теперь установить с совершенною точностью, в свою работу по собиранию информационного материала и по заведению необходимых для этого связей Азеф посвящал это начальство только в очень и очень небольшой степени; равным образом не сообщал он ему и о тех проектах, выполнение которых должно было быть построено на базе частной инициативы добровольцев — вроде плана покушения священника: этого рода информационный материал и этого рода связи Азеф, несомненно, накапливал для будущего — для того времени, когда он будет вне пределов досягаемости для своих полицейских руководителей.

Отношения с Герасимовым у Азефа в этот период были самые лучшие. Степень доверия, которым Азеф пользовался в глазах Герасимова, можно поставить вровень только со степенью доверия, которым он же пользовался в глазах своих коллег по Центральному комитету: в обоих этих случаях доверие было почти безграничным. Задачею их совместной работы ставилось недопущение покушения на царя, а первым и необходи-

мейшим условием считалось предупреждение возможности разоблачить Азефа. Каждый шаг расценивался под углом его значения с точки зрения «бережения Азефа». Об арестах членов Центрального комитета и в особенности членов Боевой организации не возникало и речи. Наоборот, если Охранное отделение иногда по случайным сведениям и без ведома Герасимова производило аресты кого-либо из членов последней, то Герасимов прилагал все усилия для устройства побега этим арестованным, и при том так, чтобы бегущие не догадались об игре, невольными участниками которой они становились. Никаких выдач от Азефа Герасимов не требовал: случай с отрядом Либединцева — единичное исключение.

Это, конечно, не значит, что Азеф не давал никаких сведений. О внутренней жизни Центрального комитета, а также о работе Боевой организации он по-прежнему рассказывал со всеми подробностями, и Столыпин по-прежнему был в курсе всех нужных ему деталей. Иногда на основании его сведений производились и аресты, но только на периферии и при том после того, как заранее было взвешено, не вызовет ли данный арест новых подозрений против Азефа. Если Азеф был против того или иного ареста, то всякие разговоры о нем прекращались. Центра во всяком случае не трогали.

Азеф был настолько уверен в этом отношении, что мог позволить себе роскошь рассказа Герасимову о предстоящем поступлении в кассу партии денег от экспроприации в Чарджуе и при этом похвалиться, что из этих денег большая часть идет в его, Азефа, распоряжение: Герасимов не ставил даже вопроса о том, что Азеф должен дать указания для ареста этих сумм, несмотря на то, что эта экспроприация вызвала особый гнев Столыпина, который отдал приказ *во что бы то ни стало поймать организаторов и найти деньги**. «Ведь я же знал, — не без своеобразного юмора прибавляет Герасимов, рассказывая об этом эпизоде, — что значительная часть этих денег все равно останется у нас, так сказать, в хозяйстве — поступит в распоряжение нашего человека». Едва ли можно сомневаться, что, только убедив-

* По сведениям Чернавского, в деле ареста организаторов этой экспроприации Азеф некоторое содействие полиции оказал. Но денег ей он во всяком случае не отдал.

шись из подобных разговоров в возможности «лояльного» отношения со стороны Герасимова и в этом деле, Азеф рискнул взять на себя организацию вывоза похищенных сумм из Туркестана: операция эта была проведена членами азефовской Боевой организации с полным успехом...

При этих условиях неудивительно, что Азеф, столь сребролюбивый вообще, в отношении к Герасимову всегда выступал в роли почти что бессребренника: по утверждению Герасимова, за все время их совместной работы он ни одного раза не слышал от Азефа просьб ни о прибавках, ни о наградных, ни о суммах на покрытие чрезвычайных расходов. Азеф безропотно довольствовался теми 1000 руб. месячного жалованья, которые были ему положены Герасимовым еще в 1906 г.: основным источником его доходов в эти годы был не Департамент полиции.

Едва ли нужно прибавлять, что доверие Герасимова к Азефу распространялось и на область их личных отношений: Азеф знал личный адрес Герасимова, который в этот период проживал конспиративно, под чужой фамилией и скрывал свою квартиру даже от ответственных служащих Охранного отделения, за исключением двух-трех наиболее доверенных лиц. Азеф был единственным из «секретных сотрудников», которому этот адрес был доверен — и он имел право в экстренных случаях являться на эту квартиру в любое время дня и ночи, только предварительно оповестив по телефону.

Нет никакого сомнения, что такого рода отношения с Герасимовым Азеф пользовался для того, чтобы выяснить степень осведомленности полиции о внутренних делах партии социалистов-революционеров помимо информации, приходящей от него, Азефа. Характер разговоров, которые велись между ним и Герасимовым, делает несомненным, что он имел возможность таким путем установить если не личности других полицейских агентов, то во всяком случае те круги, в которые эти агенты могли получать доступ и которых, следовательно, приходилось опасаться, начиная игру против полиции. Равным образом из этих же разговоров неизбежно должен был для Азефа выясняться круг тех лиц, относительно которых в случае такой игры он мог быть совершенно спокоен. Здесь он действовал теми же приемами, какими в свое время он действовал в общении

с Ратаевым, конечно, только с большей осторожностью и осмотрительностью.

Посторонним телом в эту обстановку вклинивались личные дела Азефа, которые в этот момент начинают играть особенно большую роль в его жизни.

Многолетней двойной игре Азефа между революцией и полицией в области политики соответствовала его многолетняя же двойная игра и в области личной жизни. Он умел и ее вести столь же осторожно и тонко, как и игру политическую. В партийных кругах он сумел создать для себя репутацию примерного мужа и семьянина, безмерно привязанного к своим «законным» жене и детям. Элементы такой привязанности в его характере действительно имелись. Он был чадолюбивым отцом, и Г. А. Лопатин¹ не напрасно называл его «чадолюбивым Иудой». Но эти элементы искренней привязанности к семье у Азефа всегда мирно уживались с большой любовью ко всякого рода приключениям «на стороне». Еще в студенческие годы, по-видимому, именно такого рода привычки Азефа дали основание студентам-коллегам, имевшим возможность поближе заглянуть в его интимную жизнь, прозвать его «грязным животным». Таким он и был в действительности, и сухие записи филерского наблюдения в течение позднейших лет пестрели заметками о ночах, проведенных Азефом в публичных домах и других злочных местах особого назначения. Сдержанный дома, когда его жизнь была доступна наблюдениям товарищей по партии, он давал волю своим действительным наклонностям, когда пускался в поездки «по партийным делам» — по России и по загранице. И именно эти стороны его личной жизни составляли особенно значительные статьи его расходного бюджета, именно для них ему нужны были такие большие деньги...

Зима 1907—08 гг. была переломной для Азефа и в этом отношении. Ему доходил четвертый десяток, т. е. приближался тот срок, когда степенеют и обычные за-всегдашние мест легкого увеселения. А у Азефа имелись и свои особенные причины, толкавшие его в этом направлении: угроза разоблачения, становившаяся все более и более вероятной, грозила для него, помимо всего прочего, потерей и семьи. Его жена оставалась все той же идеалистически настроенной революционеркой, какой она была в начале их знакомства. В свои сноше-

ния с полицией Азеф ее не посвятил — об этом не могло быть и речи. Она искренне считала, что ее муж — герой революционного долга, который живет под вечной угрозой ареста и казни. Для Азефа не было сомнений, что в случае его разоблачения жена, когда она убедится в правильности этого разоблачения, как это не будет ей трудно, пойдет на полный разрыв с ним. А перспектива остаться совершенно одиноким ему не улыбалась. Он хорошо знал старый завет старого и многоопытного еврейского бога: невместно человеку быть единому... А потому теперь, готовясь к розыгрышу своей последней игры и учитывая все возможные комбинации ее исхода, он был не прочь завести «постоянную связь», которая могла бы в случае нужды дать ему суррогат семейного счастья.

Такую связь судьба ему послала в лице кафешантанной певицы г-жи N. Впервые они встретились 26 декабря ст. ст. 1907 г. — точную дату дает сам Азеф в одном из своих позднейших писем к г-же N — в известном тогда петербургском кафе-шантане «Аквариум», подмостки которого г-жа N украшала своим присутствием. Их «роман» начался с первой же встречи: он был начат во время богатого ужина и закреплен на квартире г-жи N, куда они после ужина поехали. «С тех пор мы никогда не разлучались», — писал Азеф г-же N через девять лет из камеры берлинской тюрьмы, не без сентиментальности вспоминая об этом приятном эпизоде своего прошлого.

Г-жа N настолько прочно вошла в жизнь Азефа и внесла так много характерных и красочных черточек в его биографию, что она имеет все права на внимание и к ней самой.

В период своего первого знакомства с Азефом она была уже довольно заметной звездой на кафешантанном небосклоне Петербурга. По происхождению она была немкой из мелкобуржуазной семьи одного провинциального городка Средней Германии. У нее сохранилась семейная карточка от времен ее юности: вся семья снята за чайным столиком в саду, под яблонями. Нет сомнения, что это была по-мещански добродетельная и по-мещански благочестивая семья, которая сызмала внушила дочери твердую веру в незыблемость «четырех K» в жизни немецкой женщины: Kaiser, Kirche, Kinder und Küche. Г-жа N осталась в душе верна этим

внушениям и позднее, и еще в 1924—25 гг., в беседах с автором этих строк, больше всего скорбела о том, что соображения формального характера не позволили Азефу осуществить ее заветное желание и хотя бы перед смертью оформить их отношения путем «законного брака». Но эти взгляды не помешали ей прямо со школьной скамьи пуститься в далекую Россию отнюдь не для проповеди семейных добродетелей.

Судя по ее рассказам, в то время этот путь был довольно обычным для ее среды. Если раньше, за 100 или за 50 лет перед тем, на далекий северо-восток — туда, где, правда, по улицам городов бродят белые медведи, но где зато люди не умеют и не хотят считать денег — пускались «для ловли счастья и чинов» младшие сыновья из весьма родовитых, но крайне оскудевших немецких семей, то теперь, на рубеже XX века, по этому пути для ловли того же счастья тянулись юные представительницы менее anständige семейств, не имевших возможности дать им приличное приданое, столь необходимое в наш меркантильный век для устройства семейного очага. Через несколько лет они возвращались домой обычно с результатами не менее удовлетворительными, чем у их более благородных предшественников: с деньгами, которых было достаточно для покупки жениха и какого-нибудь небольшого магазина или модной мастерской, что создавало возможность по-мещански добродетельного и по-мещански благочестивого существования в течение всей дальнейшей жизни. Каждая вернувшаяся из подобных странствований была настоящим событием в ее родном городке. О том, как деньги добыты, никто не спрашивал — женихи еще меньше, чем все остальные. Все завидовали, что деньги вообще добыты, и тянулись по проторенному пути, цепляясь за знакомства и родственные связи, туда, на далекий северо-восток, где можно так быстро и легко скопить такие большие суммы.

Г-жа N принадлежала к числу удачливых. В Петербург она попала незадолго перед началом русско-японской войны — в самый разгар дальневосточных авантюр, когда казенное золото полным потоком лилось в карманы Безобразовых, Вонлярлярских и иных рыцарей легкой наживы и когда — это было только простым следствием предыдущего — во всех злочных местах Петербурга дым стоял коромыслом от безумных куте-

жей золотой и позолоченной молодежи... Голос у г-жи N был неважный, но не в пении была «сила» избранной ею профессии, и она без труда получила ангажемент в одном из лучших кафе-шантанов Петербурга. Вскоре ее заметили верхи кутящей столицы, вплоть до великих князей, которые, как и полагалось для глубоко монархической страны, тогда задавали тон в этой области национальной жизни.

На особенную высоту ее вознесла начавшаяся война. В ее рассказах об этом периоде много туманного и прямых пробелов: похоже, что и для нее самой не все ясно вспоминается сквозь похмелье пьяного угара, которым особенно густо окутан этот период ее жития. Отдельными кусками встают жизнь в Харбине, где она пела в шантане «Колхида», поездка в какие-то другие города, названия которых не удержались в ее памяти, пышные эполеты и громкие титулы ее высокопоставленных «покровителей». Она, несомненно, жила на самом Олимпе кутящего тыла армии, но видела все под весьма и весьма своеобразным углом зрения. С большими подробностями и с большой любовью (если можно употребить в данном случае это слово) она вспоминает о своем путешествии в поезде великого князя Кирилла Владимировича, который вместе со своим братом Борисом «украшал» тогда своим присутствием русскую армию. О манджурских подвигах обитателей этого поезда достаточно хорошо известно в литературе. Их пьяные дебоши и бесчинства в дни, когда рядом лилась человеческая кровь, приводили в негодование даже военное командование — несмотря на все его желание ухаживать за двоюродными братьями царя. Дело кончилось тем, что главнокомандующий ген. Куропаткин как особой милости для себя просил об удалении этих князей из армии, так как они вносят деморализацию в среду последней. А г-жа N о времени своего пребывания в этом поезде — даже теперь, после всех перенесенных житейских бурь, — вспоминает больше, чем с простым удовольствием: «Это была веселая, привольная жизнь!»

И небесприбыльная, добавим мы от себя: из сохранившихся у г-жи N документов видно, что она уже в 1906 г. имела возможность дать под вексель какому-то X — офицеру-золотоискателю, выдававшему себя за владельца больших поместий на Волыни, целых 50 тыс. рублей на разведывательные работы где-то в Енисей-

ской тайге. Едва ли нужно прибавлять, что эти деньги ею не были привезены с собою из Германии...

Маленький штрих, далеко не лишний для понимания этой среды: у матери г-жи N сохранилась пачка писем ее дочери — с пути на Дальний Восток и из Харбина. Содержание — самое обычное. Наверно, так пишут заботливым матерям все послушные юные дочери, впервые покинувшие родительский кров для того, чтобы провести несколько месяцев в гостях у старой тетки в соседнем городке: сообщения о своем здоровье, поклоны родным, семейные вопросы; изредка фразы о погоде и стереотипные, слегка сентиментальные замечания о русской зиме, о сибирской тайге, о красоте скал над Байкалом. Войны и отзвуков окружающего ужаса в них совершенно не слышно. При чтении их трудно заставить себя поверить, что строки писаны из того самого поезда, вся жизнь в котором была одной сплошной пьяной оргией и прибытие которого на станции Сибирской железной дороги нагоняло настоящую панику на все железнодорожное начальство...

Дальнейшие этапы карьеры г-жи N представляют меньший интерес: они обычны. В течение ближайших лет она объездила все крупнейшие города России — Москву, Харьков, Киев, всюду выступая в перворазрядных местных кафе-шантанах. Своими тогдашними успехами она гордилась, «О, мое имя тогда было хорошо известно в России», — не без горделивой скромности прибавляет она. Зимой 1907—08 гг. она пела в Петербурге, в «Аквариуме», и, по-видимому, пользовалась известным успехом. В бумагах Азефа сохранилась ее карточка тех лет. С этой карточки на нас глядит пышная, нарядно разодетая и в значительной доле раздетая брюнетка — представительница того типа, который в романах доброго старого времени именовался типом «роскошной женщины». Карточка была напечатана в качестве открытки и под ней стоит печатная же подпись: «La bella Heddy de Negro»: несомненно, что карточка поступала в продажу.

В период встречи с Азефом г-жа N уже искала «солидных знакомых»: шел четвертый год ее пребывания в России, а накопленных денег было мало для триумфального возвращения на родину. Кредитование золотых разведок в Енисейской тайге не принадлежало к числу блестящих финансовых операций. По-видимому,

и г-жу N на этот путь толкнули соображения далеко не коммерческого порядка... Офицер-золотоискатель, судя по бережно сохраненной г-жею N его фотографической карточке, принадлежал к числу типичных «ташкенцев», ищущих места для приложения своих талантов: туго обтянутые скулы, «целеустремленный» волчий взгляд, кавказская бурка на плечах и кавказский же кинжал за поясом... С такими людьми не рекомендуется садиться за карточный стол, тем менее разумно давать им деньги в долг. Срок его векселю давно истек, но о возврате занятых сумм не было и речи. Волынские поместья оказались совсем маленьким кусочком земли, к тому же заложеным и перезаложеным. Сам офицер куда-то исчез, и предъявленный ко взысканию вексель так и застрял в окружном суде, только вызывая лишние расходы на адвоката. Легко нажитые деньги еще легче уплыли из рук, причем мистически настроенные люди при желании могут обнаружить во всей этой истории руку всесправедливого провидения: на страданиях и позоре русской армии скопленные представителем этой же армии деньги были и отобраны... Почти как в Писании: из праха ты вышел и в прах возвратишься...

После столь горького опыта с «романтикой» было покончено... Г-жа N думала только о «солидных знакомых», которые могли бы возместить понесенные потери и убытки. Азеф как нельзя более подходил для этой роли. Он назвал себя крупным коммерсантом, который имеет семью, но хочет завести связь на стороне. И его внешность, и его поведение внушали доверие к его кредитоспособности. Он не швырял деньгами, но в случае нужды умел не крихтя покрывать крупные счета. О финансовой солидности говорили и делаемые им подарки. Некоторую роль играло и то обстоятельство, что он не был так груб, как обычные завсегдатаи «Аквариума».

Закрепление отношений Азефа с г-жею N шло быстрым темпом. Все время, остававшееся после выполнения обязательной партийной работы и необходимых визитов к Герасимову, Азеф проводил вместе с нею. Они открыто появлялись в театрах, в увеселительных местах, на улице. Азеф был, по-видимому, искренне увлечен и совершенно отбросил в сторону свою обычную осторожность. Его поведение не прошло незамеченным в партийных кругах: вчера его видели в дорогой ложе на легкомысленной оперетке, сегодня — он ужинал в перво-

классном ресторане, и повсюду с г-жою N, которая имела вполне определенную репутацию. Кто-то его встретил у ювелира, когда он отбирал ценные серьги. Петербург не был деревней, но столь многие знали Азефа как партийного деятеля, что ему даже в Петербурге невозможно было скрыть подобное свое поведение. О нем начали говорить. До поры до времени Азеф парализовал эти разговоры, сообщив товарищам по Центральному комитету о том, что ему удалось завести знакомства в мире кафешантанных певичек в интересах разведывательной работы против царя. Доля истины в этих словах была: если Азеф из своего знакомства с г-жою N и не извлек полезных данных для подготовки покушения против царя, то во всяком случае, в некотором роде породнившись через нее с благополучно тогда царствовавшей династией, Азеф, как передаст г-жа N, любил ее расспрашивать о быте и нравах великокняжеского окружения.

Но подобные отговорки мало-мальски убедительными могли быть лишь очень недолго и к тому же только для тех, кто был посвящен в тайну работы Боевой организации. В более же широких партийных кругах разговоры о необычном поведении Азефа множились и ползли вширь. Герасимов рассказывает, что около этого времени об Азефе начали поступать сведения от целого ряда других его осведомителей по партии социалистов-революционеров. Особенно настойчиво говорил один, убедительно доказывавший, что надо пользоваться обстановкой и арестовать Азефа — члена Центрального комитета и руководителя Боевой организации. Уклончивое отношение, которое только и мог занять Герасимов в ответ на эти рассказы, явно приводило старательного агента в недоумение, и он позднее, почти с оттенком облегчения, которое должно явиться у человека, нашедшего решение трудной задачи, принес известие о подозрениях, которые циркулируют в партии против Азефа.

Герасимов вспоминает, что он не раз предупреждал Азефа об опасностях, с которыми связан для него этот образ жизни. Но Азеф не склонен был менять последний. Всю опасность обстановки, которая для него складывалась, он понимал, но выход искал в прямо противоположном направлении, и все настойчивее и настойчивее доказывал Герасимову, что он должен покончить

игру и уйти на покой. Герасимов, по его словам, не особенно спорил. Доводы Азефа и ему казались убедительными: после 15 лет своей работы и ввиду опасностей, которые вокруг него все сгущались, Азеф и с точки зрения Герасимова имел право на отдых. Герасимов просил только об одном: довести до конца предположенную на весну операцию по парализованию покушения на царя. На это Азеф дал согласие.

Приблизительно около этого времени имел место небольшой эпизод, оказавший влияние на Азефа и толкнувший его на ускорение развязки: по случайному доносу был арестован помощник Азефа по руководству Боевой организацией П. В. Карпович. Аргунов, видевший Азефа в момент получения известия об этом аресте, передает, что Азеф был им «необычайно взволнован». По рассказу Герасимова, Азеф немедленно же заявился к нему на внеочередное свидание и устроил настоящую истерику. По его словам, этот арест неизбежно должен был окончательно погубить его в глазах революционеров, а потому он грозил немедленно же все бросить и уехать за границу. Герасимов был целиком на стороне Азефа. Арест был произведен без его ведома. «Если бы я знал, — говорил он, — я никогда такой глупости не допустил бы». Поэтому Герасимов был готов сделать все, чтобы умиротворить Азефа, тем более, что он совсем не хотел остаться без его помощи во время весенних операций. Азеф требовал немедленного освобождения Карповича, и притом так, чтобы у Карповича не возникло никаких подозрений. Карпович бежал с каторги и его тщательно разыскивали по всей России. Освобождение его было прямым служебным преступлением. Тем не менее Герасимов, не колеблясь, обещал удовлетворить и это требование Азефа. Все действительно было устроено самым лучшим образом.

К счастью, у Карповича при аресте ничего найдено не было и ему не было дано понять, что полиция знает, с кем имеет дело. Это создало возможность изобразить дело так, будто задержан он ввиду сомнений в правильности его паспорта. Ему объявили, что его отправят на место выдачи паспорта для проверки его личности: такой порядок действительно применялся в случае, когда личность арестованного не представляла для полиции никакого интереса. После этого Карповича отправили из Охранного отделения, где он до этого содержался,

в пересыльную тюрьму. Сопровождать его Герасимов поручил одному из наиболее доверенных своих чиновников, дав последнему строжайшие инструкции «устроить так, чтобы он бежал». Дело это оказалось не совсем легким: Карпович, который, очевидно, поверил версии о том, что его полиция не опознала, явно не хотел рисковать попыткой побега в Петербурге, в надежде, что такой побег будет более легок в той глуши, куда его посылают. Эти его надежды были основаны на вполне правильной оценке положения — если бы положение это было нормальным, — а потому он не торопился пользоваться возможностями для побега, которые ему услужливо предоставлял сопровождавший его чиновник. Ехали они на извозчике. В пути чиновник остановил извозчика и зашел в табачную лавочку, якобы за папиросами. «Я был уверен, — рассказывал он позднее Герасимову, — что вернувшись найду только пустые дрожки, но к моему изумлению Карпович мирно сидел и ждал». Тогда конвоир предложил Карповичу зайти в ресторан — «перекусить». Карпович согласился. Заказали обед. Во время него конвоир отлучился «по своим надобностям» и через дверь смотрел, как себя поведет Карпович. Последний долго колебался, по-видимому, подозревал какую-то ловушку. «Устал я с ним, — рассказывал позднее конвоир Герасимову, — еле-еле удалось выпроводить. Не хотел человек бежать, что с ним поделаешь?»

Похоже, что именно этот эпизод с Карповичем заставил Азефа ускорить проведение мер подготовки для переселения за границу: по рассказу г-жи N в марте 1908 г., вскоре после масляной, Азеф неожиданно и без всяких объяснений заявил ей о необходимости немедленно же ехать за границу и предложил в срочном порядке ликвидировать ее квартиру. Так как для продажи обстановки не было времени, то всю ее сдали на хранение в одно из мебельных депо. Полученную квитанцию практичный Азеф заложил в ломбарде за 700 руб.: по размеру этой суммы можно составить представление о материальном уровне жизни г-жи N в тот период. С собой для заграницы Азеф советовал оставлять как можно меньше вещей. Он лично настаивал на одном только самоваре: чтобы и за границей можно было пить чай по-русски.

За границей в этот раз Азеф и г-жа N провели око-

ло месяца, живя частью вместе, в Германии, частью порознь. Возможно, что в это время Азеф ездил в Париж, где тогда умирал Гершуни. Около Пасхи Азеф, захватив с собой г-жу N, вернулся в Петербург. Теперь они поселились вместе в одном из лучших отелей Петербурга и прописались под именем мужа и жены. На этот раз Азеф уделял г-же N очень мало времени: он был занят и пропадал по целым дням. Один раз он даже уезжал на несколько дней. Г-же N он свое поведение объяснял хлопотами по ликвидации своих коммерческих дел.

В действительности его дела, конечно, не имели ничего общего с коммерцией, хотя и были все построены на основах своеобразного коммерческого расчета: помимо участия в текущей работе Центрального комитета, именно в этот период он провел две больших операции — получение из Туркестана денег, экспроприированных в Чарджуе, о чем уже говорилось выше, и «покушение» на царя в Ревеле.

Это последнее предприятие Азеф выдавал Герасимову за высшей степени серьезное и говорил, что для проведения его создана специальная группа человек в 12—15, опорная база которой находится в Финляндии. Судя по всему, в этих его рассказах было много преувеличений: Азеф, так сказать, набивал цену той услуге, которую он на прощание оказывал полиции. По крайней мере рассказ об этом эпизоде М. М. Чернавского — единственного из членов Боевой организации этого периода, который напечатал воспоминания, не производит впечатления, что дело было поставлено с большой солидностью.

По договору, который был заключен для этой операции между Герасимовым и Азефом, закончена она должна была быть без арестов: покушение должно было быть предупреждено одними мерами внутриорганизационного саботажа. На аресты Азеф ни в коем случае не давал своего согласия, и Герасимов принял его условия: так как поездка царя в Ревель была связана с вопросами высокой политики (в Ревеле должно было состояться свидание с королем английским), то аресты и громкий процесс были даже не в видах правительства. Важно было только, чтобы поездка прошла без каких-либо инцидентов... Именно поэтому «конвенция» Азе-

фа — Герасимова без возражений была контрастирована и Столыпиным.

По рассказам Азефа, у членов Боевой организации имелось несколько проектов нападения на царя: они должны были быть использованы в зависимости от того, каким путем поедет царь к Ревелю — по железной дороге или морем, где он остановится в Ревеле и т. д. Задача Азефа и Герасимова сводилась к тому, чтобы передвижения царя не допустили применения ни одного из этих проектов и чтобы при этом у членов Боевой организации все время сохранялась твердая уверенность, что все неудачи объясняются случайными совпадениями обстоятельств, что полиция не осведомлена об их планах.

Справиться с этой задачей удалось без больших затруднений: в одном случае условная телеграмма пришла с совсем небольшим запозданием; в другом — кто-то не успел попасть на нужный поезд. Кроме того, царь отменил поездку в замок какого-то своего приближенного из эстляндских баронов, а именно на эту поездку Боевая организация возлагала особенные надежды. Все сошло как нельзя лучше: без сучка — без задоринки...

Герасимов вспоминает, что во время проведения им с Азефом этой операции ему бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех предположенных передвижений царя. Все изменения, которые вносили в план царской поездки, в каком бы секрете они ни держались, немедленно становились известными Азефу, который обо всех о них получал извещения путем условных телеграмм. Азеф даже бравировал этой своей осведомленностью и почти посмеивался над Герасимовым, который этого рода новости узнавал позднее Азефа, хотя по своему положению и должен был быть в курсе всех этих вопросов, так как именно на нем лежала основная забота о безопасности царя. Однажды на этой почве между Герасимовым и Азефом вышло нечто вроде маленькой размолвки: в процессе обсуждения плана операций Азеф указал на необходимость принять во внимание какую-то деталь намеченного маршрута царя. Герасимов возразил, что такой детали в маршруте не имеется, и ссылаясь на имеющиеся у него официальные документы. Азефа это не смутило: «Это — новое изменение, которое до вас,

очевидно, еще не дошло, — авторитетно заявил он. — Значит, вам сообщат завтра или послезавтра».

И сколько Герасимов ни старался убедить его в невероятности подобного допущения, Азеф уверенно стоял на своем: «Наши сведения совершенно точны!»

Велико было изумление Герасимова, когда на следующий день он получил «строго конфиденциальный» пакет с дополнительной надписью «лично в руки...», в котором содержалось извещение о внесении в маршрут царя той самой поправки, про которую ему накануне рассказывал Азеф.

Во время ближайшей встречи Герасимов, естественно, сделал попытку выяснить источник столь исключительной осведомленности Азефа, но последний самым решительным образом отказался удовлетворить любопытство своего полицейского патрона: «Вы знаете, что я принимаю все меры, чтобы расстроить покушение, и ручаюсь вам, что не допущу его. Но сообщить, кто дает мне эти сведения, я не могу: человек этот занимает весьма высокое положение, об его сношениях со мной известно всего только 2—3 людям. Если он как-нибудь заметит, что об его роли известно, подозрения падут, конечно, на меня и тогда я погиб... Лучше не спрашивайте: я должен заботиться и о собственной голове!»

Но подчеркнуть свою победу и в данном споре Азеф не забыл: «Видите: а ведь прав-то был я... Что стали бы вы делать, если бы во главе Боевой организации стоял кто-нибудь другой?»

Настаивать на своем вопросе Герасимов не считал возможным: право Азефа «беречь свою голову» было давно уже признано, и при том в самом широком толковании. Да и ясно было, что такое настаивание ни к чему не приведет: сломить Азефа было трудно. Но позднее, когда горячее время ревельской поездки прошло, Герасимов произвел строго секретное расследование о том, кто именно мог быть информатором Азефа. Так как посвященных в детали разработки маршрута царской поездки было очень немного, то отрывочные указания, имевшиеся в рассказах Азефа, нить для расследования давали. Результаты этого расследования заставили Герасимова схватиться за голову: все говорило за то, что информатором Азефа был не какой-либо второстепенный чиновник (именно на это надеялся Герасимов, начиная свое расследование), а лицо весьма и весьма

ма высокопоставленное. Принимать какие бы то ни было меры против него на свою собственную ответственность Герасимов, конечно, не мог и решил сделать конфиденциальный доклад обо всем этом деле Столыпину. Последний долго отказывался верить. По его настоянию была произведена дополнительная поверка полученного результата, которая только подтвердила первоначальный вывод: означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке цареубийства... Казалось, правительство не имело ни права, ни возможности мириться с подобным положением. И тем не менее после долгих размышлений Столыпин дал указание не давать делу никакого движения: «Выйдет слишком большой скандал, — теперь мы не можем допустить себе подобную роскошь... Может быть после... Да и роль Азефа в этом случае нам придется вскрыть, а он нам нужен... Лучше не будем трогать... Имейте только *его* в виду...»

Заботой о «бережении Азефа» Столыпин был тоже проникнут, а потому высокопоставленного помощника в деле организации цареубийства не тронули... Позднее же, когда роль Азефа вскрылась, «трогать» [его] стало совершенно невозможным: разве можно было рассказать публично, что почти член Совета министров в деле подготовки цареубийства сознательно помогал Боевой организации, руководителем которой был агент полиции, действовавший под контролем самого председателя этого Совета министров? Можно было примириться со всем, что угодно, только не с оглашением подобных в полном смысле слова убийственных данных!

Фамилия этого лица остается невскрытой и до сих пор: Герасимов и теперь не считает возможным назвать ее для печати. Но и не называя этой фамилии, можно составить достаточно ясное представление о богатстве связей, которыми в это время располагала Боевая организация и которые могли бы при случае быть пущены в ход — не для игры, подобной той, которая велась Азефом вокруг ревельских планов, а для серьезного предприятия...

Ревельские торжества сошли благополучно. Все были довольны: царь и Столыпин — политическими результатами свидания с английским королем; Герасимов — полученными наградами; Азеф — больше всего

тою сотнею тысяч рублей, которые поступили в «забро- нированный» фонд Боевой организации из сумм чард- жуйского казначейства: переправу этих сумм из Тур- кестана в Петербург Азеф закончил как раз около это- го времени.

Но Ревель был далеко не последнею картою в игре Азефа. Немедленно же после окончания «ревельской кампании» Азеф стал торопиться с отъездом за гра- ницу, на что согласие Герасимов ему дал еще заран- нее. Теперь у Азефа были свои особые причины спешить с этим отъездом: в самый разгар подготовки к «ревель- ской кампании» из-за границы пришло сообщение о том, что там намечается возможность организовать по- кушение на царя совсем иным путем и с очень больши- ми шансами на успех. Сообщение это, конечно, было прежде всего передано Азефу, который немедленно от- правил своего помощника, П. В. Карповича, для выяс- нения обстановки. Известия, которые приходили от Кар- повича, внушали радужные надежды, и Азеф спешил сам на место подготовки больших событий.

С Герасимовым Азеф прощался, как прощаются пе- ред разлукою навсегда. Он говорил, что устал и хочет уйти на покой, а потому в ближайшее же время отстра- нится от активного участия во всех партийных делах: вот бы только ему удалось реабилитироваться от выд- винутых против него Бурцевым обвинений, чтобы иметь возможность жить спокойно, не опасаясь нападения со стороны революционеров. Свою активную работу в качестве агента полиции он теперь ликвидировал совер- шенно: вполне определенно он говорил, что к ней боль- ше не вернется, и только почти в форме личного одол- жения обещал время от времени писать о наиболее важных событиях из жизни Центрального комитета: материал для информационных докладов Столыпину, к которому Азеф положительно питал нечто вроде лич- ной симпатии. Жалованье Герасимов обещал ему вы- сылать, пока будет на то формальная возможность, но смотрели на это жалованье больше как на пенсию за услуги, оказанные в прошлом. Едва ли нужно прибав- лять, что во время всех этих подпольных разговоров Азеф ни одним намеком не дал Герасимову понять о существовании какого-то нового плана царубийства, к которому он теперь будет иметь самое близкое отноше- ние.

В июне 1908 г. Азеф покинул Россию, для того чтобы больше уже не возвращаться в нее (если не считать короткого визита в ноябре 1908 г. для свидания с Лопухиным). Г-жу N, которая, конечно, вместе с ним уехала из России, он оставил в Германии, а сам поспешил в Париж и затем в Глазго (Шотландия), где шла подготовка к новому покушению против царя.

Новый план состоял в следующем.

В Глазго, на верфях Виккерса, строился крейсер «Рюрик» — один из тех, которые должны были заменить старый русский флот, нашедший столь печальный конец в волнах Желтого моря. Для надзора за ходом работ и для ознакомления с самим кораблем в Глазго были присланы основные кадры будущего экипажа крейсера. С представителями этого экипажа революционерами были завязаны связи, и как социал-демократы, так и социалисты-революционеры вели среди них свою пропагандистскую работу. Работой социалистов-революционеров руководил К. П. Костенко — военноморской инженер, входивший в центральную группу офицерской организации партии и имевший связи непосредственно с Центральным комитетом. Именно ему принадлежала мысль использовать для покушения на царя тот торжественный царский смотр, который должен был быть устроен при приеме крейсера, когда он придет в русский порт.

Совершить покушение на этом смотре было возможно двумя способами: если за выполнение этого предприятия взялся бы кто-либо из распропагандированных чинов экипажа, то он мог бы убить царя из револьвера во время самого смотра или во время обхода царем помещений принимаемого крейсера; если же такого добровольца из состава экипажа не нашлось бы, то предполагалось тайно провести на крейсер члена Боевой организации, не принадлежащего к составу команды судна, и дать ему возможность тайно же прожить на крейсере до момента царского смотра.

Так как в начале подготовительных работ добровольца из состава команды не имелось, то все внимание было сосредоточено на втором плане. Возможность пробраться на крейсер, пока он находился в Глазго, имела полная. С помощью Костенко был найден и укромный уголок, в котором можно было бы прожить некоторое время, не будучи обнаруженным начальст-

вом: это были отверстия в румпельном отделении, за головой руля. Помещение это было мало и неудобно. Человек, который взялся бы за выполнение этого акта, должен был бы все время полусидеть-полулежать, не имея возможности расправить члены тела. Но предполагалось, что при большой выносливости это испытание может быть выдержано. Зато в других отношениях помещение представляло огромные преимущества: из него легко было попасть в центральную трубу вентилятора, по внутренней лестнице которого можно было подняться непосредственно к адмиральскому помещению и взорвать его во время царского завтрака.

Этот план имел свои отрицательные стороны: время царского осмотра не было заранее известно и могло случиться, что террористу пришлось бы жить в своем закуте не несколько дней, а целые недели (на практике такой смотр действительно состоялся почти через два месяца после выхода крейсера из Глазго), а для такого испытания человеческих сил не могло хватить. Но считалось, что рискнуть все же имело смысл.

Азеф приехал в Глазго в середине июля. С помощью Костенко он получил — конечно, под чужой фамилией — разрешение осмотреть крейсер и облазил все помещения, в том числе и те уголки, в которых предполагалось спрятать террориста, вентиляционную трубу, по которой пришлось бы подниматься к адмиральскому помещению и пр. Вывод его был неблагоприятен для плана: он считал его невыполнимым. Его отзыв был решающим, и план был оставлен. После этого вся надежда была на нахождение добровольцев из состава экипажа. После некоторых поисков такие добровольцы были найдены. Это были матрос Герасим Авдеев и вестовой Каптелович. Особенные надежды возлагались на первого — очень смелого, энергичного и весьма революционно настроенного человека. С ним были знакомы как Савинков, так и Карпович; позднее с ним встретился и Азеф. Оба они получили от Боевой организации револьверы и со своей стороны написали прощальные письма, в которых объясняли мотивы своего поведения: эти письма вместе с приложенными к ним фотографическими карточками взял с собою Азеф — они должны были быть опубликованы после совершения ими намеченного акта.

В середине августа 1908 г. крейсер вышел в Россию. Уже с пути в личном письме к Савинкову Авдеев

писал о своих настроениях: «Я только теперь начинаю понимать, что я такое. Я никогда не был и не буду работником-пропагандистом... Я теперь глубоко, серьезно подумавши, представляю себе выполнение порученной мне задачи... Одна минута разрешит больше целых месяцев. Тогда лучше видно».

Только 7 октября состоялся царский смотр. «И Авдеев, и Каптелович встретили царя лицом к лицу», — сообщает Савинков. По рассказу Костенко, переданному В. Н. Фигнер, Авдееву пришлось даже по просьбе царя принести ему бокал шампанского и в течение нескольких минут стоять в непосредственной от него близости. Покушение легко могло быть совершено, но совершено не было. Савинков объяснял это тем, что ни у Авдеева, ни у Каптеловича в решительную минуту не нашлось нужной смелости. По рассказу Костенко, который лучше осведомлен о том, что происходило на крейсере, дело обстояло совершенно иначе: военная организация, существовавшая на крейсере, готовила вооруженное восстание. Количество распропагандированных было велико, и руководители организации надеялись, что успех будет на их стороне. Авдеев и Каптелович входили в состав этой организации, но не посвятили ее в свои планы. Тем не менее по их поведению руководители организации догадались, что ими что-то готовится и потребовали объяснений. Пришлось рассказать, — результатом явились бурные объяснения. Было ясно, что план цареубийства скрещивается с планом восстания: одно помешает другому, так как в результате выступления против царя на крейсере, конечно, начнутся допросы и аресты, полиция неминуемо нападет на след организации и большой план захвата Кронштадта погибнет. В результате организация потребовала от Авдеева и Каптеловича отказа от их планов, и они должны были подчиниться ее решению.

Некоторые косвенные указания говорят за то, что эта версия Костенко более правильно объясняет поведение Авдеева и Каптеловича, чем догадка Савинкова: наличность среди распропагандированных матросов крейсера трений между сторонниками террора-цареубийства и сторонниками массового восстания видна и из воспоминаний Савинкова. Если так, то последняя карта Азефа, от которой зависело его спасение, была бита сторонниками того самого массового восстания, в которое он никогда не верил и против которого он всегда боролся.

Какое бы из этих двух объяснений мотивов поведения Авдеева и Каптеловича ни было верно, во всяком случае ясно одно: не состоялось это покушение совсем не потому, чтобы его не хотел Азеф. Последний сделал все, что было в его силах, для доведения этого предприятия до успешного конца. Герасимов ничего не знал о том, что должно было произойти на «Рюрике». Прощальное письмо Авдеева, подписанное его настоящим именем, вместе с приложенной к нему фотографической карточкой — письмо, которое с головой выдавало Авдеева, — осталось на хранении у Азефа вплоть до момента его разоблачения: уходя в ночь на 6-е января 1909 г. со своей парижской квартиры, Азеф сознательно положил его на видном месте на своем письменном столе как документ, который должен был доказать его обвинителям, что он не был предателем, если мог предать и не предал этого дела... На самом деле, конечно, значение этого документа было иное: он свидетельствовал, что в данной партии его игры для Азефа было более выгодным предать не революционеров...

Позднее, в 1912 г., встретившись с Бурцевым во Франкфурте-на-Майне, Азеф не без упрека в голосе говорил: «Если бы вы, Владимир Львович, меня тогда не разоблачили, я убил бы царя».

Вся биография Азефа — как мы ее теперь знаем — заставляет считать, что на этот раз он говорил Бурцеву правду: он действительно организовал бы цареубийство. Верить в это приходится не потому, что он был особенно инициативным и изобретательным организатором. Наоборот: творческой инициативы у него не было, и за все годы *своего* в боевую работу он ничего не внес. Но волею судеб он сделался центром, к которому тянулись нити коллективной инициативы всех, чья мысль работала над вопросами террора. Огромное большинство этих мыслей Азеф губил — продавал их полиции. Но в те моменты, когда это становилось ему выгодным, он умел из общей массы талантливых и оригинальных планов выбирать *практически* целесообразные — как хороший коммерсант из массы часто гениальных изобретений и открытий выбирает только те, которые в данный момент могут быть рентабельными. И этот практически целесообразный план он сумел бы привести в исполнение, потому что это ему было выгодно.

Конечно, поскольку речь идет об Азефе, организованное им таким образом убийство царя не было бы актом террористической борьбы в том смысле, который вкладывается в это слово нашей русской литературой. С точки зрения субъективных мотивов его поведения это было бы обычным убийством с заранее обдуманном намерением и притом в целях извлечения корыстной выгоды. Но для историка эти мотивы не представляли бы большого интереса. Историкун пришлось бы считаться с фактом: династия Романовых закончилась бы во всяком случае не на Николае II...

Глава XIX

Разоблачение

Кампания против Азефа, начатая Бурцевым, тем временем развертывалась своим чередом. Шаг за шагом Бурцев накапливал улики и уже перестал делать секрет из своих обвинений. Теперь он не был одинок. Систематические неудачи Боевой организации во всем главном, что только она ни задумывала, начали наводить на печальные размышления многих и из числа партийных деятелей. Становилось бесспорным, что предатель в самом центре партии имеется, и методом исключения все, вставшие на путь этих рассуждений, приходили к подозрениям против Азефа. На партийное положение Азефа все эти подозрения до поры до времени никакого влияния не оказывали. Руководители партии упорно отказывались верить всем выдвигаемым против него обвинениям, квалифицируя их как «легкомысленную обывательскую болтовню». Азеф продолжал руководить боевой работой партии и входить в состав Центрального комитета. В качестве члена последнего в августе 1908 г. он присутствовал на партийной конференции в Лондоне...

Такое положение заставило Бурцева перейти к более решительным действиям. Узнав об участии Азефа на Лондонской конференции, он отправил одному из членов этой конференции, своему старому другу А. Л. Теплому, письмо с прямым обвинением Азефа в измене. Это письмо стало известным Центральному комитету, который решил, наконец, выйти из своего пассивного состояния и привлечь Бурцева к третьейскому суду. Речь шла не о

расследовании по существу тех обвинений, которые выдвигал Бурцев против Азефа, а именно о суде над Бурцевым за то, что он «клеветал» на Азефа. И тем не менее решение Центрального комитета натолкнулось на сильное сопротивление среди видных партийных деятелей, особенно из числа имевших более или менее близкое отношение к Боевой организации. Последние во главе с Савинковым были самым решительным образом против суда, считая уже самую возможность такого суда оскорблением для чести Боевой организации.

Считая Бурцева искренним человеком, впадшим в глубокое заблуждение только потому, что он не знал действительной биографии Азефа, Савинков в доверительных беседах рассказал Бурцеву во всех подробностях о роли Азефа в жизни Боевой организации. В этих рассказах для Бурцева было много нового. Из них он, в частности, впервые узнал о плане покушения на крейсере «Рюрик»: разговоры его с Савинковым происходили в сентябре, как раз в те дни, когда «Рюрик» подходил к Кронштадту и готовился к царскому параду и когда посвященные в это дело руководители Боевой организации со дня на день ожидали получения телеграммы о «роковом» для жизни царя инциденте во время этого парада. Легко себе представить, какие настроения должны были вызвать в Бурцеве эти рассказы. У него была твердая *уверенность* в правильности выдвинутого им обвинения, но *точного знания*, документально установленных *фактов* он не имел. Прав или не прав он был, но общая обстановка в свете узанного им от Савинкова становилась еще более жуткой, еще более кошмарной.

Именно в эти дни он сделал свою попытку вызвать Лопухина на откровенный разговор. Попытка эта, как рассказано выше, удалась. «Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз», — взволнованно бросил бывший директор Департамента полиции, сам разрешивший Азефу вступить в Боевую организацию, но не имевший до этого разговора и отдаленного представления с том, как далеко ушел его бывший подчиненный по тому пути, для вступления на который Лопухин его благословил.

Этот разговор дал Бурцеву то, чего ему раньше не хватало, — дал *знание* правильности выдвигаемого им обвинения. Пусть Азеф убил Плеве, вел. кн. Сергея и многих других; пусть он не сегодня-завтра убьет и самого

царя. Дело от этого не меняется. Какими мотивами он руководствуется при этом — неизвестно, но точно известно, что он состоял и состоит на службе у полиции, и если по тем или иным соображениям он сегодня не выдает одних из террористов, то совершенно несомненно, что он вчера и позавчера выдавал многих других и что он будет так же поступать завтра. Мириться с этим положением нельзя. Если ближайшие друзья Азефа не хотят открыть глаза, если они остаются глухи ко всем указаниям, тогда остается только одно: высказать свои обвинения публично, в печати.

Под влиянием этих настроений немедленно же после свидания с Лопухиным Бурцев составил открытое обращение ко всем членам партии социалистов-революционеров и сдал его в типографию для набора. В этом обращении он повторял свои обвинения против Азефа и объяснял, почему он должен прибегнуть к помощи печатного слова.

В корректурных гранках это обращение было послано в Центральный комитет социалистов-революционеров. Только после этого принятое больше чем за месяц перед тем решение о созыве третейского суда было приведено в исполнение. В состав суда решено было пригласить трех наиболее старых и популярных в революционной среде революционеров: В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатина и П. А. Кропоткина¹.

«Надо принять меры и усмирить Бурцева, который направо и налево распространяет слух, что Азеф провокатор», — говорил член Центрального комитета Натансон, приглашая в состав суда В. Н. Фигнер.

Они все еще были уверены, что речь идет именно о том, чтобы «усмирить» Бурцева!

Суд заседал в Париже — главным образом на квартире Савинкова, в маленькой скромной комнате, почти лишенной обстановки. Внешняя обстановка была самая обыденная, без намека на торжественность. Члены суда сидели попеременно с «обвиняемым» и представителями «обвинения», официальным председателем был Г. А. Лопатин, но фактически допросы вел главным образом В. М. Чернов, который вместе с М. А. Натансоном и Б. В. Савинковым представлял обвинение в качестве официальных уполномоченных Центрального комитета. Настроение всех участников — достаточно приподнятое

и в самом начале — по мере хода следствия становилось все более и более напряженным.

Бурцев, связанный обещанием, которое он дал Лопухину (не называть никому его имени), вначале держался в области тех данных, которые он собрал через Бакая. Это были все косвенные улики, и притом основанные на слухах, циркулировавших в полицейских кругах. Убедительными они становились только в том случае, если слушатель с доверием относился к личности информатора — к самому Бакаю. А именно этого, конечно, и в намеке не было у представителей партии, которые третируют Бакая, как только могли. В тяжелом положении находился и сам Бурцев. Он был один против трех, причем из этих трех каждый в отдельности был более опытным, чем Бурцев, оратором, более ловким, чем он, диалектиком. Особенно сильно на него нападал Чернов, который, по выражению В. Н. Фигнер, «как ловкий следователь, наступал на Бурцева и можно сказать преследовал его по пятам». Бурцев же поражал «отсутствием изворотливости, неумением отражать противника».

Некоторые из судей колебались. Кропоткин, который имел большой опыт с провокаторами среди французских анархистов 1880—90 гг., вспоминал, что история не знает случая, когда долголетние и из разных кругов возникавшие подозрения против какого-либо определенного лица не оказывались в конечном итоге правильными. Тем не менее чаша весов перевешивала явно не в сторону Бурцева. Особенно сильным козырем в руках «обвинителей» был перечень «революционных заслуг» Азефа. Развернув список этих последних в большой и красивой речи, Б. В. Савинков патетически спрашивал Бурцева:

«Я обращаюсь к Вам, Владимир Львович, как к историку русского революционного движения и прошу Вас после всего, что мы рассказывали здесь о деятельности Азефа, сказать нам совершенно откровенно: есть ли в истории русского революционного движения, где были Желябовы, Гершуни, Созоновы, и в революционном движении других стран более блестящее имя, чем имя Азефа?»

«Вы знаете, — говорила Бурцеву В. Н. Фигнер, — что вы должны будете сделать, когда будет доказана неправильность ваших обвинений? Ведь вам останется только пустить пулю в лоб — за то зло, которое вы причинили делу революции...»

В этой обстановке, в самый последний момент Бурцев

решил нарушить обещание, данное им Лопухину.

«Я имею еще одно доказательство», — начал он и, потребовав от всех присутствующих особого торжественного обещания не выносить подробностей за стены данной комнаты, подробно рассказал им о своем свидании с Лопухиным.

Рассказ произвел огромное впечатление. «Я никогда в моей жизни, — вспоминает Бурцев, — не говорил перед такими внимательными слушателями, как на этот раз... Когда я повторил слова Лопухина:

— Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз, — то все враз заговорили и встали со своих мест. Взволнованный Лопатин, со слезами на глазах, подошел ко мне, положил мне руки на плечи и сказал:

— Львович, дайте честное слово революционера, что вы слышали эти слова от Лопухина...

Я хотел ему ответить, но он отвернулся от меня, как-то безнадежно махнул рукою и сказал:

— Да чего тут говорить... Дело ясное!»

Положение сразу переменилось. «Присутствующие все были ошеломлены», — признается В. Н. Фигнер, до того целиком бывшая на стороне защитников Азефа. Представители Центрального комитета пытались было бороться против общего настроения. Натансон говорил, что Лопухин — опальный директор Департамента полиции и сознательно клеветает на «опасного для полиции революционера» Азефа, желая этим путем выслужиться перед правительством.

Но натяжка этого объяснения чувствовалась всеми. После короткого обмена мнениями, Крпоткин от имени всех судей заявил, что партия должна произвести проверку рассказа Лопухина.

Суд над Бурцевым кончился, впервые за все время начиналось расследование деятельности Азефа.

Сам Азеф в течение всего этого времени — суд тянулся около месяца — был вне Парижа. Большую часть лета, после поездки в Глазго, он провел вместе с г-жой N: сначала в Остенде, затем в Париже. Вместе с нею он поехал и в Лондон, когда ему пришлось туда ехать для участия в конференции. Заседаниями последней, по свидетельству Аргунова, Азеф нередко манкировал: это происходило потому, что, по рассказу г-жи N, все эти дни их лондонского пребывания были сплошным пикником.

Увеселительные поездки сменяли одна другую. Только к одному вопросу Азеф отнесся с большим вниманием: уже после того, как Центральным комитетом была разработана смета расходов, в самый последний момент Азеф предъявил новые, повышенные требования денег на нужды Боевой организации. Центральный комитет, как это обычно бывало, уступил, и уже принятый бюджет «был пересмотрен наново»...

Таким же сплошным пикником была и жизнь в Париже, куда Азеф вместе с г-жой N переехал после Лондона. Он даже внешне настолько переменялся, что это начало бросаться в глаза его товарищам по партии, обычно маловнимательным к мелочам этого рода. Всегда чисто выбритый, в щегольском, прекрасно сшитом костюме, он выглядел настоящим именинником.

...Как раз в дни этого «сплошного пикника» г-жа N получила от Азефа наибольшее число ценных подарков, из которых только за один — за бриллиантовые серьги, купленные в Париже, — Азеф заплатил 25 тыс. франков.

В заседаниях Центрального комитета, которые предшествовали созыву суда, Азеф участвовал в качестве полноправного члена и вместе с другими разрабатывал программу поведения на суде. Но на самый суд явиться он не захотел: ему было «противно купаться во всей той грязи, которую поднимает Бурцев»; сама мысль о возможности объясняться с ним перед судом казалась оскорблением, и дело «защиты своей чести» он полностью передоверил своим ближайшим товарищам по партии. Последние все это принимали за чистую монету. Если бы против кого-либо из них по роковому стечению обстоятельств было возведено аналогичное обвинение, то они на самом деле испытывали бы приблизительно такие же ощущения, — вполне естественным казалось им наличие их и у Азефа. Поэтому они не только с готовностью взяли на себя дело «защиты его чести», но еще и сами уговаривали его уехать из Парижа, отдохнуть, успокоиться, собраться с мыслями...

Азеф действительно уехал — в маленькое дачное местечко в Пиренеях, недалеко от Биаррицы, где в то время жила его жена с детьми. С г-жой N пришлось на время расстаться: нужно было выдерживать роль глубоко оскорбленного, а жизнь «сплошного пикника» могла броситься в глаза. Но несмотря на нависшую угрозу, мысли Азефа все время возвращались к г-же N: жизнь

в семье после увеселительных поездок казалась до невозможности скучной. Его письма к г-же N от этих дней полны упреками за отсутствие писем и пожеланиями скорее свидеться: «Süsse, liebe, — восклицает он в письме от 27 сентября, — как хотел бы я иметь тебя здесь, чтобы купаться вместе!»

Сравнительно скоро явилась приличная возможность положить конец этой разлуке: летние каникулы окончились, детям Азефа нужно было вернуться в школу, и Азеф уговорил жену ехать вместе с ними в Париж, не беспокоясь о том, что он останется один. Так будет даже лучше: ему тяжело видеть людей, да он и вообще предпочитает наедине с собой переживать тяжелые минуты. Едва ли нужно прибавлять, что немедленно после того, как выяснилась дата отъезда жены, к г-же N полетела телеграмма с призывом как можно скорее приехать. Г-жа N не заставила повторять просьбу — и в то время, когда друзья Азефа на суде «защищали его честь», в Биаррице вновь началась жизнь «сплошного пикника». «Здесь чудно хорошо, — писала г-жа N своей матери в первой открытке из Биаррицы, от 14 октября. — Я купаюсь каждый день, так тепло. Вчера удила рыбу, поймала 5 штук. Я сидела в лодке. Солнце печет невероятно». К концу месяца погода в Биаррице начала портиться, тогда Азеф с г-жою N совершили небольшое турне по Испании: видели бой быков в Сан-Себастьяно, бродили по Мадриду...

Суд вначале беспокоил довольно мало. Письма из Парижа звучали очень оптимистически, и Азеф надеялся, что эта «грязная процедура судебного разбирательства» закончится быстро и вполне благополучно. Возможно, что держалась и надежда на Авдеева: со дня на день в это время ждали телеграммы о «прискорбном происшествии» на крейсере «Рюрик», — и тогда Азефу перестали бы быть страшными все бурцевы мира: ни один суд не решился бы высказаться против организатора убийства царя. Но телеграммы этой не было, процесс затягивался, и Азеф в письмах к друзьям в Париж становится все более и более раздражителен, ворчит на суд, который без нужды затягивает дело, на друзей, которые не умеют быть достаточно убедительными... «Хотелось бы уже развязаться с этой мерзостью», — срывается у него в письме к Савинкову из Сан-Себастьяно, того самого, на залитой солнцем арене которого так театрально-красиво резали быков...

Но «развязаться» не удалось. Наоборот, «эта мерзость» заставила прервать прогулку по стране тореадоров. Г-жа N помнит, что после получения каких-то писем Азеф заявил ей, что должен расстаться с ней и срочно, по важным «коммерческим делам», вернуться в Париж.

Нет сомнения, это были письма, написанные после рассказа Бурцева о свидании с Лопухиным. Имя последнего и подробности разговора с ним держались в секрете. Но факт резкого поворота в ходе всего дела не был тайной для сравнительно широких кругов партийных деятелей. От одного к другому шло известие о «таинственной сенсации», которую преподнес суду Бурцев и которая заставила Центральный комитет приступить к особому расследованию в Петербурге. Во всяком случае в этих пределах о происшествии было сообщено и Азефу теми его друзьями, которые продолжали оставаться уверенными в его невинности. Таковым его считал даже сам Аргунов, которого Центральный комитет отправлял в Петербург для собирания сведений о Лопухине. Перед своим отъездом из Парижа он не только счел нужным зайти попрощаться с женой Азефа, но и написать самому Азефу. «Одна подробность, характеризующая настроение у меня, следователя, — пишет он в своих воспоминаниях, — при прощании с женой и детьми Азефа мне вдруг захотелось сказать слово утешения и поддержки «бедному Ивану Николаевичу», который там, один, переживает эти отвратительные толки о себе, всю эту грязную процедуру судебного разбирательства, и пр., и пр. Я написал ему открытку, где в нескольких словах, прощаясь перед отъездом, просил его не тревожиться, не расстраиваться и быть бодрым».

Может быть, именно эта открытка и переполнила чашу тревог Азефа и заставила его поспешить в Париж, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти из всей этой становившейся все более и более «грязной» процедуры.

В Париже выяснилось, что положение было хуже, чем он ожидал. Возможностей спасения не было, и в дальнейшем Азеф все время катится по наклонной плоскости, делая ошибку за ошибкой. «Когда Бог хочет кого-либо наказать, — писал он позднее о своем поведении в эти дни, — то отнимает у него разум».

Неизвестно, кто именно это сделал, но из документов несомненно, что кто-то из небольшого числа людей, хо-

рошо посвященных в подробности рассказа Бурцева, не сдержал своего слова и не только назвал Азефу имя Лопухина как того нового свидетеля, который выступает против него, но и сообщил ему целый ряд подробностей относительно свидания Лопухина с Бурцевым. Азеф сделал отчаянную попытку: тайно от товарищей он поехал в Петербург и совместно с Герасимовым предпринял ряд шагов, чтобы уговорить Лопухина отказаться от своего показания. Сначала Азеф, потом Герасимов с этой целью нанесли визиты Лопухину. Результаты были прямо противоположные. Лопухин решил жечь корабли и согласился на свидание с Аргуновым, который в эти дни был в Петербурге и собирал сведения о Лопухине через либерально настроенных знакомых последнего. В этом разговоре Лопухин шел даже дальше, чем в разговоре с Бурцевым, и подробно рассказал об Азефе все, что знал. «Я слушал молча, — вспоминает Аргунов, который шел на свидание все еще полный веры в Азефа, — не прерывая Лопухина. Развертывающаяся картина азефщины давила на мозг всею своею тяжестью. Хотелось поймать рассказчика на одном каком-нибудь фальшивом пункте, чтобы, ухватившись за него, отбросить всю эту мистификацию, всю хитроумную сеть его доказательств. Но я не находил ни одной фальшивой ноты в его изложении, ни одной несообразности, нелепости. Все дышало правдой».

Лопухин пошел даже на большее: согласился приехать в Лондон и там повторил свой рассказ — на этот раз перед тремя представителями партии: Аргуновым, Савиновым и Черновым. И на всех на них его рассказ тоже произвел впечатление полной правды. В это же время были получены и объективные улики против Азефа: Лопухин указал точную дату посещения его Азефом. У последнего запросили, где он был в эти дни. Азеф представил счета берлинских гостиниц, пытаясь ими доказать свое алиби. Проверка не только обнаружила ложность этих документов, но и убедила, что они изготовлены с помощью полиции.

Звенья цепи обвинения замыкались одно за другим.

5 января 1909 г. Центральный комитет созвал совещание ряда наиболее ответственных партийных работников и, подробно изложив положение дела, поставил вопрос: что делать? Слепление «блестящим прошлым» Азефа было настолько велико, что и теперь из 15—18

присутствующих лишь 4 подали свои голоса за немедленную казнь предателя: Зензинов, Прокофьева, Савинков и Слетов. Остальные колебались. Правда, из состава присутствовавших, кажется, только один Натансон продолжал лелеять надежду, что Азеф еще сможет оправдаться. Для других решающим было опасение, что немедленная казнь Азефа вызовет междоусобную войну внутри партии: Карлович, живший в это время в Петербурге, писал, что он «перестреляет весь Центральный комитет», если осмелятся поднять руку на Азефа. Было известно, что таково настроение и некоторых других членов Боевой организации. Кроме того, боялись, что убийство Азефа вызовет репрессии против всех эмигрантов.

Сошлись на самом плохом, на чем только можно было сойтись: на компромиссе. Решено было сделать попытку под предлогом суда завлечь Азефа в специально для этого снятую укромную виллу и там его умертвить. Это, по крайней мере, сводило к минимуму опасность репрессий со стороны французской полиции. Пока же были отправлены к Азефу три представителя собрания для допроса, причем им было поставлено условие: не брать с собою оружия. Опасались, что кто-либо из них не выдержит...

Эти представители — ими были В. М. Чернов, Б. В. Савинков и член Боевой организации Панов («Николай») — поздно вечером в тот же день явились на квартиру Азефа. С первых же слов Азеф понял, что теперь он сидит на скамье подсудимых. В этой обстановке его так часто и, казалось бы, хорошо испытанное умение владеть собою ему изменило. Он путался в ответах, сбивался в рассказах, впадал в противоречия с точно установленными фактами и даже с самим собою. Но вскоре, увидев, что в него не стреляют, он немного пришел в себя и сделал попытку даже свою растерянность обратить в свою пользу: да, он сейчас не может дать удовлетворительных ответов; обстоятельства его преследуют, к тому же он чувствует себя как во враждебном лагере — «вы все против меня» — и это отношение ближайших друзей его угнетает и не дает собраться с мыслями. Он пытался играть на воспоминаниях о прошлом. Остановившись против Чернова и смотря ему прямо в глаза, он дрожащим голосом говорил:

— Виктор! Мы жили столько лет душа в душу. Мы

работали вместе. Ты меня знаешь... Как мог ты прийти ко мне с таким... с таким гадким подозрением?

Но и это не помогло. В ответ ему предложили рассказать откровенно о своих сношениях с полицией, по видимому, была минута, когда Азеф колебался: не принять ли это условие. Зная его, можно говорить с полной уверенностью: если бы он видел наведенное на него дуло револьвера, он действительно принял бы это условие и какой угодно ценой купил бы жизнь. Но дула на него наведено не было, и после колебаний он продолжал упорствовать в полном отрицании.

Допрос кончился тем, что пришедшие ушли, взяв с Азефа обязательство явиться на следующий день к полудню на квартиру Чернова. Азеф обещание это дал, но, конечно, и не собирался держать его.

Едва только закрылась дверь за делегатами, Азеф торопливо стал готовиться к бегству. Жене, которая по-прежнему верила ему во всем, Азеф объяснил, что должен уехать на время, для того чтобы спокойно собрать материалы для своего оправдания. Сейчас, говорил он, защищаться нет возможности, ибо «они» уже решили его убить. Но он скоро вернется с доказательствами и тогда восстановит свою честь. Больше всего его беспокоил вопрос, не оставили ли революционеры патрули на улице для надзора. Несколько раз подбегал к окну — в неосвещенной комнате — и приподняв уголок занавески, осматривал окрестности. Улицы были пусты. Никаких патрулей не было.

Вещей Азеф с собой почти не взял. Заботливо пересмотрел он только свой архив, кое-что уничтожил, на видном месте на письменном столе положил прощальное письмо матроса Авдеева. Все остальное — все письма от партийных друзей, все документы, такие реликвии, как письма Созонова из Шлиссельбурга, и пр. — взял с собою. Трудно верится, но делегаты, приходившие для допроса, даже не сделали попытки осмотреть его бумаги...

Было 3¹/₂ часа ночи на 6-е января 1909 г., когда Азеф покинул свою квартиру. Жена проводила его до вокзала и посадила на ближайший поезд, уходивший в Германию. Адрес для писем ей Азеф дал на Вену, до востребования, но ехал он не непосредственно в Вену, а сначала в тот провинциальный городок Средней Германии, откуда родом была г-жа N и где она теперь жила у матери после такой приятной поездки по Испании.

На следующий день жена послала Азефу письмо, полное тоски, тревоги и сомнений, полное просьб, как можно скорее собрать «документы», так как положение становится совершенно невыносимым, так как даже самые, казалось бы, преданные друзья начинают сомневаться и смотреть на нее с недоверием, даже с подозрениями. И как раз в этот же самый день, в гостях у г-жи N, Азеф строчил свой последний доклад Герасимову — с теми сведениями о роли Лопухина, которые он почерпнул из слов допрашивавших его делегатов...

Полицейская карьера Азефа была кончена. Теперь он уже не мог оказывать услуг — ни Герасимову, ни Столыпину. Этого Лопухину не простили. Столыпин решил поставить примерный процесс против последнего, чтобы показать, как мстит правительство своим сановникам, какие посты они ни занимали бы, если эти сановники смеют выдавать тайны полицейского розыска. Так как процесс должен был быть очень громким, то Столыпин предварительно доложил о своих планах царю, познакомив последнего с перечнем заслуг Азефа. Тут впервые Николай II узнал, кем был выдан Никитенко, кто предотвратил покушение в Ревеле. Благословение на предание Лопухина суду было дано с тем большей охотой, что Николай уже давно не любил Лопухина за разоблачение тайны печатания погромных прокламаций; сам Николай к этим прокламациям относился с большой благосклонностью...

Процесс был проведен с рекордной быстротой, причем по специальным инструкциям Столыпина и во время предварительного следствия, и на суде Лопухину не дали возможности рассказать о том главном, о чем он хотел рассказать: о тех своих противниках из Департамента полиции, которых он считал главными вдохновителями двойной игры Азефа, и специально о самом Столыпине. Обо всем этом Лопухин смог рассказать только в 1917 г., на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством. Этот рассказ в ряде отношений наводит на сомнения. Перед этой комиссией Лопухин, несомненно, говорил не всю правду, о многом умалчивал, стремясь обелить свое собственное полицейское прошлое. Но он все же представляет большой интерес и заслуживает быть приведенным здесь.

«...Однажды весной 1906 г. мой бывший сослуживец по Департаменту полиции, — показывал Лопухин, —

Макаров на мой вопрос об участии Азефа сообщил мне, что он все еще состоит агентом у Рачковского и Герасимова и играет большую, чем когда-либо, осведомительную роль. Вскоре министром вн. дел был назначен Столыпин, мой товарищ по гимназии, с которым я был дружен в юности и встретился за 2 года перед тем постарому после многих лет, что мы не видались. Немедленно по назначении его я подробно посвятил его в историю Азефа и в детали деятельности обнаруженной мною в январе 1906 г. по поручению гр. Витте типографии Департамента полиции, устроенной для печатания погромных листков. Столыпин к моим сообщениям отнесся, мне показалось, с искренним негодованием — к провокаторской роли Азефа, а также к погромной политике Департамента полиции, — высказав полную решимость покончить как с тем, так и с другим. Через несколько дней я уехал за границу, где прочел отчет о заседании Госуд. думы, в котором Столыпин давал объяснения по запросу о деятельности вышеупомянутой типографии. Объяснения эти так извращали факты, были так далеки от известных Столыпину с моих слов данных, что давали основание предположить о том, что Столыпин или сознательно лгал перед Думой, или был введен в заблуждение своими подчиненными. У меня не было прямых данных подозревать его в первом, и потому я написал ему официальное письмо, в котором, предупреждая его об обмане, привел все сообщенные ему мною ранее на словах сведения о погромной деятельности Департамента полиции в 1906 г. Объяснения, которые произошли между Столыпиным и мною по моему возвращению из-за границы, по поводу моего письма уже не оставили места сомнениям в том, что Столыпин сознательно искажал истину в своих заявлениях перед Думою. Наши отношения после этого объяснения почти порвались. Вскоре мы разошлись окончательно. В разговоре по поводу происшедшего в сентябре 1906 г. еврейского погрома в Седлеце Столыпин с величайшим раздражением сказал мне, что считает меня явным революционером и в качестве министра внутренних дел предупреждает, чтобы я сообразовал свое поведение с этим его мнением обо мне. Я же ответил ему, что после той лжи, которую он расточал перед Госуд. думой по поводу погромной типографии Департамента полиции, я не верю ему ни в чем, считаю его способным даже пользоваться услугами Азефа и предупреждаю его, что если

бы я узнал, что Азеф продолжает состоять агентом русской полиции, я приму меры к его разоблачению, дабы покончить с этим делом. Узнав в сентябре 1908 г. от Бурцева о том, что провокаторская роль Азефа не кончена, я и сообщил Бурцеву все мне об Азефе известное, а затем подтвердил это и членам партии социалистов-революционеров. При производстве следствия по моему делу мне был задан следователем вопрос: почему о деятельности Азефа я сообщил Бурцеву, а не кому-либо из знакомых мне должностных лиц, обладавших для обезвреживания Азефа властью. Я ответил, что начал с того, что обратился к такому лицу. Но прежде чем я успел назвать Столыпина, присутствовавший при допросе товарищ прокурора Корсак перебил меня вопросом, могу ли я доказать мое заявление, присутствовал ли кто-нибудь при моем разговоре с этим должностным лицом. И на мой отрицательный ответ товарищ прокурора предупредил меня, что если я назову должностное лицо, которому я говорил об Азефе и не подтверждаю моего заявления свидетелями, то могу только отягчить мое положение в деле. Свидетелей моего разговора со Столыпиным не было, и я на предварительном следствии его не назвал. Я хотел назвать его перед судом, но там председатель лишил меня слова. Я уверен, что едва ли не главной целью моего ареста и предания суду было лишить меня возможности назвать Столыпина как покровителя Азефа. Для достижения этого стоило перенести тот скандал, который Столыпин устроил себе и правительству моим арестом и судебным против меня процессом...»

Как ни относиться к деятельности самого Лопухина на посту директора Департамента полиции и как ни расценивать действительные мотивы его перехода в оппозицию, в одном историк должен во всяком случае отдать ему справедливость: он вполне прав, когда называет Столыпина прямым покровителем Азефа. После приведенных выше рассказов Герасимова в этом уже не может быть никакого сомнения. Лопухин еще не знал всей правды!

Суд приговорил Лопухина к ссылке на каторжные работы, вопреки всем фактам и законам логики признав его виновным в принадлежности к партии социалистов-революционеров только на том основании, что он говорил с членами этой партии об Азефе. Только во второй

инстанции приговор был несколько смягчен; но ссылка в Сибирь на поселение осталась...

Столыпин мог торжествовать свою победу, но радости она принесла мало: процесс против Лопухина сосредоточил на себе внимание не только всей русской, но и мировой прессы. Дело Азефа и «тайны русской полиции» вообще на целые годы стали одной из наиболее излюбленных тем мировой журналистики, и трактовалась эта тема всегда далеко не в благожелательных для русского правительства тонах. Ум плохо мирился с мыслью о том, что Азеф мог вести свою сложную игру только за свой собственный риск и страх, что этой игры не замечал никто из его полицейских руководителей. Родились и приобрели большое распространение теории о том, что Азеф-террорист был только игрушкой в руках виднейших представителей полицейского мира, что удачными бывали только те из организуемых им покушений, которые он устраивал по прямым указаниям сначала Рачковского, а потом Герасимова. Неверные по существу, эти теории нашли настолько благодарную аудиторию, что им начали придавать веру даже в русских правительственных кругах. Они отравили последние годы жизни Рачковского: этому заслуженному провокатору, у которого на совести было больше чем достаточно своих собственных преступлений, пришлось расплачиваться за Азефа, с которым он почти никаких сношений не имел и к которому он относился с большим, чем кто-либо другой из полицейского мира, подозрением. В связи с делом Азефа он был взят под надзор, у него был произведен обыск...

Еще хуже пришлось Герасимову: он, гордившийся тем, что только благодаря ему правительство раздавило революцию 1905 г., едва-едва ушел от прямого предания военному суду.

Вскоре после разоблачения Азефа Герасимов уехал в длительный отпуск: в течение 4 лет своего пребывания на посту начальника Охранного отделения в Петербурге он ни разу не брал отпуска и теперь собирался получше отдохнуть. В этот момент он был на вершине своей славы. Столыпин целиком воспринял его точку зрения на дело Азефа и публично взял последнего под свою защиту с кафедры Государственной думы. Уезжающему Герасимову было обещано по возвращении место товарища министра внутренних дел с поручением руководить всей

полицией в империи. Но ко времени его возвращения все переменялось самым радикальным образом. К подозрениям, возникшим в связи с делом Азефа, прибавились подозрения, возбужденные делом Петрова. Этот последний был молодым социалистом-революционером. Он сидел в тюрьме, когда была раскрыта роль Азефа. Ему грозила каторга. Для того чтобы спасти себя и своих ближайших друзей, под свежим впечатлением от дела Азефа он решил прикинуться готовым поступить на службу в полицию. Он имел успех, и полиция помогла ему в организации побега. Одновременно было освобождено несколько его ближайших друзей, которые должны были помогать укреплению его положения в партии. Но за границей, куда Петров выбрался немедленно по выходе на свободу, он рассказал о своих сношениях с полицией — правда, в сильно романтизированном виде — и предложил себя целиком в распоряжение партии для того, чтобы искупить свою ошибку. Предложение его было принято, и он получил поручение организовать убийство того самого Герасимова, который вел с ним переговоры о вступлении на полицейскую службу. С этим поручением Петров и его личные друзья отправились в Петербург. Но увидеться с Герасимовым Петров уже не мог: последний уже не имел касательства к активной полицейской работе и стоял под подозрением в связи с делом Азефа. Сношения с Петровым вел преемник Герасимова на посту начальника Петербургского охранного отделения полк. Карпов. Тогда Петров организовал убийство этого последнего, а на допросах после ареста заявил, что совершил это убийство по прямому совету Герасимова. Это было ложное показание, специально для того сделанное, чтобы скомпрометировать Герасимова в глазах правительства: к такому выводу заставляет прийти самая придирчивая проверка обстоятельств дела, как они были видны с обеих сторон — со стороны полиции и со стороны революции. В показаниях Петрова не было никаких доказательств — это был голый оговор. И тем не менее обстановка, создававшаяся в правительственных кругах после разоблачения дела Азефа, была такова, что очень многие этому голому оговору были склонны верить. Сам Петров был в срочном порядке повешен, но специальная особо секретная комиссия еще долго билась над вопросом о том, что делать с Герасимовым. Большинство стояло за предание его военному суду, и только личное

вмешательство Столыпина предотвратило создание нового скандального процесса.

Но уже самая возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создавалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах — с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире — с другой, — такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий.

Но отомстил он не одной только полиции.

Когда сомневаться в факте его измены стало невозможным, среди эмигрантов-террористов поднялась агитация за необходимость «восстановить честь террора». Особенно горячо вел ее Савинков. Путь он признавал только один: надо восстановить Боевую организацию и на деле показать, что еще есть террористы, что еще возможен террор. Только таким путем, говорил он, будет смыто пятно, наложенное Азефом. На его призывы откликнулись многие, из рядов которых Савинков заботливо отобрал 12 человек для своего отряда. Среди них был целый ряд людей с большим революционным прошлым: М. А. Прокофьева, Климова, Слетов, Чернавский... Не было ни одного, у кого за плечами не стояло бы тюрьмы, ссылки, каторги; многие уже раньше принимали участие в боевой работе. В их походе было что-то, что заставляло вспоминать известную картину «Последняя атака наполеоновской старой гвардии». Как и там, здесь шла в борьбу не зеленая, необстрелянная молодежь. Все были людьми, если не поседевшими в боях, то во всяком случае уже выдавшими смерть, уже смотревшими ей в глаза. Казалось, им и теперь смерть не может быть страшна, что они, как старая наполеоновская гвардия, могут или умереть, или победить, но никогда не свернут с намеченного пути, никогда не остановят коней, пущенных в последний бег...

На деле вышло совсем иное: последняя атака кончилась хуже, чем ничем.

Здесь важно не только то, что среди отборных двенадцати целых трое оказались предателями, которые или состояли уже на службе в полиции, или поступили на нее во время своей работы в отряде. И это в то время, когда в старой Боевой организации не было ни одного предателя, конечно, кроме самого Азефа. Быть может,

более симптоматичным было то, что и у самого Савинкова — автора идеи этого последнего похода — не нашлось силы пойти на риск своей головой: он бесцельно метался по загранице, тратил большие суммы из партийных денег, но в Россию так и не поехал.

Для того чтобы сознательно, не в минуту увлечения, а на основе глубоко продуманного представления о своих моральных обязанностях идти на смерть, нужен огромный подъем душевной энергии, огромное напряжение нервов, выдерживать которые человек мог только при наличии большой и чистой веры. Измена Азефа внесла отраву в эту веру, убила ее чистоту. До предела натянутые струны не выдержали...

«Террор не Азефом начат, не на Азефе он будет и закончен», — писал Чернов в одной из своих статей о деле Азефа, написанных в дни, когда Савинков создавал свою организацию для последнего похода. Историк, увы, принужден признать, что в этой горделивой фразе верна только первая половина: террор не Азефом был начат, но именно на Азефе он был закончен. Годом или двумя позднее этого похода Слетов, совершивший нелегальную поездку по России, рассказывал, что повсюду в партийных кругах он встретил по отношению к террору частью полное равнодушие, частью нехорошее предубеждение. «Получилось впечатление, — говорил он, — если бы партии удалось свалить самого царя, партийные люди прежде всего заподозрили бы тут провокацию...» В подобной обстановке террор как система борьбы и политически, и психологически стал, конечно, невозможен.

Глава XX

Заслуженный предатель на покое

После побега из Парижа для Азефа началась совсем новая жизнь — того типа, о котором он, по-видимому, уже давно мечтал и к которому он во всяком случае давно уже систематически готовился.

В гостях у г-жи N в ее провинциальном захолустье он пробыл недолго: получил от Герасимова жалованье за последний месяц своей полицейской службы (в его «послужном списке» таковым значится декабрь 1908 г.: всего он состоял на службе 15 лет и 7 месяцев); получил

какую-то, совсем небольшую сумму «ликвидационных», а также — для него теперь это было самым важным — несколько хороших заграничных паспортов... И затем отправился с г-жою N в путешествие. Это было настоящее «свадебное путешествие», затянувшееся на много месяцев. Первую половину 1909 г. они всю провели на юге — в Италии, Греции, Египте, бродили по развалинам Колизея, пожили на островах Эгейского моря, поднимались на Хеопсову пирамиду. Позднее, когда пришло жаркое лето, перекинулись на север и объехали Швецию, Норвегию, Данию... Средств при разъездах не жалели: ездили всегда первым классом, останавливались в лучших комнатах лучших отелей. Но подолгу нигде не засиживались: более продолжительными были остановки только в Люксо́ре, на виду у пирамид, да в Вестерфельде, на Северном море. Неприятным было одно: Азеф очень боялся преследований. В это время все газеты были полны статьями о нем, всюду печатали его портреты — и Азеф все время подозрительно смотрел по сторонам, опасаясь встреч с людьми, которые его знали. По приезде в каждое новое место он внимательно просматривал списки обитателей намеченного отеля и отказывался селиться в нем, если там были русские. Бывали случаи, когда после какой-нибудь встречи он возвращался домой встревоженным и отдавал распоряжение немедленно готовиться к отъезду. Часто меняли паспорта, и г-жа N вспоминает, что она тогда нередко забывала, как именно ее в данное время зовут.

Только к осени Азеф стал несколько более спокойным. Разъезды пора было кончать — время было думать о прочном устройстве на длительное время. Местом своего пребывания он выбрал Берлин. Прописались по паспорту Александра Неймайера, купца, и его законной супруги. Паспорт этот принадлежал к числу присланных Герасимовым. Была снята большая квартира, в шесть комнат, в одном из лучших районов тогдашнего Берлина, в Вильмерсдорфе (в доме № 21 по Лунтпольдштрассе). На обстановку не жалели денег. Купили хороший рояль, завели хрусталь, столовое серебро. Позднее все вещи Азефа были застрахованы в 20 тыс. марок — себестоимость их была значительно большей. Обосновывались «всерьез и надолго».

В качестве профессии для себя Азеф избрал благородное ремесло игры на бирже. Оказывается, интерес

к этому делу у него существовал и раньше, а в последние годы перед его разоблачением он уже покупал ценные бумаги. С 1911 года он внес свое имя в официальный регистр торговых фирм Берлина и выправил годовую карту для входа на биржу (в 1915 г. это была карта № 765). Дела вел довольно большие и позднее, уже из берлинской тюрьмы, не без гордости писал, что его имя было известно не только в Берлине, но и на Нью-Йоркской, и Лондонской биржах. Как велики были деньги, вложенные им в дела, точно установить не удастся, но во всяком случае они были немаленькие: весной 1913 г. он потерял около 14 тыс. — и это не нанесло ему заметного ущерба. Надо полагать, что общая сумма во всяком случае была не меньше 100 тыс. марок. А так как он около этого времени сделал и вклад на имя г-жи N в размере 30 тыс. марок; на квартирную обстановку истратил не менее 25 тыс. марок; драгоценностей г-же N одновременно купил, по ее собственной оценке, не меньше чем на 50 тыс. марок; так как затем много съела жизнь «сплошного пикника» в 1908—09 гг., то общую сумму «сбережений», сделанных Азефом за годы его высокопочтенной работы, следует определить во всяком случае не меньше как в 200—250 тыс. марок.

Жизнь потекла размеренно, мирно — настоящее «мирное житие», особенно подходящее для «великого провокатора», за тенью которого гонялись по всему миру.

Постоянный посетитель Берлинской биржи, ведущий там солидную — крупную, но осмотрительную — игру, Азеф сумел завязать довольно большие знакомства в соответствующих немецких кругах. Гостеприимный и хлебосольный хозяин — эти чисто русские черты характера у Азефа, оказалось, имелись — он любил принимать и угощать гостей, и это скоро сделало его популярным в той среде. Раз-два в неделю у него собирались гости, пили чай из русского самовара, а затем организовывали пультку, далеко не всегда «по-маленькой».

Он постарался несколько изменить свою внешность и отпустил небольшую мягкую бородку, которая действительно заметно смягчала выражение его лица. Всегда внимательно следил за своей внешностью и очень хорошо одевался. Шил много костюмов и все у лучших портных. Денег на себя вообще не жалел и постоянно говорил г-же N, что на их век денег у них хватит и что поэтому они должны не думать о будущем, а заботиться только

о том, чтобы жизнь шла более приятно. Каждое лето проводили в поездках, которые совершали то вместе, то порознь. Азеф любил лечиться. Ничего серьезного в это время у него не было: пошаливало сердце, не вполне правильно функционировали почки, имелась налицо старая невралгия, но все эти болезни были в стадиях, ни в какой мере не опасных. Тем не менее Азеф бывал у лучших врачей и по их указаниям регулярно каждое лето проходил курс лечения на водах. Сверх того регулярно каждое лето бывали за границей — на лучших курортах Франции и Бельгии: в Остенде, в Трувилле и т. д.

Эта жизнь вполне удовлетворяла Азефа. Новая обстановка пришлась ему как нельзя более по вкусу — и он сам, в свою очередь, как нельзя лучше подходил для нее. С фотографий того времени он глядит спокойным и добродушным обывателем, и его тогдашние письма дышат мещанским благодушием. Читая их, с трудом можно представить, что автор их когда-то писал доклады о «проблеме нравственности у Михайловского», участвовал в ответственных политических совещаниях, был членом международных социалистических конгрессов. Они выдержаны в духе того слащавого сентиментализма немецкого мещанина, который так режет ухо русского интеллигента.

К русскому языку в своих письмах Азеф не прибегает, хотя г-жа N в известных пределах им владела. Но порою с его пера срываются отдельные русские слова: это тогда, когда он хочет изругаться особенно грубо. В этих случаях в письме среди сплошного немецкого текста мелькают начертанные латинскими буквами те грязные выражения, хорошее знание которых г-жа N вынесла из ее прежней жизни в России — из общения с миром «Владимировичей» и их блестящего окружения. Порою необходимость употребления этих выражений ни в коем случае не вытекает из предыдущего текста писем. В этих случаях нельзя отделаться от ощущения, что Азеф бросает их просто для того, чтобы «отвести душу», просто потому, что употребление их ему вообще приятно: это бывает у людей, которым долго приходилось сдерживать свободное выявление той или иной стороны своего «я» и которые затем получили возможность освободиться от этих ограничений...

О круге духовных интересов Азефа по письмам судить трудно: слишком мало таких интересов было

у г-жи N, чтобы Азеф полностью развертывал перед нею эту сторону своего «я». Только время от времени делится он с нею своими соображениями о положении дел на бирже, обнаруживая наличие у него неплохого нюха биржевика. Да еще очень любопытны даваемые им описания различных шантанов и варьете, которые он постоянно посещает во время своих поездок. Г-жу N по ее прежней профессии эти учреждения, конечно, не могли не интересовать, и Азеф пишет ей настоящие доклады на эти темы, обнаруживая при этом незаурядную эрудицию специалиста. Варьете венские он сравнивает с парижскими, берлинскими, петербургскими и др., входит в детали, в мелочи... Настоящие лекции по курсу сравнительного шантановедения — наука, в знакомстве с которой Азеф, очевидно, свободно мог состязаться с г-жою N!

Как сильная страсть у Азефа выявляется любовь к азартным играм. Возможно, что этим путем он удовлетворял свою потребность в острых ощущениях и сглаживал разительность перехода от нервно-напряженного состояния всегда рискованной игры на два фронта к почти безмятежному житию полурантье, полубиржевика. Во всяком случае в отставном провокаторе обнаружился азартный картежник. Не довольствуясь регулярными «пульками» в Берлине, он ведет большую и азартную игру во время своих летних поездок на курорты юга Франции. Играет он так, что порой остается без гроша в кармане и бывает вынужден по телеграфу просить о присылке денег для того, чтобы покрыть счета и иметь возможность купить билет на обратную дорогу. Проигрыши воспринимает тяжело, но не столько из жалости к потерянному деньгам, сколько от огорчения, что у него нет «счастья». «У других, — писал он г-же N в одну из таких горьких минут, — бывает счастье, только у папочки никогда. Удивительно! Когда я сегодня держал банк, то его сорвали на втором круге».

Надо добавить, что итоговые результаты игры Азефа не оправдывают этого его самоуничжительного тона: правда, в 1911 г. он потерял целых 15 тыс. франков, но зато в 1912 г. выиграл 7, в 1913 г. — целых 13 тыс. франков. Таким образом, в конечном итоге от игры в карты он не терял...

Сношений с политической полицией он не поддерживает, да и не может поддерживать, так как с 1910 г. Департамент полиции уже начинает понимать, что Азеф вел

двойную игру, издает секретные циркуляры об его розыске и берет под бдительный надзор всех тех деятелей полицейского сыска, которые имели раньше сношения с Азефом. Все возможности для «реабилитации» в этом направлении перед Азефом были закрыты, но зато с этой стороны он ничего и не боялся: он понимал, что русское правительство тревожить его за границей не станет, террористического покушения против него не организует, требования о выдаче его для суда над ним не предъявит. Все это было бы связано с таким большим скандалом, что у правительства не могло быть никакой охоты становиться на подобный путь.

Прошлое беспокоило его своей другой стороной. В газетах время от времени вновь начинаются разговоры о нем, и из них ясно, что революционеры не перестают его искать. Азеф превосходно понимал, что риск быть случайно обнаруженным для него существует постоянно.

Как мы теперь знаем, опасения Азефа были больше чем основательны. Сведения о том, что Азеф живет в Берлине, дошли до революционных кругов. Под руководством К. Либкнехта здесь была даже создана небольшая группка из русских и немецких социал-демократов, которая вела систематические поиски, и теперь ясно, что они были совсем близко от Азефа. Что ему грозило в случае обнаружения, тайны не составляло. Озлобление против него среди его бывших товарищей по партии было огромным, и «купцу» Александру Неймайеру несомненно не пришлось бы дальше пользоваться радостями мещанского благополучия.

В этой обстановке у Азефа неизбежно должны были возникать планы тем или иным путем получить для себя амнистию от революционеров. Он хорошо помнил предложение, сделанное ему Черновым во время последнего допроса: рассказать всю правду о своих сношениях с полицией и этой ценой спасти свою жизнь. Если бы удалось достичь соглашения на этом условии теперь, то для Азефа это было бы самым лучшим исходом. Полицейских секретов беречь он не собирался: *идейной* симпатии к полиции у него никогда не было, а в данный момент говорить заставляли и соображения выгоды.

Руководствуясь этими соображениями, Азеф еще с 1910—1911 гг. начинает делать попытки войти в сношения со своими бывшими товарищами по партии. Своей первой жене он пишет о своей готовности явиться на

партийный суд, рассказать ему всю правду и подчиниться любому решению его, вплоть до смертного приговора. На эти свои письма он не получил ответа: с ним не хотели разговаривать. Но войти в сношения с революционерами и сообщить всему миру, что он порвал сношения с полицией, возможность для него все же представилась.

Это случилось в 1912 г. Июль этого года Азеф проводил в Нейенаре, под Наугеймом, где проходил курс лечения от острой неврастении и легких неполадков с сердцем.

Курорт и отели ему нравились, но с самого же начала он заметил большой недостаток: там было много русских. Из его писем видно, что он каждое утро с большой тревогой просматривал списки вновь приезжих, опасаясь неожиданно натолкнуться на какого-нибудь старого знакомого.

Опасение было небезосновательно: его узнали и его адрес был сообщен Бурцеву. Последний давно уже искал случая встретиться с разоблаченным Азефом, будучи уверен, что теперь Азеф расскажет ему немало интересного для него как для историка, а потому немедленно написал Азефу письмо с предложением встретиться. В этом письме Бурцев гарантировал, что ни о какой «засаде» с его стороны не может быть и речи, что свидания он ищет исключительно как историк, но довольно недвусмысленно предупреждал, что в случае неполучения быстрого согласия от Азефа на свидание, он, Бурцев, сможет сделать и другое употребление из ставшего ему известным настоящего адреса Азефа.

Это письмо не могло не испугать последнего. Он понимал правильность заявлений Бурцева, а потому поспешил ответить Бурцеву своим согласием: предложение встретиться, писал он, «совпадает с моим давнишним желанием установить правду в моем деле». Он только откладывал свидание на одну неделю, которая ему необходима для устройства личных дел.

Этими «личными делами» была квартира берлинского купца А. Неймайера, по которой теперь легко было найти Азефа. Ее Азеф немедленно ликвидировал. Г-жа N была отправлена к матери, в провинцию, все вещи были упакованы и сданы на хранение в мебельное депо. На всякий случай Азеф написал и завещание, в силу которого все свое имущество он передавал г-же N, якобы в возмещение своих долгов последней: как известно, в этом

случае причитались меньшие наследственные пошлины — Азеф и об этом не забыл.

Встреча с Бурцевым состоялась 15 августа 1912 г. во Франкфурте, в кафе Бристоль. В течение двух дней Азеф рассказывал о своем прошлом, пытаясь изобразить себя революционером, который сделал в молодости ошибку, вступив в сношения с полицией, а позднее не имел смелости покаяться в этом перед товарищами и составил план так использовать свои полицейские связи, чтобы извлекать из них выгоду для революционного движения. По его рассказу выходило, что он все время надеялся сделать свою деятельность настолько очевидно полезной для революции, чтобы иметь право признаться в своих сношениях с полицией. Именно с этой целью он и организовывал террористические акты. Но каждый раз его все останавливало сомнение: достаточно ли он искупил свою ошибку? Он надеялся, что ему удастся убить царя, тогда он рассказал бы всю правду. Но в этом ему мешал он, Бурцев. «Если бы не Вы, — с упреком в голосе говорил Азеф, — я его убил бы...»

И сейчас Азеф пытался доказать, что объективно его деятельность все же приносила значительно больше выгод революции, чем полиции. Он с большой настойчивостью возвращался к этой теме, весьма картинно иллюстрируя свои рассуждения: держа маленькие ладони своих рук, как чаши весов, он перечислял то, что дает перевес делу революции, и этому противопоставлял то из содеянного им, что выгодно было полиции.

«Ну, Вы сравните сами, — убеждающим голосом говорил он. — Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство вел. кн. Сергея...», — и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую падают грузные гири... «А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина...» — и, называя эти имена, он не спускал, а, наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция.

У Бурцева не было желания спорить с Азефом. Он приехал не для ведения с ним дискуссии на тему о революционной этике. Но в ответ на эти рассуждения у него как-то невольно вырвалось замечание: «Но ведь дело не только в этом... Ведь вопрос имеет и принципиальное значение...»

И загнулся: Азеф смотрел на него такими большими удивленными глазами и в этих глазах так ясно светилося, казалось, искренне недоуменное непонимание, что пропало всякое желание спорить...

Очень много Азеф говорил и о своих сношениях с полицией, давал характеристики всех тех представителей последней, с которыми ему приходилось встречаться. Только об одном из них он отзывался с оттенком некоторого уважения — это о Герасимове. Но и тут он ставил себе в заслугу, что ему удалось так обойти Герасимова, что последний — в этом Азеф был убежден — и до сих пор ему полностью доверяет: как мы теперь знаем, Герасимов действительно продолжал доверять Азефу даже много позднее... О всех остальных представителях полицейского мира Азеф говорил с нескрываемым презрением и пренебрежением, как о полных бездарностях, которых ему ничего не стоило обводить вокруг своего пальца. Он даже делал вид обиженного самой возможностью допустить, что он хоть на один момент мог быть внутренне с *ними*, и, наоборот, много говорил о своей искренней симпатии к целому ряду из своих коллег по Боевой организации...

Особенно настойчиво Азеф старался доказать, что уже давно не поддерживает никаких связей с полицией, что все сообщения об этих сношениях, которые со ссылками на Бурцева время от времени мелькали в русской и иностранной прессе, совершенно не соответствуют действительности и что предположения о том, что он может продолжать вредить революционерам, не имеют никакой под собой почвы: у него нет ни возможности это делать, ни желания... Наоборот, он был бы рад, если бы своим рассказом о связях с представителями полицейского мира мог оказать последнюю услугу революционному движению, а потому просил Бурцева взять на себя инициативу по организации суда над ним, особенно настаивая на том, чтобы об этом суде немедленно же было опубликовано в газетах — не только русских, но и французских и немецких.

Бурцев уезжал с не вполне определенным впечатлением. Он поверил, что Азеф «действительно хочет суда над собой своих старых товарищей», но для него было неясно, какие мотивы толкают Азефа на этот шаг. Чувствовал Бурцев и некоторую недоговоренность в рассказах Азефа. Тем с большей настойчивостью он подчерки-

вал необходимость организовать суд и подробно обо всем допросить Азефа, а не убивать его без каких бы то ни было разговоров с ним, как бешеную собаку, которую убивают везде, где только встретят: именно такое настроение в отношении к Азефу было в это время среди эмигрантов — социалистов-революционеров. В этом духе Бурцев написал свой рассказ о встрече с Азефом, рассказ, который был перепечатан в газетах всего мира.

Проект суда потерпел крушение: «старые товарищи» Азефа психологически не могли встретиться с ним — хотя бы как с подсудимым — и отказались от каких бы то ни было разговоров на эту тему. Поэтому мы никогда не узнаем, как поступил бы Азеф, если бы предложенный суд был учрежден и если бы он вынес ему смертный приговор. Зная Азефа, приходится больше чем сомневаться, что он подчинился бы ему и покончил бы свою жизнь самоубийством, как он это обещал в своих заявлениях. Но в одном он от беседы с Бурцевым был в выигрыше: Бурцев поверил, что Азеф больше не имеет никаких сношений с полицией, а вслед за Бурцевым этому поверил и весь мир. В результате настойчивость, с которой революционеры вели поиски Азефа, не могла не ослабеть. А для последнего это было самым главным.

Бурцев дал Азефу обещание, что не использует свидания в целях наведения социалистов-революционеров на его следы. Последний верил этому обещанию. Но... бережного Бог бережет. А потому свои меры для охранения безопасности он принял. Из Франкфурта он метнулся в Довиль, чтобы «освежиться» за зеленым столом последнего. Игра на этот раз была особенно азартна: Азеф спустил все свои деньги и уже послал г-же N телеграмму о высылке тысячи франков на расходы. Но в последнюю минуту счастье повернулось к нему лицом, и он уехал с выигрышем. Из Довиля Азеф вернулся в Германию, но не в Берлин: ездил по Рейну и Мозелю, жил в санатории в Вильдунген, был в гостях у матери г-жи N. Кризис на Балканах заставил Азефа в интересах биржевых дел вернуться в Берлин, но жил он здесь в отелях, на холостую ногу и по другим паспортам... Только к осени 1913 г. он рискнул вновь обосноваться более прочно.

Более жестокие испытания несла Азефу война. Он имел неосторожность если не все, то большую часть своих денег держать в русских бумагах, а потому объявление войны и последовавшее запрещение котировать рус-

ские бумаги на Берлинской бирже было для него настоящей финансовой катастрофой. Он потерял почти все. Не на что было существовать, и на смену жизни «сплошного пикника» шли думы о хлебе насущном.

Азеф сделал попытку бороться. Собрал, что было можно из остатков, а также продав часть драгоценностей г-жи N, он открыл на имя последней модную корсетную мастерскую. Азеф мобилизовал все свои практические способности и фактически вел всю коммерческую сторону дела. Даже позднее, уже из тюрьмы, он старался руководить в этом отношении г-жою N, давая указания, что и сколько покупать и пр. Курьезно читать в его тюремных письмах почти философские рассуждения о том, что следует увеличивать число корсетов малых размеров, ибо война грозит затянуться, и дамы, сидя на тощей диете, будут все больше и больше худеть. Во всяком случае мастерская пошла и давала возможность существовать.

Но удар августа 1914 г. был только прелюдией к удару июня 1915 г.

Г-жа N вспоминает, что, вернувшись как-то летом, «на второй год войны», Азеф пенял на себя за то, что нелегкая его дернула зайти в какое-то кафе на Фридрихштрассе, где он столкнулся с кем-то, кто знал его как Азефа. Азеф был прямо подавлен:

— Он узнал меня и теперь будет плохо...

Весь вечер сидел и разбирал свои бумаги. Много жег.

Опасения оправдались. На следующий день, вспоминает г-жа N, — из документов мы знаем, что это было 12 июня 1915 г., — они возвращались вместе из города: жили они в это время в районе Гогенцоллерндамм. Едва они поднялись из вокзала подземной дороги, как к ним подошел какой-то прилично одетый господин и предупредительно отогнул борт своего пиджака: там висел маленький бронзовый жетон уголовной полиции... Лишних слов сказано не было. Азеф покорно пошел за ним следом. Для него начались тюремные мытарства — первые в его жизни.

Условия заключения были нележки. Он сидел при полицей-президиуме, в строгом одиночном заключении, в сырой холодной камере. До конца октября 1915 г. не было света. Потом дали газовую лампу, но разрешали пользоваться только до 8 час. вечера. Свиданий не да-

вали. С воли приходили тяжелые известия: рушились остатки материального существования, наседали кредиторы, должники отказывались платить.

Угнетающе действовала и полная неизвестность. Вначале еще жила надежда на быстрое освобождение, но время шло, лето сменилось осенью, началась зима, а никакого движения дело не получало. Азеф бомбардировал полицию своими заявлениями. Полагая, что его арестовали в связи с его прежней полицейской службой, он настойчиво доказывал, что уже давно порвал всякие сношения с русской полицией. 22 ноября 1915 г. «в полном отчаянии» он подал заявление на имя самого полицей-президента с просьбой «рассмотреть его дело и за полной невинностью освободить». Из ответа на это прошение, переданного ему устно полицейским советником Рербергом, Азеф к большому своему недоумению узнал, что в тюрьме его держат не как агента русского правительства, а как опасного революционера, анархиста и террориста, который на основании международных полицейских конвенций подлежит по окончании войны выдаче России.

Против этого обвинения Азеф восстал со всей энергией оскорбленной невинности. Сначала в устных объяснениях, затем в обстоятельной записке он доказывал, что всегда был только верным агентом правительства, действовавшим под контролем своего полицейского начальства, и что сам Столыпин выдал ему аттестацию о безупречной полицейской службе. Эти оправдания не убедили полицей-президиума, который еще в конце 1916 г. в справке об Азефе, выданной испанскому консульству, называл его «без сомнения анархистом и при этом приверженцем террористического направления». Но облегчения условий тюремного содержания Азефу все же добиться удалось. Одно время стоял вопрос о переводе его в лагеря гражданских пленных, но от этого перевода Азеф в конце концов сам отказался: он просил, чтобы его поместили в лагерь таких пленных не русской национальности; полиция объявила это абсолютно исключенным, заявила, что он может быть переведен только в русский лагерь, где будет содержаться обязательно под его настоящей фамилией, и что в этом случае администрация лагеря не берет на себя ограждать его от возможных оскорблений со стороны других заключенных. Эта перспектива была настолько малоутешительна, что Азеф

предпочел остаться в тюрьме, выдав при этом расписку, что делает это по своей доброй воле. Зато в тюрьме он получил ряд льгот. Ему были разрешены свидания, чтение газет, его ежедневно отпускали в город на два часа — для прогулок, покупок и пр.

Это было лучшее время его тюремного заключения, но тянулось оно очень недолго. Вскоре Азеф захворал и был переведен в больницу при Моабитской тюрьме. Здесь Азефа содержали в строгом одиночном заключении, все время на запоре. О двухчасовых прогулках по городу не могло быть и речи. «Почти по неделям ни с кем не могу перемолвиться словом», — жаловался Азеф и готов был перевестись в лагерь гражданских пленных — даже на тех условиях, которые ставил полицей-президиум. Но теперь ему в этом было отказано со ссылкой на его собственную подписку, выданную за несколько месяцев перед тем, и Азефу до конца 1917 г., когда он был освобожден, пришлось жить в тюремной больнице.

Все это влияло на настроение Азефа, изменения которого можно проследить по его многочисленным письмам к г-же N. Он, конечно, все время взволнован и угнетен, но вначале еще имеет силы играть определенную роль: рисовать себя в определенном свете, ставить себе определенные цели в области воздействия на своих читателей. Таковых было два: г-жа N и тот чиновник полицей-президиума, который вел дело Азефа и который по долгу службы перечитывал все его письма. Оба эти читателя представляли для Азефа большой интерес и их обоих он имеет в виду при писании своих писем.

Вначале его больше всего беспокоила г-жа N. Ее письма к нему были полны горьких жалоб на судьбу. Она совсем не привыкла к подобным испытаниям, и очень похоже, что первое время Азеф сильно опасался, как бы она не бросила его: ведь давать ей он теперь уже ничего не мог, наоборот, жили они на средства, вырученные от продажи ее драгоценностей. Для Азефа же удержать ее было делом в высшей степени важным: помимо того, что он был к ней по-своему искренне привязан, она была ведь действительно единственным человеком, который у него оставался в мире. Поэтому первая забота, которая сквозит из его ранних тюремных писем, это забота об удержании г-жи N. В каждом письме он долбит ей о своей к ней любви и о том, как тревожит его ее положение. С заботливым вниманием он относится ко всем мелочам,

которые имеют отношение к ней, дает советы, указания, учит ее житейской мудрости.

Так как ничего конкретного для помощи ей он предложить не может, то он учит ее христианскому терпению. Его письма в это время пестрят «богом». «Бог даст», «с божьей помощью» и т. п. выражения встречаются почти на каждом шагу. И это не простое употребление привычного слова, в каком смысле «бог» встречается изредка и в его более ранних письмах. Нет, теперь «Бог» в письмах Азефа неотъемлемая часть его обширных рассуждений в духе христианского смиренномудрия. Себя он рисует верующим человеком, который со смирением принимает обрушившееся на его голову несчастье — почти современным Иовом на гноище — и готов благодарить Бога, который несчастьями просветил и очистил его душу.

Но эту роль Азеф выдерживает только первое время: до тех пор, пока у него были опасения относительно г-жи N и пока не был вырешен вопрос об его судьбе в полицей-президиуме. Позднее шелуха показного благочестия и показной преувеличенной заботливости о г-же N спадает. Все чаще он думает только о себе, о своих болезнях и бедах, порою совершенно забывая о том, как тяжело приходится ей. Он принимает как должное, когда позднее она уступает ему те немногие золотники масла и сыра, которые в те годы выдавались в Берлине по карточкам, а сама ходит обедать в народные столовые. Из его писем исчезают почти совершенно все рассуждения на душеспасительные темы. О «блаженстве приближения к Богу» путем страданий он теперь уже не говорит. Одночное заключение он расценивает проще, и эти более простые оценки звучат много более убедительными, много более искренними, чем рассуждения прежнего типа. «Вот уже два года, — с большим порывом срывается у него в одной записке без даты, переданной им г-же N нелегально, минуя контроль начальства, — как я без тебя... Это настоящее свинство!» Так пишет он, когда его не сдерживает мысль о читателе-цензоре, мысль, которая обычно сильно влияет на его высказывания.

Но зато тем сильнее он преувеличивает значение испытаний, выпавших на его долю. Он глубоко убежден, что «среди всех пострадавших от войны» его постигла «самая тяжелая участь»: другие хотя бы знают, за что они борются и гибнут; он же страдает неизвестно за что,

без вины, без основания. «Меня постигло несчастье, — не без скромности пишет он, — величайшее несчастье, которое может постигнуть невинного человека и которое можно сравнить только с несчастьем Дрейфуса».

Эгоист, грубый эгоист все полнее проступает в его письмах, и только редко в них звучат прежние ноты показного смирения и долготерпения.

Освобождение из тюрьмы Азефу принесло только перемирие, заключенное немедленно же после Октябрьской революции. На основании заключенного в декабре 1917 г. соглашения относительно обмена гражданскими пленными, незадолго до Рождества 1917 г., он был освобожден из тюрьмы. Г-жа N рассказывает, что, выйдя на свободу, Азеф рвал и метал против немецких властей, которые «без вины» продержали его в тюрьме 2½ года, и мечтал только об одном: о том, чтобы как можно скорее уехать в Швейцарию. Но выехать было нелегко. Мир, или вернее перемирие, был заключен только на востоке. На западе все строгости оставались в полной силе. К тому же и материальное положение было в высшей степени тяжелым. Приходилось думать о заработке, и Азеф, как сообщает г-жа N, устроился на службу по вольному найму в один из отделов германского министерства иностранных дел. Какие пути его туда привели и какую именно работу он там выполнял, установить до сих пор не удалось..

Свободно по улицам Берлина Азефу ходить пришлось недолго. Тюрьма серьезно подорвала его здоровье, и он с самого начала постоянно прихварывал. В середине апреля у него обострилась болезнь почек и он слег в больницу. Уже 17-го апреля он писал г-же N, что плохо себя чувствует, а потому с трудом может писать даже небольшие записки. Ухудшение шло быстро, и 24-го апреля 1918 г. в 4 часа пополудни он умер.

Похороны состоялись 26-го апреля на кладбище в Вильмерсдорфе. Место на кладбище было куплено второго класса — за 51 марку 50 пф. Похороны были совершены тоже по второму классу: по счету похоронного бюро было уплачено 767 мар. 50 пф. (дубовый гроб со старыми медными скобами — 500 мар., похоронные дроги II класса — 45 мар. и т. д.). За гробом шла одна г-жа N ...

· · · · ·
Автор этих строк заглянул на кладбище. Могила Азе-

фа приютилась там у одной из боковых дорожек, почти на границе второго и третьего класса. Длинные ряды могил. На каждой памятник, обычно, правда очень скромный. На каждой же и табличка: здесь лежит такой-то, родившийся тогда-то и умерший тогда-то. «Упокой, Господи, его душу!» Иногда даже указано, какое положение занимал умерший в жизни... Только на могиле Азефа ни таблички, ни памятника. Она не заброшена: обнесена железной оградой, обсажена зеленью — цветы, куст шиповника в цвету, две маленьких туи... Видна заботливая рука. Г-жа N не забыла Азефа. О нем она вспоминает с большой любовью и, по ее словам, часто ходит на его могилу. Но на последней нет никакой надписи, только кладбищенский паспорт: дощечка с номером места — 446. Г-жа N, с которой вместе автор этих строк был весной 1925 г. на этом кладбище, пояснила, почему она сознательно решила не делать никакой надписи:

— Знаете, здесь сейчас так много русских, часто ходят и сюда... Вот видите, рядом тоже русские лежат. Кто-нибудь прочтет, вспомнит старое — могут выйти неприятности... Лучше не надо...

Трудно спорить: так действительно лучше...

Комментарии

ОТ АВТОРА

- ¹ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846—1904) — директор Департамента полиции (1881—1884), товарищ министра внутренних дел (1884—1894). В 1902—1904 гг. — министр внутренних дел, шеф отдельного корпуса жандармов. Принадлежал к самым реакционным кругам царской бюрократии. В 80-х гг. боролся с народо-вольцами, в 90-х гг. — против независимости финляндского народа. Под его руководством подавлялись крестьянские волнения, устраивались еврейские погромы, преследовались студенчество, земство. Разгоняя рабочие организации, он одно время поддерживал «зубатовщину» («полицейский социализм»). Был одним из инициаторов русско-японской войны, надеясь сбить нарастающее революционное движение. Возбудил к себе всеобщую ненависть. В 1904 г. было 5 покушений на него. Убит 15 июля 1904 г. членом Боевой организации эсеров Е. С. Созоновым.
- ² *Сергей Александрович*, великий князь (1857—1905) — родной брат Александра III, дядя Николая II; с 1891 г. — московский генерал-губернатор; с 1896 г. — командующий войсками Московского военного округа. Убит членом Боевой организации эсеров И. П. Каляевым 4 февраля 1905 г.
- ³ *Эсеры* (социалисты-революционеры) оформились в партию в конце 1901 — начале 1902 г. в результате объединения ряда народнических кружков и групп. Возглавили партию М. А. Натансон, Е. К. Брешко-Брешковская, Н. С. Русанов, В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Г. А. Гершуни. Главной социальной силой эсеры считали «трудовой народ» (крестьянство, пролетариев, демократическую интеллигенцию). Аграрная программа эсеров обеспечила им в революции 1905—1907 гг. влияние и поддержку в демократической среде. В конце 1906 — начале 1907 г. в партии состояло более 65 тыс. человек (накануне революции — 1,5—2 тыс. человек). По социальному составу: свыше 43 % рабочих, более 45 % крестьян (вместе с солдатами), 11,6 % интеллигентов. Эсеры участвовали в вооруженных восстаниях, вели политическую агитацию. Одним из главных методов борьбы был индивидуальный террор, который осуществляла законспирированная, фактически независимая от ЦК Боевая организация. Официальные органы партии — газета «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции».
- Во II Государственной думе было 37 эсеров, колебавшихся между эсдеками и кадетами. В революции 1905—1907 гг. из организации выделилась партия эсеров-максималистов. После революции партия эсеров переживала кризис, во многом связанный с разоблачением Е. Ф. Азефа, стоявшего во главе Боевой организации и оказавшегося агентом-провокатором. С началом первой мировой войны большинство лидеров партии заняли оборонческие позиции. После Февральской революции 1917 г. партия выросла: в ней насчитывалось тогда 400 тыс. членов. Единства в ней не было: в декабре 1917 г. произошел раскол. Левые эсеры стали сотрудничать с большевиками. В годы гражданской войны партия дробилась и прошла сложную эволюцию. В марте 1923 г. съезд бывших рядовых членов эсеровской партии объявил о ее самороспуске.
- ⁴ *Боевая организация эсеров* существовала с апреля 1902 г. В ее

функции входили подготовка и совершение террористических актов. Вначале она насчитывала 13 человек. За все время существования Боевой организации, по подсчетам В. М. Зензинова, в нее входили около 80 человек. Руководителем был Г. А. Гершуни (до ареста 13 мая 1903 г.), затем ее возглавил по настоянию Г. А. Гершуни и М. Р. Гоца Азеф. За границей представителем БО был М. Р. Гоц; из членов ЦК в России ближе всего к ней стояли П. П. Крафт и М. М. Мельников.

В августе 1904 г. был выработан «Устав» БО, который делал ее совершенно независимой от партии (в технических и организационных делах). Формально возглавлял БО Исполнительный комитет в составе Азефа, Б. В. Савинкова и М. И. Швейцера, но фактически решающая роль принадлежала «члену-распорядителю» — Азефу. В его руках находилась и касса БО. Среди наиболее громких «дел» БО: убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина, уфимского губернатора Н. М. Богдановича, министра внутренних дел В. К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича и др. Известными деятелями террора были С. В. Балмашев, И. П. Каляев, Е. С. Созонов, П. В. Карпович и др. Они считали, что к свержению самодержавия приблизит скорее всего именно террор.

Огромный ущерб БО нанесло предательство ее руководителя — Азефа. После его разоблачения в конце 1908 г. БО фактически прекратила свою деятельность.

⁵ *Герасимов Александр Васильевич* (1861—?) — жандарм (Харьковское жандармское управление); в феврале 1905 г. переведен в Петербург на должность начальника Петербургского охранного отделения (1905—1909). В 1906—1909 гг. — руководитель Азефа. Предотвратил ряд покушений эсеровских боевиков на царя, П. А. Столыпина и др. Получил генеральский чин.

В связи с громкими скандалами («дело Азефа»; «дело Петрова», убившего Карпова — преемника А. В. Герасимова на посту начальника Охранного отделения) был отставлен от активной работы в МВД.

После революции 1917 г. — в эмиграции, где написал интересные воспоминания о «розыскной работе» [*Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. В. М. Чернов, прочитав эту книгу, впервые изданную в 1934 г., писал: «Лишь после того, как вышли (на немецком языке) воспоминания генерала Герасимова, нам окончательно выяснилась общая картина катастрофы, постигшей нашу боевую работу, как раз в то самое время, когда БО по планам партии должна была довести свои атаки на царский режим до максимальной энергии» (*Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 272)].

1. РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ

¹ *Лопухин Алексей Александрович* (1864—1928) — директор Департамента полиции (1903—1905), эстляндский губернатор (1905). За содействие В. Л. Бурцеву в разоблачении Азефа особым присутствием Сената присужден к 5 годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. После 4-х лет ссылки был помилован по царскому указу 4 декабря 1912 г. и восстановлен в правах. Служил вице-директором Сибирского торгового банка в Москве.

² *Бурцев Владимир Львович* (1862—1942) — публицист, в 80-х годах был близок к народолюбцам, затем к эсерам; издатель журнала «Былое», газет «Будущее», «Общее дело»; разоблачил мно-

- гих провокаторов. В годы первой мировой войны — «оборонец». После революции жил в эмиграции.
- ³ *Зубатов Сергей Васильевич* (1864—1917) — в первой половине 80-х годов принимал участие в революционном движении молодежи. В 1885 г. перешел на службу в Охранное отделение. С 1889 г. — помощник начальника, а с 1896 г. — начальник Московского охранного отделения. В 1902—1903 гг. — начальник Особого отдела Департамента полиции. Практиковал свою систему вербовки провокаторов. Создатель системы политического сыска. Основатель «зубатовщины» — разновидности «полицейского социализма», заключавшейся в насаждении легальных рабочих организаций под контролем полиции (в Москве, Петербурге, Киеве, Минске и др.), в которых проповедовались идеи бернштейнианства, «экономизма» с целью отвлечения рабочих от революционной борьбы. Но удержать рабочее движение в «мирном русле» не удалось. Зубатовские организации были ликвидированы правительством. В августе 1903 г. С. В. Зубатов был уволен со службы, сослан во Владимир. Застрелился при известии о Февральской революции 1917 г.
- ⁴ *Святополк-Мирский Петр Дмитриевич* (1857—1914) — князь, генерал-адъютант, генерал-губернатор; товарищ министра внутренних дел (1902—1904). В 1904—1905 гг. министр внутренних дел. Пытался путем уступок и либеральных реформ предотвратить нарастание революции. Его политика получила у современников название «весны» русской жизни (иногда произносимое иронически). Уволен в отставку после «кровавого воскресенья» — 9 января 1905 г.
- ⁵ *Рачковский Петр Иванович* (1853—1911) — охранник, заведовал заграничной агентурой царской полиции (1885—1902). В 1905—1906 гг. возглавлял политическую часть работы Департамента полиции, руководитель Азефа в эти годы. Автор многих провокаторских затей.
- ⁶ *Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906) — генерал-майор свиты, московский обер-полицмейстер (1896—1905), покровительствовал С. В. Зубатову. С января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, с апреля 1905 г. — товарищ министра внутренних дел; с конца 1905 г. — дворцовый комендант. Во время всероссийской стачки в октябре 1905 г. издал приказ: «Холостных залпов не давать и патронов не жалеть». Летом 1906 г. — активный участник переговоров об «общественном министерстве».
- ⁷ *Витте Сергей Юльевич* (1849—1915) — граф, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров с 1903 г., председатель Совета министров (1905—1906); инициатор винной монополии (1894), денежной реформы (1897), строительства Сибирской железной дороги. Подписал Портсмутский мир с Японией (1905). Разработал основные положения аграрной реформы, впоследствии названной столыпинской (1903—1904). Автор Манифеста 17 октября 1905 г. Проводил политику привлечения буржуазии к сотрудничеству с царским правительством. Сначала выступал против «зубатовщины», затем стал склоняться на ее сторону. С 1906 г. — член Государственного совета. Автор «Воспоминаний» (М., 1960, Т. 1—3).
- ⁸ *Малоправдоподобная история* — разговоры между С. Ю. Витте и С. В. Зубатовым действительно имели место (за спиной В. К. Плеве — противника С. Ю. Витте) и были одной из причин отставки С. В. Зубатова в августе 1903 г. Но смысл переговоров

состоял в том, что оба они — и С. Ю. Витте, и С. В. Зубатов — искали общие подходы в их отношении к «зубатовщине», а вовсе не обсуждали «цареубийство». Оба они были убежденными монархистами.

⁹ Думается, что А. А. Лопухин решился на разоблачение Азефа не из-за сведения счетов с Рачковским, испортившим карьеру Лопухину, а из-за возмущения двойной игрой Азефа. Существует и другая «версия» мотивов поведения Лопухина: «Двоюродный брат его Алексей Сергеевич Лопухин (умер в 1966) оставил записки, где ссылается на рассказ А. А. после революции в Москве: о том, как и почему он выдал Азефа. Находясь в Париже, А. А. получил известие из Лондона, что его дочь похищена (при выходе из театра отеснена в толпе от гувернантки и исчезла). А. А. поспешил в Лондон, в его поездное купе вошел Бурцев и предложил в обмен на освобождение дочери назвать имя полицейского агента в верхах эсеровской партии. Лопухин назвал Азефа — и на следующий день освобожденная дочь его вернулась к нему в лондонскую гостиницу. Видимо, изложить эту причину в общественной обстановке предреволюционной России было для Лопухина невозможно». (См.: Краткие сведения об упоминаемых лицах//Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 197). Эта «версия» могла бы быть изложена самим А. А. Лопухиным и на суде, и в эмиграции — она была весьма «выигрышной» для него. Но он никогда и нигде не упоминал о ней. Если бы имел место шантаж, то Лопухин всегда мог бы заявить об этом и дезавуировать свои свидетельства, отказать от них. А между тем, напротив, Лопухин выдержал борьбу с Азефом и Герасимовым, просившими его отказаться от того, что он говорил Бурцеву. Более того, А. А. Лопухин все подтвердил члену ЦК эсеров А. А. Аргунову и даже выехал за рубеж, чтобы дать показания представителям ЦК эсеров по «делу Азефа».

II. НА ЗАРЕ «ТУМАННОЙ ЮНОСТИ»...

¹ Жена Азефа — Любовь Григорьевна Менкина ко времени разоблачения Е. Ф. Азефа 14 лет состояла с ним в браке, имела двоих детей от него. Ничего не знала о его двойной жизни, о провокаторстве. Вела активную работу в партии эсеров (печать, финансы, явки).

III. НА ПУТИ К БОЛЬШОМУ ПЛАВАНИЮ

- ¹ Аргунов Андрей Александрович (1867—1939) участвовал в революционном движении с 80-х годов, член ЦК партии эсеров; один из руководителей партии с момента ее возникновения. В 1918 г. — член Комуча. Член Уфимской директории. Эмигрировал.
- ² Здесь Б. И. Николаевский, очевидно, принимает за чистую монету эту браваду — психологический прием С. В. Зубатова. Охранник до мозга костей, Зубатов едва ли мог «радоваться» нарастающую «крайних революционных настроений» в среде интеллигенции.
- ³ Газета «Революционная Россия» (1900—1905) издавалась социалистами-революционерами. С января 1902 г. — центральный орган партии эсеров. Издавалась в Куоккале (Финляндия), Томске, Женеве.
- ⁴ Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — историк, публицист, один из лидеров партии народных социалистов, член редакции журнала «Русское богатство». После революции — в эмиграции.
- ⁵ Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — общественный деятель, публицист. В начале 900-х гг. был близок к эсерам; с 1904 г. —

член редакционного комитета журнала «Русское богатство»; один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. В мае—августе 1917 г. — министр продовольствия. В 1922 г. выслан из СССР.

⁶ *Карпович Петр Владимирович* (1874—1917) — эсер. В 1901 г. смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова, приговорен к 20 годам каторги (отбывал ее в Шлиссельбурге, Акатуе); в 1907 г. бежал. Эмигрант; член БО эсеров; после разоблачения Азефа отошел от партии. В апреле 1917 г., возвращаясь в Россию, утонул — пароход, на котором он плыл, был торпедирован немецкой подводной лодкой.

⁷ *Спиродович Александр Иванович* (род. в 1873 — ?) — жандармский офицер, генерал. В январе 1900 г. был прикомандирован к Московскому охранному отделению, где работал под руководством С. В. Зубатова. В 1902 г. — начальник Таврического охранного отделения, затем начальник Киевского охранного отделения (1903—1905). В 1906—1916 гг. заведовал дворцовой агентурой при дворцовом коменданте. Осенью 1916 г. назначен ялтинским градоначальником. После революции жил в эмиграции.

IV. ОСНОВАНИЕ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

¹ *Гершуни Григорий Андреевич* (1870—1908) — один из организаторов и лидеров эсеров, глава Боевой организации. В 1903—1906 гг. отбывал каторгу, совершил побег из Акатуйской тюрьмы. Умер за границей.

² *Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна* (1844—1934) — в революционном движении с начала 70-х годов, в 1874—1896 гг. — в тюрьме, каторге и ссылке. Вернулась с поселения в 1896 г.; один из организаторов и лидеров партии эсеров; помогала Г. А. Гершуни в террористической деятельности. В 1907 г. выдана Азефом, арестована и сослана в Сибирь. В 1917 г. занимала место на правом фланге эсеров. Эмигрировала в 1919 г.

³ *Гоц Михаил Рафаилович* (1866—1906) — один из основателей партии эсеров, член ее ЦК. В студенческие годы участвовал в работе народовольцев. Арестован в 1886 г., сослан в Якутск. Здесь за участие в вооруженном сопротивлении политических ссыльных в 1889 г. осужден на бессрочную каторгу. В 1898 г. вернулся в Россию, а в 1900 г. эмигрировал. Представитель Боевой организации за границей.

⁴ *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик и автор ее программы. В революционном движении участвовал с конца 80-х годов. В 1917 г. министр земледелия во Временном правительстве, председатель Учредительного собрания. С 1920 г. — в эмиграции. Во время второй мировой войны участник движения Сопротивления во Франции.

⁵ *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853—1902) — министр внутренних дел (1900—1902). Подготовил Совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности. Инициатор карательных мер против участников рабочего, крестьянского и студенческого движений. Вдохновитель русификаторской политики в национальных регионах. Убит эсером С. В. Балмашевым 2(15) апреля 1902 г.

⁶ *Балмашев Степан Валерианович* (1881—1902) — член Боевой ор-

ганизации эсеров, студент; 2 апреля 1902 г. застрелил министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

⁷ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — государственный деятель, юрист, ученый-богослов, профессор. В 1880—1905 гг. обер-прокурор Синода. Один из воспитателей Николая II. Противник либеральных реформ.

⁸ *Слетов Степан Николаевич* (1876—1915) — видный эсер; выданный Азефом в 1903 г., до 1905 г. сидел в Петропавловской крепости. Активно работал в партии эсеров (в печати, участвовал в попытках восстановления Боевой организации и т. д.). Жил за границей. В 1914 г. добровольцем вступил во французскую армию. Погиб на фронте.

V. АЗЕФ И БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИ ГЕРШУНИ

¹ *Ратаев Леонид Александрович* — чиновник особых поручений при Департаменте полиции, ведал розыскным делом с 1898 г.; создал Особый отдел в Департаменте полиции и руководил им вплоть до 1902 г. В 1902—1905 гг. — заведующий заграничной агентурой Департамента полиции. После отставки в 1905 г. проживал в Париже под фамилией Рихтер. Умер там в 1917 г.

² *Богданович Н. М.* — уфимский губернатор, по приказу которого 13 марта 1903 г. по толпе рабочих, требовавших выдать двух арестованных товарищей, было дано несколько залпов, в результате убито много рабочих, женщин и детей. Богданович был убит 6 мая 1903 г. членом Боевой организации Е. Дулебовым.

VI. ОХОТА ЗА ПЛЕВЕ

¹ *Созонов Егор Сергеевич* (1879—1910) — эсер, в революционном движении с начала 900-х годов, несколько раз был арестован, сидел в тюрьме. В 1903 г. на 5 лет выслан в Якутск, откуда бежал за границу. С 1903 г. член Боевой организации. Нелегально вернулся в Россию. 15 июля 1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве. Приговорен к вечной каторге. Покончил с собой в Горном Зерентуе, протестуя против телесных наказаний.

² *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — с юных лет участвовал в революционном движении (первый арест в 1897 г.). С 1903 г. — эсер, один из руководителей Боевой организации, организатор многих террористических актов (убийство В. К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича и др.). В 1906 г. приговорен к смертной казни, бежал. Известен и как писатель (В. Ропшин). В 1914 г. вступил добровольцем во французскую армию. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. При Временном правительстве — комиссар 7-й армии, затем до августа 1917 г. — помощник военного министра. В августе исключен из партии эсеров, с которой практически давно разошелся. В 1918 г. возглавил в Москве подпольный «Союз борьбы за родину и свободу», руководил рядом контрреволюционных заговоров и мятежей. Был одним из организаторов Добровольческой армии. Эмигрировал. Продолжал вести борьбу с советской властью. Нелегально вернулся в СССР. Арестован в 1924 г. в Минске. Осужден на 10 лет. В 1925 г. погиб, выбросившись (или был выброшен) из окна тюрьмы.

³ *Швейцер Максимилиан Ильич* (1881—1905) — эсер, студент; в 1899 г. сослан в Якутскую область, примкнул к партии эсеров. В 1903 г. вступил в Боевую организацию, член ее Исполнительного

комитета (вместе с Азефом и Савинковым). Погиб в феврале 1905 г., заряжая метательные снаряды.

- ⁴ *Медников Евстратий Павлович* — в начале 90-х годов служил городовым в московской полиции, потом — филером в Охранном отделении, где сблизился с С. В. Зубатовым. Заведовал «наружным наблюдением». В конце 1899 г. — начале 1900 г. — один из руководителей политического сыска в стране, глава «летучего отряда» филеров. В 1902 г. секретным предписанием Департамента полиции был назначен «заведующим наружным наблюдением всей империи». В 1906 г. оставил службу при Департаменте полиции. В начале 1907 г. — заведующий наружным наблюдением Центрального (Московского) района. Узнав в 1909 г. о разоблачениях Л. П. Меньщикова, которому он очень доверял, заболел и умер в больнице для душевнобольных.

VII. БОЛЬШОЙ ПОХОД БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

- ¹ *Зензинов Владимир Михайлович* (1880—1853) — один из лидеров эсеров. С 1906 г. член Боевой организации. В 1917 г. редактор эсеровской газеты «Дело народа». Октябрьскую революцию не принял; жил в эмиграции.
- ² *Тютчев Николай Сергеевич* (1856—1924) — народник, сослан в Сибирь; после возвращения из ссылки один из организаторов партии «Народное право». Арестован в 1894 г. После двух лет пребывания в Петропавловской крепости сослан в Сибирь на 8 лет. В Иркутске (1902) примкнул к местной организации эсеров. В 1905 г., по возвращении из ссылки, вступил в Боевую организацию эсеров, участвовал в подготовке покушения на Д. Ф. Трепова. Выданный Татаровым в 1906 г., он выехал за границу, где пробыл до 1914 г. Вернулся в Россию в начале мировой войны, отошел от активного участия в революционном движении (впоследствии — историк революционного движения России). Умер в Ленинграде.

VIII. ДВА ПРЕДАТЕЛЯ

- ¹ *Татаров Н. Ю.* — провокатор, сообщал сведения о деятельности ЦК эсеров и Боевой организации. По приговору эсеров в 1906 г. убит на своей квартире в Варшаве.
- ² *Гоц Абрам Рафаилович* (1882—1940) — эсер. С 1906 г. член Боевой организации; в 1907—1917 гг. — на каторге и в ссылке. В 1917 г. — председатель ВЦИК, избранный на I съезде Советов. После Октябрьской революции — член «Комитета спасения родины и революции». В 1922 г. он был осужден, амнистирован, затем на хозяйственной работе.
- ³ *Меньшиков Владимир Петрович* (1869—1932) — в 1885—1887 гг. участвовал в народольческих кружках, был арестован в 1887 г. по доносу С. В. Зубатова. Дал откровенные показания и был принят на службу в охранку. Зубатов привлек его на службу в Департаменте полиции. Меньшиков стал чиновником Особого отдела этого Департамента. В 1909 г. уехал за границу, где выступил с разоблачением провокаторов. За рубежом жил вне революционной среды. Подготовил «Черную книгу русского освободительного движения» — обширный список провокаторов и чинов российской полиции, занимавшихся политическим сыском. Выпустил в свет работу «Охрана и революция» (М., 1925—1932, Ч. I—III).

IX. В ДНИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БИТВ

- ¹ Нет убедительных свидетельств, подтверждающих мнение Б. И. Николаевского о том, что «Азеф склонялся к мысли о полном переходе на сторону революции».
- ² *Народные социалисты* — Трудовая народно-социалистическая партия (энесы), выделилась в 1906 г. из правого крыла эсеров. Лидеры народных социалистов — Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. А. Богораз, С. Я. Елпатьевский, В. И. Семевский и др. Официальный орган партии — журнал «Народно-социалистическое обозрение». В апреле 1907 г. состоялась I конференция энесов. После Третьеиюньского переворота 1907 г. партия фактически перестала существовать. Возродилась после Февральской революции 1917 г. На I съезде партии (июнь 1917) энесы объединились с трудовиками. Был избран ЦК, в который вошли А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, А. Д. Демьянов и др. На съезде была принята программа партии. Официальным органом энесов стала газета «Народное слово». Партия поддерживала Временное правительство. В 1918 г. прекратила свое существование.
- ³ *Эсеры-максималисты* — фракционная группа партии эсеров с 1904 г., самостоятельная партия с 1906 г. Находилась на левом фланге неонароднических партий. Характерная черта теории максималистов — возможность немедленного перехода России к социализму. Программа — социализация земли, фабрик, заводов; тактика — индивидуальный террор, экспроприации. Наиболее известные акции: экспроприации банковских денег в Фонарном переулке (1906) и покушение на П. А. Столыпина (1906). По социальной принадлежности максималисты — из средних и низших слоев. Лидеры — М. И. Соколов, Г. А. Нестроев, Г. А. (Н. И.) Ривкин и др. Численность: 400 человек в Петербурге (в 1907 г.), в 1917 г. — 3 тыс. членов. Распалась в 1919 г. В 1920 г. часть членов вступила в РКП(б), остальная часть прекратила существование в середине 20-х годов.
- ⁴ *Дурново Петр Николаевич* (1845—1915) — статс-секретарь, один из наиболее реакционных государственных деятелей царской России. Вице-директор (1883—1884) и директор Департамента полиции (1884—1893); товарищ министра (1900—1905), с октября 1905 г. по апрель 1906 г. — министр внутренних дел. С 1906 г. — член Государственного совета.
- ⁵ *Дубасов Федор Васильевич* (1845—1912) — генерал-адъютант; адмирал; в 1897—1899 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой; с ноября 1905 г. по июль 1906 г. — московский генерал-губернатор. Руководил подавлением крестьянского движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях, а также Декабрьского вооруженного восстания в Москве. С 1906 г. — член Государственного совета.

Х. ИЗМЕНА ГАПОНА

- ¹ *Гапон Георгий Аполлонович* (1870—1906) — священник, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», один из руководителей шествия петербургских рабочих к царю 9 января 1905 г. В тот день Гапон готов был «положить душу» за народ. Провокатором, как считали и считают ряд исследователей, он не был. После «кровавого воскресенья» бежал за границу, где пытался объединить левые политические партии для

совместной революционной борьбы в России. Вступил в партию эсеров, но скоро вышел из нее. За границей он отнюдь не пребывал в «пьяном угаре», как писали о нем некоторые публицисты (такой же точки зрения придерживался и Б. И. Николаевский). Гапон много работал: составлял революционные воззвания, диктовал свои мемуары, поддерживал постоянные контакты с руководителями закрытого властями «Собрания» и т. д. Был популярен у значительной части петербургских рабочих. Амнистирован в октябре 1905 г. Нуждаясь в деньгах для «рабочего дела», вступил в контакт с полицией. Однако нет оснований считать его предателем. Он был, скорее, революционным авантюристом, неразборчивым в средствах. Гапон был казнен эсерами (руководил этим актом П. М. Рутенберг) как провокатор. Мемуары Рутенберга, в которых Гапон изображен именно в таком качестве, весьма противоречивы, обо многом умалчивают и поэтому требуют к себе серьезно, критического отношения, на что указывали специалисты по истории революционного движения в России.

- ² *Манасевич-Мануйлов Иван Федорович* (1869—1918) — журналист, сотрудник Охранного отделения, политический аферист.

XI. ПРИМИРЕНИЕ АЗЕФА С ДЕПАРТАМЕНТОМ ПОЛИЦИИ

- ¹ Полиция проявила в этом деле поразительную инертность. В печати уже сообщалось, что Гапон был убит именно в Озерках. Труп его обнаружили спустя много времени после этого и отнюдь не благодаря «поискам» полиции, а по заявлению хозяйки дачи, где был повешен Гапон.

- ² *Гернгросс-Жученко Зинаида Федоровна* — провокатор с 1893 г. В Москве (1905) вошла в состав областного комитета эсеров. Разоблачена в 1909 г. В. Л. Бурцевым. Правительство назначило ей пожизненную пенсию. Жила в Германии. В 1914 г. была арестована; выпущена на свободу в 1917 г.

XII. ГЕРАСИМОВ И СТОЛЫПИН — НОВЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ АЗЕФА

- ¹ «Думское министерство» — правительство, в котором предполагалось участие общественных деятелей, либералов; переговоры с ними (П. Н. Милюковым, Н. Н. Львовым, Д. Н. Шиповым, П. А. Гейденем и др., в том числе и депутатами I Государственной думы) вели царские сановники (П. А. Столыпин, Д. Ф. Трепов и др.) с целью «успокоить» страну.

- ² Этот период связан с именем реакционного деятеля графа Д. А. Толстого (1823—1889), который был в 1866—1880 гг. министром народного просвещения (позже он стал министром внутренних дел, шефом жандармов; затем президентом Академии наук). Он насаждал классицизм в гимназиях, проводил в области просвещения курс, затруднявший получение образования представителями «разночинных» слоев населения — «кухаркиными детьми».

- ³ *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861—1918) — министр юстиции, в 1906—1915 гг. председатель Государственного совета России. Организатор провокационных политических процессов (в том числе дела Бейлиса и др.), военно-полевых судов и телесных наказаний для политических заключенных. Покровитель черносотенцев. Арес-

тован в Февральскую революцию. Расстрелян ВЧК по постановлению Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 г.

⁴ *Камышанский П. К.* (1862—1910) — прокурор Петербургской судебной палаты (1905—1909), придерживался крайне правого направления.

⁵ *Трудовики* («Трудовая группа») — группа возникла в апреле 1906 г. как фракция депутатов-крестьян и народнической интеллигенции в Государственных думах. Лидеры трудовиков — С. В. Аникин, А. Ф. Аладьин, А. Д. Бородин, Ф. М. Онипко и др. Трудовики отражали социально-экономические требования крестьянских масс, издавали газету «Трудовой народ». После Третьеиюньского переворота (1907) деятельность трудовиков на местах прекратилась. В 1917 г. образовалась Трудовая народно-социалистическая партия. После Октябрьской революции распалась.

ХІІІ. БОЛЬШОЙ ПОХОД АЗЕФА—ГЕРАСИМОВА—СТОЛЫПИНА ПРОТИВ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

¹ *Чухнин Григорий Павлович* (1848—1906) — вице-адмирал, с 1904 г. командующий Черноморским флотом; усмиритель севастопольского восстания в ноябре 1905 г.; был убит революционными матросами.

² Покушение 12 августа 1906 г. состоялось на министерской даче П. А. Столыпина на Аптекарском острове; были убиты 27 человек, в том числе два террориста (И. М. Типунков и Э. Забельшанский). Среди более чем 30 раненых оказались 3-летний сын П. А. Столыпина и его 14-летняя дочь. Сам П. А. Столыпин не пострадал. 19 августа был принят указ о военно-полевых судах.

ХІV. ТЕРРОР БЕЗ АЗЕФА

¹ *Фон Лауниц В. Ф.* — тамбовский губернатор, с 1905 г. — петербургский градоначальник. Убит эсерами в 1907 г.

² *Трауберг А. Д.* («Карл») — письмоводитель судебного следователя, эсер, глава Летучего боевого отряда Северной области. Отряд совершил ряд террористических покушений. Арестован 6 июля 1907 г., но скрылся. Вторично был арестован 22 ноября 1907 г. по предательству Азефа.

³ *Павлов В. П.* — генерал-лейтенант, главный военный прокурор (1905—1906), инициатор и ярый сторонник смертных приговоров. 1 июня 1906 г. выступил на заседании Государственной думы с ответной речью на ее требование об отмене смертной казни. Речь Павлова вызвала негодование в стране; вскоре он был убит.

⁴ *Союз русского народа* — черносотенная организация, возникшая в октябре 1905 г. в Петербурге для борьбы с революцией. Союз объединил реакционных представителей мелкой буржуазии города, помещиков, часть интеллигенции, духовенства, деклассированных городских элементов, небольшую часть рабочих и крестьян. Его руководители: А. И. Дубровин (председатель Главного совета), В. А. Грингмут, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков и др. Союзу покровительствовал Николай II. Устав Союза был утвержден в августе 1906 г. Центральным органом был Главный совет из 12 членов. В 1905—1907 гг. Союз насчитывал более 100 тыс. членов, но большинство их состояло в нем номинально, не проявляя активности. Постоянно действовали примерно 400 отделов Союза. Основной печатный орган — газета «Русское знамя». Союз выдвигал ло-

зунги великодержавного шовинизма и антисемитизма. В 1908—1910 гг. Союз распался на несколько враждовавших между собой организаций («Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа», «Всероссийский дубровинский союз русского народа в Петербурге» и др.). После свержения самодержавия в феврале 1917 г. он был распущен.

XVI. ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

- ¹ *Бакай Михаил Ефимович* — фельдшер, завербован в 1900 г., когда проходил по делу социал-демократической газеты «Южный рабочий». Выдал эсеровскую типографию. С 1902 г. сотрудник Варшавского охранного отделения. Признав «низость заправил политического сыска», дал ценные сведения о работе полиции В. Л. Бурцеву; помог ему в разоблачении ряда провокаторов, в том числе и Азефа. В начале 1907 г. арестован, сослан в Обдорск. Не доехав до места ссылки, бежал за границу. В дальнейшем жил в эмиграции. Окончил институт, стал инженером, работал в Конго.

XVII. ЛЕТУЧИЙ БОЕВОЙ ОТРЯД «КАРЛА» И ЕГО ГИБЕЛЬ

- ¹ *Либединцев Всеволод Владимирович* (1878—1908) — эсер, участник, а затем руководитель Летучего боевого отряда Северной области. Либединцев два года жил в Италии (его мать была итальянкой) на нелегальном положении под именем Марио Кальвино. Под этим именем он вернулся в Россию, где принял участие в подготовке несостоявшихся покушений на вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции И. Г. Щегловитова. Вместе с другими участниками отряда Либединцев был предан военно-полевому суду и казнен в феврале 1908 г. Математик и астроном по образованию, Либединцев работал в Пулковской обсерватории, где его посещал Л. Андреев. Либединцев послужил ему прототипом Вернера — героя «Рассказа о семи повешенных».

XVIII. ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА АЗЕФА

- ¹ *Лопатин Герман Александрович* (1845—1918) — революционер-народник, волонтер Гарibaldi (1867), друг К. Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык. С 1870 г. член Генерального совета I Интернационала. Организатор побега П. Л. Лаврова (1870) и попытки освобождения Н. Г. Чернышевского (1871) из ссылки. С 1873 г. в эмиграции. В 1884 г. вернулся в Россию, был главой Распорядительной комиссии «Народной воли». На «Процессе 21» (1887) приговорен к смертной казне, замененной вечной каторгой. До 1905 г. — в Шлиссельбургской крепости. После 1905 г. занимался литературной работой. Как человек исключительно высоко нравственный, он пользовался большим авторитетом среди революционеров. Являлся председателем третейского суда по делу Азефа (1908—1909). Его хотели привлечь к себе эсеры, но участие в разбирательстве дела Азефа, которого защищал В. М. Чернов, заставило его отрицательно отнестись к некоторым сторонам деятельности этой партии. Не сблизился Лопатин и с эсдеками: он считал их людьми ограниченными. Не воспринял он и Программу РСДРП: она осталась ему чуждой. Кроме того, он не хотел

«входить в партийную дисциплину» и связывать себя с какой-либо организацией. Последние пять лет (с 1913 г.) жил в Петербурге. До конца жизни он сохранял верность революционным идеалам молодости.

ХІХ. РАЗОБЛАЧЕНИЕ

¹ *Состав третейского суда* — Г. А. Лопатин (председатель), В. Н. Фигнер (1852—1942), П. А. Кропоткин (1842—1921). Лопатин, по его словам, отнесся к делу Азефа как к «громкому, важному и гнусному...» Он, оказав помощь Бурцеву, «имел в виду вовсе не его (Бурцева) реабилитацию, а раскрытие гнусной общественной язвы, губившей все вокруг себя»; «помог» сделать Азефа «безвредным», причем он считал эту помощь «усердной»... В деле Азефа проявились присущие Лопатину качества: высокая нравственность, справедливость, пронизательность, чувство долга, ум, такт. Кропоткин также «много способствовал тому направлению, которое приняло, наконец, дело между Бурцевым и ЦК». Отношения В. Н. Фигнер с Азефом, познакомившейся с ним в 1907 г., были сложнее. Она вначале считала, что обвинения против Азефа были ложными. Но в конце концов и она встала на точку зрения Лопатина и Кропоткина. Лопатин был сторонником крайних мер по отношению к провокатору. Впоследствии он критиковал и Бурцева за его недопустимую «мягкость» и «слабость» к «азефам» и «богровым» (Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 775, 774, 773, 843, 788, 844, 842).

Три легенды вокруг «дела Азефа»*

Книга Бориса Ивановича Николаевского посвящена человеку, ставшему олицетворением двуличия, предательства и провокации. С исторической точки зрения труд Николаевского интересен уже потому, что имя Евно Фишелевича Азефа, известного также под кличками «Азеф», «Николай Иванович», «Валентин Кузьмич», «Толстый» и пр., неотделимо от истории террористической деятельности самой большой радикальной организации в предреволюционной России — партии социалистов-революционеров (ПСР). Одновременно Азеф является, пожалуй, самым загадочным персонажем в истории русского революционного движения: по сравнению с ним никогда ни одно лицо в антиправительственном лагере не вызывало столько ожесточенных споров, такого взрыва страстей. И действительно, судьба этого человека представляется уникальной.

Полная история того, что стало известно как «дело Азефа», не была официально раскрыта, и это послужило распространению всевозможных слухов, легенд и вымыслов.

Источники

В дополнение к огромному числу газетных статей, полных историй об Азефе, первичными источниками информации о его деятельности являются материалы, избирательно изданные эсерами. Как заинтересованных лиц, эсеров можно заподозрить в необъективности, и действительно, их первоначальные утверждения, которые противоречат интерпретации роли Азефа В. Л. Бурцевым, радикально отличаются от их последующих выводов, сделанных под влиянием и при сотрудничестве Бурцева.

Первой реакцией Центрального комитета (когда стало известно о предательстве Азефа) было молчание, что выдает общую нерешительность его членов¹. Отчаянно пытаясь спасти престиж партии, ее лидеры стали затем утверждать, что, хотя предательство Азефа принесло много вреда ПСР и особенно негативно отразилось на террористической деятельности партии, роль Азефа в Боевой организации

* От издательства. В предлагаемой читателям статье доктора исторических наук, профессора Бостонского университета (США) Анны Гейфман дается иная трактовка деятельности Азефа. В отличие от Б. И. Николаевского она считает «героя» публикуемой книги агентом полиции, а не агентом-провокатором, который вел двойную игру.

Статья А. Гейфман в значительной степени основана на материалах зарубежных архивов и широком круге литературы. Однако выводы автора порой представляются спорными. Помещая исследование А. Гейфман в качестве приложения к книге Б. И. Николаевского, издательство считает, что это даст возможность читателю непосредственно сопоставить различные точки зрения на дело Азефа и усилит познавательный характер издания.

не была такой значительной, как это могло казаться. Они утверждали, что политический террор не начался с Азефа и не должен закончиться после раскрытия его связей с полицией; несмотря на измену Азефа, политические убийства не были дискредитированы как средство революционной борьбы и, следовательно, от них не следует отказываться.

Подобная первоначальная интерпретация роли Азефа не способствовала восстановлению престижа партии в глазах публики. Кроме того, это вызывало нежелательную критику Центрального комитета со стороны всевозможных эсеровских кружков, в связи с чем лидеры эсеров скоро были вынуждены изменить свою позицию и выступить с другой оценкой, более подходящей для общих целей партии.

Признавая, что ПСР была дискредитирована присутствием в ее рядах агента полиции, партийная верхушка заявила (несомненно, без влияния убедительных аргументов В. Л. Бурцева), что для революции было бы, по крайней мере, полезно отомстить правительству, так как, по мнению революционеров, правительство прибегало к преступной провокации, пытаясь задавить революцию. Согласно версии эсеров, царское правительство не только использовало своих людей в борьбе с революцией, но и платило своим агентам за получение информации, невзирая на такую их преступную деятельность, как проведение покушений. Радикалы утверждали, что правительство было также ответственно за ряд убийств, на которые оно само подстрекало социалистов-революционеров через своего секретного агента ².

Несмотря на то, что лидеры эсеров первоначально утверждали, будто все попытки политических убийств, которые были известны Азефу, потерпели неудачу, в то время как многие акты, к которым Азеф не был причастен, прошли успешно ³, Центральный комитет впоследствии публично объявил, что Азеф был организатором всех значительных террористических актов, проведенных в России между 1902 и 1908 гг. Согласно эсерам, Азеф как двойной агент не просто обманывал полицию, для своих собственных целей скрывал планы террористов, а часто имел секретные санкции и одобрение со стороны высших официальных лиц России на совершение этих актов, которые правительство публично клеймило ⁴. Если эту новую позицию эсеров считать соответствующей истине, как это принято исследователями сегодня, то следует признать, что покровители Азефа в полиции и правительстве, руководимые своими личными амбициями и внутренней конкуренцией, провоцировали политические убийства своих коллег. По утверждению эсеров, они это делали, во-первых, чтобы продемонстрировать правительству и публике опасность революционного террора, оправдывая таким образом политические репрессии, и, во-вторых, чтобы избавиться от некоторых неудобных высокопоставленных лиц ⁵.

В то же время, согласно интерпретации Бурцева и эсеров, у Азефа была своя ставка в этой кровавой игре. Движимый исключительно своей ненасытной жадностью, Азеф, по их словам, принял на себя роль оплачиваемого агента — провокатора. С целью укрепить свою позицию среди революционеров — что не только обеспечивало его физическую безопасность, но и приносило ему огромный материальный доход — Азеф, как глава Боевой организации, был вынужден выполнить ряд удачных террористических актов.

Российское правительство не предприняло официального рассле-

дования деятельности Азефа на протяжении всей его карьеры полицейского агента, и таким образом версия Бурцева и эсеров была всеми признана убедительной. Единственное официальное заявление, относящееся к данному вопросу, было сделано П. А. Столыпиным в его выступлении перед III Думой 11 февраля 1909 г. В своей речи Столыпин (в ответ на запрос кадетской фракции по поводу того, что правительство прибегает к провокации) старался оправдать методы работы российской секретной полиции. Для большинства членов Думы (включая ряд оппонентов премьер-министра) стала очевидной законность деятельности Азефа, который был представлен Столыпиным лишь как секретный сотрудник, а не как провокатор или двойной агент, предающий и интересы полиции, и интересы революционеров. Азеф остался в истории агентом-провокатором и «временным Иудой», готовым предать всех ради собственной выгоды. Имя его стало нарицательным, символизирующим предательство⁶.

Книга Б. И. Николаевского — это первая и пока единственная попытка написать полную историю «дела Азефа». После тщательной проработки всех доступных материалов Николаевский рисует в основном общепринятый портрет Азефа, схожий с тем, как его представляли эсеры. Впоследствии все научные работы о партии эсеров в значительной степени основывались на точке зрения Николаевского, но подвергая сомнению его выводы⁷.

Свою же версию Николаевский представлял, опираясь прежде всего на «левые» источники, а также используя сравнительно немногочисленные полицейские документы, так как другие материалы оставались практически недоступными до момента окончания книги — в 1931 г. Главным образом Николаевский имел дело с различными высказываниями В. Л. Бурцева, а также с воспоминаниями товарищей Азефа по партии и Боевой организации и других активных революционеров. Эти источники, однако, не следует считать надежными по крайней мере по двум причинам: во-первых, официальные документы эсеров — такие, как, например, изыскания специальной Судебно-следственной комиссии по «делу Азефа, сформированной Центральным комитетом ПСР вскоре после скандала, — вряд ли могут пролить свет на характер связей Азефа с полицией, ибо они прежде всего касаются ситуации в партии, позволившей внедрение в Центральный комитет правительственного агента.

Во-вторых, более значительным недостатком «левых» источников, которыми пользовался Николаевский, следует, наверное, считать их идеологическую тенденциозность, которая особенно очевидна в воспоминаниях революционеров. Эти личные записи изобилуют замечаниями, типичными для радикалов, которые были готовы видеть лишь худшее в существующем режиме. Они с излишней охотой излагают любые факты, компрометирующие членов правительства, используют любую неприглядную сторону царской администрации, чтобы таким образом косвенно подтвердить тезис о законности революции⁸. Более того, хотя Николаевский прекрасно понимал, что личные свидетельства, как правило, весьма субъективны, он, видимо, не знал, что, например, мемуары Б. Савинкова, изначально написанные по приказу Центрального комитета, пересматривались автором по требованию его коллег двенадцать или тринадцать раз. То, в какой степени «личные» воспоминания Савинкова выражали официальную версию истории ПСР, становится ясным, если принять во внимание следующий ультиматум, который поставили перед Савинковым лидеры партии: либо он переделывает свои мемуары, либо

его исключают из ПСР⁹. Это был не единственный случай, когда партия требовала согласования личной точки зрения с партийной¹⁰, и на анализе Николаевского, к сожалению, в полной мере отразилась предвзятость его источников.

К недостаткам источников можно отнести и некоторую субъективность самого Николаевского. К 30-м годам Борис Иванович сам еще не до конца освободился от влияния политических страстей своей революционной юности и высказывался подчас довольно категорично об истории революционной борьбы в России (в последующие годы эта тенденция у него в основном исчезла). Его письма этого периода показывают глубокую уверенность автора в недобросовестности властей при царском режиме, которые, как он считал, готовы были отбросить любые условности и бесстыдно принимали участие в темных делах, граничивших с преступлениями¹¹. Изучая деятельность Азефа, Николаевский — историк — многое оценивает с точки зрения меньшевиков, к которым он примыкал со своим политическим симпатиям. В то же время он придерживался традиционного взгляда «левых» на революционную романтику, в частности на терроризм, пытаясь показать «чистоту и красоту образов Созонова, Швейцера и других»¹².

Главная трудность в анализе «дела Азефа» — это отсутствие свидетельств, которые могли бы пролить свет на обстоятельства его службы в полиции в период между созданием ПСР и до конца 1905 г. Азеф не оставил мемуаров¹³; ни Лопухин, ни Зубатов, ни Рачковский тоже не оставили описаний деятельности их секретного агента, исключая очень краткие их показания во время суда над Лопухиным. Таким образом, если существуют достаточно полные записи, благодаря которым можно сделать определенные выводы о начальном периоде сотрудничества Азефа с полицией (1893—1902), то сказать что-либо о том, что происходило в последующие три года, чрезвычайно трудно. Документ, который позволяет дать на этот вопрос предположительный ответ, — письмо Ратаева, написанное несколькими годами позже. Ратаев был одно время непосредственным руководителем Азефа в полиции. В его свидетельствах, однако, более ценной является фактическая сторона дела, а не его интерпретация тех или иных событий, главным образом потому, что он после прочтения мемуаров Савинкова принял официальную эсеровскую версию этой истории.

Со своей стороны, Б. И. Николаевский хорошо понимал неполноту своих источников, признавая, что, хотя он собрал всю литературу по интересующему его вопросу, он более чем когда-либо чувствует, что этого недостаточно. На целый ряд вопросов первостепенной важности невозможно дать ответ. Особенно темным остается начальный период деятельности Азефа — примерно до 1906 г.¹⁴ В то же время мемуары генерала Герасимова и для Николаевского послужили важнейшим источником там, где он пишет об отношениях Азефа с полицией в период между 1906 и 1908 гг.: как считал Николаевский, Герасимов «достаточно осветил» этот период.

Воспоминания генерала Александра Васильевича Герасимова действительно проливают свет на «дело Азефа». К сожалению, Николаевский закончил работу, не имея в своем распоряжении окончательного варианта мемуаров Герасимова: он лишь имел с ним личные беседы и читал неоконченную рукопись. Хотя Борис Иванович и признавал, что эти мемуары содержат ряд интереснейших подробностей, крайне важных для понимания «дела Азефа», он не был со-

гласен с общей концепцией Герасимова, который представлял Азефа как своего лучшего сотрудника, а не как провокатора. Для Николаевского Герасимов всегда оставался, в первую очередь, бывшим главой царской секретной полиции, человеком, стоявшим «по другую сторону баррикад», чью точку зрения он отметил как полностью соответствовавшую «официальной» версии.

Ради справедливости надо сказать, что позже автор книги об Азефе осознал серьезные недостатки своего исследования: только смерть Николаевского в 1966 г. помешала ему пересмотреть свою работу, пользуясь новыми свидетельствами¹⁵. Не сделали этого и другие ученые. Ранее недоступные источники, особенно богатейшие архивы заграничной агентуры Охранного отделения, которые стали доступными в конце 50-х годов и в настоящее время находятся в Гуверовском институте (Стэнфорд, Калифорния), оправдывают попытку переосмыслить широко распространенное представление об Азефе как о двойном агенте, который работал на два фронта — продавал то революционерам, то полиции, подталкивая радикалов к совершению террористических актов, и одновременно доносил на них властям — и все это ради единственной цели, которой он руководствовался всю жизнь: личное обогащение¹⁶.

Сегодня дискуссия об Азефе наконец вышла за рамки политических и личных страстей. Уже нет оснований считать, что официальная версия заведомо менее достоверна, чем версия, согласно которой Азеф являлся преступником и бездушным монстром. Можно предположить, что если бы российские власти были действительно убеждены, что Азеф играет двойную роль, то они вместо того, чтобы снабжать его новыми паспортами и защищать его публично ценой обвинений в покрывательстве провокатора, прервали бы с ним всякие контакты после его разоблачения, чего, однако, не произошло примерно до 1910 г., несмотря на то что Азеф был уже совершенно бесполезен как агент.

При осторожном использовании все эти источники, которые либо не были известны ранее, либо по идеологическим соображениям считались менее достоверными, чем свидетельства «левого» крыла, убеждают нас в необходимости пересмотра сложившегося представления о роли Азефа. И не делая моральных оценок, становится возможным переосмыслить ряд легенд, окружающих имя Азефа. Так, например, примечательно, что многие неточности, содержащиеся в традиционной концепции «дела Азефа», являются следствием терминологической путаницы, а именно неправильного понимания слова «провокатор».

Легенда первая: Азеф — провокатор

Как справедливо отметил П. А. Столыпин в своей речи в Думе в феврале 1909 г., слова «провокация» и «провокатор» часто неверно использовались в радикальных кругах. Изначальный смысл этих терминов был искажен: согласно терминологии революционеров, *провокатором* (а не предателем) называли любого полицейского агента, завербованного из среды самих радикалов или же внедренного извне в среду революционеров¹⁷. Впоследствии исследователи, касаясь вопроса о внедрении полицейских агентов в лагерь радикалов, перенимали язык революционеров без всяких оговорок. И Б. И. Николаевский, имея в виду полицейского агента, также употреблял слова «агент» и «провокатор» как взаимозаменяемые¹⁸. В терминологии же российского правительства слово «провокатор»

употребляли в классическом и юридическом смысле, согласно которому термин «провокация» означает прежде всего «подстрекательство», побуждение к совершению определенного действия. В свою очередь, термин «агент-provokator» подразумевает человека, подталкивающего другое лицо к совершению преступления только для того, чтобы затем предать его правосудию и таким образом, заставить его понести наказание¹⁹. Соответственно, в устах Столыпина слово «provokator» означало лицо, которому принадлежит инициатива в совершении преступления и который вовлекает в него других людей, встающих на этот путь в результате подстрекательства²⁰.

Полицейские начальники, чтобы подавить революционную активность, прибегали к услугам секретных осведомителей или шпионов из среды радикалов, и такие методы были разрешены правилами Департамента полиции. И никто из полицейских, занимавшихся расследованием политических преступлений, не сомневался в целесообразности внедрения своего агента в самое сердце революционной организации.

Однако, согласно мнению В. Д. Набокова, российского юриста-либерала, шпионы существенно отличаются от provokatorов. Главное их различие состоит в том, что шпион никогда не подталкивает других к совершению преступлений: он только наблюдает и передает информацию. По мнению Набокова, шпион может даже участвовать в подготовке преступлений, для того чтобы обмануть своих мнимых товарищей и продать их в подходящий момент.

Факты свидетельствуют о том, что Азеф не занимался подстрекательством. Независимая Следственная комиссия эсеров по «делу Азефа» пришла к выводу, что утверждения о том, что именно благодаря Азефу террор был включен в программу действия партии, являются ошибочными²¹. Азеф никогда не высказывал желания войти в Боевую организацию и тем более стать ее лидером²². Когда Азеф оказался вовлеченным в террористические операции ПСР, последовавшие после ареста Гершуни (причем на привлечении Азефа в данном случае настаивали и полицейские, и революционеры), он, по воспоминаниям своих бывших товарищей, никогда не пытался привлечь кого-либо к участию в деятельности Боевой организации. Напротив, для Азефа были характерны попытки охладить пыл потенциальных террористов, убедить их заняться сперва легальной работой, показать им все негативные стороны участия в террористической деятельности²³. Кроме того, большинство членов Боевой организации, включая такие видные фигуры, как Савинков, Созонов, Каляев, Покотилов, Швейцер и Дора Бриллиант, вступили в террористическую группу без всякого содействия Азефа; в их решении принять участие в боевой работе он не играл никакой роли²⁴.

Не являлся Азеф и инициатором террористических актов. Наоборот, при каждом удобном случае он искал возможность убедить Центральный комитет отказаться от политики терроризма. Так, после установления конституционного порядка в России в октябре 1905 г., когда в высших партийных кругах происходили жаркие дебаты по поводу целесообразности продолжения террористической деятельности, Азеф настаивал на том, что в сложившейся ситуации террор является совершенно неприемлемым средством, и, несмотря на бурный протест Савинкова и остальных боевиков, самолично объявил о роспуске Боевой организации²⁵.

Все решения Центрального комитета ПСР о продолжении террористической деятельности были приняты вопреки рекомендациям

Азефа²⁶, и это лишний раз подтверждает то, что Азеф не был агентом-provokatorом. Более того, Азеф неоднократно пытался саботировать центральную террористическую деятельность партии, находя различные предлоги своего выхода из Боевой организации. И один раз это ему удалось: после того как он перестал быть лидером террористов (поздней осенью 1906 г.), планы боевиков расстроились и организация распалась²⁷. Есть также основания считать, что Азеф постоянно тянул партию к союзничеству с умеренно-либеральными группами²⁸.

Кроме того, нет никаких свидетельств в пользу того, что полицейские начальники Азефа использовали его как агента-provokatora для подготовки террористических актов. Легенда о том, что Плеве на почве ревности организовал убийство Богдановича, — чистой воды выдумка. Что же касается Рачковского, то Ратаев категорически утверждает, что тот не имел ни прямых, ни косвенных контактов с Азефом и ни разу не видел его до 8 августа 1905 г., когда он представил Азефа Рачковскому и передал его ему в распоряжение²⁹.

Следственная комиссия ПСР по расследованию «дела Азефа» также пришла к заключению, что первоначальное предположение Бурцева о том, что террористическая деятельность Азефа, в частности подготовка им убийств Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, осуществлялась с ведома и согласия высших полицейских чинов, не имеет под собой оснований³⁰.

Впрочем, Бурцев сам начал отрицать, что он когда-либо утверждал, что Азеф убил Плеве по договоренности с Департаментом полиции, а также то, что Герасимов замышлял с помощью Азефа убить царя и совершить другие террористические акты. Таким образом, Бурцев противоречил себе, опровергая, в частности, свои прежние заявления о том, что глава Петербургской охранки является provokatorом и преступником³¹.

Легенда вторая: Азеф — двойной агент

По версии Николаевского, второе серьезное обвинение против Азефа состоит в том, что Азеф был двойным агентом. И эсеры, и позднейшие историки настаивали на том, что Азеф не только провоцировал террористическую деятельность, но и нес ответственность за последствия тех актов, о подготовке которых он якобы не сообщал полиции. Согласно такому взгляду, Азеф делал это, чтобы упрочить свою репутацию в революционных кругах и таким образом избавить себя от подозрений. Утверждают также, что этим он хотел убедить Центральный комитет в том, что огромные средства, передаваемые на нужды террористов, не пропадают даром и что эта стратегия позволяла Азефу лучше контролировать финансы Боевой организации, давая ему возможность обогащаться³². Другая причина, по которой, как предполагают, Азеф сознательно не предостерегал некоторые террористические выступления, это сведение личных счетов, как это якобы было в случае с Плеве.

В этом и других случаях власти, как предполагают, если и не способствовали Азефу, то, по крайней мере, были в курсе того, что Азеф совершает террористические акты, и не препятствовали ему. Согласно Бурцеву, правительство считало Азефа полезным для себя человеком и закрывало глаза на совершаемые им преступления³³. Итак, согласно традиционной версии двойной агент Азеф действовал в своих собственных интересах, не считая себя полностью принад-

лежащим, по мнению Б. И. Николаевского, ни к одному из двух лагерей.

Верно, что Азеф как член Центрального комитета принимал активное участие в разработке «генеральной» линии деятельности террористов, а позже и деталей каждой операции, которую проводила Боевая организация. Было бы, однако, ошибкой только на этом основании считать его двойным агентом в полном смысле этого слова: ведь даже самые ярые оппоненты правительства по «делу Азефа» понимали, что невозможно систематически раскрывать политические убийства без того, чтобы не участвовать в них *de facto* и *de jure*. Ни один полицейский агент, который желает внедриться в террористическую организацию, не может избежать личного участия в подготовке политических убийств, если он хочет, чтобы его считали полезным членом конспиративного общества, заслуживающим всяческого доверия. Для эффективной работы информатору необходимо иметь незапятнанную репутацию и кредит доверия в среде революционеров, которые можно приобрести только активными действиями. Можно утверждать, что деятельность Азефа как агента не была успешной до тех пор, пока он по указу полиции не соприкоснулся с террористической деятельностью эсеров.

По тем же причинам даже наиболее активный участник террористических действий автоматически не превращается из полицейского агента в предателя правительственных интересов и государственного преступника. Следовательно, Азефа можно считать двойным агентом только в том случае, если будут найдены свидетельства того, что он занимался организацией террористических актов, не сообщая о них полиции, или не делал серьезных попыток предотвратить эти акты другими средствами и, таким образом, по своей воле способствовал тому, чтобы покушения на убийства оказались успешными. Чтобы объективно осознать роль Азефа, необходимо оценить степень его участия в террористической деятельности ПСР в различные периоды. Это позволит сравнить информацию, содержащуюся в его донесениях в полицию, с той информацией о террористах, которой он в действительности обладал.

Согласно большинству источников, в первые годы своей службы в полиции — т. е. в период между 1892 г. и весной 1903 г. — Азеф был достаточно далек от террористической работы. Следует иметь в виду, что, когда Азеф предложил свои услуги Департаменту полиции, он еще не был террористом и даже революционером и что после первого покушения, организованного ПСР, а именно после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина 2 апреля 1902 г., сам Департамент полиции стал настаивать на том, чтобы Азеф установил тесные связи с недавно сформированной Боевой организацией ПСР. Очевидно, что до ареста Григория Гершуни в мае 1903 г. Азеф не был близко привлечен к террористической деятельности эсеров и, следовательно, мог дать Департаменту полиции мало надежной информации о террористах³⁴.

Проводя большую часть времени за границей, Азеф вряд ли мог снабжать полицию подробными сведениями о деятельности Гершуни в России, хотя он сразу же начинал передавать информацию о лидере террористов, как только тот появлялся во Франции или Швейцарии³⁵. Более того, именно Азеф первым сообщил в полицию некоторые факты о деятельности Г. Гершуни, М. Мельникова и некоторых их сообщников, таких, как, например, Павел Крафт

и Евгений Григорьев, что позволило властям установить за ними наблюдение и сделать первые шаги в расследовании³⁶.

Ни Бурцев, ни эсеры, ни сам Николаевский не смогли найти точных фактов, подтверждающих то, что Азеф вел двойную игру в этот начальный период своей службы в полиции и что он участвовал в подготовке покушений на Сипягина, на Генерального прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, на харьковского губернатора И. М. Оболенского и др. Аналогично, все попытки революционеров убедить публику в том, что Азеф нарочно допустил покушение на губернатора Богдановича, следует считать неправомочными, так как нет никаких свидетельств в пользу того, что Азеф вообще знал о плане этого покушения: оно было задумано местными революционерами в Уфе и держалось в строжайшей тайне, а Гершуни лишь санкционировал план террористов. Таким образом, если Ратаев не сомневался в том, что Азеф честно служил правительству в период с 1892 г. по лето 1902 г.³⁷, то кажется правдоподобным, что это было именно так, по крайней мере до ареста Гершуни в мае 1903 г.

Следующий период полицейской карьеры Азефа — с мая 1903 г. по октябрь 1905 г., когда партия временно отказалась от организованного террора, восстановить гораздо труднее, так как кроме санкционированных партией заявлений эсеров нет почти других свидетельств об этом периоде деятельности Азефа. Согласно официальной версии эсеров, в июне 1903 г. Центральный комитет назначил Азефа на освободившееся место Гершуни (по его рекомендации) и с января 1904 г. Азеф стал главой расширенной Боевой организации и знал о всех подробностях ее деятельности.

Хотя невозможно отрицать, что после ареста Гершуни Азеф оказался непосредственно связанным с террористами, было бы неверно принимать за чистую монету официальную трактовку эсеров его роли в Боевой организации. Желание лидеров эсеров представить Азефа агентом, ведущим двойную игру, было столь велико, что они в своем официальном заявлении забыли даже упомянуть имя Бориса Савинкова — действительного организатора всех главных террористических актов в период между 1903 и 1905 гг.³⁸ Азеф же играл скорее роль наблюдателя, который должен был информировать Центральный комитет о мероприятиях террористов. В противоположность Гершуни, который всегда лично руководил проведением политических убийств, Азеф все вопросы практической подготовки террористических актов переложил на Савинкова.

Несмотря на это, Азеф после ареста Гершуни стал крайне полезным агентом и сообщил о ряде террористических актов, которые планировалось произвести в столицах и в таких отдаленных городах, как Иркутск и Баку, включая и убийство Плеве (это убийство Серафима Клитчоглу должна была совершить в конце 1903 г. или в начале 1904 г.). Согласно официальным сведениям, информация, которую сообщал Азеф, была за редким исключением предельно точной, и огромное значение Азефа как агента не ставилось под сомнение³⁹. В то же время все без исключения источники «левого» крыла говорят о том, что начиная с конца 1903 г. Азеф не сообщал полиции полностью те данные о террористической деятельности партии, к которым он получил доступ в своей новой роли.

Согласно утверждению революционеров, Азеф теперь был посвящен во все детали террористических актов, которые планировались и производились как в России, так и за границей, но в своих

личных интересах он лишь некоторые из известных ему фактов сообщал полиции⁴⁰. Так как большинство этих источников, очевидно, являются тенденциозными, очень трудно судить о том, в какой мере на самом деле Азеф был знаком с деталями планируемых актов; информация, содержащаяся в официальных документах, также слишком скудна, чтобы подвергать проверке каждое из его донесений. Хотя возможно, что Азеф действительно скрывал от своих полицейских начальников некоторую существенную информацию⁴¹, все же, прежде чем объявить его двойным агентом, следует принять во внимание некоторые обстоятельства, «оправдывающие» Азефа.

Новое положение Азефа как представителя Центрального комитета было одновременно ответственным и опасным, и хотя полицейские чиновники и могли ожидать от него подробных сведений о террористах, они должны были пользоваться полученной информацией с большой осторожностью, чтобы Азефа не заподозрили в предательстве и не расправились бы с ним. Азеф не скрывал, что он заботится о собственной безопасности, и его можно было понять. Полиция не слишком беспокоилась о сохранении своих агентов и часто применяла полученные данные о террористах весьма неосторожно. Азеф неоднократно жаловался на то, как полиция пользуется получаемой от него информацией, а в ряде случаев прямо говорил, что власти торопятся с арестами, не думая о том, что в результате этих действий он подвергается серьезной опасности⁴².

Таким образом, не имея возможности переложить заботы о своей безопасности на полицию, Азеф нашел способ продолжать свою службу с минимальным риском. Его план включал два момента. Прежде всего в своих донесениях он решил ограничиваться только самыми общими фактами и вместо того, чтобы сообщать властям непосредственную информацию об участниках террористических актов и их предполагаемых действиях, давать только приметы террористов, чтобы полиция сама затем устанавливала за ними слежку и выясняла их планы. Но информация, которую передавал Азеф, могла быть недостаточной для установления наблюдения, в таком случае Азеф предполагал использовать все свои возможности для саботажа готовящегося террористического акта.

В соответствии с этим планом Азефа нельзя считать самоотверженным энтузиастом, безусловно преданным правительству. Однако нельзя обвинить Азефа и в том, что он работал на два лагеря только на том основании, что он искренне хотел предотвратить террористические акты с минимальным риском для себя. В большинстве случаев тщательно отобранная им информация была совершенно достаточной для начальной стадии полицейского расследования⁴³. Кроме того, очевидно, нельзя возлагать на Азефа ответственность за каждый случай, когда Департамент полиции оказывался неспособным установить наблюдение и провести достаточно полное расследование, чтобы предотвратить убийство. Полиция в период с 1903 по 1905 гг. подверглась реорганизации и пребывала в совершенно разрушенном состоянии. По словам Ратаева, она напоминала перевооружавшуюся и обучавшую своих новобранцев армию под вражеским огнем⁴⁴. В этой обстановке Азефа можно было бы обвинять в переоценке возможностей полиции и собственной способности нарушить планы террористов⁴⁵.

Убийство Плеве в июле 1904 г. стало козырем в руках Бурцева и лидеров эсеров в их попытках скомпрометировать правительство, утверждавших, что агент полиции спровоцировал террористиче-

ский акт. По их словам, Азеф был главным организатором покушения на Плеве и буквально вложил бомбу в руку Созонова⁴⁶. Но вызывает удивление тот факт, что человек, возглавлявший террористическую деятельность, не входил в тесный контакт с организацией, не интересовался ее проблемами, исчезал под всевозможными предлогами, не появлялся в городах, в которых сам назначал встречи. Не легче ли предположить, что настоящим главой организации являлся не Азеф, а Савинков, который никогда не оставлял Боевую организацию и делил с террористами все их радости и печали⁴⁷.

Более того, анализ донесений Азефа в Департамент полиции не оставляет сомнений в том, что он искренне пытался предотвратить убийство Плеве, сообщая полиции сведения о террористах, достаточные для того, чтобы свести на нет все их усилия и в то же время обеспечить собственную безопасность⁴⁸.

4 июня 1904 г. Азеф сообщил, что человек, погибший несколькими днями раньше в гостинице «Северной» в Петербурге во время взрыва бомбы, был Алексеем Покотиловым, чьи сообщники находились в Одессе и в Полтаве, и что он изготовлял взрывные устройства, вероятно, для покушения на Плеве. Затем Азеф немедленно направился в Одессу, откуда 19 июня сообщил, что покушение на Плеве будет отложено до тех пор, пока не будут изготовлены новые бомбы⁴⁹. После этого Азеф уехал за границу. Возможно, он полагал, что сообщенных им сведений достаточно для дальнейшей работы полиции, а давать дополнительную информацию было для него небезопасно. Без сомнения, пользуясь всеми сведениями, которые сообщил Азеф, можно было установить слежку, и неверно считать Азефа ответственным за то, что петербургские власти не смогли спасти жизнь министра⁵⁰.

В течение следующих шести месяцев Азеф жил за границей и передавал информацию, различную по степени своей важности. Обратимся, однако, к другому крупному случаю, который, по мнению революционеров, свидетельствует о том, что Азеф был двойным агентом, — к убийству вел. кн. Сергея Александровича, дяди Николая II и генерал-губернатора Москвы, в феврале 1905 г. И здесь, так же как и в случае с убийством Плеве, нет оснований для того, чтобы принимать версию эсеров без существенных поправок, так как очевидно, что Азеф не играл сколько-нибудь серьезной роли в этой акции Боевой организации. Террористическая группа из пяти человек подготовила это убийство исключительно под руководством Савинкова, который в своих мемуарах даже и не пытается возложить какую-либо ответственность за этот акт на Азефа. Николаевский также не считает Азефа причастным к этому убийству, так как факты говорят о том, что Азеф уехал из России в июле 1904 г. и безвыездно жил следующие полгода в Париже и Женеве⁵¹. Полицейские начальники Азефа также были убеждены в том, что в этот период он не имел контактов с террористами, и не случайно агент Николай Татаров, выдавший полиции имена всех членов Боевой организации в феврале 1905 г., даже не упомянул об Азефе⁵².

В этот период Азеф не мог передавать полезную информацию о делах террористов в России: занятый исключительно эсеровскими делами за границей, он, в частности, не сообщал полиции деталей плана покушения на великого князя просто потому, что не знал их. В то же время, по-видимому, он информировал своих начальников обо всем, что знал: Департамент полиции был осведомлен о том,

что Савинков с группой боевиков готовит террористический акт в Москве, где Охранное отделение даже установило наблюдение за террористами, пытаясь, хотя и безуспешно, предотвратить покушение Каляева⁵³.

В то время как скудность источников не позволяет прояснить окончательно все моменты деятельности Азефа во второй период его полицейской карьеры, последние два года его деятельности как агента с апреля 1906 г., когда он вновь предоставил себя в распоряжение Петербургского охранного отделения после пятимесячного перерыва, вплоть до мая 1908 г., когда он, наконец, добился столь давно желаемой отставки, освещены адекватно в мемуарах генерала Герасимова и поэтому проще поддаются оценке. В это время Азеф, действуя по непосредственному указанию Столыпина, более активно включился в террористическую деятельность ПСР и, по словам Герасимова, стал «лучшим агентом», сообщая весьма ценную информацию и давая подробные донесения, сводящие на нет все мероприятия Боевой организации⁵⁴. Документы Департамента полиции говорят о том, что власти смогли предотвратить убийства министра внутренних дел Дурново, министра юстиции Акимова, генерала Мина и полковника Римана главным образом благодаря своевременным сообщениям Азефа. Кроме того, именно Азеф дал полиции возможность установить наблюдение за террористами, заставив их временно отложить покушение на градоначальника Петербурга фон-дер-Лауница и отказаться от убийства Столыпина⁵⁵.

Ни одно из покушений, организованных Боевой организацией в этот последний период деятельности Азефа, не было успешным.

Эта эффективность в действиях полиции обеспечивалась не только компетентностью Азефа как секретного агента, но и тем же качеством у его новых начальников. Когда Азеф возобновил свою работу в полиции весной 1906 г., новый начальник Петербургского охранного отделения Герасимов ценил все прошлые и потенциальные услуги своего агента настолько, что позволял ему ставить условия для успешной работы. Со своей стороны Азеф вскоре понял, что его новый начальник является (по позднему определению Николаевского) самым смелым и умным полицейским чиновником своего времени⁵⁶. И тот, и другой осознавали, что для продуктивного и взаимовыгодного сотрудничества каждый из них должен уважать интересы друг друга, и Герасимов, заботясь о том, чтобы максимально использовать Азефа в своей борьбе с террористами, в противоположность предыдущим его начальникам, признавал право своего агента обеспечивать собственную безопасность.

С одобрения Столыпина Герасимов совместно с Азефом разработал общий план борьбы с Боевой организацией. Для этой цели полиция старалась насколько возможно долго оставлять боевиков на свободе — на этом настаивал Азеф, так как частые аресты легко бы посеяли вокруг него подозрения. В то же время власти, действуя согласно донесениям Азефа, держали террористов под постоянным контролем и могли систематически парализовать все действия Боевой организации, надеясь таким образом убедить боевиков и партийных лидеров в том, что централизованная террористическая деятельность не эффективна, а, наоборот, обречена на провал. Позволяя революционерам проводить предварительную подготовку к убийствам, полиция неожиданно создавала непреодолимые трудности на пути реализации замыслов террористов, устанавливая неприкрытые наблюдения за боевиками, которые на каждом шагу,

независимо от того, чем бы они ни занимались, ощущали присутствие полиции.

Результаты последовали быстро: террористы, измученные постоянными и необъяснимыми для них неудачами, которые, как им казалось, были вызваны не предательством, а просто рядом роковых случайностей, стали впадать в отчаяние и чувствовать, что все их старания напрасны⁵⁷. Даже Савинков, который всегда был сторонником централизованного террора, стал склоняться к точке зрения Азефа, на которой тот постоянно настаивал, а именно: пришло время отказаться от устаревших методов Боевой организации, приостановить террор до тех пор, пока не откроются новые пути для террористов. Азеф старался сделать вид, что сам Савинков, а не он является главным сторонником прекращения боевых операций — это позволяло ему маскировать собственные усилия по срыву террористической кампании⁵⁸. Не без сомнений Центральный комитет после ряда неудачных попыток убить Столыпина в конце 1906 г. вынужден был признать провал централизованного террора. Высший орган партии эсеров освободил Савинкова и Азефа от работы в Боевой организации и предоставил им возможность отдыха. Вскоре после этого Боевая организация распалась⁵⁹.

Уже после роспуска Боевой организации донесения Азефа помогли Охранному отделению предотвратить несколько террористических актов на самых ранних этапах в 1907 г. и в первые месяцы 1908 г.: главными среди них являлись два покушения на жизнь царя, которого Центральный комитет считал теперь своей главной мишенью. Благодаря Азефу, Петербургское охранное отделение знало о всех передвижениях боевиков. Однако Герасимов, обеспечивая безопасность Азефа, обещал ему не производить арестов, а просто предупредить царя, чтобы тот не возвращался в столицу из своих резиденций в Петергофе и Царском Селе в то время, когда там можно было ожидать появления террористов. С помощью Азефа полиция смогла раскрыть планы эсеров, намеревавшихся совершить покушение на царя во время визита Эдуарда VII в балтийском порту Ревеле в мае 1908 г.

Очевидно, что начиная с мая 1906 г. Азеф делал все возможное, чтобы предотвратить политические убийства. По мнению Герасимова, роль в этом Азефа была поистине исторической. Без него политическая полиция не смогла бы так успешно и так систематически разрушать все замыслы боевиков. Трудно себе представить, что было бы с Россией, если бы террористам в 1906—1907 гг. удалось бы провести два или три «центральных» акта⁶⁰.

Из вышеизложенного, таким образом, следует, что нет оснований обвинять Азефа в двойной игре ни в первые годы его службы, ни в более поздний период.

Был, однако, один эпизод, относившийся к последнему этапу полицейской карьеры Азефа, когда его можно было заподозрить в том, что, опасаясь разоблачения со стороны революционеров, он перестал быть лояльным властям. Речь идет о подготовке убийства вице-адмирала Ф. В. Дубасова — генерал-губернатора Москвы. Источники опять-таки не освещают достаточно роль Азефа в подготовке этого покушения, однако, как считает Герасимов, Азеф, находясь в Москве, возможно, был в курсе некоторых деталей предполагаемого акта и не сообщал о них Департаменту полиции. Боевая организация имела возможность действовать по своему плану и по-

этому в том, что Дубасов был ранен, Рачковский и Герасимов обвиняют Азефа⁶¹.

Прежде всего надо заметить, что операция, назначенная на 23 апреля 1906 г., была разработана в основном во время перерыва агентурной деятельности Азефа, когда Рачковский, бывший в 1905—1906 гг. главой политического отдела Департамента полиции и непосредственным начальником Азефа, не имел никаких контактов со своим агентом. В течение пяти месяцев он не давал Азефу никаких инструкций и не платил ему денег⁶². Хотя Азеф и знал о плане московского покушения, он понимал, что уже находится под подозрением у некоторых членов партии, и поэтому не искал новых контактов с властями и с неизвестными ему представителями полиции, так как его сведения, неосторожно использованные, могли бы подтвердить эти подозрения⁶³.

Правда, Азеф не сообщал властям о планах террористов и после возобновления своих связей с полицией в середине апреля 1906 г. Возможно, он поступил так, потому что не видел оснований для того, чтобы снова доверять Рачковскому, и в то же время не был уверен в том, как будет заботиться о его безопасности его новый шеф Герасимов. Хотя этот случай не характеризует Азефа как честного агента, самоотверженно преданного полиции, тем не менее, прежде чем считать его двойным агентом, следует принять во внимание следующие два обстоятельства.

Хотя Николаевский утверждает, что Азеф играл главную роль в подготовке убийства Дубасова, вернее было бы считать основным организатором этого покушения Савинкова. Азеф вообще не участвовал непосредственно в подготовке этого акта, так как в период марта и большей части апреля его даже не было в Москве — он вернулся из Хельсинки лишь накануне 23 апреля. Кстати, именно Савинков настаивал на возвращении Азефа из Финляндии в Россию, и тот согласился с явной неохотой, чтобы не давать повода для подозрений⁶⁴.

Есть основания также считать, что, приехав в Москву непосредственно перед покушением, Азеф хотел сорвать замысел террористов. Он, например, знал, что у одного из террористов, который должен был поджидать Дубасова около Кремля, не было с собой бомбы. Кроме того, Азеф, которого считают организатором покушения, не пришел на последний сбор террористов перед выступлением — на этом сборе должны были быть уточнены последние детали операции. Даже до того, как Азеф был разоблачен как полицейский шпион, Савинков определил его поведение в этой ситуации как небрежность, граничащую с преступлением⁶⁵. Итак, пока не найдены дополнительные свидетельства, было бы преждевременным считать, что Азеф и в этом случае (хотя и действительно довольно темном) был на стороне террористов⁶⁶.

Азефу часто приписывается его обвинителями руководящая роль в большом числе террористических актов, совершенных эсерами в 1906—1907 гг., и успех этих актов связывается с тем, что Азеф скрывал известные ему сведения от полиции. Согласно публичным заявлениям Бурцева и воспоминаниям других революционеров, Азеф был поистине вездесущим, и власти не могли предотвратить политические убийства, происходящие по всей России, только потому, что он по собственным соображениям решал не помогать полиции. С другой стороны, после разоблачения Азефа вообще существовала тенденция объяснять все неудачи террористов и успешные

операции полиции вмешательством этого человека, который в глазах многих стал почти мифическим персонажем.

Однако на самом деле роль Азефа была более скромной, в связи с чем он и предупреждал Герасимова о том, что может отвечать лишь за деятельность центральной Боевой организации, но не всех малых террористических групп ПСР. Действительно, проявлять чрезмерный интерес к деятельности независимых террористов и боевиков на периферии было опасно для Азефа, так как чрезмерный интерес их делами мог бы вызвать их подозрения. Азеф поэтому мало что знал о малых террористических группах, которые действовали как в удаленных районах, так и в столицах. И когда эсерам удалось убить губернатора Москвы Шувалова, генерала Мина, главного военного прокурора Павлова и некоторых других военных и штатских должностных лиц, высшие полицейские чиновники не предъявляли Азефу претензий в том, что он не предупредил их о подготовке этих покушений заранее, так как, очевидно, понимали, что с его стороны было бы не только невозможно, но и неумно собирать информацию обо всех террористических акциях ПСР⁶⁷.

В то же время, если Азеф случайно узнавал о замыслах террористов, действующих вне Боевой организации, он немедленно сообщал об этом своим полицейским начальникам, если только это не вело к его раскрытию. Так, например, он сообщил Герасимову местонахождение террористической группы, которой руководил Лев Зильберберг, который был вскоре арестован и обвинен в подготовке нападения на Столыпина и в организации на этот раз удачного покушения на Ван-дер-Лауница 3 января 1907 г.⁶⁸

Из вышеизложенного можно сделать вывод: как неверно утверждать, что Азеф являлся агентом-provokатором, так, очевидно, и нет оснований считать, что он вел двойную игру, ради собственной выгоды отправляя революционеров на виселицу и взрывая экипажи с высшими руководителями Российского государства.

Легенда третья: провал Азефа, или «Дело Лопухина»

Азеф настолько мастерски играл свою роль партийного лидера, что, когда в мае 1908 г. Бурцев впервые объявил его агентом полиции, коллеги Азефа из Центрального комитета ПСР видели перед собой только одну дилемму: считать ли это заявление просто глупостью, или частью полицейской интриги, направленной лично против Азефа и против ПСР в целом. Но Бурцев настаивал на своих обвинениях против Азефа, и Центральный комитет устроил закрытый «суд чести», на котором Бурцева хотели заставить сознаться в клевете. Отношения Бурцева с эсеровской партийной верхушкой заметно ухудшились: посмеив оскорбить одного из самых «славных» членов Центрального комитета партии, Бурцев вызвал по отношению к себе лишь раздражение и враждебность. По мере того как возникала вероятность публичного скандала, некоторые эсеры угрожали даже убить Бурцева, если тот не сможет предоставить неопровержимые доказательства предательства Азефа⁶⁹.

В этой экстремальной ситуации Бурцев понял, что его публичные обвинения, основанные исключительно на его собственных субъективных, и не всегда логичных умозаключениях, выглядят беспочвенными. Чтобы защитить себя на суде, назначенном на октябрь 1908 г., Бурцеву были нужны более веские, чем свидетельства Михаила Бакая (обладавшего только косвенной информацией⁷⁰), доказательства, например из полицейских источников. К счастью для

Бурцева, такие свидетельства были в его распоряжении: он мог использовать устные заявления бывшего директора Департамента полиции Лопухина, который до своей отставки в 1905 г. отвечал за деятельность секретного агента Азефа.

Существует несколько версий того, каким образом Бурцев смог получить от Лопухина нужные ему сведения. Как утверждает сам Бурцев, он в поисках информации, которая могла бы подтвердить его интуитивные убеждения в том, что Азеф является агентом полиции, случайно встретил Лопухина в скором поезде, который шел из Кельна в Берлин. Так как они были уже знакомы⁷¹, Бурцев разговорился с Лопухиным о различных предметах, главным образом об истории и литературе, а затем перешел к тому вопросу, который интересовал его больше всего. Поразив Лопухина своей осведомленностью в полицейских делах (как утверждал сам Бурцев, он смог продемонстрировать ее главным образом благодаря Бакаю), Бурцев стал рассказывать все известное ему о полицейском агенте «Раскине», действовавшем в самом сердце ПСР, и чье настоящее имя, как он считал, было Азеф.

Согласно версии Бурцева, Лопухин молча слушал его и сразу же убедился, что этот агент не только сообщал информацию властям, но и сам задумывал и осуществлял политические убийства, т. е. был предателем и двойным агентом. По словам Бурцева, бывший директор Департамента полиции не скрывал своего негодования и пошел навстречу просьбам Бурцева, просившего подтвердить его подозрения насчет настоящего имени преступника, прятавшегося под названным псевдонимом. Согласно Бурцеву, Лопухин сказал: «Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз». Для Бурцева эти слова Лопухина были свидетельством связи Азефа с полицией.

Однако есть одно обстоятельство, которое заставляет нас с самого начала сомневаться в правдивости истории, рассказанной Бурцевым: его встреча с Лопухиным вряд ли могла быть случайной. В самом деле, в ряде случаев Бурцев, рискуя показаться непоследовательным, признавался, что он ждал Лопухина в Кельне в течение нескольких дней, пока, наконец, не смог поймать его в поезде, после чего Лопухин вынужден был на протяжении многих часов слушать своего попутчика, решившегося не сдаваться до тех пор, пока не вытянет у него сведения о полицейских связях Азефа⁷². Как справедливо замечает Николаевский, встреча с Лопухиным в поезде была ловко подстроена Бурцевым, и только затем ему удалось представить ее случайной.

Но другой важный аспект этой встречи остался незамеченным Николаевским: именно Бурцеву удалось убедить Лопухина в том, что Азеф вел двойную игру, был предателем и опасным преступником. Ничто не указывает на то, что у самого Лопухина на этот момент были свидетельства провокации Азефа, и последующие заявления бывшего директора Департамента полиции об обратном следуют признать не соответствующими истине⁷³. На самом деле со слов Лопухина можно было заключить лишь то, что Азеф работал на Департамент полиции; бывший директор этого учреждения не дал Бурцеву никаких сведений, подтверждавших точку зрения последнего о преступном характере деятельности Азефа⁷⁴.

Закрытый суд над Бурцевым состоялся в Париже в конце октября 1908 г. Специальный комитет, состоявший из таких видных революционеров, как Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин, В. Н. Фигнер,

а также трех представителей ПСР — М. А. Натансона (Боброва), В. М. Чернова и Б. В. Савинкова, первоначально отклонил аргументы Бурцева как несостоятельные. Тогда Бурцев сообщил судьям о своем разговоре с Лопухиным — с него были сняты обвинения в клевете и попытках очернить социал-революционное движение⁷⁵. Революционеры затем приняли решение провести более тщательное расследование, и вскоре Азеф узнал, что самым весомым свидетельством против него на этом суде были заявления Лопухина. Азеф также понял, что члены комитета по расследованию решили связаться с Лопухиным, чтобы последний перед лицом официальных представителей ПСР подтвердил сообщенные им Бурцеву сведения.

Делая последнюю попытку спастись от провала, Азеф поспешил в Петербург и 11 ноября 1908 г. появился в квартире Лопухина: он просил его отказаться от своих слов и скрыть их знакомство от эсеров. Лопухин, хотя и заверил его в том, что он ничего не открыл Бурцеву, не обещал Азефу спасти его жизнь, если революционеры попытаются с ним (Лопухиным) связаться и получить сведения об Азефе⁷⁶. Через несколько дней Лопухину нанес визит Герасимов, который призывал его помнить о присяге и апеллировал к его чувству сострадания. Однако эти попытки Герасимова помочь своему бывшему агенту не увенчались успехом: Лопухин сказал, что ничего не может и не хочет делать для этого «мерзавца», а в конце ноября 1908 г. сообщил о визите Азефа представителю Центрального комитета ПСР в Петербурге Аргунову⁷⁷.

Казалось бы, на этом игра Азефа должна была закончиться. Но он пользовался таким безграничным доверием партии и особенно Боевой организации⁷⁸, что некоторые партийные лидеры, включая Чернова и Савинкова, не хотели признавать Азефа виновным даже после того, как было твердо установлено, что он, утверждая, что ездил в Берлин, на самом деле был в Петербурге у Лопухина. Ошеломленные результатами расследования, они втайне надеялись на то, что все это окажется полицейской ловушкой и настаивали на личном допросе Лопухина и на даче им формального письменного заявления⁷⁹.

В середине декабря 1908 г. Лопухин приехал в Лондон и 10 (23) декабря встретился с тремя представителями Центрального комитета — Черновым, Савинковым и Аргуновым в отеле «Вальдорф», чтобы дать им исчерпывающую информацию о ноябрьском посещении Азефа и о его деятельности как полицейского агента⁸⁰. Так как Азеф действительно встречался с Лопухиным в Петербурге и не мог обеспечить себе алиби, не оставалось сомнений в истинности утверждений Лопухина, и накануне нового года группа лидеров ПСР вынесла раскрытому агенту смертный приговор. Все же престиж Азефа был настолько высок, что большинством голосов было решено дать ему еще один шанс оправдать себя. Вечером 5 января 1909 г. Чернов, Савинков и еще один эсер Ян Бердо («Николай») нанесли Азефу неожиданный визит и обещали спасти ему жизнь, если он раскроет свои связи с полицией. После того как Азеф отказался это сделать, революционеры, все еще находясь во власти его авторитета⁸¹, побоялись сделать решительный шаг и дали Азефу один день, чтобы он обдумал их предложение. Как только они ушли, Азеф вышел из дому и исчез⁸².

Долгие годы оставалось загадкой, почему Лопухин, который вышел из самых влиятельных аристократических семей России и в свое время входил в число высших официальных представителей Россий-

ского государства, согласился сотрудничать сначала с осужденным Бурцевым, а затем и с лидерами ПСР. Здесь также существует легенда, пытающаяся ответить на этот вопрос. Объяснение, предложенное Бурцевым и воспроизведенное в основных чертах Николаевским, состоит в следующем: Лопухин помог эсерам раскрыть Азефа, во-первых, потому что хотел предотвратить дальнейшие провокации и, во-вторых, потому что был обманут своим агентом, который успешно действовал вместе с террористами против него и был прямо ответственен за крах его карьеры. Это объяснение нельзя, однако, считать основательным, Николаевский признавал, что Лопухин был «далеко не идеалист», готовый бороться с провокациями даже посредством сотрудничества с революционерами, за что он (как он сам прекрасно понимал) нес серьезную ответственность⁸³. Ведь Лопухин, хотя и не состоявший уже на государственной службе, но продолжавший поддерживать связи в высших правительственных кругах, имел иные возможности для того, чтобы начать официальное расследование. Возникает вопрос: почему вместо этого он решил связаться с радикалами?⁸⁴

Официальное расследование «дела Азефа» могло принести Лопухину и личное удовлетворение, так как оно, возможно, пролило бы свет на некоторые нарушения администрации, к которой у него имелось много претензий. После того как царь высказал свое недовольство по поводу работы Департамента полиции, Лопухин был вынужден подать в отставку. Он стал единственным директором Департамента полиции, который после ухода со своего поста не продолжал получать жалованье и который не был назначен сенатором. К тому же он находился в личной ссоре с Треповым, публично назвавшим Лопухина убийцей в день смерти вел. кн. Сергея Александровича, к которому был близок. Лопухин не скрывал и своего враждебного отношения и презрения к Рачковскому — раскритиковавшего преступлений, якобы совершенных последним, было бы на руку Лопухину, как и неприятности, которые могли возникнуть у Столыпина, однокашника, но далеко не друга Лопухина, мало ценившего административные таланты бывшего шефа полиции⁸⁵.

Вероятно, можно более четко определить истинные мотивы поступков Лопухина, если понять, почему тот согласился на первый разговор с Бурцевым в вагоне скорого поезда. Многие в этой истории остаются неясным, но надо заметить, что в различных версиях своей случайной встречи с Лопухиным Бурцев приводит противоречивые данные о времени этого свидания, называя различные даты: от декабря 1904 г. до сентября 1908 г.⁸⁶ Чтобы разобраться в этой путанице, необходимо принять во внимание сведения, на которые не обратили внимания судьи Лопухина в Сенате и о которых не упоминают ни Николаевский, ни позднейшие исследователи, несмотря на то, что они так много дают для выяснения мотивов поведения Лопухина.

А. С. Лопухин (двоюродный брат директора Департамента полиции), умерший в 60-х годах в СССР, в своих неопубликованных мемуарах рассказывает о том, как бывший начальник Азефа объяснял, почему он отдал своего агента в руки революционеров. По словам Лопухина, находясь во время своего заграничного путешествия в Париже, он получил известие о том, что его дочь была похищена в Лондоне. Он немедленно выехал в Англию и в поезде встретил Бурцева, который взамен освобождения дочери предложил ему на-

звать имя полицейского агента в центре ПСР. Лопухин назвал имя Азефа, и на следующий день нашел дочь в лондонском отеле⁸⁷.

Возможно, что автор этих мемуаров не совсем точен в деталях и хронологии. Тем не менее правдивость этой истории подтверждается телеграммой, посланной петербургской полицией, в которой сотрудникам Охранного отделения за границей сообщалось, что 24 октября 1907 г. дочь Лопухина Варвара восемнадцати лет исчезла после того, как вышла из театра со своей английской гувернанткой мисс М. Россель (или Руссель)⁸⁸. Эта история попала в британские газеты и даже произвела некоторую сенсацию⁸⁹. Как впоследствии рассказала гувернантка газетному репортеру, несколько знакомых ей людей оттеснили ее в толпе от дочери Лопухина, когда они вместе выходили из театра, и втолкнули Варвару в экипаж, после чего привезли ее на конспиративную квартиру. Продержав там Варвару несколько дней и не причинив ей никакого вреда, похитители позволили ей вернуться к отцу, который шестью часами ранее приехал в Лондон, по-видимому, с единственной целью освободить свою дочь⁹⁰.

Таким образом, очевидно, следует предположить, что только в результате этого похищения Лопухин согласился назвать Бурцеву имя Азефа. Кроме того, это, вероятно, не было окончательным доказательством того, что в Центральном комитете ПСР действует агент-provokator, как хотел представить дело Бурцев, а только первым четким свидетельством, которое придавало вес его прежним догадкам о деятельности Азефа и легло в основу дальнейшего подробного расследования⁹¹. Косвенным подтверждением этой гипотезы является тот факт, что во время разговора с Лопухиным в поезде обвинения, которые Бурцев высказывал против Азефа, были почти совершенно беспочвенными. Он не мог привести ни одного документа и ни одного надежного свидетельства, которые демонстрировали бы двойную игру Азефа; не мог он также подробно рассказать Лопухину и о террористических актах, якобы спровоцированных Азефом⁹². Вряд ли можно вслед за Николаевским считать, что Лопухин с такой легкостью поверил Бурцеву. Надо принять во внимание и то, что Бурцев впервые начал публично обвинять Азефа в предательстве в начале 1908 г. в Париже⁹³. Этот факт наводит на мысль, что он получил первые серьезные основания полагать, что агентом, действовавшим в Центральном комитете ПСР, был именно Азеф, лишь незадолго до этого, возможно, в конце октября или в начале ноября 1907 г. во время встречи с Лопухиным в поезде.

Тот факт, что Лопухин назвал имя полицейского агента в ПСР, еще не позволял эсерам окончательно убедиться в его виновности. Многие эсеры считали слухи об агентурной деятельности Азефа частью полицейской интриги. Поскольку Лопухин в разговоре с Бурцевым не предоставил в его распоряжение каких-либо документов или других фактических доказательств связи Азефа с полицией, они могли считать заявления Лопухина продолжением той же интриги⁹⁴. Таким образом, Лопухин предоставил самому Бурцеву найти надежные свидетельства того, что Азеф является полицейским агентом, и в течение следующих месяцев Бурцев делал все возможное, чтобы найти факты, компрометирующие Азефа, не раскрывая первоначальный источник своей информации. Только когда осенью 1908 г. Бурцев был вызван на эсеровский «суд чести» (что наверняка было для не-

го более существенным) и имел все основания опасаться гнева со-общников Азефа из Боевой организации, он нарушил обещание, данное им Лопухину, и использовал его имя в своей последней попытке защитить себя от суда революционеров в Париже⁹⁵. Сенсационное заявление Бурцева на самом деле спасло его в борьбе, которую, по его словам, он вел не на жизнь, а на смерть: хотя эсеры и склонны были все-таки считать, что Бурцев является жертвой полицейской интриги, они не могли уже игнорировать слова Лопухина и вынуждены были немедленно приступить к расследованию⁹⁶.

Недостаток фактов не позволяет нам построить какую-либо правдоподобную гипотезу о том, кто стоял за похищением дочери Лопухина; однако если никто из лидеров эсеров (по-видимому) не имел к этому отношения, то легко предположить, что это могли быть какие-то независимые революционеры, например ярые сторонники террора из окружения Бурцева⁹⁷ или некоторые малоизвестные эсеры, возможно, члены «Парижской группы социалистов-революционеров», которые первыми решили разоблачить полицейского агента, действовавшего в самом сердце ПСР⁹⁸.

Также можно только предполагать, почему Лопухин решил расширить свое сотрудничество с социалистами-революционерами. Однако постоянные заверения последних, что это сотрудничество было совершенно добровольным и что Лопухиным двигали лишь альтруистические мотивы и желание добиться справедливости, представляются сомнительными⁹⁹. Сначала Лопухин не хотел разглашать свой разговор с Бурцевым, на чем он вряд ли бы настаивал, если бы собирался перейти на сторону революционеров и выдать агента-provокатора, устроив публичный скандал. Существенно и то, что Лопухин не спешил сообщать Бурцеву и эсерам другие полицейские секреты, о которых он обязательно должен был быть осведомлен благодаря своему прошлому положению: кроме разоблачения Азефа, он мало в чем помог революционерам. Равным образом очевидно, что Лопухин не хотел продолжать свои контакты с радикалами, впоследствии уклончиво объясняя, что имел дело с представителями ПСР в Петербурге только «под давлением фатальной необходимости»¹⁰⁰. Кроме того, во время свидания с Герасимовым Лопухин, предупреждая, что он не будет скрывать от революционеров характер сотрудничества Азефа с полицией, если будет поставлен под дуло пистолета, все же абсолютно исключал возможность своего появления свидетелем перед революционным трибуналом¹⁰¹.

И тем не менее он выступил именно в этом качестве 10(23) декабря 1908 г. в лондонском отеле, хотя и понимал, что вряд ли лидеры эсеров смогут сохранить эту встречу в тайне, если рядовые члены партии потребуют отчета об источниках информации по «делу Азефа»¹⁰². Не мог он сомневаться и в том, что его арестуют после возвращения в Петербург, что и действительно произошло 18 января 1909 г.¹⁰³ Судя по полицейским источникам, члены Центрального комитета ПСР приняли меры для того, чтобы Лопухин не прекращал сотрудничать с ними, и можно предположить, что, однажды проявив слабость и выдав террористам государственную тайну, Лопухин уже не мог сопротивляться принуждению и, возможно, шантажу со стороны революционеров. Уже будучи уверенными в его сотрудничестве, революционеры утверждали: «Он у нас в руках»¹⁰⁴.

Азеф предупреждал Лопухина во время их петербургской встречи 11 ноября 1908 г., что революционеры без колебаний прибегнут к силе, чтобы получить от него (Лопухина) нужные им сведения¹⁰⁵.

и Лопухин, стараясь избежать своего появления в качестве свидетеля перед революционным трибуналом, согласился, по требованию эсеров, представить им письменный документ, который был бы в глазах публики окончательным свидетельством вины Азефа. Этим документом является заверенный нотариусом дубликат письма, отправленного Лопухиным Столыпину, с которого были посланы еще две копии — товарищу министра внутренних дел А. А. Макарову и директору Департамента полиции М. И. Трусевичу¹⁰⁶. В этом письме он протестовал против того, что Герасимов «ворвался» в его квартиру и, вмешиваясь в его личные дела, якобы покушался на его свободу.

Вполне вероятно, что Лопухин написал это письмо не по своей воле, а по указанию или даже под прямым давлением эсеров. Во-первых, ясно, что Лопухин сообщил революционерам содержание этого письма до того, как послал его адресатам, так как известно, что Аргунов читал письмо в оригинале¹⁰⁷. Во-вторых, установлено, что письмо Лопухина, датированное 21 ноября 1908 г., было отправлено Столыпину, Макарову и Трусевичу 24 ноября — на следующий день после того, как Лопухин уехал из столицы в Москву, и есть указание на то, что человеком, передавшим им это письмо, могла быть Вера Гоц (вдова лидера эсеров М. Р. Гоца), которая приехала в Петербург отчасти в связи с делом Азефа¹⁰⁸.

Более того, в начале своего письма Лопухин недвусмысленно говорит о том, что он был знаком с Азефом как агентом полиции в 1902—1905 гг.; как бывший полицейский, он должен был хорошо знать о строгих мерах предосторожности при обсуждении таких конфиденциальных вопросов, и тем не менее он ими пренебрег. О том, что это письмо могло быть вообще написано Лопухиным под диктовку, говорит излишне формальный тон письма, который наводит на мысль о том, что оно было предназначено для широкой аудитории, а не только бывшему однокашнику Лопухина.

Имеются косвенные указания на то, что жена Лопухина, Е. Д. Лопухина, способствовала тому, чтобы ее муж стал сотрудничать с радикалами. В письме Лопухину от 7 января 1909 г. Бурцев высказывал сожаление о тех неприятностях, которые он, сам, того не желая, доставил бывшему шефу полиции, сделав их отношения достоянием публики, и выражал искреннюю признательность не только ему лично, но и его жене¹⁰⁹. Трудно поверить в то, что она желала разоблачить якобы имевшую место преступную деятельность российского правительства даже ценой ареста своего мужа; более правдоподобно то, что она после похищения дочери настаивала на том, чтобы Лопухин исполнил желания революционеров.

Однако то, что Лопухин передал в Центральный комитет ПСР копию своего письма к трем высшим чиновникам Министерства внутренних дел, не помогло ему, как он надеялся, избежать допроса, которому его подвергли три революционера в Лондоне. Неизвестно, каким образом эсерам удалось заставить Лопухина согласиться на личную встречу; однако ясно, что он приехал не по собственной воле, а после того, как Бурцев, по утверждению эсеров, написал ему письмо с требованием явиться для этой цели в Лондон. Как считает Савинков, Лопухин, находясь еще в Петербурге, дал согласие на встречу с ним и Черновым в Лондоне, и возможно, что бывший шеф полиции решил на сотрудничество с революционерами еще раз опять не без давления со стороны своей жены, сопровождавшей его в этой заграничной поездке в декабре 1908 г.¹¹⁰ Так или иначе,

копия письма Лопухина к Столыпину вскоре была напечатана во многих европейских газетах как сенсация и вызвала грандиозный политический скандал, в который оказались вовлечены высшие представители российского правительства — до премьер-министра включительно.

Заключение

История Евно Азефа уникальна не только благодаря беспрецедентному факту пятнадцатилетней работы агента российской полиции в самом сердце крупной политической партии. Удар по ПСР, вызванный разоблачением Азефа, был настолько силен, что она так никогда и не смогла полностью оправиться от него.

Многие детали этой запутанной истории остаются невыясненными. Но пока не найдены новые свидетельства, можно по крайней мере попытаться переосмыслить три широко распространенные легенды, связанные с делом Азефа, которые освещены в книге Б. И. Николаевского. Самое главное, должно быть переосмыслено традиционное представление о роли Азефа, в основе которого лежит стремление революционных лидеров дискредитировать правительство, обвинив его в преступной провокационной деятельности. Это переосмысление должно касаться двух основных аспектов дела Азефа.

Прежде всего неверно считать, что Азеф — агент полиции — был агентом-provokatorом, так как он никого не провоцировал и не подстрекал к совершению террористических актов; нет также свидетельств в пользу того, что полицейские начальники Азефа использовали его для организации убийств своих политических противников¹¹¹. Нет оснований считать правдоподобной и вторую легенду, согласно которой Азеф был двойным агентом. Азеф начал свою карьеру революционера, уже будучи полицейским сотрудником, и на всем ее протяжении снабжал российскую полицию информацией, которая позволила ей предотвратить целый ряд политических преступлений. Гораздо правильнее, следуя Зубатову, считать Азефа в высшей степени осторожным и даже трусливым агентом, который часто обеспечивал себе безопасность тем, что раскрывал далеко не все данные, которыми он обладал. В то же время он почти всегда передавал своим начальникам достаточно полные сведения для предотвращения террористических актов, и тот факт, что в начальный период деятельности Азефа социалистам-революционерам все же удалось совершить несколько важных политических убийств, можно скорее объяснить небрежной и неэффективной работой полиции, чем двойной игрой Азефа.

Николаевский без сомнения прав, говоря, что Азеф был типичным мелким буржуа и деловым человеком, ловким, жестким, очень осторожным и сдержанным, умевшим рисковать, когда это было необходимо, но он никогда не ставил на карту все сразу, зная людей и проявляя умеренную инициативу и талант организатора. По мнению Николаевского, в его облике не было ничего «героического» или «демонического»¹¹². Таким образом, наиболее вероятно, что главным мотивом Азефа, заставившим его заниматься опасной работой полицейского агента, были деньги, которые он несомненно любил и открыто демонстрировал свою привязанность ко всем материальным благам, которые можно купить за деньги¹¹³.

Наконец, неправильно считать за истину третью легенду, которую принимает Николаевский и согласно которой Лопухин помог революционерам разоблачить Азефа исключительно из своей любви

к справедливости. Есть серьезные основания считать, что радикалы имели возможность принуждать бывшего директора Департамента полиции давать им показания против Азефа. Это немедленно превращает его в жертву и еще раз показывает, что любая оценка событий, происходивших вокруг Азефа, не должна опираться только на версию революционеров, даже если дело касается незначительных, на первый взгляд, деталей¹⁴. Помня об этом, читатель должен быть благодарен автору предлагаемой книги за его искреннюю попытку пролить свет на многие загадочные аспекты русского революционного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Многие известные эсеры критиковали лидеров партии за их изначальную нерешительность [см., например, копию письма Е. Е. Лазарева к М. А. Натансону в Париж от 4 (17) января 1909 г. Архив заграничной агентуры Департамента полиции (далее — Охрана) XII с (1), 1В//Stanford University; Stanford, California].

² Некоторые видные эсеры решили сначала, что власти вошли в некий союз с В. Л. Бурцевым [письмо Лазарева к Натансону от 4 (17) января 1909 г.]. Со своей стороны, Бурцев открыто заявлял, что его публичные признания имеют своей целью «нанести смертельный удар по моральному престижу» российского правительства [Police Spy Scandal, Reynolds's 22 August 1909//Архив партии соц.-рев.; провокации Е. Ф. Азефа//International Institute of Social History, Amsterdam (далее — Архив ПСР). 1, № 78]. Лидеры эсеров также не скрывали, что ждали того, что новые сведения о преступных методах, применяемых властями, вызовут волнения в стране [Отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании; см. также письмо «Максима» во Францию Ф. Я. Зимовскому в Петербург от 22 марта 1909 г.//Охрана XIII с (1, 1В; входящая корреспонденция, документ № 346, 1909)]. Азеф сам признавал, что главным мотивом публичных заявлений эсеров о преступлениях правительства после его провала было желание скомпрометировать власти и, кроме того, отвести внимание публики от неудач революционеров («Оправдательная записка Азефа» в кн.: *Николаевский Б. Конец Азефа*. Л., 1926. С. 64—65).

³ «Процесс Лопухина»//Новое время. 1909. № 11899 [29 апреля (12 мая) 1909 г.]; Архив ПСР, 3, № 167.

⁴ Отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании; см. также: *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 136.

⁵ Публика, особенно та ее часть, которая сочувствовала «левым», приняла эту интерпретацию как единственно возможную и вслед за эсерами считала, что все сенсационные террористические акты, такие, как убийство Богдановича, Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, были организованы и исполнены согласно плану, разработанному Азефом совместно с фактическим главой российской политической полиции Рачковским [*Косовский В.* Азефщина//Отклики Бунда 1 (март 1909 г.), 12].

⁶ Многие полицейские начальники, включая бывших шефов Азефа — Зубатова и Ратаева, под воздействием прессы, изображавшей Азефа двойным предателем, и сами стали верить в двойную игру Азефа [*Горбунов М.* Савинков как мемуарист//Каторга и ссылка. М.; 1928. № 3 (40). С. 173—174].

⁷ Историкография деятельности ПСР до революции 1917 г. довольно скудна.

⁸ Это можно продемонстрировать на следующем примере: используя утверждение Бурцева в качестве главного источника для своих выводов, Николаевский вынужден, таким образом, основываться на сведениях, полученных «охотником за провокаторами» от бывшего полицейского чиновника и перебежчика в революционный лагерь Михаила Бакая, чьи довольно сомнительные утверждения легли в основу бурцевской интерпретации роли Азефа. Сам Николаевский, изучая его сообщения, вынужден был признать в письме к Бурцеву, что сведения Бакая, большей частью, являются сплетнями и не соответствуют истине. По мнению Николаевского, Бакай вообще не понимал истинное положение дел в Департаменте полиции и, в частности, роль Азефа [письмо Б. И. Николаевского к В. Л. Бурцеву от 8 сентября 1931 г.//Архив Б. И. Николаевского. Stanford University; Stanford, California (далее — Николаевский), 475, 8].

⁹ Доклад директору Департамента полиции от 28 марта 1912 г.//Охрана XVIв (3), 4.

¹⁰ Например, в 1912 г. известный эсер Б. В. Бартольд занимался «фабрикацией» второго издания мемуаров эсера А. А. Петрова, который стал полицейским агентом, а затем пытался отомстить за свою испорченную репутацию, убив своего полицейского начальника полковника Карпова в декабре 1909 г. [см. копию записки главы Петербургского охранного отделения директору Департамента полиции от 24 июня 1912 г.//Охрана XVIв (3), 1В]. Часть рукописи мемуаров Петрова находится в Архиве ПСР, 3, № 219.

¹¹ См., например, письмо Б. И. Николаевского к В. К. Агафонову от 30 октября 1932 г.//Николаевский, 471, 9.

¹² Там же.

¹³ Вряд ли стоит использовать в качестве источника письма Азефа к его бывшим товарищам и к жене, написанные им непосредственно до и после его разоблачения, в которых он, стараясь спасти свою репутацию и, в общем-то, свою жизнь, брал на себя ответственность за все террористические акты и утверждал, что он «служит революции, и только революции» [«Признание Азефа»//Будущее. 1911, 3 (5) ноября//Архив ПСР, 3, № 279; см. также *Савинов Б. В.* Воспоминания террориста. Харьков, 1926. С. 369].

¹⁴ Письмо Б. И. Николаевского к В. К. Агафонову от 11 апреля 1931 г.//Николаевский, 471, 9.

¹⁵ Письмо Николаевского к Андрееву от 17 октября 1961 г.// Там же.

¹⁶ Другие авторы, возражая Николаевскому, предлагают различные гипотезы, объясняющие «предательство» Азефа. Согласно одной из них, по своей натуре он был игроком: он играл как чужими жизнями, так и своей, ощущая себя в этой игре мастером, что давало ему власть — власть над правительством и над революцией [*Зензинов В.* Провокатор Азеф (неопубликованная рукопись). Нью-Йорк, 1924 г. (30 марта). С. 13; Николаевский, 205, 18].

¹⁷ *Столыпин П. А.* Полное собрание речей председателя Совета министров П. А. Столыпина в Гос. думе и Гос. совете (1907—1911 гг.). Нью-Йорк. 1990. С. 158.

¹⁸ Письмо Николаевского к Бурцеву от 8 сентября 1931 г. Такое же употребление слова «провокатор» см., например, у К. («Иван

Тименков»//Былое. Париж. 1912. № 14. С. 45) или в «Приложении к «Знамени Труда», № 21—22 (Архив ПСР, 8, № 650).

¹⁹ *Набоков В.* Уголовная ответственность агента-provokatora (рукопись опубликована в журнале «Право» в 1909 г.)//Николаевский, 205, 20.

²⁰ *Столыпин П. А.* Полное собрание речей... С. 158; см. также: Допрос М. И. Трусевича 4 мая 1917 г.//Падение царского режима Л., 1925. Т. 3. С. 212.

²¹ Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Издание ЦК ПСР, 1911 г. С. 11—12.

²² Там же. С. 23.

²³ *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. С. 139. Например, после убийства Плеве Созонов писал своим родителям, что он в здравом уме решил совершить этот акт и что он уже не ребенок и поэтому понимает, что он совершает, а не является игрушкой в руках злых людей, прячущихся за его спиной («Из писем Е. Созонова»; письмо датировано маем 1906 г.).

²⁴ Заключение судебно-следств. комиссии... С. 24.

²⁵ Ведя свою игру, Азеф сделал вид, что он согласился только на убийство генерал-губернатора Петербурга Трепова, но, как только он приехал в Россию, он «передумал» (*Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 173—175).

²⁶ *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. С. 139.

²⁷ *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 283—284. Савинков вышел из Боевой организации вместе с Азефом, который представил дело так, что инициатива их ухода принадлежала его товарищу [*Попова Валентина*. Динамитные мастерские 1906—1907 гг. и provokator Азеф//Каторга и ссылка. М., 1927. № 5 (34). С. 53]. По словам Николаевского, Савинков вел себя как «честный дурак» и был пешкой в руках Азефа, который прятался за его спиной (письмо Б. И. Николаевского к В. М. Чернову от 15 октября 1931 г.//Николаевский, 206. 6).

²⁸ Письмо В. М. Чернова Б. И. Николаевскому от 7 октября 1931 г.//Николаевский, 206. 6.

²⁹ *Ратаев Л. А.* Евно Азеф. Разоблаченный Азеф//Былое. 1917. (Август) № 2 (24). С. 192—212. Николаевский также считает неверными утверждения некоторых революционеров о том, что Рачковский направлял provokационную деятельность Азефа (письмо Б. И. Николаевского к В. К. Агафонову от 25 апреля 1931 г.//Николаевский, 471, 9; письмо Б. И. Николаевского к Н. Е. Андрееву от 17 октября 1961 г.//Николаевский, 471, 30; письмо Б. И. Николаевского к Л. П. Меньшикову от 19 августа 1931 г.//Николаевский, 179, 24). С другой стороны, даже в начале 60-х годов Николаевский был уверен в том, что Лопухин смотрел сквозь пальцы на убийство Плеве потому, что его якобы просил об этом председатель Совета министров Витте. Он также не считал неправдоподобной историю, рассказанную о Витте вдовой Лопухина, о том, что он в 1903 г. во время секретных переговоров с Лопухиным убеждал последнего позволить революционерам убить Николая II (письмо Б. И. Николаевского к Бертраму Вольфу от 8 мая 1958 года//Николаевский, 508, 41).

³⁰ Заключение судебно-следств. комиссии... С. 25п.

³¹ Показания В. Л. Бурцева 1 апреля 1917 г.//Падение царского режима. Л., 1925. Т. 1. С. 302, 304; *Бурцев В.* Неозаглавленная рукопись. Париж, 1934. С. 9.

³² Согласно Чернову, Азеф получал от Центрального комитета ПСР только 125 руб. в месяц. Но представителям полиции было известно, что Азеф заимствовал большие суммы денег из фонда Боевой организации ПСР на свои личные нужды. Герасимов даже поощрял в этом Азефа, считая, что его агент, таким образом, принесет дополнительный вред террористам [Отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании//Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 86]. Стоит также заметить, что жена Азефа Любовь была представителем Центрального комитета ПСР в Париже и до мая 1906 г. имела доступ к партийным фондам, которыми она «пользовалась без всякого контроля» [Доклад директору Департамента полиции от 3 (16) мая 1906 г., 2//Охрана XIc (5), 1]. О присвоении Азефом партийных денег см. также: Доклад директору Департамента полиции от 22 октября (4 ноября) 1912 г.//Охрана XVIc, 2.

³³ Показания В. Л. Бурцева 1 апреля 1917 г.//Падение царского режима. Л., 1925. Т. 1. С. 305.

³⁴ См. показания Зубатова на суде над Лопухиным в «Процессе Лопухина»//Новое время. 1909. № 11899; см. также: Гершуни и Азеф по официальным документам//Былое. Париж, 1913. № 15. С. 36—37.

³⁵ Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 327; см. также письмо Колосова к Колари//Охрана XVIb (3), 10.

³⁶ Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое. 1917 (Август). № 2 (24). С. 196. Есть указания на то, что в период с конца 1902 г. до весны 1903 г. властям при помощи Азефа (по крайней мере частично) удалось предотвратить первое покушение на жизнь Плеве [Дело А. А. Лопухина в особом присутствии правительствующего Сената. Стеногр. отчет. СПб., 1910 (далее — Дело Лопухина). С. 10, 55].

³⁷ Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 194. Интересно также мнение одного из лидеров ПСР Егора Лазарева, который считал установленным фактом, что Азеф хотел послать Гершуни на виселицу [Лазарев Е. Е. Жизненный подвиг Г. А. Гершуни (неопубликованная рукопись). С. 11//Николаевский, 12, 2]. Зубатов тоже предоставил свидетельство того, что Азеф искренне желал помочь властям предать Гершуни суду (см.: Дело Лопухина. С. 41).

³⁸ Извещение Центрального комитета//Архив ПСР, 1.

³⁹ О различных террористических актах, которые удалось предотвратить полиции главным образом благодаря Азефу, см.: Дело Лопухина. С. 10—13, 56—57; Столыпин П. А. Полное собрание речей... С. 162; об аресте группы Клитчоглу см.: Отчет от 5 февраля 1904 г. С. 4—7//Охрана XIIIc (2), 4А.

⁴⁰ См., например, отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании.

⁴¹ Согласно Лопухину, уже в 1903 г. Азеф, опасаясь быть скомпрометированным, решил не сообщать полиции о некоторых своих менее важных связях среди революционеров [Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое...].

⁴² Герасимов А. В. Е. Азеф и А. А. Лопухин (недатированная рукопись). С. 9//Николаевский, 206, 14; Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 204. Полицейский начальник Азефа в Москве Зубатов позже признался, что в 1903 г. после конфликтов с Азефом он специально производил аресты, не консультируясь со своим агентом и заставляя, таким образом, некоторых товарищей Азефа «косо на него смотреть» (письмо С. В. Зубатова А. И. Спиридовичу).

⁴³ См., например, Меньшиков Л. П. Secrets of Russian Safety

(неопубликованная рукопись на английском языке). С. 24—25//Николаевский, 179, 25.

⁴⁴ Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 200, 203. — Согласно Герасимову, к началу 1905 г. Петербургское охранное отделение было «карикатурой на секретную политическую полицию» (Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 8).

⁴⁵ Некомпетентность полиции проявилась, например, в случае с Гершуни, который остановился в столице под своим именем и со своим паспортом и пробыл в ней три дня в то время, как его разыскивали по всей стране (Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 200).

⁴⁶ Зензинов В. Разоблачение провокации Азефа. Нью-Йорк, 1924. С. 1. Как считали многие эсеры и Николаевский, Азеф хотел убить Плеве потому, что, как и большинство либералов и радикалов в России и за рубежом, считал министра внутренних дел главным организатором погрома в Кишиневе в апреле 1903 г. (см. письмо Рубакина Николаевскому от 7 марта 1935 г. и письмо Николаевского к Рубакину от 20 марта 1935 г.//Николаевский, 206, 8). Следует помнить, однако, что Азеф, по крайней мере, однажды после погрома — в конце 1903 и в начале 1904 г. — делал все возможное, чтобы помочь властям предотвратить террористический акт против Плеве. Кроме того, согласно Ратаеву, хотя Азеф и был возмущен насилием против евреев и действительно сначала считал Плеве ответственным за него, в конце концов убедился, что все обвинения властей в умышленно организованном погроме являются абсурдными: было очевидно, что ни одному правительству на свете невыгодны беспорядки, независимо от того, откуда они исходят и против чего направлены, так как разрушительные силы, даже если сегодня они якобы служат интересам правительства, завтра могут стать опасным оружием, обращенным против тех же властей (Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 198).

⁴⁷ «Оправдательная записка Азефа» в кн.: Николаевский Б. Конец Азефа. С. 57. Официальные данные полностью подтверждают эти свидетельства, так как, согласно Ратаеву, без всяких сомнений в 1904 г. именно «Павел Иванович» (один из псевдонимов Савинкова) стоял во главе Боевой организации (Дело Лопухина. С. 60).

⁴⁸ Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 206, 207, 208.

⁴⁹ Донесения Евно Азефа (переписка Азефа с Ратаевым в 1903—1905 г.)//Былое. 1917 (Июль). № 1 (23). С. 206; см. также: Столыпин П. А. Полное собрание речей... С. 163.

⁵⁰ Герасимов без колебаний признавал, что смерть Плеве была результатом бездействия полиции, так как Азеф «передал достаточно информации, чтобы можно было предотвратить убийство» (Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 138; Герасимов А. В. Е. Азеф и А. А. Лопухин. С. 9).

⁵¹ Дело Лопухина. С. 57; Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 210.

⁵² Дело Лопухина. С. 57—58. Другой полицейский агент — З. Ф. Жученко, работавшая в течение долгого времени среди эсеров, тоже не упоминает о роли Азефа в Боевой организации (Ратаев Л. А. Евно Азеф//Былое... С. 191).

⁵³ Из записок М. Е. Бакая//Былое. Париж, 1909. № 9—10. С. 197; Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 327—328. В официальных заявлениях партии отрицается тот факт, что Московское охранное отделение что-либо знало о подготовке этого акта (извещение Центрального комитета//Архив ПСР, 2).

⁵⁴ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 73.

⁵⁵ Там же. Т. 72; письмо Б. И. Николаевского к В. М. Зензинову от 21 июля 1931 г.//Николаевский, 206, 10.

⁵⁶ Письмо Николаевского к Агафонову от 30 октября 1932 г.// Николаевский, 471, 9.

⁵⁷ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 182.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 85—87; Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 283.

⁶⁰ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 141. Существовало, что близкие к этому суждения высказывали и террористы. Многие из них считали, что Азеф являлся важной исторической фигурой: по словам Евгения Колосова, «дело Азефа» касалось не только партии, но и русского общества и российской истории [Доклад директору Департамента полиции от 22 октября (4 ноября) 1912 г.// Охрана XVIc, 2]. Многие из тех, кто не входил в партию эсеров, смотрели на «азефщину» как на трагедию России (Алданов М. Азеф//Николаевский, 205, 19).

⁶¹ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 83.

⁶² Там же. С. 71—72.

⁶³ С другой стороны, возможно, что Азефу удалось найти способ сообщить Московскому охранному отделению некоторые ключевые данные о Боевой организации минуя своих начальников в Петербурге: так, согласно Савинкову, в начале апреля московская полиция уже знала о готовящемся покушении на Дубасова и установила за террористами слежку, заставив их отложить этот акт и бежать в Финляндию (Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 206—208). Хотя Николаевский и утверждает, что о планах террористов полиции стало известно не через Азефа, а через московского агента Зинаиду Жученко, согласно члену Боевой организации Валентине Поповой, полиция знала такие подробности, которые могли быть известны только человеку, стоявшему близко к организации, или даже только одному из ее членов [Попова В. Динамитные мастерские//Каторга и ссылки. М., 1927. № 4 (33). С. 64].

⁶⁴ Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 208, 213.

⁶⁵ Там же. С. 349—350. То, что Азеф пытался саботировать покушение на Дубасова, замечает также и Попова [см.: Попова В. Динамитные мастерские//Каторга и ссылки. М., 1927. № 5 (34). С. 50]. Герасимов тоже считает, что Азеф хотел предотвратить этот террористический акт своими средствами, но это ему не удалось (Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 84).

⁶⁶ Этот вывод подтверждается тем фактом (который признают и эсеры), что в период, когда Азеф временно прекратил свою агентурную деятельность, министр внутренних дел П. Н. Дурново не был убит только потому, что этого не хотел Азеф [Отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании исключительно членов «правой» группы партии социалистов-революционеров по делу Азефа//Охрана XVIc, 19X].

⁶⁷ Герасимов действительно позволял Азефу не подвергать себя опасности и не собирать сведения о малых террористических группировках, а вместо этого предлагал сосредоточить все его внимание на Боевой организации (Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 141).

⁶⁸ Там же. С. 99—101. О других сведениях, полученных от Азефа о террористах, действовавших вне Боевой организации, см.: По-

казания, данные Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и проч. А. А. Лопухин (6 ноября 1917 г.). С. 4 // Николаевский, 12, 12.

⁶⁹ См. недатированное письмо Бурцева к В. П. Жуку в Англию (на конверте дата 20 января 1909 г.) // Архив В. П. Жука. International Institute of Sociale History, Amsterdam; Отчет о заседаниях левой группы социалистов-революционеров // Дело Лопухина. С. 34.

⁷⁰ Заключение судебно-следств. комиссии... С. 71—72.

⁷¹ Как редактор журнала «Былое», который издавался в Петербурге в 1906—1907 гг., Бурцев несколько раз предлагал Лопухину написать для журнала свои мемуары, но Лопухин каждый раз отклонял эти предложения.

⁷² Бурцев В. Неозаглавленная рукопись. С. 8; Бурцев В. Правда о Лопухине (газетный отрывок) // Архив ПСР, 3, № 279.

⁷³ Позднейшее утверждение Лопухина о том, что он уже в 1902 г. знал о том, что Азеф по приказу Рачковского снабжает террористов деньгами, не соответствует действительности: есть достоверные свидетельства того, что Лопухин в 1902 г. еще даже не был знаком с Азефом (Дело Лопухина. С. 59, 61). Равно далеко от истины утверждение Лопухина о том, что он уже в 1904 г. собирался предать Азефа суду за сокрытие им от полиции своего членства в ПСР. В июле 1902 г. Плеве санкционировал проникновение Азефа в партийный центр и Боевую организацию и, таким образом, отрицание своего членства в ПСР было в это время для Азефа немыслимым (Показания, данные Чрезвычайной следственной комиссии... С. 1—2 // Николаевский, 12, 12).

⁷⁴ Бурцев В. Неозаглавленная рукопись. С. 8.

⁷⁵ Дело Лопухина. С. 14. Эсеры, однако, не хотели публично признавать этого до конца января 1909 г. (Николаевский, 112, 11).

⁷⁶ Обвинительный акт об отставном действительном статском советнике Алексее Александровиче Лопухине, обвиняемом в государственном преступлении // Былое. Париж, 1909. № 9—10. С. 223. О том же документе см.: Новое время, 1909. 29 апреля (12 мая). № 11899.

⁷⁷ Отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании... // Охрана XVIc, 19); Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 133; Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 341.

⁷⁸ Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 344.

⁷⁹ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 71.

⁸⁰ Доклад директору Департамента полиции от 16 (29) марта 1909 г. // Охрана XIIIв (1), 1А. Исходящая корреспонденция, документ № 164; см. также шифрованную телеграмму из Петербурга от 23 января (5 февраля) 1909 г. // Охрана XIIIc (3), 28.

⁸¹ Заключение судебно-следств. комиссии. С. 69.

⁸² Азеф никогда больше не встречался ни с кем из лагеря революционеров, кроме Бурцева, с которым он имел тайное свидание в 1912 г. Раскрытый агент согласился на эту встречу, надеясь убедить революционеров, что он больше не связан с полицией и что они могут прекратить свою охоту за ним (см.: Записки Л. П. Меншикова об Азефе // Николаевский, 179, 26).

⁸³ Письмо Б. И. Николаевского к Л. П. Меншикову от 19 августа 1931 г. // Николаевский, 179, 24.

⁸⁴ Дело Лопухина. С. 97; см. также: Герасимов А. В. Е. Азеф и А. А. Лопухин. С. 10//Николаевский, 206, 14.

⁸⁵ Доклад директору Департамента полиции от 28 января (10 февраля) 1909 г.//Охрана XXVIIд, 3. 4 февраля 1905 г. — Получив известие об убийстве вел. кн. Сергея Александровича, генерал-губернатор Трепов ворвался в кабинет Лопухина с криком «убийца!» (Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 8, 132).

⁸⁶ Показания В. Л. Бурцева...//Падение царского режима. Т. 1. С. 309.

⁸⁷ См.: Краткие сведения об упоминаемых лицах//Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 197.

⁸⁸ Расшифрованная телеграмма директора Департамента полиции в Петербурге Трусевича от 14 (27) октября 1907 г.//Охрана XIIIс (3), 26.

⁸⁹ См., например, более поздние упоминания об этом случае: Arest of M. Lopukhin//Daily Chronicle. 1909. 1 февраля//Архив ПСР, 3, № 189.

⁹⁰ Процесс Лопухина//Новое время. 1909. 30 апреля (13 мая). № 11900//Архив ПСР, 3, № 167. В своем выступлении во время процесса над Лопухиным гувернантка не пожелала рассказать об этом инциденте; судьи тоже не допросили ее о похищении Варвары Лопухиной (Дело Лопухина. С. 71—72).

⁹¹ О том, какую информацию получали эсеры об агенте в Центральном комитете их партии, см.: Заключение судебно-следств. комиссии. С. 60—61.

⁹² Обвинительный акт об... Лопухине...//Былое. 1909. № 9—10. С. 229; Дело Лопухина. С. 21—22.

⁹³ Там же. С. 13: Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (1886—1916). Пгр., 1918. С. 423—424; Заключение судебно-следств. комиссии. С. 70.

⁹⁴ Там же. С. 68.

⁹⁵ Обвинительный акт об... Лопухине...//Былое. 1909. № 9—10. С. 227; Зензинов В. Разоблачение провокации Азефа. Нью-Йорк, 1924. С. 6.

⁹⁶ Недатированное письмо Бурцева к Жуку//Архив В. П. Жука; Заключение судебно-следств. комиссии. С. 85.

⁹⁷ Согласно полученным источникам, Бурцев и несколько его последователей объединились в конспиративную «Народовольческую группу», чтобы организовать «грандиозный террористический акт» [Доклад директору Департамента полиции от 22 сентября (5 октября) 1907 г.//Охрана XVIа, 2]. Стоит заметить, что еще в 1903 г. в своем памфлете, опубликованном в Лондоне, Бурцев рекомендовал для достижения целей, служащих делу революции, использовать похищения (Walter Lagueur//Terrorism. Toronto, 1978. P., 106).

⁹⁸ Спиридович А. И. Партия социал-революционеров... Т. 423—424.

⁹⁹ См., например: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. С. 343.

¹⁰⁰ Дело Лопухина. С. 96.

¹⁰¹ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 134; Обвинительный акт об... Лопухине...//Былое. 1909. № 9—10. С. 223.

¹⁰² На самом деле революционеры и не пытались скрывать свой главный источник информации, раскрывая газетным репортерам подробности своего сотрудничества с Лопухиным (Там же. С. 225).

¹⁰³ Лидеры эсеров хорошо понимали, что многие рядовые члены

партии и особенно террористы будут считать гонения на Азефа преступлением со стороны Центрального комитета, если ЦК не сможет оправдать свои действия бесспорными свидетельствами вины Азефа, например, показаниями его бывшего шефа. О дискуссиях среди эсеров о возможных последствиях дела Азефа см.: *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 347.

¹⁰⁴ Доклад директору Департамента полиции от 14 (27) января 1909 г.//Охрана XXVIIId, 3.

¹⁰⁵ Процесс Лопухина//Новое время. 1909. 29 апреля (12 мая). № 11899.

¹⁰⁶ О попытках Лопухина избежать этой встречи с эсерами см.: Обвинительный акт об... Лопухине...//Былое. 1909. № 9—10. С. 233.

¹⁰⁷ *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 341; см. также: Дело Лопухина. С. 16. На суде Лопухин признался, что показывал свои письма двум лицам, чьи имена он отказался назвать (Обвинительный акт об... Лопухине...//Былое. 1909. № 9—10. С. 224, 227).

¹⁰⁸ Там же. С. 224; Отчет о состоявшемся 1 (14) января 1909 г. в Париже секретном заседании...//Охрана XVIc, 19, Герасимов, который хорошо знал Лопухина, также считал, что тот мог написать это письмо только под влиянием чужой воли (*Герасимов А. В.* Е. Азеф и А. А. Лопухин. С. 7//Николаевский, 206, 14).

¹⁰⁹ См.: Дело Лопухина. С. 38; К делу Азефа — Лопухина//Русские ведомости. 1909 (Январь). № 31. Архив ПСР, 2, № 157.

¹¹⁰ *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 336, 342.

¹¹¹ Заявление Центрального комитета о том, что многими террористическими операциями, в частности убийствами Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, руководил полицейский агент, сильно деморализовало членов партии, в результате чего в центральном органе ПСР — газете «Знамя труда» — появилась статья, в которой утверждалось, что необходимость террористических актов определялась не целями Азефа и тех, кто за ним стоял, а политической ситуацией в стране, что жертвы террора выбирал не Азеф, а партия, и что террористы, совершавшие эти акты, действовали не в интересах Азефа, а в интересах революционной борьбы, и не Азеф инспирировал террор (см. письмо С. В. Зубатова к А. И. Спиридовичу).

¹¹² *Николаевский Б.* Конец Азефа. С. 11. Этот портрет полностью отвечает попыткам Герасимова показать, что после скандального провала Азеф был превращен в «мелодраматического злодея» (*Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. С. 137).

¹¹³ См. письмо Николаевского к Агафонову от 30 октября 1932 г., а также записки Меньщикова об Азефе//Архив Л. П. Меньщикова, 10, ЕЕ. С. 5. International Institute of Social History. Amsterdam. Согласно Зубатову, Азеф был довольно практичным человеком, для которого деньги играли первостепенную роль [Процесс Лопухина//Новое время. 1909. 30 апреля (13 мая). № 11900; см. также: *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. С. 71—72, 138].

¹¹⁴ Среди загадок, окружающих дело Азефа, одна до сих пор остается неразрешенной: почему Лопухин не сказал правды о своей роли в раскрытии Азефа на суде или позже, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г.? В своих показаниях он ни разу не говорил о похищении дочери, которое изначально заставило его сотрудничать с революционерами, а вместо этого лишь повторил бурцевскую версию этой истории. Трудно что-либо определенно сказать о его мотивах, однако можно предположить: утверждая, что он выполнял свой мо-

ральный патриотический долг, раскрывая самые мерзкие преступления Азефа, Лопухин выставлял себя перед обществом самоотверженным героем. Признание того факта, что он начал сотрудничать с революционерами под их принуждением, означало бы признание в совершенном преступлении [Процесс Лопухина//Новое время. 1909. 29 апреля (12 мая). № 11899; 30 апреля (13 мая). № 11900; Обвинительный акт об... Лопухине...//Былое. 1909. № 9—10. С. 234].

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев Г. 282—284, 291, 295
 Авксентьев Н. Д. 242
 Агафонов В. К. 24, 102, 353—354, 357, 360
 Адлер В. 145
 Азеф Е. Ф. (Азиев, «Валентин», «Валентин Кузьмич», «Иван Николаевич», «Капустин», «Неймайер», «Раскин», «Толстый», «Филипповский», «Черкас») 3—4, 8—20, 22—29, 33—37, 39—49, 51—57, 60—61, 63—125, 129—135, 137—144, 151—173, 180, 183—198, 200—218, 221, 223—224, 229—230, 236—256, 258, 260—269, 271—319, 321—323, 325—361
 Азеф Ф. 41
 Акимов Я. 189
 Акимов М. Г. 177
 Аладьин А. Ф. 327
 Алданов М. А. 24, 357
 Александр II 32, 78, 92, 115, 128
 Александр III 127—128, 318
 Андреев Л. Н. 328
 Андреев Н. Е. 354
 Аникин С. В. 327
 Анненский Н. Ф. 33, 325
 «Апостол» 74
 Аргунов А. А. 24, 49, 53, 55—57, 134, 166, 209, 217, 250, 263, 274, 289, 293, 321, 346, 350
 Бакай М. Е. 288, 328, 344—345, 353, 356
 Балмашев С. В. 61—64, 89, 319, 322
 Бартольд Б. В. 353
 Барыков С. Н. (С. И.) 54
 Басов С. А. 263
 Бах А. Н. 133
 Безобразовы 269
 Богданович Н. М. 74, 323, 336, 338, 352
 Боголепов Н. П. 262, 322
 Богораз (Богораз-Тан) В. А. 352
 Богров Д. Г. 15
 Борис Владимирович, вел. кн. 270
 Боришанский Д. 88—90, 94, 95, 108
 Бородин А. Д. 327
 Бородулин 252
 Брешковская Е. К. (Брешко-Брешковская) 57—58, 74, 96—97, 130—131, 318, 322
 Бриллиант Д. В. 92, 117, 335
 Булыгин А. Г. 115, 116
 Бунин И. А. 4
 Бургина А. М. 7
 Бурцев В. Л. 4, 11, 12—13, 16—17, 20, 24, 26—29, 34—36, 40, 47, 129, 170, 237—240, 254, 280, 284—293, 298, 308—311, 319, 321, 326, 328—332, 336, 338—339, 343—350, 352—355, 358—359
 Бухало С. И. 214—215
 Бухарин Н. И. 6, 7
 Бухгольц В. А. 24
 Бухгольц Р. Д. 24
 Веденяпин М. А. 123, 309
 Витте С. Ю. 10, 37, 38—39, 143, 146, 150, 297, 320—321, 354
 Владимир Александрович, вел. кн. 108, 109, 115
 Вноровский Б. 126, 168
 Вноровский В. 210
 Вонлярлярские 269
 Вуич Э. И. 176
 Гапон Г. А. 11, 17, 113, 145—152, 154—157, 161, 164, 325—326
 Гедеоновский А. В. 110

- Гейден П. А. 326
Геккер Н. 110
Герасимов А. В. 10—12, 16—18, 20, 24, 144, 148—149, 152, 154, 158—162, 164—165, 167—173, 175—188, 190—194, 196—197, 203—204, 206—207, 212, 214—215, 217—218, 220—224, 231—233, 235—236, 240, 243, 252—259, 264—266, 272—273, 275—280, 284, 296—297, 299, 300, 310, 319, 321, 326—327, 333—334, 336, 341—344, 346, 349, 352, 354—359
Гершельман С. К. 252
Гершуни Г. А. 11, 13, 20, 57—58, 60—69, 72—76, 89—90, 103, 106, 213, 223—224, 241—246, 252, 263, 276, 288, 318—319, 322, 335, 337—338, 355
Гессе П. П. 127
Горбунов М. 352
Горинсон Б. 163
Горохов 131
Горький А. М. 9, 10
Гоц В. 350
Г-жа N 25, 268—273, 275—276, 281, 289—292, 295, 302—304, 311—317
Гоц М. Р. 11, 14, 57, 59, 64—66, 68, 75—76, 80, 86, 88, 97, 105, 133, 136—138, 141, 201, 318—319, 322, 350
Гоц Р. А. 163, 167, 202, 324
Григорьев Е. К. 62, 68, 7, 106, 338
Грингмут В. А. 327
Гудима 218
Гуковский А. И. 71
Гуревич Л. Я. 11
Гусев К. В. 358
Гучков А. И. 187
- Дейч Л. Г. 11
Делькассе Т. 127
Демьянов А. Д. 325
Драчевский Д. В. 25:
Дрейфус А. 316
Дубасов Ф. В. 144, 163, 166—171, 183—184, 216, 218, 325, 342—343, 357
Дубровин А. И. 327
Дулёбов Е. О. 74, 323
Дурново П. Н. 109, 115, 128,
- 144, 148—151, 157—158, 162—168, 177, 325
Евдокия, царица 29
Егоров Н. 251
Елпатьевский С. Я. 325
- Желябов А. И. 13, 97, 288
Житловский Х. И. 45, 49
Житловские 45, 48
Жук В. П. 358
Жученко (Гернгросс) З. Ф. 169—171, 326, 356—357
- Забельшанский Э. И. 327
Заварзин П. П. 153
Зауер 24, 73—74
Зензинов В. М. 24, 107, 163, 199, 202, 294, 319, 324, 353, 356, 357, 359
Зильберберг Л. И. 210—211, 216, 218, 219, 221—222, 224—229, 344
Зильберштейн И. С. 9
Зимовский Ф. Я. 352
Зубатов С. В. 10—11, 30, 31—32, 37—38, 48—56, 58, 61, 65—68, 72—73, 81, 121, 129, 132, 145, 181, 230, 320—322, 333, 351, 352, 355, 360
- Ивановская П. С. 76, 92, 98—99, 114, 116
Иванов П. 163
Иванчин-Писарев А. И. 69
Каляев И. П. 19, 80, 84, 88—95, 114, 126, 199, 202, 318—319, 335, 341
Камышанский П. К. 177, 327
Кант И. 202
Каптелович 282—284
Карпов 300, 319, 353
Карпович П. В. 53, 89, 262, 274—275, 280, 282, 294, 319, 322
Качура Ф. Х. 90, 106
Кеннан Дж. 7
Кирилл Владимирович, вел. кн. 270
Клейгельс Н. В. 62, 89—90, 108, 123
Клеменц Д. А. 69
Климова Н. С. 301
Климович Е. К. 67
Клитчоглу С. Г. 58, 82—83, 100, 338

- Козин 42
 Колосов Е. Е. 357
 Колчак А. В. 5
 Кони А. Ф. 99
 Коновницын 168
 Конопляникова З. В. 131
 Констан 127
 Коренев 67
 Коробочкин 47
 Косовский В. 352
 Корсак 298
 Костенко К. П. 281—283
 Крафт П. П. 61, 68, 204, 209, 228, 319, 337
 Крестьянинов Н. 69—71
 Кропоткин П. А. 287—288, 329, 345
 Крушеван П. А. 33
 Кудрявцев («Адмирал») 219—220
 Куропаткин А. Н. 270
 Курский-Блюмин Ф. 24
 Кутайсов П. И. 94, 120
- Лазарев Е. Е. 24, 352, 355
 Лапина Э. М. («Товарищ Бэла») 205, 216, 218
 Лауниц В. Ф. 216, 218—221, 327, 341, 344
 Лебедев В. И. 24
 Ленцевич 63
 Леонович В. В. 74
 Либединцев В. В. (Марио Кальвино) 252—254, 256, 265, 328
 Либкнехт К. 307
 Ломов 309
 Лопатин Г. А. 267, 287, 289, 328—329, 345
 Лопухин А. А. 4, 10—13, 11—14, 20, 24, 26—41, 67, 72—73, 85—87, 99—100, 126, 128—129, 146, 155, 174, 286—289, 292—293, 296, 298—299, 319, 321, 333, 345—351, 354—356, 358—361
 Лопухин А. С. 321, 347
 Лопухина В. А. 348—349, 359
 Лопухина Е. Д. 350
 Лубе Э. 127
 Луи Филипп 22
 Лучинская А. В. 11
 Львов Н. Н. 15, 326
- Мазе Я. 24, 76
 Макаров А. А. 297, 350
- «Максим» 352
 Максимовский А. М. 252—253
 Малиновский Р. В. 19
 Манасевич-Мануйлов И. Ф. 146, 326
 Марков Н. Е. 327
 Маркс К. 328
 Мацевские 79
 Мацевский И. 88—90
 Медников Е. П. 84, 130, 158, 324
 Мейснер И. И. 24, 175
 Мельгунов С. П. 325
 Мельников М. М. 61, 68, 319, 337
 Менкина Л. Г. 16, 213, 267—268, 292, 295, 321, 355
 Меньщиков Л. П. 16, 131—134, 139—140, 169, 237, 324, 354—355, 358, 360
 Милюков П. Н. 24, 326
 Мин Г. А. 163, 167, 341, 344
 Минор О. С. 24
 Михаил Александрович вел. кн. 38
 Михайловский Н. К. 48—49
 Моисеенко Б. В. 144
 Муромцева-Бунина В. Н. 4
 Мякотин В. А. 8, 52, 69, 321, 325
- Набоков В. Д. 335
 Надаров 68
 Назаров Ф. 135, 136
 Наполеон III 22
 Натансон В. И. 165
 Натансон М. А. («Бобров») 11, 204, 206, 209, 242, 287, 289, 294, 318, 346, 352
 Наумов В. А. 227, 230—231, 233, 235
 Немчинова Е. А. 48
 Неплюев В. С. 172
 Нестроев Г. А. 325
 Никитенко Б. Н. 225—226, 229—231, 235—236, 240, 296
 Николаевский Б. И. 3, 5—14, 17—21, 321, 325—326, 330, 332—334, 336—338, 341, 345, 347, 351—354, 356—358, 360
 Николаевский В. И. 6
 «Николай» 294, 346
 Николай II 10, 16, 20, 40, 72, 108, 110, 113, 126—128, 225, 227—228, 234—235, 242, 246,

- 256, 263—264, 273, 277, 281,
283, 285, 291, 296, 302, 309,
318—319, 323, 327, 340, 354
Николай Николаевич, вел. кн.
225, 226—227, 233, 256—259
Новицкий В. Д. 33
- Оболенский И. М. 65—66, 338
Онипко Ф. М. 327
- Павлов В. Е. 54
Павлов В. П. 218, 250, 251, 327,
344
Павлов 163
Павлов 70, 71
Панкратов В. С. 204
Пергамент О. Я. 8
Петерс 46
Петр Великий 29
Петров (Петров-Воскресен-
ский) А. А. 178, 300, 319, 353
Пешехонов А. В. 52, 69, 71, 96,
103, 321, 325
Пешков 67
Пешкова Е. П. 9, 10
Пискарев 163
Плеве В. К. 3, 10, 17—19, 22,
30—36, 41, 65—69, 72, 75—
82, 84—99, 101—102, 104, 113,
115, 117—118, 122, 128, 133,
140, 145, 169, 180, 185, 195,
198, 205, 223, 228—229, 237,
286, 309, 318, 320, 323, 336,
339—340, 352, 354—356, 358,
360
Победоносцев К. П. 61—62, 68,
323, 338
Покотилов А. Д. 79, 88—91,
335, 340
Попова В. (Янкайтис) 196, 208,
212, 354, 357
Постников С. П. 24
Потапов А. И. 82, 132
Прокофьева М. А. 294, 301
Пуришкевич В. М. 327
- Рагозинникова Л. А. 252
Ракитников Н. И. 132, 209,
242—243, 246, 260
Распутина А. М. 258—259
Ратаев Л. А. 12, 14, 18, 65, 73,
75, 77, 80—88, 93—94, 98—
100, 102, 109, 111—112, 121,
123, 129—130, 140, 267, 323,
333, 336, 338—339, 352, 354,
355—356
Ратимов 230—231
Рачковский П. И. 10, 20, 35,
38—40, 126—132, 143—144,
147—157, 159—165, 168—170,
174—176, 183, 297, 299, 320,
333, 336, 343, 347, 352, 358
Редедя 29
Ремянникова Л. А. 72
Рерберг 313
Риман Н. К. 163, 167, 341
Ривкин Г. А. 325
Розенберг 75
Романовы 235
Ропшин В. 323
Россель М. (Руссель) 348
Ростковский Е. П. 132
Рубакин Н. А. 356
Русанов Н. С. 318
Рутенберг П. М. 11, 148—157,
161, 164, 326
Рыков А. И. 6
Рязанов Д. Б. 6
- Савишников Б. В. («Павел Ива-
нович») 11—13, 16—17, 79—
80, 83—84, 88—93, 99, 103,
108, 111, 116—119, 121—124,
130—131, 133—135, 137—139,
142—144, 163, 166—167, 169,
171—173, 198—211, 216—218,
225—226, 337, 244—246, 255,
282—283, 286—288, 291, 293—
294, 301—302, 319, 323, 332,
335, 338, 340—343, 346, 350,
352—360
Самойлов (кн. Вадбольский)
163
Сватиков С. Г. 24, 102
Святополк-Мирский П. Д. 35,
320
Селюк М. Ф. 55—57, 111
Семевский В. И. 325
Сергей Александрович, вел. кн.
22—23, 35, 61, 108, 114, 122,
126, 129, 140, 169, 185, 229,
237, 286, 309, 318—319, 323,
336, 340, 352, 359—360
Сикорский 94—95, 100—101
Синявский Б. С. 235
Сиягин Д. С. 60—62, 64, 89,
319, 322, 337—338
Сладкопечев 170
Слетов С. Н. 62, 90, 96, 104,
106, 111, 204, 205, 209, 211,

294, 301—302, 309, 323
Слетова-Чернова А. Н. 108
Смирнов В. 163
Созонов (Сазонов) Е. С. 13, 19,
79, 82, 88—90, 92—95, 100—
101, 199, 202, 288, 295, 318,
323, 333, 340, 354
Созонов (Сазонов) И. С. 82, 92,
93
Соколов М. И. 325
Спиридович А. И. 54—55, 230—
232, 235, 322, 355, 359—360
Сталин (Джугашвили) И. В. 5
Столыпин П. А. 10, 12, 15, 101,
173—175, 178—179, 182, 187—
197, 203, 207, 208, 212, 219—
221, 224—225, 227, 229, 232—
234, 256—257, 265, 277, 279—
280, 296—298, 299, 301, 313,
319, 325—327, 332, 334—335,
341—342, 350, 351, 353—356
Страдивариус А. 201
Стуре Л. П. 257
Сулятицкий В. М. 219—220,
222, 224
Сухомлин В. В. (В. И.) 24, 110

Такер Р. 7
Татаров Н. Ю. 17, 119—121,
124, 130, 132—136, 143, 153—
154, 161, 237, 324, 340
Теплов А. Л. 285
Тименков И. 353—354
Типунков И. М. 327
Толстой Д. А. 326
Трандафилов 93
Трауберг А. Д. («Карл») 216—
217, 219, 247, 249, 250—256,
260—261, 327
Трепов Д. В. 35, 109, 115, 124,
126, 129, 174, 320, 326, 354,
359
Третьяков А. 163
Троицкий В. П. 123
Трубецкой С. Н. 30
Трусевич М. И. 15, 175, 350,
354, 359

Турба А. С. 241
Тутышкин (Тутушкин) 158, 159
Тютчев Н. С. 116, 121, 133, 324

Фигнер В. Н. 255, 283, 287—
289, 329, 345
Филипп 128
Фишер А. 7
Флуранс 127
Фриденсон Г. М. 121, 134
Фридрих Вильгельм IV 22

Циллиакус К. 3
Цион И. Ф. 38

Чепик 49
Чернавский М. М. 262, 264, 265,
276, 301
Чернов В. М. 4, 11, 19, 24, 57,
60, 80, 103, 133, 137—139, 141,
204, 206, 209, 217, 228, 234,
258, 287—288, 294—295, 302,
318—319, 322, 328, 346, 350,
354, 355
Чернышевский Н. Г. 328
Чухнин Г. П. 172, 189, 327

Швейцер М. И. 79—90, 103, 108,
115—116, 118—119, 122, 199,
319, 323, 333, 335
Шипов Д. Н. 187, 326
Ширский П. С. 234
Шувалов 344

Щегловитов И. Г. 176, 252, 256,
257, 258, 259, 325, 328
Щеголев П. Е. 5, 9

Эдуард VII 342

Юрковская Ю. Ф. 62, 106
Юрьевская Е. М. 128

Яголковский 38, 127
Якимова А. В. 124, 125
Яковлев кн. (Друцкой-Соколин-
ский) 163, 167

Литература и источники

- Агенты, жандармы, палачи: По документам. Пг., 1922.
- Бурцев В.* [Л] В погоне за провокаторами. М., 1989.
- Бурцев В. Л.* Донесения Евно Азефа//Былое. Пг., 1917. № 1(23).
- Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985.
- Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Исторический очерк. М., 1975.
- Дейч Л. Г.* Провокаторы и террор по личным воспоминаниям. Тула, 1927. Департамент полиции в 1892—1908 гг.: (Из воспоминаний чиновника)//Былое. Пг., 1917. № 5—6 (27—28).
- Евно Азеф: История его предательства//Былое. Пг., 1917. № 2(24).
- Жуков А. Ф.* Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.
- Запрос об Азефе в Государственной думе. СПб., 1909.
- Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров: 1903—1917 гг. Л., 1978.
- Леонов М. И.* Левое народничество пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987.
- Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л., 1990.
- Николаевский Б.* [И.] Конец Азефа. Л., 1926.
- Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.
- Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.
- Памятная книжка социалиста-революционера. М., 1914. Вып. 2.
- Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.
- Программные документы политических партий и организаций. Хрестоматия для изучающих политическую историю XX в. М., 1990.
- Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.
- Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907.
- Протоколы первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908 г. Париж, 1908.
- Разоблаченный Азеф//Былое. Пг., 1917. № 2(24).
- Рутенберг П. М.* Убийство Гапона. Л., 1925.
- Савинков Б. В.* Избранное. М., 1990.
- Спиридович А. И.* Революционное движение в России в период империи. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916. Пг., 1918. 2-е изд.
- Revolution and politics in Russia: Essays in memory of B. I. Nicolaevsky. Bloomington, London, 1972.
- Schleifman N.* Undercover agents in the Russian revolutionary movement: The SR party 1902—1914. Oxford, 1988.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Б. И. Николаевский и «герой» его книги	3
От автора	22
Глава I. Разговор в поезде	26
Глава II. На заре «туманной юности»...	41
Глава III. На пути к большому плаванию	48
Глава IV. Основание партии социалистов-революционеров	56
Глава V. Азеф и Боевая организация при Гершуни	63
Глава VI. Охота за Плеве	75
Глава VII. Большой поход Боевой организации	96
Глава VIII. Два предателя	117
Глава IX. В дни революционных битв	136
Глава X. Измена Гапона	145
Глава XI. Примирение Азефа с Департаментом полиции	157
Глава XII. Герасимов и Столыпин — новые полицейские руководители Азефа	173
Глава XIII. Большой поход Азефа—Герасимова—Столыпина против Боевой организации	188
Глава XIV. Террор без Азефа	213
Глава XV. Дело о «заговоре против царя»	223
Глава XVI. Восстановление Боевой организации	236
Глава XVII. Летучий боевой отряд «Карла» и его гибель	247
Глава XVIII. Последняя игра Азефа	260
Глава XIX. Разоблачение	285
Глава XX. Заслуженный предатель на покое	302
Комментарии	318
Приложение. А. Гейфман. Три легенды вокруг «дела Азефа»	330
Указатель имен	362
Литература и источники	367

Научно-популярное издание

Борис Иванович Николаевский

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ:

Террористы и политическая полиция

Заведующий редакцией *М. Ф. Гржебин*
Редактор *Н. А. Федорова*
Младший редактор *Н. А. Полторацкая*
Художник *В. В. Гарбузов*
Художественный редактор *Е. Д. Косырева*
Технический редактор *Л. А. Муравьева*
Корректор *Л. А. Исаева*

ИЗ № 9519

Изд. № Риф-106. Сдано в набор 13.12.90. Подп. в печать 04.04.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 19,32 усл. печ. л. 19,32 усл. кр.-отг. 21,58 уч.-изд. л. Тираж 280 000 экз. Зак. № 701. Цена 6 руб.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Владимирская типография Госкомпечати СССР.
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

